

СОДЕРЖАНИЕ

Эпистолярные практики: гендерный и социальный аспекты		Epistolary practices: gender and social aspects
<i>Н.Ю. Бикеева</i>	7	<i>N.Yu. Bikeeva</i>
Письма св. Радегунды: социальные функции и риторика		The letters of St Rade- gund: social functions and rhetoric
<i>А.Б. Герштейн</i>	29	<i>A.B. Gerstein</i>
Послания императорской курии в XIII в.: границы и способы воздействия		The letters of the Imperial curia in the 13 th c.: limitations and ways of persuasion
<i>М.С. Неклюдова</i>	47	<i>M.S. Neklyudova</i>
О целесообразности лакун: «Тайная история» в переписке гуманистов (конец XVI – начало XVII в.)		On the expediency of lacunae: the <i>Secret</i> <i>History</i> in the humanists' correspondence
<i>А.Ю. Серегина</i>	69	<i>A.Yu. Seregina</i>
Репрезентации женской религиозности и эпистолярные практики в XVII в. (Луиса де Карвахаль и Мэри Уорд)		Representations of female piety and epistolary practices in the 17 th c. (Luisa de Carvajal and Mary Ward)
<i>А.В. Стогова</i>	92	<i>A.V. Stogova</i>
Особенности мужского эпистолярного общения в Англии II половины XVII в.		Epistolary communications of Englishmen in the second half of the 17 th c.

О.В. Хаванова Женщины-просительницы в контексте отношений патроната и корпоративной этики в монархии Габсбургов XVIII в.	121	O.V. Khavanova Women petitioners in the context of patronage and corporate ethics in the Habsburg monarchy of the 18 th c.
О.Р. Демидова Эпистолярная как материализация памяти: эмигрантский вариант	150	O.R. Demidova The epistolaria as the materialization of memory: the émigré version
Гендер и власть		Gender and power
С.А. Экштут Ох, Анна Львовна! Фрейлина Анна Львовна Бодде под надзором III отделения	168	S.A. Ekshtut Oh Anna L'vovna! Maid-of-honour Anna L'vovna Bode under the surveillance of the III Department
О.М. Морозова Ландыши и революционный террор: записки эсерки Введенской о 1918–1919 г. в Бердянске	191	O.M. Morozova The lily of the valley and the Terror: the memoirs of the socialist-revolutionary Vvedenskaya about the years 1918–1919 in Berdyansk
Гендерный ракурс социальной истории		Gender aspect of social history
Л.Л. Селиванова Бык, Александровский	216	L.L. Selivanova The 'Bull', the

верблюды и другие атлеты		‘Alexandrian Camel’ and other athletes
<i>В.А. Верременко</i>	241	<i>V.A. Veremenko</i>
«Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в.		“A fool in the house” – female domestic servants in the noble Russian families in the second half of the 19 th and in the early 20 th cc.
Гендерные репрезентации		Gender representations
<i>В.В. Высокова</i>	274	<i>V.V. Vysokova</i>
Эпоха просвещения и рождение историзма: Кэтрин Маколей против Дэвида Юма		The age of Enlightenment and the rise of historicism: Catherine Macauley vs David Hume
<i>А.М. Ермаков</i>	293	<i>A.M. Ermakov</i>
Гомофобия в советской антифашистской пропаганде 1930х гг.		Homophobia in the Soviet anti-Fascist propaganda in 1930s
Обзоры и рецензии		Reviews
<i>М.В. Михайлова</i>	322	<i>M.V. Mikhailova</i>
О женском взгляде на историю		On women’s view on history
Summaries	325	Summaries
Требования к авторам	330	Submission information

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ПРАКТИКИ: ГЕНДЕРНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Н.Ю. Бикеева

ПИСЬМА СВЯТОЙ РАДЕГУНДЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ И РИТОРИКА

Ключевые слова: Радегунда, Франкское королевство, письма, Фортунат, женский монастырь.

Аннотация: В статье рассматриваются роль и функции писем в жизни Св. Радегунды. Автор выделяет три группы писем: «очень личные», «инструментальные» и поэтические послания в Константинополь. Письма играли важную роль в жизни Радегунды. Благодаря им, она оказывала влияние на франкскую и внешнюю политику, приобретала реликвии, решала проблемы своего конвента, общалась с широким кругом влиятельных лиц и поддерживала «эмоциональные» дружеские отношения.

Как и любой вид человеческой деятельности, переписка развивалась постепенно по мере развития общества, приобретая определенные черты этого общества и впитывая дух соответствующего времени. Хотя становление переписки как особого эпистолярного жанра относят к Новому времени, люди писали письма и в предшествующие периоды. По своему характеру и назначению письма бывали разными и издавна служили средством общения и решения различных задач.

Применительно к эпохе раннего Средневековья, по нашему мнению, можно выделять «инструментальные» (т.е. написанные для решения различных политических, идеологических, дидактических, хозяйственных задач) и отправленные близким людям «эмоциональные» посла-

ния (в которых преобладала потребность сохранять и поддерживать родственные или дружеские связи). Правда, писем такого рода дошло до нас очень мало.

В раннее Средневековье грамотность подразумевала знание латыни. Поэтому большинство посланий эпохи Меровингов написаны на этом языке. От периода «темных веков» до нас дошли преимущественно письма, написанные мужчинами. Но мы вправе предположить, что те женщины, которые обладали навыками грамотности, также использовали письма для решения тех или иных своих задач. Например, с помощью писем, привилегированное меньшинство женщин могло усилить свое влияние на светских или духовных правителей благодаря силе письменного слова, бывшего важным инструментом политической и религиозной гегемонии¹.

Аудиторию женских посланий того времени представляли родственники, возлюбленные, дети, монастырские сестры, могущественные правители и покровители. Поскольку многие женщины (в отличие от мужчин) были ограничены в свободе передвижения, например, монахини², то, вероятно, письма играли для них важную роль в сохранении родственных и семейных уз, поддер-

---

¹ Некоторые из таких писем сохранились. Так, например, французский историк Бруно Дюмезиль в своей книге публикует тексты пяти посланий королевы Брунгильды, написанных ею для решения различных политических и дипломатических задач (Дюмезиль. 2012: 473-477). Кроме того, он приводит тексты десяти писем, которые Брунгильде адресовал папа Григорий Великий (Дюмезиль. 2012: 477-496). О том, что понтифик не только писал королеве письма, но и получал от нее ответные послания, следует из контекста писем Григория Великого к Брунгильде.

² По Уставу, написанному епископом Цезарием Арелатским в начале VI в., монахиням было запрещено выходить за стены монастыря.

жании эмоциональных связей и создании т.н. «сетей влияния»³.

Не случайно в последние десятилетия письма привлекают специалистов по гендерной истории. Изданный в 1993 г. сборник статей “Dear Sister: Medieval Women and the Epistolary Genre”, посвящен письмам средневековых женщин VI-XVI вв. Следует отметить, что периоду раннего Средневековья в нем посвящена только одна статья – «Радегунда и эпистолярная традиция»⁴, а остальной материал относится к более позднему периоду⁵.

По мнению авторов предисловия к данному сборнику⁶, общественные функции средневековых писем часто значительно перевешивают их роль в личном общении⁷. Женщины использовали письма, чтобы установить связь с теми, кто обладал властью, чтобы таким образом оказать влияние на решение политических, социальных и экономических вопросов.

Письма, представленные в этом сборнике, очень разные по форме, стилю, содержанию и аудитории, для которой они предназначались. Например, эпистолярный трактат Кристины Пизанской очень сильно отличается от более личных и повседневных посланий Маргариты

---

³ Под сетями влияния «понимаются межиндивидуальные связи между женщинами или формирующимися вокруг одной женщины» (см. Репина. 2009: 209)

⁴ Cherewatuk. 1993: 20-45. Об этой статье речь пойдет далее.

⁵ Героинями других статей стали Хильдегарда Бингенская, Элоиза, Екатерина Сиенская, женщины семейства Пастон, Кристина Пизанская, Мария де Хаут.

⁶ Cherewatuk, Wiethaus. 1993: 1-19.

⁷ На наш взгляд, нельзя забывать о том, что до нас дошли преимущественно «институциональные письма», а более «интимные» послания практически не сохранились. Поэтому об их количественном соотношении нам трудно судить.

Пастон членам своей семьи. По мнению Марселя Тибо, из всех форм письменных текстов, ни одна не была так удобна, необходима и доступна для женщин в Средние века, как письмо⁸. В отличие от ученых трактатов, письмо, как более личное средство общения, издавна привлекало женщин благодаря неформальному стилю и непосредственности, с которой они могли передавать свои идеи, желания и эмоции.

Действительно, в эпоху Средневековья женщины во многих областях публичной активности «занимали маргинальную позицию и находились под пристальным вниманием и контролем мужчин.... В целом возможности женщин на этом поприще, особенно в плане социального признания и значимости очень сильно уступали мужским. Одной из главных причин тому... была недоступность для женщин серьезного богословского образования, которое во многом определяло успешность в этом занятии мужчин. Не то чтобы женщины были безграмотны⁹, но «высокая» латинская образованность, предполагающая знание богословских тонкостей и опирающаяся на текстуализированную традицию, была им чаще всего недоступна»¹⁰.

Однако при написании писем женщины обладали определенной свободой. Главным было их умение писать, но не было необходимости в формальном образовании, в соблюдении правил написания традиционных (патриархальных по духу) литературных сочинений. Пишущие письма женщины были свободны от критики со стороны образованных мужчин.

Хотя нельзя не согласиться с мнением редакторов сборника «Dear Sister: Medieval Women and the Epistolary Genre», которые считают, что женщины внесли особый вклад в развитие эпистолярной традиции в средневеко-

---

⁸ Thiébaux. 1994: XIV.

⁹ В частности, в монастырях раннего средневековья уделялось большое внимание обучению монахинь чтению и письму.

¹⁰ Суприянович. 2008: 4-5.

вой Европе, подборка статей этого сборника позволяет изучить не столько сам эпистолярный жанр и его роль в средние века, сколько отдельных, хотя, безусловно, очень интересных и заслуживающих внимания, персонажей.

От периода раннего Средневековья до нас дошло очень мало писем, написанных женщинами. Но из этого не следует делать вывод, что переписка женщин с другими женщинами и мужчинами не была более широко распространена в это время. Дошедшие до нас тексты в основном написаны женщинами, обладавшими довольно высоким статусом в обществе. Эти письма знатных женщин, аббатис и других влиятельных персон, адресованные светским и духовным иерархам, сохранились в архивах монастырей, папского дворца и резиденций светских правителей. Некоторые послания дошли до нас благодаря раннесредневековым авторам, таким, например, как Григорий Турский, который в своей «Истории франков» цитирует несколько посланий своих влиятельных современниц – Брунгильды и Радегунды. Но в повседневной жизни, по всей вероятности, гораздо большее число женщин писало письма. В монастырях послушницы обучались грамоте; и в то время как выход за монастырские стены был им запрещен, монахини могли поддерживать родственные связи благодаря переписке.

В данной статье речь пойдет о письмах, принадлежащих перу «великого персонажа франкской истории»¹¹, одной из наиболее известных и влиятельных женщин эпохи Меровингов – королевы-монахини Радегунды. По меркам своей эпохи это была весьма образованная и

---

¹¹ Дюмезиль. 2012: 231.

утонченная женщина, получившая неплохое литературное и религиозное образование, редкое по тем временам, в особенности для женщин. Изучая основы христианской веры и латынь, она научилась писать и читать, что для того времени считалось высоким уровнем образования, до которого дотягивали не все короли. Об этом свидетельствуют современники Радегунды, в частности авторы двух ее духовных биографий – Венанций Фортунат и монахиня Баудонивия¹². Основав монастырь в г. Пуатье и удалившись туда, Радегунда использовала письма как средство общения с внешним миром.

Среди посланий этой женщины, на наш взгляд, можно выделить три группы. В первую могут быть включены очень личные записки, которые Радегунда писала своему близкому другу Венанцию Фортунату, одному из самых известных латинских поэтов и церковных писателей эпохи Меровингов. К сожалению, эти ее письма к Фортунату до нас не дошли. Об их существовании мы узнаем из немногих сохранившихся его ответных посланий к Радегунде, носящих очень личный характер. Например:

*«Ты посылаешь мне великолепные стихи
на небольших дощечках;
пустые ячейки которых назад возвращаешь,*

---

¹² Хотя склонность святого/святой к изучению священного писания была общим местом в агиографии, оба автора житий св. Радегунды заостряют на этом особое внимание. Фортунат пишет, что она «среди прочих занятий, подобающих ее полу, обучалась письму» (Venantius Fortunatus. 1888: 2). Баудонивия также указывает на склонность Радегунды к изучению священного писания. В тексте жития она пишет, что Радегунда постоянно читала священные тексты, даже ночью: «И в ночные часы, когда она должна была спать, она выбирала чтение» (Baudonivia. 1888: 9). Баудонивия также восхваляет Радегунду за ее стремление обучать монахинь чтению и письму.

*медом заполнив;
много яств для светлых праздников
ты подаешь,
но для меня более желанны твои послания,
чем кушанья:
стихи, что ты мне посылаешь,
полны приятных слов,
и этими словами соединяешь ты
наши сердца!»¹³*

Американский историк средневековой культуры и признанный специалист по истории эмоций Барбара Розенвайн выдвинула концепцию «эмоциональных сообществ», которые существуют и действуют по аналогии с сообществами социальными – семьями, гильдиями, церковными приходами и т.д.¹⁴ По мнению Розенвайн, эти «эмоциональные сообщества» имеют инструментальный характер, позволяя людям выбирать различные эмоциональные стратегии в зависимости от окружения. По всей вероятности, Радегунда, Венанций Фортунат, а также Агнесса (аббатиса монастыря св. Креста и «духовная дочь» Радегунды), образовали как раз такое «эмоциональное сообщество». И, по всей видимости, внутри него очень важную роль играли письма.

Далеко не все одобряли столь близкую дружбу Венанция Фортуната с Радегундой. Еще в начале VI в. Цезарий Арелатский, автор одного из первых уставов для женских монастырей¹⁵, предупреждал монахинь о недопустимости каких-либо отношений с мужчинами. Цеза-

---

¹³ “In breuibus tabulis mihi carmina magna dedisti, / Quae vacius ceris reddere mella potes... / Versiculot mittis placido sermone refectos, / In quorum dictis pectoral nostra ligas”. Venantius Fortunarus. 1881. Song 31: 290.

¹⁴ Rosenwein. 2002: 821-845.

¹⁵ Правила для монахинь «Regula sanctorum virginum» были написаны епископом Цезарием Арелатским в 512 году.

рий посвятил этой теме целый раздел своего Устава для монахинь, в котором предупреждает их о пагубных последствиях подобных контактов¹⁶. Слухи о дружеских взаимоотношениях Радегунды и Фортуната дошли до Цезарии Младшей, аббатисы женского монастыря Святого Иоанна в Арле. В своем письме к Радегунде, написанном приблизительно в 567 г., Цезария спрашивает ее о том, правдивы ли слухи об этой дружбе. Далее в письме Цезария убеждает Радегунду избегать всяческих контактов с мужчинами¹⁷, насколько это возможно («женщина, которая не избегает компании мужчин, потеряна, так или иначе»¹⁸). Для Радегунды и Фортуната переписка могла стать выходом из сложившейся ситуации. По всей вероятности, они надеялись сохранить содержание своей переписки в тайне. Фортунат не опубликовал их при жизни, так как считал их очень личными. Они были собраны и вышли в свет уже после его смерти¹⁹.

---

¹⁶ См.: Rudge. 2006: 59-67.

¹⁷ Исключением из этого правила, по ее мнению, могут быть представители духовенства. Но, в то время как Цезария писала это письмо Радегунде, Фортунат еще не был посвящен в сан священника. Это произошло позднее, вероятно в 576 г. благодаря поддержке Радегунды.

¹⁸ “Femina, que virorum familiaritatem non vitaverit, aut se aut alium cito perdet”. Caesaria. 1892: 452.

¹⁹ Еще в 70-е годы VI в. Венанций Фортунат по настоянию своего друга Григория Турского занялся публикацией своих стихотворных посланий. Книга VIII его стихов связана с монастырем св. Креста, основанным Радегундой. Здесь содержатся стихи, написанные на поставление аббатисой Агнессы, духовной дочери Радегунды, а также адресованные самой Радегунде и Григорию Турскому как покровителю общины св. Креста. Но почти все личные послания, адресованные Радегунде, не были туда включены. Они вошли в книгу XI, которая была опубликована после смерти автора.

Кроме «эмоциональных посланий» своему другу Радегунда писала и другие письма, которые носили, прежде всего, «инструментальный» характер. Они создавались с целью решения вопросов, связанных с управлением монастыря, обеспечением его безопасности, приобретением реликвий. В эту группу можно также включить послания Радегунды, которые были адресованы ее могущественным и влиятельным современникам, среди которых были светские и духовные лица. В частности ее адресатами были короли Сигеберт, Хариберт, Гунтрамн, Хильперик, епископы Герман Парижский, Григорий Турский, и др.

Григорий Турский в своей «Истории франков» приводит целиком некоторые из таких посланий. В письме, которое Радегунда отправила «всем епископам»²⁰ в 561 г., спустя некоторое время после смерти своего мужа короля Хлотаря I, она обосновывает написание этого «письма с просьбой»:

*«И так как я не могу сейчас предстать пред вами, то я в этом письме как бы, нав ниц, припадаю к вашим стопам и заклинаю во имя отца, сына и святого духа и страшным днем суда, да пощадит вас тиран, когда вы предстанете пред судом, а истинный царь венчает вас венцом»*²¹.

Далее в письме она объясняет причины, по которым основала монастырь:

«Некогда я по божественному провидению и по вдохновению божественного милосердия, руководимая Христом, согласуясь

---

²⁰ Возможно, это были епископы Евфроний Турский, Претекстат Руанский, Герман Парижский, Феликс Нантский, Домициан Анжерский, Викторий Реннский и Домнол ЛеМанский, которые писали письмо Радегунде в связи с основанием ее монастыря в Пуатье. Текст этого письма приводит Григорий Турский в своей «Истории франков» (Григорий Турский. 1987: IX, 39).

²¹ Григорий Турский. 1987: IX, 42.

со своим побуждением, освободилась от оков светской жизни и обратилась к монашеской жизни. Ревностно и от всей души заботясь о благе других, дабы с Божией помощью мои помыслы послужили на пользу остальным, я учредила в городе Пуатье девичий монастырь, который построил и приукрасил светлейший король Хлотарь. По основании монастыря я отдала туда в дар все то, чем меня одарил король по своей щедрости»²².

Как видно из текста письма, целью его написания было получение гарантий безопасности, благополучия для своего монастыря и сохранения там порядков, установленных ею:

«В случае моей смерти, если кто-либо – первосвященник сего города, либо должностное лицо, либо еще кто-нибудь другой попытается – чего, я думаю, не случится – нарушить спокойствие моей паствы недоброжелательным советом или судебным делом; или попытается нарушить устав, или захочет поставить другую аббатису вместо сестры моей Агнессы, которую благословил блаженнейший Герман в присутствии своих братьев; или сами монахини, что, правда, вряд ли может быть, подняв ропот, попытаются изменить порядки; или какое-нибудь лицо или епископ самого города захочет, используя новые преимущества, которых не имели при моей жизни предшественники этого епископа или другие епископы, добить какой-либо власти над монастырем или претендовать на имущество монастыря; или кто попытается, нарушив устав, уйти из монастыря или унести что-либо из вещей монастыря, пожалованных мне светлейшим государем Хлотарем и светлейшими королями, сыновьями его, и которые я с его особого разрешения передала в пользование монастырю и на которые я получила подтверждение благородных королей Хариберта, Гунтрамна, Хильперика и Сигеберта, скрепленное их клятвой и подписями; или какой-либо король, или епископ, или чиновник, или какая-либо из сестер-монахинь осмелятся взять и посягнуть на то, что принесли ради спасения своих душ другие или выделили из своего имущества другие сестры, или попытаются присвоить все это безбожным образом, - пусть всех их, вслед за гневом божьим, по моей молитве и по воле Христовой, покарает ваша

---

²² Григорий Турский. 1987: IX, 42.

святость и святость преемников ваших так, чтобы они как разбойники и грабители бедных были лишены вашей милости. ... Если же – да не будет сего! – кто-нибудь вопреки божьей воле и власти королей пожелает изменить вышеприведенные пункты заветания, врученные вам со смиренной мольбой пред богом и его святыми, или захочет в монастыре нанести вред кому-либо или имуществу и попытается причинить зло упомянутой сестре моей, аббатисе Агнессе, пусть того постигнет суд божий, святого креста и блаженной Марии и пусть блаженные исповедники Иларий и Мартин, кому после бога я передала для защиты моих сестер, сами выступают обвинителями и карателями»²³.

Далее Радегунда просит, или скорее требует, чтобы местный епископ обратился к королю или к представителям светской знати Пуатье, если монастырь подвергнется какой-либо опасности в будущем. Для опасений и беспокойства Радегунды имелись достаточно веские основания. Монастырь Св. Креста, основанный ею, был достаточно крупным²⁴, богатым и могущественным. Контролируя такой конвент (в том числе, назначая новых аббатис и присваивая земли монастыря), любой король или епископ мог значительно усилить свои позиции. Из «Истории франков» Григория Турского известно о том, что в 590 году, спустя всего два года после смерти его основательницы Радегунды, монастырь подвергся нападению и разграблению²⁵. При разрешении этого конфликта епископы апеллировали к данному письму Радегунды, которое, как следует из текста самого письма, хранилось в архиве церкви:

«И слезно молю, чтобы эта моя просьба, подписанная собственноручно, сохранилась в общем архиве церкви, чтобы ко-

²³ Григорий Турский. 1987: IX, 42.

²⁴ В Житие Баудонивии сказано, что смерть Радегунды оплакивало более 200 монахинь: Baudonivia. 1888: 21-22.

²⁵ Григорий Турский. 1987: X, 15-16.

гда будет необходимость моей сестре аббатисе или всем монахиням попросить у вас помощи в защите от нечестивых людей, то вы по вашему милосердию и благочестию с пасторской заботой предоставили бы ее им, и чтобы они [монахини] не говорили, что я оставила без помощи тех, которым бог уготовил вашу милость».

Не смотря на то, что Радегунда в письме «умоляет», «слезно просит», «припадает к стопам» и т.п., эти выражения не должны вводить нас в заблуждение, что его автор – смиренная просительница. Тон письма достаточно требовательный, а в конце послания она заявляет:

«Если вы удостоите выполнить мое последнее желание, вы послужите господу, чей завет вы исполняете...».

Это письмо доказывает, что монастырь был для Радегунды не просто духовной обителью, а настоящим домом. Интересно, что в письме самое часто упоминаемое имя – это монахиня Агнесса, о которой Радегунда «заботилась с самого раннего возраста как о своей дочери»²⁶, а затем, пользуясь своей властью, назначила ее аббатисой монастыря. Письмо Радегунды епископам является своего рода завещанием. Как любящая мать, она обеспечивает будущее Агнессы, оставив ей в наследство богатый монастырь. В письме королева-монахиня пытается предусмотреть все возможные проблемы, которые могут выпасть на долю аббатисы Агнессы: она требует от епископов суровой кары для тех, кто «захочет поставить другую аббатису вместо сестры моей Агнессы...», или «попытается причинить зло упомянутой сестре моей, аббатисе Агнессе», а также «заклинает королей..., чтобы они приказали управлять монастырем аббатисе Агнессе под их покровительством и защитой»²⁷. Таким образом,

---

²⁶ Григорий Турский. 1987: IX, 42.

²⁷ Григорий Турский. 1987: IX, 42.

это письмо с просьбой «всем епископам» отражает личные потребности и привязанности самой Радегунды.

С помощью таких «инструментальных» писем (и богатых подношений) Радегунда старалась приобрести влиятельных союзников в лице епископов и королей. Например, когда король Хлотарь отправился в Тур вместе со своим сыном Сигебертом (вероятно в 558 или 560 гг.²⁸), намереваясь вернуть обратно к себе во дворец оставившую его Радегунду, то она, в поисках защиты, написала письмо епископу Герману Парижскому, который сопровождал Хлотаря в этой поездке. Письмо было доставлено адресату вместе с богатыми дарами ее посланником Прокулом. Получив письмо и дары, епископ Герман ходатайствовал за Радегунду перед королем и, в конце концов, уговорил его изменить свое решение²⁹.

Известно, что Радегунда в своих посланиях не ограничивалась только интересами своего монастыря, она стремилась активно влиять на политику франкских королей и знати, способствовать заключению перемирий между ними во время междоусобиц. И письма играли очень важную роль в ее миротворческой деятельности.

Как видно из текста жития Радегунды, написанного Баудонивией, она посылала письма меровингским правителям, сыновьям Хлотаря I, и пыталась содействовать заключению перемирий между ними:

«Поскольку она любила всех королей, она молилась о жизни каждого и учила нас молиться без перерыва о благополучии [их королевств]. Всякий раз, когда она слышала, что они обратились друг против друга с ненавистью, она была сильно обеспокоена этим и посылала письма ко всем соперникам [умоляя их] не вести войну и не братья за оружие друг против друга, но

²⁸ О датировке этого события см.: McNamara. 1992: 62, 89, note 90.

²⁹ Baudonivia. 1888: 7.

*заклучить мир так, чтобы страна не погибала. Таким же образом, она посылала своих людей, чтобы передать благотворные советы прославленным королям».*³⁰

Однако, больших успехов ее миротворческая деятельность не имела, поскольку междоусобицы во франкском королевстве 60-80 гг. VI в. не прекращались. Тем не менее, письма позволяли ей не только напоминать о себе, но и поддерживать свой авторитет среди франкской знати.

Радегунда переписывалась не только с влиятельными мужчинами, но и с женщинами. Известно, что она обратилась к аббатисе Цезарии из монастыря св. Иоанна в Арле с просьбой прислать ей устав для своих монахинь³¹, поскольку она не могла рассчитывать на помощь Маровея, епископа Пуатье³².

Письмо Цезарии начинается с теплого приветствия, далее в нем содержатся указания важности соблюдения более строгой дисциплины и правил внутримонастырской жизни. Судя по тексту письма, Цезария была достаточно хорошо осведомлена о происходящем в монастыре Радегунды, о жизни послушниц. Она знала и том, какими средствами располагала Радегунда, сколько бедных и обездоленных женщин проживало в данном конvente. Именно Цезария в этом письме настоятельно рекомендовала Радегунде уделять большое внимание обучению монахинь чтению и письму. Также в письме содержались достаточно строгие предписания о необхо-

---

³⁰ Baudonivia. 1888: 10.

³¹ Григорий Турский. 1987: IX, 40.

³² Епископ Пуатье Маровей был очень недоволен большим духовным влиянием Радегунды на его епархию. А поскольку монастырь св. Креста не входил в его юрисдикцию, это еще больше усиливало враждебность Маровея по отношению к Радегунде и ее конвенту.

димости соблюдать посты и ограничивать себя в пище в обычные дни. Тем не менее, Цезария предостерегала Радегунду от чрезмерного воздержания в пище:

«Я узнала, что вы чрезмерно поститесь. Действуйте разумно во всем... Богу не будет угодно, если вы в результате заболаете... Прислушайтесь к тому, что Христос сказал в Евангелии: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека»... И к словам Апостолов: «Любая форма почитания Бога должна быть разумной»³³.

Письмо Цезарии помогает нам лучше понять реалии жизни монастыря св. Креста в Пуатье. Этот «взгляд со стороны» добавляет новые штрихи и к портрету самой Радегунды. Тем не менее, этому письму, как и другим «инструментальным» посланиям Радегунды практически не уделено внимания в историографии.

Гораздо больший интерес у исследователей вызывают поэтические послания, написанные от лица Радегунды. Одно из них адресовано византийской императорской чете³⁴, два других – ее родственникам, проживавшим в Константинополе, – двоюродному брату Амалафреду³⁵ и племяннику Артахию³⁶, последним уцелевшим представителям королевской семьи Тюрингии³⁷, которая была захвачена франками в 531.

---

³³ Цит. по: Schulenburg, 1998: 383-384.

³⁴ Приблизительно в 568 г. (Дюмезиль, 2012: 145), Радегунда обратилась к императору Юстину II и императрице Софии с просьбой выслать ей частицу Святого Креста. Получив реликвию, Радегунда отправила в ответ благодарственную поэму.

³⁵ «О разорении Тюрингии» (“De Excidio Thoringiae”). Радегунде не было известно, что к тому времени Амалафред уже умер.

³⁶ «К Артахию» (“Ad Artachis”).

³⁷ Радегунда была дочерью тюрингского короля Бертахара. Она была одной из немногих, кто избежал гибели, постигшей ее народ и близких при нашествии франков.

По поводу авторства этих стихотворных посланий в историографии нет единого мнения. Поскольку эти тексты были опубликованы в приложении к книгам стихов Фортуната, до 80-х гг. XX века традиционно считалось, что он и был их автором, хотя они написаны от лица Радегунды³⁸. Но в последние десятилетия наметился пересмотр этой точки зрения. Такие авторы как Петер Дронке³⁹, Джо Энн Макнамара⁴⁰, Марсель Тибо⁴¹, и Карен Черевотак⁴², не сомневаются, что эти письма были написаны самой Радегундой. Они считают, что это «женские» тексты, исходя из их стиля и обилия эмоций в этих письмах.

Английский историк и специалист по средневековой литературе Карен Черевотак посвятила этому вопросу специальную статью⁴³. Она считает, что Радегунда в стихотворных посланиях «О разорении Тюрингии» и «К Артахию» умело соединила образы и риторические приемы классической поэзии с германской поэтической традицией, поскольку хорошо разбиралась в классической и германской поэзии. При этом автор статьи сетует, что собственный голос Радегунды практически невозможно различить в этих поэмах, поскольку она постоянно использует литературные клише и риторические приемы. Однако у читателя статьи может возникнуть вопрос, откуда у Радегунды столь глубокие познания риторики и

---

³⁸ Вероятно первым, кто предположил, что Радегунда могла сама написать эти поэмы, был французский филолог и переводчик Чарльз Нисард (Nisard. 1888: 1-6).

³⁹ Dronke. 1984: 298.

⁴⁰ McNamara. 1992: 65-70.

⁴¹ Thiébaux. 1994: 90.

⁴² Cherewatuk. 1993: 20-45.

⁴³ Cherewatuk. 1993: 20-45.

классической поэзии? Хотя источники сообщают, что она получила очень хорошее образование, но вероятнее всего, речь может идти о навыках чтения и письма, изучении Священного писания и трудов отцов церкви.

Конечно, в VI веке во франкских королевствах авторитет римской культуры, в частности, Овидия, еще был велик. По мнению историков, среди элиты раннесредневековой Европы сохранялась римская литературная культура⁴⁴. Например Хильперик, внук Хлодвига, добавил четыре новые буквы к латинскому алфавиту, увлекался литературой и даже сочинял стихи, которые сдержанно хвалил Фортунат⁴⁵, а Григорий Турский, наоборот, отнесся к ним с пренебрежением⁴⁶.

Тем не менее, представляется сомнительным столь глубокое знание Радегунды римской риторики, несмотря на ее образованность и любовь к чтению. Фортунат, восхвалявший ее интеллектуальные способности не только в Житии, но и в своих стихах, не упоминает о ее любви к римским поэтам⁴⁷. В то же время сам Фортунат получил прекрасное образование в лучших риторических школах Италии. Поэтому, нам кажется более вероятным, что

---

⁴⁴ Лебек. 1993: 100-103.

⁴⁵ Venantius Fortunatus. 1881. Carmina. IX. 1: 109.

⁴⁶ Григорий Турский. 1987: V, 44.

⁴⁷ Венанций Фортунат утверждает, что своим умом Радегунда превзошла даже образованных женщин из окружения Св. Иеронима, таких как Мелания, Фабиола, Евстохия и др. В стихах, посвященных Радегунде, Фортунат также приводит список авторов, которых она любила читать: Григорий Назианзин, Василий Кесарийский, Афанасий Александрийский, Иларий Пиктавийский, Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Августин Аврелий, Целий Седулий, Павел Орозий (Venantius Fortunatus. 1881. Carmina. T. II. Bk. VIII. Ch. 1). Как видно, в круг чтения Радегунды входили труды Отцов церкви, а не произведения римских поэтов.

письма в Константинополь были написаны Фортуна-
том⁴⁸. Однако нельзя полностью исключать и участие
Радегунды в подготовке этих писем. В частности, она
могла поделиться с Фортуна-том своими воспоминания-
ми о тех событиях.

Французский историк Бруно Дюмезиль также счита-
ет, что составление поэтических посланий в Констан-
тинополе, написанных от лица Радегунды, было поруче-
но Фортуна-ту⁴⁹. Вероятно, поэтому Венанций Фортунат
и приехал в Пуатье, где познакомился с ней. С этого со-
трудничества, судя по всему, и началась их почти два-
дцатилетняя дружба.

По мнению Дюмезиля, в этих посланиях имелся
второй план, рассчитанный на византийских чиновни-
ков, поскольку было ясно, что они обязательно посмот-
рят документ⁵⁰. В письме к Амалафреду «О разорении

---

⁴⁸ Р. Шмараков отмечает чуткость, с которой Фортунат относится к
женщинам в своих стихах: «это понимание чужих чувств дает ему
возможность превратить такое школьное упражнение, как этопо-
эзия в эмоциональную разработку женской психологии... в “Разорении
Тюрингии”» (Шмараков. 2009: 23).

⁴⁹ По мнению Б. Дюмезиля, Фортуната направил в Пуатье с целью
помочь составить письмо византийской императорской чете франкский
король Сигеберт I, который в 568 г. пытался восстановить мирные от-
ношения с империей. Радегунда, пожелавшая как раз в это время
получить от императора для своего пуатевинского монастыря реликвию
св. Креста, предоставила Сигеберту удобную возможность для этого
(Дюмезиль. 2012: 145-146). Поэтому, когда королева-монахиня
написала Сигеберту письмо с просьбой позволить ей послать клириков
в Константинополь, король поспешил согласиться (см. об этом:
Григорий Турский. 1987: IX. 40, Vaudonivia. 1888: 16).

⁵⁰ Карен Черевотак считает, что Радегунда написала поэмы «о Разо-
рении Тюрингии» и «К Артахию» своим родственникам в Константи-
нополе в надежде, что они поддержат ее просьбу о приобретении рели-
квии у императорской четы.

Тюрингии» старательно описываются бедствия, которые франки способны причинить врагам. При этом говорится, что меровингские короли питают к Радегунде почти сыновнюю любовь:

*«Препоручи меня властителям франков, молю я,
Кои, как мать, чтут во благочестье меня»⁵¹*

В результате переписки, Радегунда получила для своего монастыря частицу Святого Креста⁵². Интересно, что Юстин II, чтобы «не создать впечатление, что дипломатические контакты с франками восстановлены официально, основные шаги... поручил сделать своей жене, императрице Софии»⁵³, которая и направила Радегунде запрошенную реликвию, помещенную в роскошный ковчежец, центральная часть которого сохранилась до сих пор. Частица Святого Креста был установлена в ее монастыре в 569 г. В честь этого события Фортунат сочинил гимны “Vexilla regis prodeunt” и “Pange lingua gloriosi”⁵⁴, которые до сих пор используются в католическом богослужении.

В ответном письме, которое написано от имени Радегунды, она благодарит императора Юстина II и императрицу Софию за реликвию. В этом послании особенно подчеркиваются высокие достоинства императрицы, «ведь дипломатические связи римлян и варваров во многом поддерживались через женщин»⁵⁵.

---

⁵¹ “Ut me commendes Francorum regibus oro,/ qui me materna sic pietate colunt”. (Venantius Fortunatus. 1881. De Excidio Thoringiae: 165-166). В данном случае мы использовали перевод, сделанный Р.Л. Шмараковым (Фортунат Венанций. 2009: 184).

⁵² Григорий Турский. 1987: IX, 40.

⁵³ Дюмезиль. 2012: 145.

⁵⁴ McNamara. 1984: 63.

⁵⁵ Дюмезиль. 2012: 146.

Таким образом, письма играли заметную роль в жизни Радегунды. С их помощью она, не покидая своего монастыря, могла оказывать влияние на политику меровингских правителей (в том числе международную), устраивать монастырские дела, общаться с широким кругом лиц, а также поддерживать «эмоциональные» дружеские связи.

Эти послания, в которых Радегунда на равных (или почти на равных) общается с мужчинами, указывают не только на высокий статус их отправителя, но также на гибкость гендерных ролей в этот переходный период.

Наталья Юрьевна Бикеева
к.и.н, доцент Кафедры всеобщей истории К(П)ФУ
+7(927)4154459
binata@rambler.ru

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Григорий Турский. 1987 – Григорий Турский. История франков / Пер с лат. В.Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. 464 с.

Венанций Фортунат. 2009. – Венанций Фортунат. Избранные стихотворения / Пер. с лат., вст. Статья, комментарии, Р.Л. Шмаракова. М.: Водолей, 2009. 280 с.

Baudonivia. 1888 – Baudonivia. De Vita Sanctae Radegundis. Liber II / Ed. Bruno Krush // Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum merovingicarum. Hannover, 1888. Vol. 2. P. 377-395.

Caesaria. 1892 – Caesaria. Monumenta Germaniae historica: Epistolae. Vol.3. Berlin, 1892. P. 450-453.

Venantius Fortunatus. 1881 – Venantius Fortunatus. Opera Poetica / Ed. Fridericus Leo. // Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum. Vol. 4, part 1. Berlin: Weidmann, 1881.

Venantius Fortunatus. 1888 – Venantius Fortunatus. De Vita sanctae Radegundis Liber I / Ed. Bruno Krush // Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum merovingicarum. Hannover, 1888. Vol. 2. P. 364-376.

ЛИТЕРАТУРА

Дюмезиль. 2012. – *Дюмезиль Б.* Королева Брунгильда. / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. СПб.: ЕВРАЗИЯ. 2012.

Лебек. 1993. – Лебек С. Происхождение франков. V-IX века. Т.1. Москва: «Скарабей», 1993.

Репина. 2009. – *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е. испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 320 с.

Суприянович. 2008 – *Суприянович А.Г.* Женская идентичность и средневековая мистика: опыт гендерного анализа. М.: ИВИ РАН, 2008. 240 с.

Шмараков. 2009. – *Шмараков Р.* Фортунат Венанций. Избранные стихотворения / пер. с лат., вст. Статья, комментарии, Р.Л. Шмаракова. М.: Водолей, 2009. 280 с.

Cherewatuk, Wiethaus. 1993. – Cherewatuk K., Wiethaus U. Introduction: Women Writing Letters in the Middle Ages / Ed. by K. Cherewatuk and U. Wiethaus. Philadelphia, 1993. P. 1-19.

Cherewatuk. 1993. – Cherewatuk K. Radegund and Epistolary Tradition // *Dear Sister: Medieval Women and the Epistolary Genre* / Ed. by K. Cherewatuk and U. Wiethaus. Philadelphia, 1993. P. 20-45.

Dronke. 1984. – *Dronke P.* Women Writers of the Middle Ages: A Critical Study of Texts from Perpetua to Marguerite Porete. Cambridge, 1984.

McNamara. 1992. – *McNamara J. A.* Sainted Women of the Dark Ages / Ed. and transl. by Jo Ann McNamara and John E. Halborg with Gordon Whatley. Durham; L., 1992.

Nisard. 1888. – *Nisard Ch.* Des poésies de sainte radegonde attribués jusqu'ici à Fortunat // *Revue historique*. V.37. 1888. P. 1-6.

Rosenwein. 2006. – *Rosenwein B.* Worrying about Emotions in History // *American historical review*. 2002. Vol. 107. № 3. P. 821-845.

Rudge. 2006. – *Rudge L.* Texts and contexts: Women's dedicated life from Caesarius to Benedict. Submitted for the degree of PhD at the University of St Andrews, 2006. P. 59-67. Доступно в электронном виде по адресу: <http://research-repository.st-andrews.ac.uk/bitstream/10023/312/6/PhDthesis.pdf>

Schulenburg. 1998. – *Schulenburg J.T.* Forgetful of their sex: female sanctity and society, ca. 500 – 1100. Chicago, University of Chicago Press, 1998.

Thiébaux. 1994. – *Thiébaux M.* The Writings of Medieval Women: an anthology / translations with introductions by Marcelle Thiébaux. NY; L., 1994.

А.Б. Герштейн

ПОСЛАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА XIII В.: ГРАНИЦЫ И СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: послания, риторика, стиль письма, германская империя, императорская канцелярия, коммуникация, Средние века.

Аннотация: В статье изучаются послания германского императора Фридриха II Штауфена в первой половине XIII в. как способ распространения идей о власти, а также об интеллектуальном противостоянии светского правителя и римской курии. Изучается, кто и как участвовал в составлении писем императорской канцелярии, исследуется их форма, стиль, содержание, и то, как они изменялись в зависимости от адресата. Перечисляются функции посланий и определяются границы воздействия на читателя. Пристальное внимание уделяется диалогу идей, способам убеждения, соревнованию двух дворов, которые получили отражение в письмах.

Период классического Средневековья в западноевропейской истории – это время, когда обмен посланиями был делом немногих хорошо образованных людей, которые не только владели искусством писать письма, но и имели при этом понимающего адресата. Значительная часть сведущих в этом деле людей концентрировалась около дворов правителей, светских и духовных, помогая властям предрержащим в составлении текстов посланий – как с чисто технической стороны, так и в идейном плане.

Изучение эпистолярных практик при дворе германского императора Фридриха II Штауфена (1194-1250) предполагает исследование процесса составления письма, его адресатов, изучение круга распространения текста, его содержания, стиля, иногда даже тона, жанра, функций, особенностей диалога между отправителем и читателем(ями), рецепции написанных

идей и специфики ответа на императорские послания. Соответственно, в кругу вопросов, которые мы можем задать такому источнику, выделяются те, что связаны с репрезентацией власти. Именно они будут освещены в этой статье. Это крайне важная тема для любой власти – каким образом она конструирует свой образ. Именно для средневекового периода, когда способов коммуникации и воздействия на людей было не так много, эпистолярный дискурс был главным каналом передачи информации о правителе. Сравнительно небольшие по объему рукописные послания, рассылаемые сразу в несколько мест (ко двору королей, князей, архиепископов, адресованные городу), были самым быстрым средством средневековой коммуникации и потому обладали возможностью непосредственно влиять на взгляды и настроения в обществе, на текущую политическую ситуацию. В посланиях власть выстраивает свой образ для разных слоев общества, для других правителей; в какой-то мере это еще и саморепрезентация. В некотором роде послания – это и автобиографический источник – хотя бы в том смысле, что по текстам посланий можно понять, что и как власть говорит о себе самой и какой хочет казаться.

Эпистолярное наследие императорской канцелярии сложно классифицировать как один единственный вид исторического источника: сюда относятся акты, манифесты, бюллетени, грамоты, дипломатические послания, приказы, распоряжения, циркуляры, редко – письма личного характера. В любом случае мы имеем дело с источниками официального происхождения. Причем публичных характер этих посланий осознавал как отправитель, так и получатель¹, и это безусловно накладывало отпечаток на содержание и стиль текста.

Авторство посланий Фридриха II условно. Тексты на пергамене выходили из императорской канцелярии, были скреплены печатью правителя. В *Intitulatio* посланий отраже-

---

¹ Не в последнюю очередь это связано и с практикой чтения посланий.

но, что письмо составлено от имени императора; здесь же указываются титулы правителя и земли, над которыми он властвует:

«Фридрих, милостью Божьей император Римлян, вовеки августейший, король Сицилии и Иерусалима»², «Фридрих, спешествующей милостью Божьей избранный император Римлян и вовеки августейший, король Сицилии»³.

Сам император не был, разумеется, писцом, не был он и диктатором: он определял общую направленность текста послания и его смысл⁴. «Соавторов» посланий Фридриха II можно условно разделить на две группы: писцы и «спичрайтеры». Если по образцам почерка писем можно точно определить, кто писал тот или иной документ, то авторство идей в письмах Фридриха вычислить сложнее. Однако кое-что можно реконструировать по стиливым особенностям текста, по характеру аргументации.

Существуют исследования о почерках фридриховских писем, посвященные влиянию писцов и составителей документов Фридриха на итоговый текст. При этом рассматривается также эволюция стилистических и оформительских особенностей посланий с подписью императора Фридриха II.⁵ Работа П. Цинсмайера способствовала уточнению круга тех, кто работал в канцелярии Фридриха II, но сведения о людях, трудившихся там, все же отрывочны. Известно только, что с 1212 по 1235 гг. логофетом⁶ был Андрес де Таранто⁷. Кто за-

---

² «Fridericus Dei gratia Romanorum imperator semper augustus, Ierusalem et Sicilie rex». См. напр.: Const. 1896: 205.

³ «Fredericus divina favente clementia Romanorum imperator electus et semper augustus, rex Sicilie». Const. 1896: 54.

⁴ Steinen. 1923: 3.

⁵ Zinsmaier. 1974: 134-166; Schaller Н.М. 1957: 207–286; 1958: 264-327; Delle Donne. 1992: 153-164.

⁶ Административная должность, заимствованная из Византии. Великий логофет был хранителем печати и главным секретарем канцелярии правителя.

⁷ Zinsmaier. 1974: 143.

нимал этот пост за ним до 1243 г. – не установлено. Должность протонотария⁸ в 1222-1224 гг. принадлежала аббату Иоанну фон Касамари⁹. В 1237 г. в документах фигурирует имя епископа Зигфрида Ренегсбургского как начальника курии императорского двора¹⁰. Также среди доверенных лиц Штауфена, создававших образы власти, выделялся Фаддей Суэсский, судья Великой курии Фридриха II, который был послан в 1245 г. как представитель германского императора на исключительно важный для правителя Вселенский собор в Лионе.

Особенно важную роль в формировании стиля и содержания посланий Фридриха играл Пьетро делла Винья¹¹ (ок. 1190 - 1249). Выпускник Болонского университета, он стал в 1220 г. нотарием, а с 1224 г. занял должность судьи Великой курии императора. В 1230-1231 гг. принимал участие в составлении «Мельфийских конституций». В 1245 г. Пьетро делла Винья входил в состав посольства к Людовику IX Святому. В 1243 г., когда папой римским был избран юрист Синибальдо Фиески, Пьетро делла Винья стал протонотарием – главой императорской канцелярии, а также советником Фридриха как латинский стилист и юрист. Его выдвижение при дворе императора несомненно связано с новыми веяниями в папской курии. Вполне понятно, что император хотел привлечь на свою сторону человека, который будет достойно противостоять аргументам понтифика-юриста. Фактически с этого времени его можно назвать правой рукой Штауфена. Именно с 1243 г. в письмах Фридриха появляется гораздо больше правовых аргументов, что исследователи относят к влиянию Пьетро делла Винья. Помимо эпистолярного собрания его перу принадлежат злые сатиры на духовенство и сти-

---

⁸ Глава императорской канцелярии.

⁹ Zinsmaier. 1974: 143.

¹⁰ См. напр.: HD. 1857. V. 5: 29.

¹¹ Подробнее о нем см. напр.: Бильбасов. 1901; Huillard-Bréholles. 1864; Durand I. 1851; Balthgen. 1955.

хи. Опубликованы более тысячи посланий, которые он составил в канцелярии императора¹².

Таким образом видно, что над составлением посланий Фридриха II трудился далеко не один человек, и иногда роль самого Штауфена в создании того или иного письма невозможно установить. Однако при этом обязательно иметь в виду, что император тщательно выбирал тех, кому он мог позволить составлять послания от его имени. И в этом предпочтении того или иного интеллектуала из своего окружения в тех или иных обстоятельствах, безусловно, проявляется его политический талант и расчет.

Адресаты посланий императора могли быть прямыми и косвенными. В первом случае, согласно установленной формуле документа, имена получателей шли сразу за *Intitulatio*¹³. Эта часть документа называлась *Inscriptio*¹⁴. Завершалась протокольное введение приветствием для адресатов, *Salutatio*¹⁵. Значилось ли в части *Inscriptio* только одно имя, или получателей императорского послания было несколько, важно понимать – и это осознавалось участниками написания и чтения писем – что идеи, высказанные в письменном тексте, распро-

---

¹² См.: Schaller. 2002.

¹³ См. примеч. 2 и 3.

¹⁴ *Inscriptio* выделена курсивом: «Fr. Dei gratia Romanorum imperator semper augustus, Ierusalem et Sicilie rex prelati ecclesiarum, marchionibus, comitibus, capitaneis, vavassoribus, potestatibus, consiliis, rectoribus, comunitatibus et universis per Tusciam et ab Amelia usque Cornetum ac per Maritimam constitutis, fidelibus suis, gratiam suam et bonam voluntatem». (Фр[идрих], милостью Божьей император Римлян, во веки августейший, король Сицилии и Иерусалима, прелатам Церкви, маркграфам, графам, капитанам, вальвассорам (vavassor - от позднелат. *vassus vassorum* - вассал вассалов; они имели сюзерена (например, барона), с одной стороны, и собственных вассалов, с другой. - А.Г.), подеста, советам, управляющим, коммуна и всем в Тоскане и от Америи и Тарквинии, а также в приморских поселениях, верным своим — наше приветствие и наилучшие пожелания). Const. 1896: 373.

¹⁵ См. выше, подчеркнутый текст.

странялись на широкий круг лиц, доводились до сведения максимально большего числа подданных императора. К косвенным адресатам посланий императорской канцелярии мы с полным правом можем отнести папскую курию, которая весьма ревностно следила за шагами Фридриха II, его политическими амбициями, теми идеями о власти, которые он выражал в первую очередь в своих посланиях. Поэтому даже когда письма Штауфена не были напрямую адресованы понтифику, до него все равно доходили сообщения о содержании писем императора. Этому могли способствовать устная традиция, пересказ императорских текстов канцеляриями других правителей, которым напрямую письмо было адресовано. Весьма эффективным каналом передачи информации был институт папских нунциев.

В качестве примера можно привести ситуацию накануне официального опубликования Фридрихом свода законов для Сицилийского королевства – «Книги Августа» (*Liber Augustalis*). В тексте постановлялось, в частности, что император не связан законами¹⁶. Кроме этого, Фридрих указывал, что римский народ, согласно *lex regia*, передал всю полноту власти принцепсу¹⁷ – в традиции выборности должности германского императора ссылка на этот античный царский закон

---

¹⁶ Эти формулы «*princeps legibus solutus*» («правитель не связан законами») и «*princeps legibus alligatus*» (правитель ограничен законами), были известны юристам со времен Юстиниана и базировались на *lex regia* (царский закон) и *lex animata* (одушевленный закон). Таким образом, император не был связан законами и в то же время был подчинен законам. См.: Kantorowicz. 1957: 104-105. Именно через такие категории интерпретировалось положение «*Cesar iustitiae pater et filius, dominus et minister...[est]*». (Цезарь — отец и сын правосудия, его господин и слуга). См.: KS. 1996: 85.

¹⁷ «...*legis ius et imperium in Romanum principem lege regia transtulere Quirites...*» – «По царскому закону Квириды передали принцепсу право сочинять законы и всю полноту власти». KS. 1996: 185. См. также: Wolf. 1969: 4.

призвана была подчеркнуть, что в XIII в. власть императора римлян исходит не от епископа Рима.

Император очень хотел ввести законы в действие в августе 1231 г.¹⁸, в том числе и по символическим причинам: то, что «Книга августа» была бы опубликована в месяц, названный в честь античного императора Октавиана, словно подкрепляло бы притязания Штауфена, придав «Мельфийским конституциям» не только законодательную силу, но и осуществив символическую трансляцию власти от античной империи к средневековой.

Папский двор внимательно следил за развитием законотворческих инициатив императора. 5 июля 1231 г., еще до официального издания «Мельфийских конституций», Григорий IX направил Фридриху письмо, в котором предостерегал того от столь опрометчивого шага, как публикация текста с подобным содержанием.

«Мы узнали, что ты, по собственному ли побуждению или совращенный безрассудными советами дурных людей, собираешься издать новые конституции, из [содержания] которых неминуемо следует, что тебя назовут гонителем Церкви и общественной свободы. Ты роешь яму сам себе. Если ты действуйешь по собственной воле – мы весьма опасаемся, что Господь лишил тебя своей милости, ибо ты столь явно пренебрегаешь заботой о своей репутации и своем спасении. Если же это инициатива других – мы диву даемся, что ты терпишь таких советников, которые развращены духом порока и хотят сделать тебя врагом Бога и людей...»¹⁹

¹⁸ KS. 1996: 4-9 ff. См. также: Schaller. 1974: 121.

¹⁹ «Intelleximus siquidem, quod vel proprio motu vel seductus inconsultis consiliis perversorum, novas edere constitutiones intendis, ex quibus necessario sequitur, ut dicaris ecclesie persecutor et obrutor publice libertatis, sicque tibi contrarius contra te tuis viribus moliaris... Sane si ad id ex te forte moveris, timemus multum Dei gratiam tibi esse subtractam, dum sic patenter famam propriam negligis et salutem; si vero impulses ab aliis, miramur quod talibus consiliariis acquiesces, qui spiritu vexati nequitie te intendunt Deo et hominibus constituere inimicum...». Epp. 1883: 357.

Папа, считавший себя сюзереном Сицилии, решительно протестовал против такого обособленного положения императора и сицилийского короля Фридриха II. Таким образом, видно, что императорская и папская курии находились в постоянном режиме диалога идей, интеллектуального противостояния или, реже, союза. И в этом обмене мнениями одно из главных мест занимала тема взаимного положения двух универсальных властей Средневековой Европы, вопросы функций власти и границ ее полномочий.

От адресата послания зависел как его стиль, содержание, так и его объем – все эти характеристики могли сильно варьироваться в разных текстах, притом, что они составлялись по установленному формуляру (об этом см. выше). Понятно, что риторические построения, метафоры, цитаты из Священного писания или античных классиков были нацелены воздействовать на эрудированных читателей, интеллектуальную элиту. В первую очередь, высокий стиль, тонко выстроенные аргументы, веские доказательства своей мысли могла по достоинству оценить папская курия – понтифики XIII в. получали великолепное образование в Болонской школе права и Парижском университете²⁰. Также подобные тексты исполняли свое предназначение при дворах королей и князей. Следует особо выделить, что Фридрих всегда четко осознавал, кому он отправляет свое послание, если рассчитывал привлечь корреспондента на свою сторону или убедить его в своей правоте. Так, в письмах к английскому королю Генриху III в 1216-1272 гг., император часто акцентировал внимание на непомерных церковных поборах и сильного вмешательства в политические дела страны – теме, которая именно в это время

---

²⁰ Так, Иннокентий III получил философско-теологическое образование в Париже и юридическое – в Болонье. Точно установлено, что Григорий IX изучал теологию в Париже и, предположительно, право в Болонье. Иннокентий IV благодаря своему обучению в Парме и Болонье был сведущ в каноническом праве и считался видным правоведом своего времени.

была актуальна для королевского двора и политической элиты Англии:

«То же делается и с вами, если вы подчинитесь лицемерам святости, тщеславу которых полагает, что весь Иордан устремится ко рту их²¹»²²; «Чем щедрее вы протягиваете руку, тем они не только руку, но даже и локти от еще большей жадности захватывают, крепко держа нас в своей петле, как птенца, который чем больше хочет вырваться на свободу, тем сильнее сам себя привязывает. Настоящим посланием мы взываем к вам, одного нашего голоса недостаточно. Остальное будет сообщено вам тайно, а именно каким образом нажитое бедными оплачивает расточительство алчных»²³.

То, что обмен посланиями между императорским двором и папской курией был диалогом, с неперменным желанием отправителя убедить своего корреспондента в справедливости своих слов, подтверждается и такой тенденцией: Фридрих II менял стиль своих посланий и характер аргументации в зависимости от того, какой кругозор и образование были у его оппонента. Это доказывают изменения в аргументации императора и в стиле убеждения: с Гонорием III, своим бывшим учителем, Штауфен избрал роль оправдывающегося и соответствующий тон – в результате он сумел избежать отлучения от Церкви, хотя этот папа грозил ему таким наказанием²⁴. Именно во время понтификата Гонория III гердерный дискурс особенно активно использовался в посланиях императора и папы: к традиционным ролям императора как верного сына

²¹ Ср.: Иов. 40:18.

²² «Et hoc quidem vos facitis obedientes simulatoribus sanctitatis, quorum sperat ambitio, quod totus Jordanis influat in os suum». МР. 1877. Т. 4: 476.

²³ «Quanto manus largiores extenditis, tanto non solum manus, sed etiam cubitos avidius apprehendunt, suo nos laqueo detinentes, sicut aviculam, quae, quanto ad evasionem fortius nititur, firmius alligatur. Haec vobis ad praesens scribenda curavimus, insufficienter exprimentia votum nostrum. Caetera vero secretius intimanda; videlicet in quos usus divitias pauperum expendat prodigalitas avarorum». МР. 1877. Т. 4: 476.

²⁴ Подробнее об этом см.: Герштейн. 2010: 12-29.

Церкви и папы как главы Церкви, «матери», опекающей и наставляющей светского правителя, добавилась роль Гонория III как «отца во Христе» по отношению к Фридриху. Близкая, почти родственная связь этих двух людей предопределила как тон их общения, так и четко определенные гендерные роли друг для друга. То, что Фридриху с помощью уговоров «провинившегося, но извиняющегося сына» удалось выиграть в политическом плане — избежать отлучения от Церкви — говорит о важности гендерного дискурса в обмене посланиями между императорским двором и римской курией и о том, что канцелярия Фридриха II умело использовала преимущества этого стиля в нужный момент.

С Григорием IX полемика приобрела черты спора двух богословов, апогеем которой стала апокалипсическая риторика 1239 г.²⁵ Во время понтификата Иннокентия IV, ученого-юриста, на первый план в посланиях императора вышли правовые аргументы.

Он говорил с получателями своих писем «на их языке», пытаясь убедить в правоте своей позиции, выиграть спор между империей и папством теми же средствами, которыми его противники владели лучше всего. Было ли это связано с отчаянной попыткой сохранить коммуникационный канал, т.е. остаться признанным правителем (за время своего правления Штауфен трижды отлучался папой от Церкви, последний раз — в 1245 г. — так и не был прощен)? Или, располагая достаточной военной силой, он не опасался потерять трон, и, подстраиваясь под риторические предпочтения своих оппонентов, император и его окружение рассматривали этот обмен посланиями как интеллектуальное и философское состязание. Многолетний конфликт между империей и папством во время правления Фридриха II заставляет думать скорее о первом варианте, о практической необходимости утвердить свое право на власть с помощью как правовых, так и теологических аргументов. Однако изящность формулировок, тонкость мыс-

---

²⁵ Подробнее об этом см.: Герштейн. 2013: 45-73, особ. 49-51.

ли, скрытые намеки, функциональность цитат в посланиях императора²⁶ не позволяют полностью исключить и второй вариант.

Послания были одним из самых эффективных средств управления, наряду со сбором налогов и военным принуждением. Это был один из каналов осуществления власти, который был намного шире одной лишь функции опубликования приказов правителя. При помощи посланий император разъяснял и корректировал свои решения, через текст задавая вектор их желательного понимания в различных слоях средневекового общества. Также с помощью такого инструмента как послания можно было сгладить свои политические просчеты, т.е. словом исправить восприятие определенных поступков. Еще одной функцией писем императорской канцелярии было закрепление успеха правителя (военного, политического, идеологического и др.), порой придавая ему существенно большее значение, чем он был в реальности. Важной задачей, которая также выполнялась через послания, было поддержание образа «идеального правителя», «правильной власти», демонстрация ее легитимности, силы и прав, попытка утвердить непререкаемый моральный авторитет императора. В письмах император часто анонсировал свои ближайшие шаги в законодательной, социально-политической, экономической, культурной и других областях, тем самым способствуя достижению поставленной цели. Перечисление этих функций посланий говорит о том, что, они являлись одним из средств управления, будучи при этом связанными с другими способами осуществления власти – экономическими мерами, военными действиями, политическими шагами и т.д.

---

²⁶ Вплоть до эпохи Наполеона I послания императора Фридриха II оставались образцом стиля для европейских правителей разного ранга. Они переписывались и собирались в тетради, служили опорой при написании официальных посланий по самым разным поводам. Подробнее об этом см.: Steinen. 1923: 5.

Задачи создания того или иного послания, безусловно, накладывали отпечаток на его содержание и на форму преподнесения какого-либо *messag'a*. В свою очередь, комплекс посланий Фридриха II позволяют нам проследить эволюцию тех или иных идей императорской канцелярии, изменения способов аргументации и убеждения за более чем сорокалетнюю историю его правления. Выясняется, что идеи, высказанные в посланиях о происхождении власти Фридриха или о границе полномочий императора, могли меняться в зависимости от политического момента вплоть до того, что противоречили друг другу²⁷ – но при этом всегда имели целью укрепить власть правителя.

Содержание посланий императорской канцелярии весьма разнообразно. В одной статье невозможно охватить все темы документов и связанные с этим исследовательские вопросы. Здесь я ограничусь рассуждением о том, как специфика посланий как исторического источника и их содержание могли по различным каналам подкреплять власть правителя. Как известно, письмо могло быть составлено в нескольких копиях и отправлено разным адресатам. В то же время, нередко были случаи, когда содержание копий не было идентичным. Не приходится говорить, что минимальные изменения в тексте, дописанные в конце абзацы, вставленные отдельные слова могли изменить общую тональность послания, акценты в интерпретации события или созданного образа какой-либо особы.

---

²⁷ Так было, например, с идеей выборности германского императора как источника власти Фридриха II. В начале своего правления он подчеркивает «выбор князей» (1212-1220 гг.). С укреплением своих полномочий, в зените правления (1228-1243), Штауфен неоднократно декларирует, что получил власть напрямую от Бога, князья (квириты) отходят далеко на задний план. В конце правления, после низложения Иннокентием IV (1245 г.), мотив получения власти по воле князей вновь звучит в посланиях Фридриха в качестве основного аргумента неправомочности понтифика лишить императора престола.

Характерный пример – манифест Фридриха II по случаю обретения Иерусалима 18 марта 1229 г. В копии, посланной отлученным от Церкви императором папскому двору, Штауфен предстает как смиренный сын Церкви, испытывающий радость от возвращения Святого города в руки христиан. Но в экземпляре этого же манифеста, посланного английскому королю, постулируются гораздо более смелые идеи:

«Теперь же наступает этот день спасения, в который истинные христиане получат спасение от Господа Бога своего, чтобы весь мир узнал и понял, что Он и никто другой дает спасение своим слугам когда хочет и как хочет»²⁸.

Здесь Фридрих II отказывал кому бы то ни было (и, опосредованно, папе) в притязаниях объявлять о том, что случилось «божье спасение», или о том, что предприятие заведомо лишено «божественной благодати». Сам император считал себя вправе трактовать те или иные события как «божье милосердие». Тем самым, император не предполагал никакого посредника между ним и Господом, т.е. римский папа в этой системе не стоит между императором и Богом, а находится в стороне, вне этих отношений. Такое положение императора, папы и Всевышнего противоречит теории о двух мечях – доктрине папского примата. Фридрих II отстаивал светскую концепцию императорской власти как связанной с Богом напрямую. Это было достаточно резкое заявление, особенно в контексте его статуса как отлученного от Церкви, в котором Штауфен отправился в крестовый поход, а также не военного, а дипломатического способа обретения Иерусалима, что противоречило традициям крестового похода и концепции *bellum sacrum* (священной войны)²⁹. Разумеется, поскольку Фридриху было необходимо примириться с Церковью, он не мог отпра-

---

²⁸ «Ecce nunc quidem dies illa salutaris advenit in qua veri christicole salutare suum accipiunt a Domino Deo suo, ut cognoscat et intelligat orbis terrarum quod ipse est et non alius qui servorum suorum salutem quando vult et quomodo vult operatur». HD. 1852. V. 3: 94.

²⁹ Герштейн. 2013: 45-73.

вить текст столь острого содержания напрямую понтифику. Хотя, в то же время, этот отрывок достаточно показателен для изучения конструирования образа саморепрезентации Фридриха II и его видения полномочий своей власти.

Какой бы реакции ни требовали послания правителя – открыть ворота города императорским войскам, солидаризироваться с правителем и выразить свою скорбь по умершему сыну Фридриха II³⁰ или признать правоту точки зрения Штауфена и поддерживать его против его врагов – послания сами по себе уже предполагали диалог между автором и адресатом. Реакция получателя всегда предполагалась обеими сторонами. Отправитель различными способами старался добиться того, чтобы эта реакция была в нужном ему русле, он стремился подвести читающего к определенным выводам и/или определенным действиям. Методы воздействия при этом были разными: иногда о существе дела автор высказывался прямым текстом, в другом случае – прибегал к намекам, используя явные и скрытые цитаты и аллюзии на образы Священного писания. Порой, написав половину фразы из столь известного текста, что цитату без труда мог продолжить читатель, автор указывал тем самым читателю определенное направление мысли, создавал образ и давал оценки своим современникам, избегая ответственности за невысказанное (но производя при этом желаемое впечатление).

Однако необходимо заметить, что не всегда удавалось добиться ровно той реакции на текст послания, на которую рассчитывал его составитель. Важно понимать, что власть в Средневековье, несмотря на различного рода декларации, никогда не была неограниченной. Приказам могли не подчиняться, при наличии веских мотивов и поддержки иной стороны. Послания с просьбами выступить на стороне отправителя могли оставаться без ответа, поскольку автор другого письма мог привести иные доводы и побудить этого же получателя к совсем иным действиям. В этом случае диалог получался не только

---

³⁰ Подробнее об этом сюжете см.: Герштейн. 2008: 161-183.

между автором и получателем, но и – опосредованно – между двумя авторами, при одном общем получателе.

Действия в ответ на послание не единственная возможная форма реакции на него. Если в письме положение дел, образ власти или трактовка событий вызывала несогласие, иную интерпретацию – ответная реакция могла быть выражена также в виде письма. Таким образом, эпистолярный дискурс между императорской и папской канцеляриями предполагал диспут между дворами правителей, обмен идеями, притязаниями на то, чтобы убедить другого в правильности своего взгляда, правоте своих аргументов. Для того, чтобы быть максимально убедительным в своей аргументации и интерпретации событий, оппоненты использовали цитаты из Священного писания, реципировали римское право, черпая там основание для закрепления прав и полномочий своей власти. Вовлечение в круг аргументов нового авторитетного текста или нового характера использования давно известного давало одной из сторон преимущество, которое, впрочем, могло быть в последующем компенсировано иным ходом противной стороны. Очевидно, что несмотря на порой ожесточенные споры между императором и папой, их послания были своего рода сообщающимися сосудами, где интеллектуалы с обеих сторон были не только противниками, но и развивали друг в друге приемы риторического искусства, навыки комментирования правовых текстов, давали друг другу импульс для усиления обоснованности своих теологических построений. Парадоксальным образом, чем изящнее были формулировки, чем изощреннее аргументация авторов посланий – тем более ярким это было свидетельством того, что существовала острая необходимость оправдаться или убедить оппонента в справедливости и законности своей позиции. Иначе говоря, эти глубокие мысли и искусные формулировки были знаком того, что партия проигрывала в идеологическом противостоянии и таким образом стремилась обратить ситуацию в свою пользу.

Характерная особенность посланий – их периодичность – давала одну из немногих возможностей в средневековом мире

быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию. В отличие от других видов источников, нарративных или нормативных памятников, по письмам мы можем реконструировать особенности мышления людей прошлого «в динамике», реагирующих на постоянные, мелкие и существенные изменения, и творящих эти изменения день за днем; проследить, как они выбирали методом проб наиболее эффективный инструмент для того, чтобы выразить свою точку зрения в послании.

Эпистолярное наследие правителей I половины XIII в. предстает как культурный феномен, который может быть изучен во всей полноте и сложности только с привлечением широкого круга гуманитарных дисциплин – филологии, философии, истории, лингвистики и др. Вполне насущные политические задачи требовали использования знаний и умений самых образованных правоведов, теологов и риториков. В результате создавались лучшие для своего времени (а порой и для последующих эпох) образцы стиля, формы, риторических построений. В содержании и других особенностях текстов посланий императорской и папской канцелярий отражены многие характерные черты периода «темных веков» в истории Западной Европы. Исследование именно этого вида источника весьма перспективно, и, используя междисциплинарный подход, мы можем получить новые ответы на вопросы о средневековом обществе, его интеллектуальной элите, о том, какими категориями мыслили первые политики эпохи и ученые люди, каким образом они высказывали свои соображения, насколько сильной (или слабой) была связь с античным наследием в разных областях – праве, политических трактатах и речах, литературных произведениях.

Анна Борисовна Герштейн
к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии
и истории повседневности ИВИ РАН,
ст. преп. кафедры политического поведения ФПП НИУ-ВШЭ
+7(495)9544296
odysseus1989@mail.ru

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Const. 1896 – Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum inde ab a. MCXCVIII usque ad a. MCCLXXII (1198-1272) / Ed. L. Weiland. T. 2. Hannoverae, 1896.

HD. – Historia diplomatica Friderici Secundi, sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius Imperatoris et filiorum ejus. Accedunt epistolae Paparum et documenta varia. Collegit, ad fidem chartarum et codicum recensuit, juxta seriem annorum disposuit et notis illustravit / Ed. J.-L.-A. Huillard-Breholles. 7 t. Parisiis, 1852-1861.

KS. 1996 – Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum inde ab a. MCXCVIII usque ad a. MCCLXXII (1198-1272). Die Konstitutionen Friedrichs II. für das Königreich Sizilien / Ed. W. Stürner. T. 2: Supplementum. Hannoverae, 1996.

Epp. 1883 – Monumenta Germaniae Historica. Epistolae saeculi XIII e regestis pontificum romanorum selectae / Ed. C. Rodenberg. T. 1. Berolini, 1883.

MP. – Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronica majora / Ed. H.R. Luard. 7 t. London, 1872-1884

ЛИТЕРАТУРА

Бильбасов. 1901 – Бильбасов В.А. Петр Винецкий // Исторические монографии Т. 5. СПб., 1901.

Герштейн. 2010 – Герштейн А.Б. Образ антихриста и гендерные роли в противостоянии императора Фридриха II и Григория IX // Адам и Ева. 2010. №18. С. 12-29.

Герштейн. 2013 – Герштейн А.Б. Крестовый поход Фридриха II: предательство крестоносной идеи? // Одиссей: Человек в истории. М., 2013. С. 45-73.

Герштейн. 2008 – Герштейн А.Б. Правитель как «скорбящий отец»: символика плача Фридриха II // Диалог со временем. 2008. Вып. 23. С. 161-183.

Bäthgen. 1955 – Bäthgen F. Dante und Petrus de Vinea. Eine kritische Studie. München, 1955.

Delle Donne. 1992 – Delle Donne F. Lo stile della cancelleria di Federico II ed i presunti influssi arabi // Atti della Accademia Pontaniana. N.S. 1992. №. 41. P. 153-164.

Durand. 1851 – Durand I. Pierre des Vignes, chancelier de l'empereur Frédéric II, sa biographie, ses lettres. Paris, 1851.

Huillard-Bréholles. 1864 – Huillard-Bréholles J.-L.-A. Vie et correspondance de Pierre de la Vigne. Paris, 1864.

Kantorowicz. 1927 – Kantorowicz E.H. Kaiser Friederich II. Berlin, 1927.

Kantorowicz. 1957 – Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies : A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton, 1957.

Schaller. 1957 – Schaller H.M. Die Kanzlei Kaiser Friedrichs II. Ihr Personal und ihr Sprachstil // Archiv für Diplomatik. 1957. №3. S. 207–286; 1958. №4. S. 264–327.

Schaller. 1974 – Schaller H.M. Kaiseridee Friedrichs II. // Probleme um Freidrich II. Sigmaringen, 1974. S. 109-134.

Schaller. 2002 – Schaller H.M. Handschriftenverzeichnis zur Briefsammlung des Petrus de Vinea. Hahn, Hannover, 2002.

Steinen. 1923 – von den Steinen W. Staatsbriefe Kaiser Friedrichs des Zweiten. Breslau, 1923.

Wolf. 1969 – Wolf A. Das “Kaiserliche Rechtbuch” Karls IV. // Ius Commune. 1969. Bd. 2. S. 1-32.

Zinsmaier. 1974 – Zinsmaier P. Die Reichkanzlei unter Freidrich II. // Probleme um Freidrich II. Sigmaringen, 1974. S. 134-166.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЛАКУН: «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ» В ПЕРЕПИСКЕ ГУМАНИСТОВ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII ВЕКА)

Ключевые слова: «Тайная история», Прокопий Кесарийский, Питер-Пауль Рубенс, Никола-Клод Фабри де Пейреск, Никколо Алеманни, Ватиканская библиотека, гуманисты, дипломатия, эпистолярный обмен.

Аннотация: «Тайная история» Прокопия Кесарийского попала в поле зрения европейских ученых довольно поздно, в XV-XVI вв., и отношение к ней было продиктовано не только собственно историографическими соображениями, но и актуальной политической ситуацией. В статье прослеживаются некоторые этапы своеобразной «борьбы за Прокопия», которая велась между Ватиканом и антиквариями Франции, Англии и Нидерландов, а так же маршруты циркуляции полного варианта «Тайной истории» и ее отдельных фрагментов, прежде всего описывающих «распутное» поведение императрицы Феодоры в переписке интеллектуалов-гуманистов.

---

9 августа 1629 года Питер-Пауль Рубенс, находившийся в Англии с негласной дипломатической миссией, писал одному из своих постоянных корреспондентов, Никола-Клоду Фабри де Пейреску:

«Кроме того, здесь находятся Кавалер Коттон, великий любитель древностей, человек весьма замечательный, благодаря разнообразию своих познаний, и секретарь Босуэлл; полагаю, Вы поддерживаете с ними письменные сношения, как, впрочем, со всеми выдающимися людьми на свете. Босуэлл недавно мне говорил о некоторых дополнениях к пропускам в издании Анекдотической истории Прокопия; он обещал мне их сообщить; они относятся к распутству Феодоры, и Алеманни опустил их, вероятно, из скромности и стыдливости, но потом их вновь разыскали в

рукописи этого труда, находящейся в Ватиканской библиотеке»¹.

Это письмо сперва было послано в Париж братьям Дюпюи, через которых шла часть корреспонденции Пейреска, а затем переправлено ими в Экс-ан-Прованс. Весь маршрут занял менее месяца, поскольку уже 2 сентября Пейреск сообщал Пьеру Дюпюи:

«Сожалею, что вы не открыли письмо г-на Рубенса, и прошу вас впредь это делать, когда вы получаете что-нибудь для меня от него или от других ученых, ибо я знаю, что вам было бы приятно видеть, что он мне пишет, поскольку он всегда примешивает к этому какую-нибудь достойную внимания галантность. [...] Он пишет о заключении бедного Селдена, которому я очень сочувствую, и говорит, что г-н Босуэлл развлек его теми самыми добавлениями к Проконию, которые вы у меня видели, и которые в любом случае следует ему послать, если их ему не сообщат в тех краях».²

¹ 'E qui ancora il cavalier Cottone gran antiquario et insigne in varie scienze et dottrine, et il secretario Bozuel de quali V.S. deve haver essatta noticia ansi corrispondenza con essi come l'ha con tutti gli galanthuomini del mondo. Quest' ultimo mi disse gli giorni passati d'haver et mi promesse di communicar il supplemento d'alcune lacune nelle editione della storia anechdota de Procopio toccante de libidini di Theodora tralasciate forse per modestia e pudore del Allemanno e ritrovate poi e cavate del M.S. nel Vaticano'. Rubens. 1887-1909: 152; Рубенс. 1977: 231 (с исправлениями). Пейреск действительно состоял в переписке с сэром Робертом Коттоном (1571-1631); о Уильяме Босуэлле см. ниже.

² 'Je suis marry que n'avez ouvert la lettre de Mr. Rubens et vous prie d'en user aisin à l'advenir quand vous en recevrez pour moy de sa part, et de gens curieux, car je sçay bien que vous n'aurez pas dezagreable d'y voir ce qu'il m'escrit, où il entremesle tousjours quelque galanterie digne de n'estre pas negligée. [...] Il m'escrit de la debtention du pauvre Seldenus que je plains grandement, et dict que le Sieur Bosweld luy avoit fait feste de cez supplements du procopie que vous avez veuz, lesquels il luy fauldroit envoyer en tout cas, si on ne les luy avoit communiquez en ce país là'. Peiresc. 1890: 175-176. Историк и юрист Джон Селден (1584-1654) вместе с восемью другими членами Парламента был арестован 4 марта 1629 г. и провел в Тауэре три года (освобожден в мае 1631).

Несколько месяцев спустя Пейреск снова возвращается к этому эпизоду с Босуэллом. В письме от 17 января 1630 года он просит Пьера Дюпюи переслать Рубенсу (который по-прежнему находится в Англии) соответствующие фрагменты из Прокопия:

*«В последнем письме, полученном мной от г-на Рубенса, он выражал желание увидеть те небольшие добавления к «Anecdota» Прокопия, которыми его так развлек г-н Босуэлл. Если бы у меня тут было то, что внесено в мой экземпляр, то я послал бы ему копию; думаю, что вам стоит ему послать свою, чтобы удовлетворить его желание, в случае если он еще их не получил».*³

На первый взгляд, история вполне ординарная: обмен редкостями и курьезами, наряду с книгами, рукописями, научными наблюдениями и зарисовками монументов, был одним из важнейших механизмов функционирования Ученой республики. Многочисленные тому примеры присутствуют в переписке Пейреска, братьев Дюпюи, и других антиквариев и эрудитов той эпохи⁴. Однако тут бросается в глаза желание Пейреска опередить Босуэлла и самому доставить Рубенсу неизвестные фрагменты Прокопия. Его можно было бы отнести за счет вполне понятного соперничества между знатоками древностей, когда бы не финальная переадресация этой задачи Дюпюи. Создается впечатление, что для Пейреска было важно, чтобы искомые пассажи были бы получены художником из Франции, а не от британских коллекционеров. Кроме того, если посмотреть на переписку Пейреска 1620-х – 1630-х годов, то обнаруживается, что это не первый и не последний

---

³ ‘En la dernière lettre que je receus de Mr Rubens, il tesmoignoit desirer de voir cez petits suppléments des Anecdota de Procope dont le sieur Bosweld luy avoit faict grande feste. Si j’en eusse eu icy ce que j’en avois retenu sur mon exemplaire, je luy en eusse envoyé coppie et pense que vous ferez bien de la luy envoyer, pour luy en faire passer l’envie au cas qu’il ne l’eust encore eüe’. Peiresc. 1890: 222-223.

⁴ Подробнее о такого рода обменах между Пейреском и Рубенсом см.: Jaffé. 1989.

случай, когда он способствовал распространению неопубликованных выдержек из византийского историка.

Так, в 1627 году он договаривался о присылке манускрипта из Рима в Париж, поскольку его хотел видеть папский нунций Джанфранческо Гвиди ди Баньо; а в 1636 году консультировал Лукаса Холста (Холстения) по поводу расхождения между ватиканским списком Прокопия и тем, что хранился в миланской Амброзиане. Иными словами, речь шла о предмете, который не утрачивал интереса на протяжении не менее десятилетия, причем не только со стороны ученых, но и дипломатов, каковыми являлись Босуэлл, Рубенс и Баньо. Вопрос в том, чем он был спровоцирован – «распутством Феодоры», или чем-то другим.

Труды Прокопия Кесарийского попали в поле зрения европейских ученых довольно поздно. Можно с уверенностью утверждать, что «Война с готами» активно циркулировала в рукописном виде с начала XV века, поскольку когда в 1441 году Леонардо Бруни положил ее в основу собственной истории «Об итальянской войне с готами» («*De bello Italico adversus Gothos*»), на него обрушились обвинения в плагиате, то есть сочинение Прокопия уже пользовалась достаточной известностью⁵. В каталоге Ватиканской библиотеки, составленном в 1481 году по распоряжению папы Сикста IV, упоминалось три манускрипта византийского историка⁶, один из которых, по-видимому, содержал все ту же «Войну с готами». В 1506 году хранитель Ватиканской библиотеки Христофор Персона опубликовал латинский перевод этого сочинения, а три года спустя Рафаэль Маффеи проделал тоже самое с «Войной с персами» и с «Войной с вандалами». Оба издания вышли в Риме; почти три десятилетия спустя, в 1537 году,

---

⁵ О переводе / компиляции Бруни см.: Botley. 2004: 33-36; о скандале вокруг него см.: Ianziti. 2012: 278-300. Стоит отметить, что самые ранние из сохранившихся списков Прокопия датируются концом XIII – началом XIV вв., что свидетельствует об оживлении интереса к этому историку в самой Византии. См.: Kalli 2004.

⁶ Devreesse. 1965: 48, 50, 96.

нидерландский гуманист Франс ван Краневельт перевел и напечатал в Париже «О постройках». Таким образом, к середине XVI столетия практически весь корпус сочинений Прокопия был доступен ученой публике в латинском варианте, что, безусловно, способствовало более активному его освоению. Исключение составляла лишь книга, в дальнейшем известная как «Тайная история», но тогда чаще всего обозначавшаяся греческим термином *ανεκδοτα* или, в латинизированном виде, *Anecdota*.

В мае 1575 года Джан Винченцо Пинелли писал в Париж Клоду Дюпюи (отцу Пьера и Жака), что ему, по-видимому, удалось обнаружить фрагменты неопубликованного сочинения Прокопия⁷. Неуверенность Пинелли объяснялась неполнотой рукописи и скудостью сведений об этом труде – за исключением упоминания в византийском компендиуме «Суда» (вторая половина X века), благодаря которому за ним закрепилось название «Anecdota»⁸, о нем практически ничего не было известно. В ответном письме от 4 сентября того же года Клод Дюпюи указывал на более актуальное свидетельство его существования:

*«П. Гиллий, человек редкостных достоинств и прилежания, в своем труде «О фракийском Босфоре» цитирует Прокопия περί τῶν ἀνεκδοτῶν⁹: он должен был видеть их в Италии, или в Леванте, поскольку мне неизвестно, чтобы во Франции было бы что-то принадлежавшее этому автору на греческом языке, помимо того, что уже опубликовано на латыни».*¹⁰

⁷ Pinelli, Dupuy. 2001: 170.

⁸ Напомним, что «Суда» была опубликована в оригинальном варианте в Милане в 1499 г. О происхождении названия «Anecdota» см.: Cameron. 1985: 60. Далее я буду использовать общепринятое наименование «Тайная история», хотя, строго говоря, оно появилось только после публикации манускрипта в 1623 г.

⁹ «Включая анекдоты / неопубликованное» (греч.).

¹⁰ ‘P. Gylius homme tres-rare et diligent en son oeuvre de Bosporo Thracio cite Procope περί τῶν ἀνεκδοτῶν: il le devoit avoir veu en Italie, ou en Levant; car je ne sache point qu’en France il y ait autre chose de cet

Действительно, Пьер Жиль в 1544-1547 годах находился в Константинополе, где вполне мог видеть неизвестные в Европе манускрипты. Но над своим трудом (опубликован по-смертно в 1561 г.) он работал уже в Риме, что делает более правдоподобным первое предположение Дюпюи. Впрочем, есть косвенные аргументы и в пользу второго: находка Пинелли живо заинтересовала такого собирателя редких рукописей как Фульвио Орсини, предложившего присоединить ее к фрагментам из Полибия, которые он готовил к печати¹¹. Учитывая связи Орсини с семейством Фарнезе, в особенности с кардиналом Алессандро Фарнезе, чья библиотека находилась под его началом, ему должны были быть известны основные римские коллекции, хотя доступ к главному месту хранения ценных манускриптов – библиотеке Ватикана – мог оставаться проблематичным. В любом случае, показательно, что во второй половине 1570-х годов ни в Падуе (Пинелли), ни в Париже (Клод Дюпюи), ни в Риме (Орсини) ученые не знали о существовании более полного списка труда Прокопия, и обменивались лишь небольшими отрывками из него.

Через посредство Пинелли, вероятно, произошло и соприкосновение Пейреска с «Тайной историей». 2 октября 1636 года последний писал Холстению, сообщившему об обнаруженной им более полной рукописи Прокопия:

«Что касается ваших дополнений к Анекдотам Прокопия, которые вы нашли в Амброзиане (с чем вас поздравляю), я убежден, что это тот самый манускрипт, который был у покойного Виченцо Пинелли; из него я выписал те два пассажа, которые Алеманни намеренно скрыл, касающиеся мерзостей этой гнусной принцессы; коли у вас есть что-то еще, то я весьма буду обязан, если вы этим поделитесь, поскольку если ждать издания Эльзевиров в наш век, столь мало подходящий для таких предприятий, то я не уверен, что доживу до него, поскольку уже 30 лет ожидаю пресловутого издания Хейнсия, которого что-то не видеть.

auteur en Grec, que ce qui est imprimé en Latin'. Pinelli, Dupuy. 2001: 181-182.

¹¹ Об этом идет речь в письмах Пинелли к Дюпюи от 11 ноября 1575 г. и 20 января 1578 г. См. Pinelli, Dupuy. 2001: 190, 224.

*Я прошу у вас об этом небольшом одолжении для моего собственного удовольствия, и в силу той склонности, которая у меня всегда была к этому автору».*¹²

Пейреск был в Падуе в 1600-1601 году; он присутствовал при кончине Пинелли и некоторое время провел за разбором его библиотеки. Как можно предположить, именно тогда ему в руки попала рукопись «Тайной истории». Известно, что с 1575 года итальянскому гуманисту удалось обзавестись четырьмя списками этого сочинения разной степени полноты¹³. Это означает, что за четверть века произошел качественный скачок в его распространении, обусловленный, вероятно, той самой «склонностью» любителей древностей к Прокопию, в которой признавался Пейреск. Но в том, что касается упомянутых выписок из «Тайной истории», ситуация не поддается однозначной реконструкции. Подготовленное Алеманни издание вышло в свет в 1623 году, более чем через два десятилетия после визита Пейреска в Падую. Либо французский антикварий в 1601 году выписал из заинтересовавшей его рукописи наиболее скандальные места, тем самым упредив последующую редактуру Алеманни, либо публикация отцензурированного текста заставила его вспомнить о коллекции Пинелли и каким-то образом восполнить пробелы (скажем, попросить кого-то из итальянских корреспондентов, в числе

---

¹² 'Quant à voz supplementes de l'Anecdota de procope que vous avez tirez de l'Ambrosienne et vous en felicite, c'est, je m'assure, du MS qu'en avoit feu M^r le Vic. Pinelli d'où j'avois tiré cez deux passages que l'Allemani avoit obmis volotairement concernant les salletez de cette infame princesse ; si vous avez eu rien de plus, vous m'obligerez de m'en faire part, s'il vous plaict, selon la priere que je vous en avois faicte par mes dernières lettres, car de m'attendre à voir l'edition d'Elzevir, en ce siecle si mal propre à telles entreprises, je ne sçay si je vivray tant comm'il faudroit pour l'attendre, y ayant desja 30 bonnes années que M. Heinsius promet cette edition sans en avoir rien faict voir. Je me promects cette petite faveur de vous pour ma particuliere satisfaction, et pour les inclinations que j'ay à cet authœur'. Peiresc. 1894: 457.

¹³ См. примеч. публикатора: Pinelli, Dupuy. 2001: 172.

которых был и Алеманни, прислать ему пропущенные фрагменты).

В письме Пейреск упоминает три проекта публикации «Тайной истории», связанные с именами Никколо Алеманни, Даниэля Хейнсия и самого Холстения (в последнем случае, предназначавшемся для знаменитого дома Эльзевиров). Из них осуществился только первый. Ко второму Пейреск имел непосредственное отношение: в январе 1620 года он писал кардиналу-библиотекарю Сципионе Кобеллуцци о намерениях Хейнсия подготовить новое издание сочинений Прокопия и о желательности сравнения имеющихся в его распоряжении манускриптов с теми, что хранились в Ватикане¹⁴. Судя по всему, речь в первую очередь шла об «Тайной истории», поскольку, как поясняет Пейреск в более откровенном письме к Джироламо Алеандро¹⁵, живший в Антверпене известный переводчик и знаток греческого языка преподобный отец Андре Шотт был согласен предоставить Хейнсию свой список этого труда для последующей публикации в Голландии, но лишь при условии, что он будет сопоставлен с ватиканским¹⁶. Иезуитом, вероятно, двигали не только научные соображения: по сути дела, он ставил кальвиниста Хейнсия перед необходимостью заручиться хотя бы молчаливым согласием Святого Престола. Естественно, что для профессора Лейденского университета это было невозможно сделать напрямую, отсюда вмешательство Пейреска, который, в свой черед, адресовался к Алеандро, чтобы узнать мнение Кобеллуцци (с которым, как мы видели, он так же состоял в переписке). Включение второго посредника было тактическим ходом, как бы выносившим

---

¹⁴ См.: Peiresc, Aleandro. 1995: 237.

¹⁵ Алеандро, секретарь влиятельного кардинала Оттавио Бандини, был связан с семейством Барберини. Когда в 1623 г. Маффео Барберини взойдет на папский престол под именем Урбана VIII, Алеандро начнет исполнять секретарские обязанности при его племяннике, кардинале Франческо Барберини. О научной корреспонденции Алеандро см.: Du Crest. 2001.

¹⁶ Письмо от 21 октября 1620. Peiresc, Aleandro. 1995: 220-221.

проблему за рамки личных отношений между французским гуманистом и кардиналом-библиотекарем. Позиция последнего, действительно, была далеко неоднозначной, если верить разъяснениям Алеандро:

*«Хочу сказать Вам по секрету, что «Anecdota» Прокопия, которую господин кардинал Санта-Сусанна¹⁷ собирался послать вам, уже приведена в порядок, не только греческий текст, но и тот вариант, что был поправлен и снабжен учеными комментариями г-на Никколо Алеманни; но Его Преосвященство так до конца и не решил, стоит ли ее печатать, стоит ли выставлять в таком дурном свете императора Юстиниана, в котором он предстанет благодаря этой книге, которая представляет его дьяволом во плоти, не говоря о других подробностях, сообщаемых Прокопием, который вне всякого сомнения был не очень хорошим человеком. И хотя господину кардиналу была бы по вкусу ее публикация, о которой вы пишете (что я ему передал), цепетильность не позволяет ему легко согласиться представить ее, особенно от лица Ватикана и его служителя, каковым является г-н Алеманни, который будет весьма разочарован, ежели труд его будет впустую. Но, быть может, не будет вреда, если она выйдет после Лейденского издания, и потому что можно будет сравнить два текста, чего, насколько мне известно, отец Шотт не делал, и в силу других соображений, благодаря которым второе издание может стать лучшим. Посмотрим, как все разрешится между отцом Шоттом и Хейнсием».*¹⁸

---

¹⁷ Т.е. Сципионе Кобеллуцци.

¹⁸ «Io voglio dir in confidenza à V.S. che l'Anecdota di Procopio, che'l Signore Cardinale di Santa Susanna disegnava di mandarle, è un pezzo che sta all'ordine, non solamente il testo greco, ma la versione ancora, con emendationi e note erudite del Signore Nicolo Alemanni, ma Sua Signoria Illustrissima non si è mai intieramente risoluta, che s'havesse à stampere, che si mettesse in cosi mal concetto l'Imperatore Giustiniano, come veramente si metterà, vedendosi questo libro, che lo tratta da un diavolo incarnato, oltre qualche altro particolare che dice Procopio, il quale non è dubbio, che fu un huomo poco buono. E haverà ben gusto il Signore Cardinale che sia stampato, havendoli io conferito quello, che V.S. mi scrive, ma la sua scrupolosità non lo lascia facilmente accomodare à far saper al mondo, ch'essa dalla Vaticana, e da un Ministro di essa, che è il Signore Alamani, al quale credo bene che dispiacerà, che la sua fatica sia prevenuta. Ma forse non

Итак, вопрос о месте и уместности публикации «Тайной истории» был чувствительным для папской курии, на что отчасти и рассчитывал Пейреск, когда предлагал напечатать скандальное сочинение в Голландии. Однако колебания Кобеллуцци имели не только этический характер. Речь шла о принятии политического решения, которое, в конечном счете, оставалось за папой, то есть на тот момент за Павлом V. Насколько можно понять из письма Алеандро, к концу 1620-го года издание в целом было подготовлено, что предполагало существование некоей предварительной санкции на проведение подобной работы. Смерть Павла в январе 1621 года и избрание на папский престол Алессандро Лудовизи, принявшего имя Григория XV, вероятно, поставили Кобеллуцци и Алеманни перед необходимостью снова запрашивать мнение Святого Престола по поводу «Тайной истории». Учитывая, что когда издание вышло в свет, оно было посвящено кардиналу Лудовико Лудовизи, племяннику Григория XV, игравшему первостепенную политическую роль на протяжении короткого понтификата дяди (1621-1623), нельзя исключать, что им удалось заручиться поддержкой этого страстного лекционера и любителя искусства. Показательно и место, в итоге выбранное для публикации сочинения: не Рим и не Лейден, а Лион, один из важнейших книгопечатных центров Европы, тесно связанный с Италией и Испанией, но находившийся под юрисдикцией Франции. В XVI и, отчасти, в XVII веке лионские типографы активно способствовали распространению посттридентской доктрины¹⁹, ориентируясь на все еще многочисленную латиноязычную аудиторию, для которой национальные границы оставались менее значимыми, не-

---

sarà male il farla uscire dopo la stampa di Leida, perche col confronto di due testi, che so non sono stati veduti ambedue dal Padre Schotto, e con altre considerationi quest'altra editione doverà esser migliore. Staremo vedere à che si risolverà il Padre Schotto, e l'Hinsio. Письмо от 7 декабря 1620 г. Peiresc, Aleandro. 1995: 250. Пользуюсь случаем поблагодарить за помощь с переводом этого письма Н.Н. Мазур.

¹⁹ См.: Etayo-Piñol. 2000: 451-468.

жели конфессиональные. В случае «Тайной истории» эту принадлежность Лиона к общекатолическому пространству подчеркивал и тот факт, что в качестве издателя выступал римский печатник Андреа Бруджотти, который через несколько лет, уже во время понтификата Урбана VIII, станет официальным типографом Ватикана. Однако разрешение на публикацию (т.н. «привилегия») было выдано на его имя отнюдь не Святым Престолом, а Людовиком XIII, что полностью соответствовало французским законам, но, кроме того, позволяло курии формально дистанцироваться от издания.

Алеандро недвусмысленно указывает на причину этой тактической игры: в отличие от своих предшествующих трудов, в «Тайной истории» Прокопий изобразил императора Юстиниана как «un diavolo incarnato», причем отнюдь не метафорически, а вполне буквально²⁰. Сам факт существования у одного автора двух резко контрастирующих портретов одного и того же исторического лица, прославляемого в «Войнах» и изобличаемого в «Тайной истории», не мог не спровоцировать скандала в ученых кругах. Действительно, публикация ватиканского манускрипта подорвала авторитет Прокопия, ставшего символом «малой надежности истории», хотя некоторые знатоки греческого стремились доказать, что изданный труд ему не принадлежит²¹. Однако речь шла не столько о двуличии византийского историка, сколько о репутации императора и об отношении к нему Ватикана, которое было отнюдь не нейтральным и имело отчетливо политическую окраску.

Вернемся к расстановке сил, предшествовавшей публикации «Тайной истории». В посвящении кардиналу-племяннику Алеманни представлял свой перевод как допол-

---

²⁰ Согласно византийскому историку, настоящим отцом императора был демон, во сне явившийся его матери; о демонических чертах самого Юстиниана см.: Прокопий Кесарийский. 1998: 295-296.

²¹ Отзвуки этих споров отчетливо слышны в трактате Ламота Ле Вайе «О малой надежности истории» (1668); см.: Неклюдова. 2005: 342-343.

нение к «Церковным анналам» (1588-1607) Чезаре Баронио, сподвижника св. Филиппо Нери и одного из основателей ордена ораторианцев²². Попутно отметим, что издатель «Тайной истории» Андреа Бруджотти также принадлежал к этому ордену, чем, вероятно, мог объясняться его интерес к работе Алеманни. Как известно, исходным толчком к написанию «Анналов» послужила публикация Магдебургских центурий (1559-1574), реформатской версии истории Церкви. Но Баронио полемизировал не только с протестантами; вторым объектом его критики была эмансипация светских властей. Кроме того, он занимал анти-испанскую и, соответственно, профранцузскую позицию, следы которой заметны в его тексте. Выход каждого тома «Анналов» становился заметным научным и политическим событием (о чем, кстати, свидетельствует переписка Пинелли и Клода Дюпюи, неоднократно возвращавшихся к их обсуждению²³), и вызывал новый всплеск полемики²⁴. В частности, в 1616 году в Лондоне был опубликован памфлет с показательным заглавием «Защита императора Юстиниана от кардинала Барония». Его автор, Ричард Крэкенторп, известный своими крайними пуританскими убеждениями, обвинял кардинала (впрочем, уже покойного) в подтасовке фактов и использовании недостаточно авторитетных свидетельств, в том числе «Церковной истории» Евагрия Антиохийского (Схоластика):

«Все чаяния кардинала, и вся тяжесть его обвинений покоятся на Евагрии. Последний, признаюсь, почти столько же, сколько Бароний, обличает Юстиниана, обвиняя его в скупости, неправосудности и ереси. Но репутация Евагрия не такова, чтобы заставить принять подобную клевету. В тех материях, где Евагрий следует за лучшими авторами, он не заслуживает

²² Procopius Cæsariensis. 1623: ã2.

²³ См.: Pinelli, Dupuy. 2001: 356, 388, 390.

²⁴ Среди оппонентов Баронио были такие крупные фигуры как Дюпелесси-Морне и Казобон.

осуждения, но очень часто он слишком подвержен легковерию и фантазиям, и должен быть полностью отвергнут».²⁵

Чуть ниже Крэкенторп с возмущением замечал, что Евагрий пытается подкрепить свои обвинения ссылками на Прокопия, хотя у того нет ничего похожего на «вымыслы» автора «Церковной истории»²⁶. Как легко догадаться, на самом деле Евагрий цитировал «Тайную историю», и реакция Крэкенторпа показывает, что в Англии начала XVII столетия (или, по крайней мере, в оксфордских кругах, к которым он принадлежал) это сочинение оставалось неизвестным. Не менее любопытно и то, что с ним не был знаком и Баронио, который, будучи с 1597 года кардиналом-библиотекарем, имел полный доступ к ватиканским коллекциям манускриптов. Гиббон относил это за счет его некомпетентности²⁷, однако тут возможны и другие объяснения: рукопись еще не была приобретена, или не была идентифицирована, или же находилась в тайной коллекции, которая была инкорпорирована в библиотеку в 1611 году, то есть уже после смерти Баронио²⁸. В любом случае, публикация «Тайная история» подкрепляла

²⁵ 'All the Cardinalls hope, and the whole weight of his accusation relies now on Euagrius. He, I confesse, saith well neere as much as Baronius, against *Justinian, accusing him of avarice, iniustice, and heresie*. But the credit of Euagrius, is not such as can countenance such calumnies. Euagrius, in some matters wherein he followeth Authors of better note, is not to be condemned, but in very many he is too credulous, fabulous, and utterly to be rejected'. Crakanthorp. 1616: 35 (курсив автора – М.Н.).

²⁶ «All these are the fictions of Euagrius, and those also quite contrary to the true relation of Procopius» [Все это вымыслы Евагрия, и они также противоречат достоверному повествованию Прокопия]. Crakanthorp. 1616: 38.

²⁷ «Бароний [...] сожалеет об утрате этой тайной истории: в то время она находилась в Ватиканской библиотеке, бывшей под его собственной опекой, и была впервые напечатана через шестнадцать лет после его смерти, с учеными, хотя и неполными примечаниями Никколо Алеманни». Gibbon. 1898: 211 (n17).

²⁸ См., к примеру, Lilla. 2004: 24.

доказательную базу «Анналов», и, соответственно, умаляла авторитет Юстиниана.

В свое время Санто Маццарино отметил, что в открытии «Тайной истории» было мало случайного: сторонникам идеи главенства церкви над государством требовались новые аргументы, и дискредитация византийского императора, при котором был составлен знаменитый кодекс гражданского права («Corpus juris civilis»), отвечала актуальным политическим задачам²⁹. Не случайно, что отстаивали репутацию Юстиниана в основном юристы, причем не только из протестантских государств. Впрочем, одними из первых опять-таки отреагировали британские представители этой профессии. Уже в 1626 году Томас Райвз напечатал в Лондоне небольшой трактат «Защита императора Юстиниана от Алеманни» («Imperatoris Ivstiniani Defensio Aduersus Alemannvm») ³⁰. В отличие от более раннего опуса Крэкенторпа (отсылка к которому, по-видимому, содержалась в названии – Райвз также принадлежал к Оксфордскому университету), он был написан на латыни, то есть апеллировал к общеевропейской аудитории. Весьма показательно, что противником императора Райвз видел именно Алеманни, а не Прокопия, как это будет свойственно более поздним ученым. Такое восприятие могло быть усилено публикацией в 1625 году другого труда хранителя Ватиканской библиотеки, посвященного древней Латеранской базилике («De lateranensibus parietinis»), разрушенной по приказу Сикста V. В нем, помимо прочего, Алеманни развивал известную концепцию *translatio imperii*, предоставляя материальные (правда, уже не существовавшие) подтверждения двойного перехода метафизического царства из Рима в Византию (во времена Константина), а затем из Византии в

²⁹ См.: Mazzarino. 1976: 103-106.

³⁰ Томас Райвз (ум. в 1651 г.) был специалистом по гражданскому праву и, после восхождения на престол Карла I, стал королевским адвокатом (the King's advocate), что, возможно, повлияло на его решение встать на защиту Юстиниана. Краткий биографический очерк см.: Fuller. 1840: 461-462.

Европу (в момент коронации императора Карла Великого папой Львом III). В качестве доказательств он ссылался на мозаики и другие изображения из уничтоженного храма, с руинами которого он был хорошо знаком³¹. Как и в случае с «Тайной историей», публикуемые им материалы *de facto* умаляли значение светской власти, подчиняя ее авторитету Церкви и, соответственно, Ватикана.

Появление трактата Райвза было с энтузиазмом встречено Пейреском, который в мае 1627 года сообщал Пьеру Дюпюи о получении долгожданной книги и обещал переправить ее дальше в Рим, «прекрасно зная, что они захотят ее увидеть, сколь дурному обращению они бы там не подвергались»³². По всей видимости, чтобы не задерживать ценный экземпляр, он снял с него рукописную копию, которая сохранилась в его библиотеке³³. Издание действительно было достаточно редким (позже оно будет дважды перепечатано в Германии – сперва во Франкфурте в 1628 году, а затем в Хельмштадте в 1654 году), но, учитывая британские связи Пейреска, получение еще одного экземпляра было вполне достижимым³⁴. В этом контексте его нежелание расставаться с трактатом Райвза приобретает дополнительный смысловой оттенок. Известно, что копирование печатных текстов практиковалось гуманистами в тех случаях, когда они имели дело с близкими им по духу, особо почитаемыми или любимыми сочинениями. И хотя Пейреск вряд ли испытывал столь сильные чувства по отношению к «Защите императора Юстиниана от Алеманни» – и, безусловно, не сам ее переписывал – тем не менее, сам

---

³¹ Об этом труде Алеманни и его значении см.: Herklotz. 1995: 175-196.

³² «...sçachant bien qu'ils la verront trez volontiers, quelque mauvais traitement qu'ils y puissent trouver pour eux». Peiresc. 1888: 213.

³³ Omont. 1889: 15.

³⁴ В том же письме он упоминает о возможности получить его через Голландию, если сообщение с Англией окажется затруднено (Peiresc. 1888: 213).

способ апроприации текста указывает на его повышенную значимость для французского антиквара.

Пейреск никогда напрямую не высказывался о «Тайной истории». Помимо уже цитировавшегося признания в «склонности» к Прокопию в письме к Холсту, все его апелляции к этому сочинению имели сугубо прагматический характер. Однако если принять во внимание активную поддержку несостоявшегося лейденского издания и высокую оценку трактата Райвза³⁵, то не будет натяжкой предположить, что в этом вопросе его симпатии были на стороне «государственников». Отметим и несколько злорадное желание поскорей переслать в Рим «Защиту императора Юстиниана от Алеманни», чтобы «они» поглядели и на «дурное обращение», которому там подвергаются. Учитывая, что к тому времени Кобеллуци и Алеманни уже не было в живых³⁶, это собирательное местоимение, во-видимому, обозначало сторонников доктрины превосходства церкви над государством, которые использовали «Тайную историю» в собственных целях и были изобличены английским юристом. Позволим себе еще одно предположение: для Пейреска проект лейденского издания мог быть попыткой предотвратить подобное использование византийской истории, и уменьшить ее актуальный политический потенциал за счет иного способа презентации.

Какую роль в этой ситуации играли пресловутые «дополнения» к «Тайной истории», которые Пейреск хотел во

---

³⁵ «...à ce peu que j'en ay peu entrevoir, je tiens que la piece serà trez bonne et necessaire aux curieux» («... судя по тому немногому, что я успел просмотреть, я уверен, что опус весьма хорош и будет необходим для знатоков»). Peiresc. 1888: 213.

³⁶ См. письмо Клода Менестье от 4 сентября 1626 г., в котором он пишет о кончине Кобеллуци, Алеманни и «молодого человека», находившегося под началом последнего, на пост которого Менестье имел собственные виды (Peiresc. 1894: 501), Современники связывали их смерть с установкой в соборе Св. Петра балдахина Бернини, во время которой были потревожены подземные склепы, что привело к распространению «заразного воздуха».

что бы то ни стало сообщить Рубенсу? Находившийся в распоряжении публикатора ватиканский манускрипт имел ряд повреждений³⁷, особенно в начале текста. Помимо этого, Алеманни исключил из своего перевода два фрагмента, где описывалось поведение Феодоры в бытность ее гетерой. Вот один из них:

*«Часто в театре на виду у всего народа она снимала платье и оказывалась нагой посреди собрания, имея лишь узкую полоску на пахе и срамных местах, не потому, однако, что стыдилась показывать их народу, но потому, что никому не дозволялось появляться здесь совершенно нагим без повязки на срамных местах. В подобном виде она выгибалась назад и ложилась на спину. Служители, на которых была возложена эта работа, бросали зерна ячменя на ее срамные места, и гуси, специально для того приготовленные, вытаскивали их клювами и съедали».*³⁸

Как мы видели, Рубенс относил подобный жест за счет «скромности и стыдливости» хранителя Ватиканской библиотеки, но тут возможны и другие интерпретации. С одной стороны, избавление древних текстов от непристойностей было частью византийской публикационной (в широком смысле слова) практики³⁹. Хотя Алеманни получил образование в Риме, не исключено, что он был знаком с этой традицией⁴⁰. С другой, по справедливому замечанию издателя «Менажианы», если сравнивать «Тайную историю» с некоторыми вполне почитаемыми античными сочинениями, то последние окажутся куда более непристойными, что отнюдь не

---

³⁷ См. свидетельство самого Алеманни: Procopius Caesariensis. 1623: XIV.

³⁸ Прокопий Кесарийский. 1998: 285-286.

³⁹ Вернее, одной из возможных практик. См.: Wilson. 1983: 17.

⁴⁰ Никколо Алеманни (1583-1626), грек по происхождению, уроженец о. Андрос, приехал в Рим в 1592 г. и получил образование в коллеже, специально основанном папой Григорием XIII для молодых греков. Затем преподавал греческий, среди его учеников, в частности, был Сципионе Кобеллуци.

препятствовало их попаданию в печать⁴¹. Это заставляет подозревать, что действия Алеманни (и, наверное, Кобеллуци) были продиктованы не только моральными соображениями. Если принять во внимание ту функцию, которая отводилась «Тайной истории» в целом, то не исключено, что упомянутые фрагменты воспринимались как слишком компрометирующие – не с точки зрения репутации Феодоры, а с точки зрения убедительности повествования Прокопия. Обвинения в сексуальных излишествах (или, напротив, сексуальном бессилии) были традиционной принадлежностью политических памфлетов⁴². Их присутствие в сочинении Прокопия как бы переводило его в ранг откровенной сатиры⁴³. Алеманни, который должен был знать, что в «Суде» оно именовалось инвективой, по-видимому, стремился всячески подчеркнуть его исторический статус. Об этом стремлении косвенно свидетельствует и выбранное им название «*Arcana Historia*», которое ни при каких обстоятельствах не является переводом греческого «*ανεκδοτα*», что неоднократно отмечалось критиками Алеманни⁴⁴. Таким образом, жанровая оценка текста оказывалась в прямой зависимости от наличия или отсутствия в нем пресловутых описаний «*libidini di Theodora*».

Как показывают многочисленные письма Рубенса конца 1629 – начала 1630 года, адресованные графу-герцогу Оливаресу, подготовка почвы для заключения мирного договора между Англией и Испанией действительно являлась основной

---

⁴¹ См.: Menagiana. 1715: 347. Речь идет о третьем издании «Менажианы», вышедшем в свет в 1715 г., существенно расширенном и дополненном замечаниями, не имеющими уже никакого отношения к самому Менажу и его кругу.

⁴² См.: Hoffmann. 1995, где собраны чуть более поздние примеры, относящиеся к эпохе правления Людовика XIV; памфлеты времен Генриха IV или Людовика XIII были построены по тому же принципу.

⁴³ Именно так ее будут именовать многочисленные критики Прокопия, включая уже упоминавшегося Ламота Ле Вайе; см.: Неклюдова. 2005: 343.

⁴⁴ См., к примеру, трактат Райвза: Ryves. 1628: 7.

целью его пребывания в Англии, и ею были продиктованы многие его личные контакты⁴⁵. Так, сэр Роберт Коттон мог интересоваться его не только как знаменитый антикварий, но и как сторонник сближения с Испанией, всегда находившийся в хороших отношениях с ее послами (сперва Сармьенто, потом Гондомаром). Напротив, контакты с Уильямом Босуэллом, тогда секретарем сэра Дадли Карлтона, долгое время занимавшего пост британского посланника в Гааге, могли осложняться тем фактом, что Голландия (и Венеция) по мере сил противодействовали заключению мирного договора. В этой ситуации вмешательство Франции – пускай в лице Пейреска или Пьера Дюпюи, и только в вопросе «дополнений» к Проккопию – еще раз указывало, на чьей стороне находятся ее политические симпатии и каковы ее дипломатические интересы.

Мария Сергеевна Неклюдова
Ph.D., с.н.с. Институт высших гуманитарных исследований
им. Е.М. Мелетинского РГГУ
+7(916)3185036
m.s.neklyudova@gmail.com

---

⁴⁵ Подробное описание его миссии см.: Gachard. 1877: 114-188.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Прокопий Кесарийский. 1998 – *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греч., вступ. статья и коммент. А.А. Чекаловой. / Изд. второе, испр. и доп. СПб., 1998.

Рубенс. 1977 – Петер Пауль Рубенс. Письма, документы, суждения современников. / Переводы. Сост., вступ. ст. и примеч. К.С.Егоровой. М., 1977.

Crakanthorp. 1616 – [*Crakanthorp R.*] Justinian the Emperor defended, against Cardinal Baronius. London, 1616.

Menagiana. 1715 – Menagiana ou les Bons Mots et Remarques critiques, historiques, morales & d'érudition de Monsieur Menage, Recueillies par ses Amis / Troisième édition, plus ample de moitié, & plus correcte que les précédantes. Paris, 1715. T.I.

Peiresc. 1888 – Lettres de Peiresc aux frères Dupuy / Publiées par Philippe Tamizey de Larroque. Paris, 1888. T.I. Décembre 1617 – décembre 1628.

Peiresc. 1890 – Lettres de Peiresc aux frères Dupuy / Publiées par Philippe Tamizey de Larroque. Paris, 1890. T.II. Janvier 1629 – décembre 1633.

Peiresc. 1894 – Lettres de Peiresc / Publiées par Philippe Tamizey de Larroque. Paris, 1894 (Collection de Documents Inédits sur l'Histoire de France, deuxième série, T.5).

Peiresc, Aleandro. 1995 – Correspondance de Peiresc et Aleandro / Editée et commentée par Jean-François Lhote et Danielle Joyal. Clermont-Ferrand, 1995. T.II.

Pinelli, Dupuy. 2001 – Gian Vincenzo Pinelli et Claude Dupuy: Une correspondance entre deux humanistes / Ed. par Anna Maria Raugai. Firenze, 2001.

Procopius Cæsariensis. 1623 – Procopii Cæsariensis V.I. ANEKΛOTA. Arcana Historia, Qui est liber nonus Historiarum / Ex Bibliotheca Vaticana Nicolaus Alemannus protulit, Latinè reddidit, Notis illustravit. Lugduni, 1623.

Rubens. 1887-1909 – Correspondance de Rubens et documents épistolaires concernant sa vie et ses oeuvres / Pub., trad. et annotés par Max Rooses et Ch. Ruelens. Antwerp, 1887-1909.

Ryves. 1628 – [Ryves. Th.] Imperatoris Ivstiniani Defensio Aduersus Alemannvm / Avtore Thome Rivio, J.C. Regis in Anglia Aduocato. Francofvrti, 1628.

ЛИТЕРАТУРА

Неклюдова. 2005 – Неклюдова М. Антуан Варийас, “писатель анекдотов” // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2005. Вып.15. С.342-343.

Botley. 2004 – Botley P. Latin Translation in the Renaissance: The Theory and Practice of Leonardo Bruni, Giannozzo Manetti and Desiderius Erasmus. Cambridge, 2004. (Cambridge Classical Studies).

Cameron. 1985 – Cameron A. Procopius and the sixth century. Berkeley, 1985.

Devreesse. 1965 – Devreesse R. Le fonds grec de la Bibliothèque Vaticane des origines à Paul V. Città del Vaticano, 1965.

Du Crest. 2001 – Du Crest S. Girolamo Aleandro (1574-1629): un romain au coeur de l'Europe des lettres et des arts // Genre et Société / Ouvrage collectif sous la dir. de Francine Wild. Université de Nancy 2, 2001. T.II. P.245-252.

Etayo-Piñol. 2000 – Etayo-Piñol M.-A. Lyon, plaque tournante de la culture espagnole en France à l'époque moderne // La transmission du savoir dans l'Europe des XVIe et XVIIe siècles / Textes réunis par Marie Roig Miranda. Paris, 2000. P.451-468.

Fuller. 1840 – Fuller Th. The History of the worthies of England / A new ed. in 3 vols. London, 1840. T.I.

Gachard. 1877 – Gachard L.P. Histoire politique et diplomatique de Pierre-Paul Rubens. Bruxelles, 1877.

Gibbon. 1898 – Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire / In 7 vols. London, 1898. T.IV.

Herklotz. 1995 – Herklotz I. Francesco Barberini, Nicolò Alemanni and the Lateran Triclinium of Leo III: an Episode in Restoration and Seicento Medieval Studies // Memoirs of the American Academy in Rome. 1995. Vol.40. P.175-196.

Hoffmann. 1995 – Hoffmann K.A. Le phallus du Roi défaillant et dévoilé: la politique érotique de la monarchie absolue // Le corps au XVII siècle / Actes du premier colloque conjointement organisé par la Noth American Society for Seventeenth-Century French Literature et le Centre International de Rencontres sur le XVIIe siècle, University of

California, Santa Barbara (17-19 mers 1994) / Ed. par Ronald W. Tobin. Paris-Seattle – Tübingen, 1995. P.331-340.

Ianziti 2012 – *Ianziti G.* Writing History in Renaissance Italy. Leonardo Bruni and the Uses of the Past. Cambridge, MA, 2012.

Jaffé. 1989 – *Jaffé D.* The Barberini Circle: Some Exchanges between Peiresc, Rubens, and their Contemporaries // Journal of the History of Collections. 1989. Vol.I. №2. P.119-147.

Kalli. 2004 – *Kalli M.K.* The manuscript tradition of Procopius' Gothic wars: a reconstruction of family γ in the light of a hitherto unknown manuscript (Athos, Lavra H-73). München, 2004.

Lilla. 2004 – *Lilla S.* I manoscritti vaticani greci. Linamenti di una storia del fondo. Città del Vaticano, 2004.

Mazzarino. 1976 – *Mazzarino S.* The End of the Ancient World / Trans. by George Holmes. Westport, Conn., 1976.

Omont. 1889 – *Omont H.* Les manuscrits et les livres annotés de Fabri de Peiresc. Toulouse, 1889.

Wilson. 1983. – *Wilson N.G.* Scholars of Byzantium. L., 1983.

А.Ю. Серегина

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКОЙ
РЕЛИГИОЗНОСТИ И ЭПИСТОЛЯРНЫЕ
ПРАКТИКИ В XVII В.
(ЛУИСА ДЕ КАРВАХАЛЬ И МЭРИ УОРД)**

Ключевые слова: репрезентации, религиозные практики, письма, Луиса де Карвахаль, Мэри Уорд, иезуиты

Аннотация: В статье анализируются женские репрезентации религиозных практик в эпистолярном жанре, их функции, а также обратное влияние репрезентаций на социальные практики, в частности, на судьбу двух «радикальных» католичек XVII в. – Луисы де Карвахаль и Мэри Уорд.

Реформаторы церкви XVI–XVII столетий – католики и протестанты – в своих полемических и/или наставительных произведениях описывали идеальное устройство христианского общества, непосредственно или через критику реальных или приписываемых оппонентам (обычно представителям иной конфессии) несовершенств. Ведь хаос и нарушение «правильного» общественного устройства мыслились порождением ереси и/или идолопоклонства, т.е., греха. А в идеальном обществе каждый человек находился на своем месте, определенном его социальным и гендерным статусом¹. В католических сочинениях женщинам отводились роли монахинь, молящихся за грехи мира, от которого они были отгорожены строгим затвором, или же жен и матерей, воспитывавших домочадцев в духе благочестия. И те, и другие должны были находиться под постоянным руководством на-

---

¹ Gender. 2002; Maclean. 1980.

ставников-мужчин, причем не столько мирян (отцов и мужей), сколько клириков².

Социальные практики, конечно, далеко отстояли от этой идеальной картины, причем речь здесь идет не только – и не столько – об обычном расхождении теории и практики, и даже не о норме и отклонении от нее, а о параллельном существовании другой нормы поведения, предписанного женщинам. Женская активность и инициатива в религиозной сфере отнюдь не всегда подавлялась клириками. Зачастую – и особенно, когда речь идет о конфессиональных сообществах, подвергавшихся гонениям – действия женщин, совсем не укладывавшиеся в идеальную модель смирения и пассивного восприятия, прямо поощрялись мужчинами. Женщины настаивали в вере, учили и даже проповедовали, а порой и крестили детей. Но все эти действия помогали преследуемым общинам выжить, сохранив конфессиональную идентичность, и потому были социально приемлемыми³.

Тем не менее, подобная ситуация не могла не создавать напряженности, прежде всего в области осмысления и описания деятельности женщин, порой порождая и конфликты в рамках сообщества. Способы описания женских религиозных практик уже не раз становились предметом исследований ученых; обычно либо проблематизируются мужские описания⁴, либо анализируются женские само-репрезентации⁵. В

---

² Wiesner-Hanks. 2008; Leonard. 2005; Women. 1995; Panft. 1996; Sperling. 2000; Baernstein. 2002; Lehfeldt. 2005; Strasser. 2004; Laven. 2004; Walker. 2003; Rapley. 1990; Lux-Sterritt. 2005; Dinan. 2006; Mazzoniz. 2007.

³ О роли женщин в религиозной жизни преследуемых католических сообществ Англии и Нидерландов см.: Crawford. 1993; Rowlands. 1985; Rowlands. 2009; Parker. 2008; Серегина. 2006; Серегина. 2012.

⁴ О репрезентациях англичанок-католичек см. Dolan. 1999; Серегина. 2008.

⁵ О женских текстах, созданных внутри английского католического сообщества, написано совсем немного. См. Grundy. 1992; Latz. 1997; Серегина. 2011.

данной статье речь пойдет о последних, однако в центре внимания будет находиться выбор эпистолярного жанра репрезентации женщинами и его функции, а также обратное влияние репрезентаций на социальные практики, в частности, на судьбу двух неординарных женщин XVII в.

В статье анализируются само-репрезентации двух наиболее «радикальных» католичек XVII в. – Луисы де Карвахаль и Мэри Уорд. Обе они были визионерками, авторами религиозных текстов и посланий и стремились к проповеди католического учения, прежде всего, в протестантской Англии, хотя и принадлежали по рождению к разным кругам.

Старшая из дам, Луиса де Карвахаль-и-Мендоса (1566-1614), принадлежала к одной из знатнейших семей Испании, и была богатой наследницей. Еще в юности отказавшись от брака, она, достигнув совершеннолетия, не выбрала и традиционный для благочестивых дам ее круга путь в монастырь. Вдохновленная примером иезуитов, Луиса стремилась к активной проповеди в миру. Основанные ею женские общины (в Мадриде, и впоследствии в Лондоне) имели уставы, близкие к уставу Общества Иисуса. В самом начале XVII в. Луиса де Карвахаль при помощи английских и испанских иезуитов добилась от испанского короля Филиппа III разрешения отправиться в Англию и там помогать своим единоверцам. Обосновавшись в Лондоне в 1605 г., она устраивала убежища для священников, собирала католиков на запрещенные богослужения, оказывала финансовую и иную помощь арестованным католикам, и даже проповедовала на улицах английской столицы (об этом см. ниже). Луиса дважды – в 1608 и 1613 гг. – подвергалась аресту; последний из них подорвал ее здоровье, и она умерла в Лондоне в январе 1614 г.⁶

В Лондоне Луиса де Карвахаль встретила со своей младшей современницей Мэри Уорд. Эта встреча, по всей ви-

---

⁶ О Луисе де Карвахаль см.: Abad. 1966; Cruz. 1992; Cruz. 2004; Cruz. 1994; Levy-Navarro. 2005; Pinillos Iglesias. 2001; Rees. 2003; Rees. 1997; Rhodes. 2006; Rhodes. 1998; Redworth. 2008; Серегина. 2013.

димости, оказала большое влияние на молодую англичанку, которая впоследствии тоже стремилась создать женскую религиозную организацию наподобие Общества Иисуса и заслужила от современников прозвище «иезуитесса» (отнюдь не подразумевавшее комплимента!). Мэри Уорд (1585-1645) родилась в семье дворян-католиков севера Англии (Йоркшира). Как и Луиса, она рано избрала путь безбрачия, а затем отказалась и традиционного монашеского пути. В 1609 г. она основала Институт⁷ Блаженной Девы Марии, который должен был заниматься наставлением девочек и женщин в вере. Программа школ, основанных Институтом по всей Европе (в Германии и Италии) в 1615-1628 гг., опиралась на программы иезуитских коллегий, адаптированные для женщин. Кроме того, Мэри Уорд не скрывала и своего стремления проповедовать католическое учение, не ограничиваясь рамками школы. Подобные инициативы были приняты клириками-мужчинами (и прежде всего, английскими иезуитами) крайне негативно. В 1631 г. Институт был расформирован по приказу папы, а сама его основательница была арестована и девять недель провела в тюрьме Инквизиции в Риме, после чего ее отправили на родину. Там Мэри Уорд фактически продолжала свою деятельность проповедницы и наставницы (в Лондоне), хотя не пыталась уже придать ей какую-либо официально признанную форму. Скончалась она в Йоркшире, куда ее вынудила вернуться начавшаяся в 1642 г. гражданская война⁸.

Как видим, судьбы этих дам сложились по-разному. Если активной миссионерской деятельности Луисы де Карвахаль сопутствовал успех (хотя бы частичный), то на долю Мэри Уорд выпало куда больше преследований со стороны своих собратьев по вере. Конечно, такая разница была обусловлена

---

⁷ Институт – Institutum – термин, употреблявшийся Мэри Уорд в том же значении, в каком его употребляли иезуиты, говоря об Institutum Societas Iesu.

⁸ О Мэри Уорд см.: Peters. 1994; Littlehales. 1998; Chambers. 1882-1885; Серегина. 2006.

множеством причин, и не в последнюю очередь – различием в их социальном статусе. Луиса де Карвахаль могла похвастаться родством со знатнейшими семьями Испании, члены которых фактически и управляли ею, тогда как Мэри Уорд не приходилось рассчитывать на таких высокопоставленных покровителей. Тем не менее, представляется, что важную роль в судьбе этих женщин сыграли и избранные ими способы саморепрезентации. В данной статье будут анализироваться два их аспекта: репрезентации обеими дамами своего визионерского опыта, а также и предпочитаемые ими образы, при помощи которых они отображали свою деятельность.

Для обеих дам видения были важной частью их религиозной жизни, однако они по-разному отображались в публичных образах, которые они являли миру. Для Луисы де Карвахаль видения были глубоко личными переживаниями. Они относятся к мадридскому периоду ее жизни и напрямую связаны с практикой ежедневного причащения и медитаций, сконцентрированных на теле Христовом. Описания ее видений кратки и были составлены по распоряжению ее исповедника. И хотя сами рукописные оригиналы, сохранившиеся в составе большого «досье», подготовленного ее наставниками-иезуитами в ожидании скорой канонизации Луисы, не несут на себе следов редакторской правки, визионерка явно продумывала каждое слово, и не только ради адекватного отображения своего мистического опыта, но скорее, чтобы ни на шаг не отойти от признанных церковью образцов.

Луиса де Карвахаль говорит об ощущении ею присутствия Бога и его божественной любви. Последняя описывается как место: Луиса уподобляет свой опыт восхождению к «дворцам божественной любви, выстроенным в соответствии с наставлениями Божественной воли»⁹.

Эта традиционная для христианских авторов метафора восходит к Новому Завету («В доме Отца Моего обителей много», Ин 14:2) и интерпретируется у Бл. Августина и дру-

---

⁹ Carvajal. 1966. P. 216.

гих богословов и визионеров. Наиболее близким по времени и значению для Луисы де Карвахаль были сочинения Св. Тересы¹⁰.

Очевидно намерение Луисы представить свои видения приемлемыми для исповедников и явное желание согласовать их с традицией католического богословия. При этом она никогда не обнародовала не только содержание своих видений, но даже сам их факт, не упоминая о них даже членам своей маленькой общины. Согласно показаниям ее подруги Инес де Асунсьон, входящим в состав «досье» по канонизации, Луису считали «не визионеркой, но женщиной великих добродетелей и глубокого понимания»¹¹. Таким образом, рассказы о видениях были по желанию самой Луисы исключены из ее публичного образа.

Причину такой осторожности можно понять: будучи испанкой, Луиса хорошо знала, как легко визионерки привлекали к себе пристальное и недоброжелательное внимание инквизиции. Св. Тересе пришлось стать объектом нескольких расследований, и об этом было широко известно. Луиса же была гораздо более уязвима: она не принадлежала ни к одному монашескому ордену и, вопреки желаниям родственников и многих духовных наставников, наотрез отказывалась принести монашеские обеты и связать себя правилом затвора. К тому же она принадлежала к знатной семье и открыто выражала вполне определенные политические взгляды, в частности, неприятие курса на примирение с правительством английских «еретиков», возобладавшему в начале XVII в. и нашедшему свое выражение в заключении мирного договора 1604 г. Все эти факторы вместе создавали врагов, которым на руку были бы слухи о видениях.

Луиса наверняка знала о судьбе своей современницы, мадридской визионерки Лукресии де Леон, взгляды которой на уготованную Провидением Испании роль защитницы ис-

---

¹⁰ Chorpenning. 1991.

¹¹ Redworth. 2008: 56.

тинной веры, она сама полностью разделяла. Но знала она также и о незавидной судьбе девушки, которая имела неосторожность обнародовать свои видения в письмах, да еще и затрагивала в них политические вопросы (например, права инфанты Изабеллы, дочери Филиппа II на английский престол): дело Лукресии рассматривалось инквизицией в течение пяти лет (1590-1595 гг.), а затем она была приговорена к публичному покаянию и заключению в монастырь на два года¹².

Опасение привлечь к себе внимание инквизиции заставило Луису пресекать любые слухи о своих видениях. Мэри Уорд относилась к своим видениям совсем иначе. Они были частью образа, который она являла миру, и прежде всего, созданной ею общине. Все ее видения были связаны с переломными моментами в ее жизни, а именно, отказом вступить в орден клариссинок, а затем и кармелиток (два видения 1609 г.), и, наконец, открытый ей в видении план создания своего собственного ордена (1614 г.).

Существует два варианта описания видений. Одна редакция восходит к рассказам Мэри Уорд, бытовавшим среди членов ее общины и записанным (и отредактированным) после ее смерти Мэри Пойнтс и Уинифридом Уигмором (1645-1650 гг.)¹³.

---

¹² Kagan. 1995.

¹³ Мэри Пойнтс (1604-1667) была одной из близких подруг Мэри Уорд. Она сопровождала последнюю в Мюнхен в 1627 г., где и осталась во главе школы для девочек. После роспуска ордена в 1631 г. поддерживала тайную переписку с опальной Мэри Уорд, а позднее последовала за ней в Англию и оставалась с ней до самой смерти. В 1650 г. Мэри Пойнтс уехала на континент – сначала в Париж, где и составила биографию Мэри Уорд, а затем в Рим, и позднее в Германию. Скончалась в Мюнхене. См. о ней: WWN.

Уинифридом Уигмором (1585-1657) была кузиной Мэри Пойнтс и ее секретарем, сопровождала ее в путешествиях по Европе и вместе с ней вернулась в Англию. Оставалась с Мэри Уорд до смерти последней, затем уехала во Францию, где стала основательницей школы для девочек в Париже. Вместе со своей двоюродной сестрой составила биографию Мэри Уорд. См. о ней: WWN. Рукопись биографии опубликована: Poyntz. 2008

Другая, несколько от нее отличающаяся, принадлежит самой Мэри Уорд, которая в 1632 г., находясь под арестом в Риме, составила автобиографическое сочинение, где обосновывала свое решение создать свою общину¹⁴. Хотя ни та, ни другая версия не предназначалась для печати, обе они были публичными. Одна распространялась в среде последовательниц Мэри Уорд, а другая была адресована клирикам, которым предстояло принимать решение о судьбе Института Девы Марии.

Вот как Мэри Уорд описывает свое первое видение, которого она удостоилась в день Св. Афанасия (2 мая) 1609 г. в Сент-Омере, в конvente клариссинок:

«Там со мной произошло нечто, природа которого мне неизвестна, и я никогда не знала, как это объяснить. Это казалось полностью божественным и пришло с такой силой, что уничтожило меня и превратило в ничто. Моя сила исчезла, и во мне действовало лишь то, что Бог исполнил во мне. Я осознавала только образ – интеллектуальный – того, что сделано, и того, что должно быть сделано через меня, хочу я того, или нет. Страдание было велико, так как намного превосходило мои силы, а утешение видеть, как Бог пожелал использовать меня так, как ему более угодно, было еще больше. Там мне было показано, что мне не должно вступать в орден Св. Клары. Я должна была делать что-то другое, но что и какой природы, я не видела, и не могла догадаться, понимая только, что это должно быть хорошо и по воле Бога»¹⁵.

---

¹⁴ Ward. 2008.

¹⁵ 'There happened to me a thing of such a nature that I knew not, and never did know how to explain. It appeared wholly Divine, and came with such force that it annihilated and reduced me to nothing; my strength was extinguished, and there was no other operation in me but which God fulfilled in me; the sight – intellectually – of what was done, and what was to be done in me, I willing, or not willing, of this only I was conscious. The suffering was great because far beyond my powers, and the consolation was greater to see that God willed to make use of me in what please him more. There it was shown to me that I was not to be of the Order of St Clare; some other thing I was to do, what, or of what nature, I did not see, nor could I guess, only that it was to be a good thing, and what God willed'. Ward. 2008: 136.

Описанием видения Мэри Уорд подчеркивала, что ее отказ от жизни в конvente клариссинок был не проявлением упрямства и своеволия, но, напротив, полным подчинением божественной воле. Уже находясь в тюрьме инквизиции, Мэри Уорд отнюдь не стремилась усугублять свое положение, поэтому ее описание видения кратко, и в нем практически отсутствуют визуальные образы или голоса, которые могли бы быть истолкованы как дьявольские наваждения.

Подобным же образом описывается ею и другое видение, полученное позднее в том же году, когда она вернулась в Лондон и пыталась понять, что же ей делать дальше. Это видение служит обоснованием окончательного отказа от традиционной монашеской жизни в общине, подчиняющейся правилу затвора.

«Я была извлечена из своего существа, и мне было явлено, ясно и с необъяснимой уверенностью, что я не должна принадлежать ордену Св. Терезы, но что для меня предопределено нечто иное, несравненно более служащее славе Господней, нежели мое принятие святой монашеской жизни. Я не видела, каким будет это несомненное благо, но слава Господня, которая должна была из этого восследовать, проявила себя необъяснимо и так изобильно, что заполнила всю мою душу таким образом, что я в течение долгого времени не чувствовала и не слышала ничего, кроме “Слава, слава, слава”»¹⁶.

Рассказы о видениях, приведенные в биографии Мэри Уорд, представляют собой краткие версии вышеприведенных, что неудивительно: составительницы биографии были близкими к ней людьми, а Уинифрид Уигмор к тому же – и ее

---

¹⁶ ‘I was abstracted out of my whole being, and it was shown to me with clearness and inexpressible certainty that I was not to be of the Order of St Teresa, but that some other thing was determined for me, without all comparison more to the glory of God that my entrance into that holy religion. I did not see what the assured good thing would be, but the glory of God which was to come through it showed itself inexplicably and so abundantly as to fill my soul in such a way that I remained for a good space without feeling or hearing anything but the sound “Glory, glory, glory”’. Ward. 2008: 139.

личным секретарем, имевшим доступ к рукописи. По сравнению с первой версией в них появляется, однако, примечательный момент. Если представленная ею версия подчеркивает внезапность мистического опыта, и соответственно, полное подчинение воле Бога, в биографии видения Мэри Уорд каждый раз связываются с состоянием молитвенного сосредоточения¹⁷. Нельзя не вспомнить о практике «Духовных упражнений», которая зачастую и была призвана помочь принять важное решение. Такой акцент на духовных практиках иезуитов не удивителен, учитывая как стремление самой Мэри Уорд основать женскую общину «иезуитесс», так и опыт общения с наставниками-иезуитами. Именно их она выбирала в исповедники; иезуитами были брат Мэри Пойнтс Джон и три брата ее кузины Уинифрид Уигмор. Однако подчеркивание связей с иезуитами и использование их религиозных практик (которые сами по себе отнюдь не являлись запретными для мирян) вряд ли послужило бы хорошей защитой для арестованной Мэри Уорд, поэтому намеки на «Духовные упражнения» отсутствуют в ее собственном тексте.

Примечательно, что в рукописной биографии, предназначенной для последовательниц Мэри Уорд, присутствует и описание еще одного мистического опыта. В этом видении Мэри Уорд получила план создания своего ордена:

«Способ, каким Господь объявил ей свою благословенную волю относительно Института, и состояния жизни, в котором ей должно было служить ему и прославлять его, был таков: уйдя внутрь себя, со сверхъестественным покоем в уме, она поняла интеллектуально, но точно, в определенных словах, какой Институт она должна создать, и это – с такой быстротой, ясностью и силой, что в ней не осталось силы желать, или желать чего-то другого, так что ее обычным выражением было: “Все уже сделано со мной, мне остается только быть верной”¹⁸.

¹⁷ Poyntz. 2008: 13-14, 19.

¹⁸ ‘The manner by which God Almighty made knowne to her his blessed will concerning the Institute, and state of life in which she was to serve and

Таким образом, видения Мэри Уорд, и прежде всего, рассказы о них, приводимые ею самою и сестрами ее общины служили обоснованием своего пути в религии, отличного от общепринятого и предписанного для женщин Тридентским собором. Помогали они и оправдать сопротивление духовникам: ведь даже те не имели права оспаривать волю Бога. Подобное обоснование своих действий неоднократно использовалось средневековыми визионерками (самым близким английским примером будет здесь Марджери Кемпе¹⁹), но оно становилось все более и более опасным, как свидетельствуют судьбы визионерок XVI и XVII вв. (см. выше).

Вторым отличием, имевшим большое значение в судьбах обеих женщин, были образы, использовавшиеся ими для описания своей деятельности. Луиса де Карвахаль в своих письмах, а также небольшом сочинении, объяснявшем решение уехать в Англию, говорила о желании мученичества. Она не рисковала заявлять о своем стремлении стать миссионером, наподобие иезуитов, хотя ее деятельность на практике была как раз миссионерской. Но эта роль отводилась мужчинам. Мученичество же было открыто и для мужчин, и для женщин, поскольку сила выдерживать жесточайшие муки, свидетельствуя свою веру, определялась божественной благодатью, трансформировавшей человека и преодолевавшей ограничения пола.

Исследователи уже давно отметили, что католики второй половины XVI – XVII вв. представляли своих святых как героев, а их благочестивые подвиги описывали в понятиях «героической добродетели»²⁰. Однако героические образы были

---

glorify him, was retired within her selfe, with extraordinary peace of mind, she understood intellectually but distinctly in precise words what Institute she was to take, and this with such alacrity, consolation and vigour, that she remained without power to will or will other, so as her usuall expression heereof was: All is as done with me, it onely remains that I be faithful'. Poyntz. 2008: 14.

¹⁹ См. Суприянович. 2008: 186-202.

²⁰ Po-Chia-Xsia. 1998: 122-134; Burke. 1987: 48-62.

в силу своего происхождения мужскими. Применение их к описанию и осмыслению женского благочестия порождало появление в жизнеописаниях благочестивых дам, и в особенности мучениц отчетливых мужских черт. Мученичество описывалось не в гендерно-нейтральных понятиях, ведь оно подразумевало стойкость (и публичность самого события) и относилось к сфере мужского поведения. Неслучайно в рассматриваемый период авторы полемических и наставительных сочинений часто подчеркивали, что мученики вели себя как мужчины. Такие ремарки можно встретить и у католика Томаса Уорthingтона в «Сообщении о шестнадцати мучениках» (1601), в рассказе о казни Джона Ригби, который вел себя «по-мужски» [manfully]²¹, и у протестанта Джона Фокса в повествовании о казни Остина Бернера, к которому был обращен призыв «быть мужчиной» ('play the man')²². А в кратком жизнеописании английской мученицы-католички Маргарет Клитероу его автор, священник Джон Муш, сознательно использует эпитеты, которые обычно применялись по отношению к мужчинам: «осторожная и предусмотрительная» ('carefull & providente') и уподобляет ее кормчему ('Pilote')²³. Примечательно и его описание жизни героини до ареста, занимающее первую часть пространной редакции ее жития: автор именует его «мученичеством благочестия»²⁴. Представляется, что такой образ оказывался более приемлемым для описания женской религиозности, поскольку мученичество предполагало пассивное принятие страданий. Активная деятельность в сфере религии в теории мыслилась прерогативой мужчин.

Следуя этой традиции, Луиса де Карвахаль предоставляла аудитории приемлемый «мужской» образ, хотя и он тоже

---

²¹ Worthington. 1601.

²² Foxe. 1576. P. 1645. Джон Фокс здесь цитирует первую христианскую мученицу – мученичество Поликарпа. См. Briez Monta. 2005: 211.

²³ Mush. 1619: A5^r

²⁴ Mush. 1877.

давал простор для толкований. Показательным примером в этом отношении были письма, отправленные Луисой на родину друзьям 29 июня 1608 г., вскоре после ареста, где она рассказывала о допросе у мирового судьи (сэра Томаса Беннетта). В письме, адресованном главе английских иезуитов в Испании Джозефу Кресуэллу, она говорила:

«Я сказала ему [судье – А.С.], что мое имя Луиса де Карвахаль, и что я – испанка ... что я прибыла сюда, чтобы последовать примеру святых нашей церкви, которые расставались со своими странами, семьями и друзьями из любви к Богу, и отправлялись жить в чужие страны в бедности и без защиты ...

Он спросил меня, считаю ли я папу главой церкви, а его религию – единственно истинной. Я сказала, что считаю. Он спросил, всегда ли я желала придерживаться этих мнений. Я сказала, да, всегда, и готова умереть за них»²⁵.

Этот же рассказ, повторенный почти дословно, присутствует и в других письмах (к популярному проповеднику-францисканцу Лоренсо да Понте, подруге Инес де Асунсьон, и монахиням Ане де Хесус и Мариане де Сан-Хосе²⁶).

В письмах Луисы появляется и образ воина за веру, борющегося не мечом, а молитвой. Этот образ типичен для наставительных сочинений XVI в., и особенно распространен среди авторов-иезуитов, описывавших свою деятельность как войну против ереси, ведущуюся при помощи слова (или пера)²⁷.

---

²⁵ ‘Preguntó mi patria, nombre, vivienda y venida a Inglaterra; y, con la verdad, atajé mucho, diciéndole me llamaba Luisa de Carvajal, y era española, <...> y que había venido por seguir el ejemplo de muchos santos de la santa Iglesia que se desterraron voluntariamente de su patria, deudos y amigos, por amor de Nuestro Señor, y vivieron en tierras extrañas con desamparo y pobreza. <...>. Y díjome si era así que afirmaba ser el Papa cabeza de la Iglesia, y su religión la sola verdadera. Dije que sí. Dijo que si quería siempre permanecer en tales opiniones. Y respondí que sí quería, y estaba aparejada a morir por ellas’. Carvajal. 1999: Ep. 94 (Al padre José Cresvelo, S. I).

²⁶ Carvajal. 1999: Ep.95-98.

²⁷ Levy-Navarro. 2005.

Таким образом, «мученичество» Луисы никогда не было простым и однозначным образом; оно, несомненно, вызывало вопросы. Так, автор ее первой печатной биографии, францисканец Луис Муньос почувствовал необходимость защитить свою героиню от обвинений в неприличествующем женщине поведении и объяснял читателям: деятельность Луисы сводилась к вполне допустимой для женщин помощи миссионерам. Он оговаривал также и особые ситуации, когда – как в современной ему Англии – католические священники не могут проповедовать публично; тогда на помощь им могут прийти «святые женщины»²⁸.

Полный же отказ от образа мученика (хотя бы и потенциального) оказывался неприемлемым, особенно если текст адресовался клирикам. Однако именно это и выбрала Мэри Уорд.

В своей автобиографии она писала:

«В течение многих лет я имела горячее желание стать мучеником, и долгое время мой ум был прикован к этому счастливому концу ... Но Богу было угодно в настоящее время умерить твердость этих намерений»²⁹.

Далее следовал рассказ об одном из видений (2 мая 1609 г., см. выше), заставивших ее отказаться от вступления в традиционный монашеский орден и побудивших ее к активной деятельности. Однако претензия на статус избранного Богом проповедника не понравилась читателям автобиографии; неудивительно, что созданный Мэри Уорд орден постигла печальная судьба.

²⁸ 'essa necesidad dava licencia a mugeres santas, no por dispensacion de la ley commun, sino porque la misma ley no se entienda, ni habla en este caso. Tal era la provincial de Inglaterra, donde los ministros les Evangelio, y cooperarios de los Apostoles no pueden hablar in public y enseñar la verdad Catolica'. Muños. 1632: F.125.

²⁹ 'I had during these years burning desires to be a martyr, and my mind for a long time together fixed upon that happy event ... But through certain occurrences it pleased God for the present to moderate the vehemence of these aspirations'. Ward. 2008: 124.

Наконец, избранные ими способы контроля над распространением собственных образов существенно различались. Мэри Уорд в этом отношении была довольно пассивна: она обосновывала свои действия лишь тогда, когда ее к тому принуждали обстоятельства, а ее обширная переписка была посвящена делам ордена. Луиса де Карвахаль сильно от нее отличалась. Она полностью использовала возможности переписки для формирования определенного представления о своей деятельности и его тиражирования.

Послания Луисы представляли собой письма, адресованные частным лицам, поэтому они воспринимались как приемлемые. Когда в ходе начавшегося процесса канонизации, развернувшегося практически сразу после ее смерти (1614 г.) возник вопрос о том, что она активно распространяла информацию о мученичествах католических священников в Англии, фактически публикуя ее, что приличествовало мужчинам, в ее защиту было сказано: эти сведения присутствовали лишь в частных письмах, как и подобало женщине³⁰.

Однако грань между частной и публичной сферой в переписке Луисы де Карвахаль оказывалась проницаемой и подвижной. Адресатами писем Луисы были известные своей набожностью монахини, родственники и духовные наставники, как того и следовало ожидать от благочестивой дамы. Но это – лишь на поверхностный взгляд. Из 178 известных посланий самая большая группа – 47 писем – была адресована женщине, Магдалене де Сан-Херонимо, однако назвать ее частным лицом можно лишь с натяжкой. Она была духовной наставницей и влиятельным политиком при брюссельском дворе, а также посредницей Луисы де Карвахаль в общении с правительницей Испанских Нидерландов, инфантой Изабеллой. Вторая по значимости группа писем (27) была адресована мужу кузины Луисы, Инес Варгас де Карвахаль, Родриго де Кальдерону, графу де ла Олива, правой руке фактического правителя Испании, герцога Лермы. Последнему адресовано

---

³⁰ Redworth. 2008: 123-124.

одно из посланий Луисы. Среди других ее адресатов – глава английских иезуитов в Испании Джозес Кресуэлл, влиятельные проповедники (иезуиты и не только) Эрнандо де Эспиноса, Лоренсо да Понте, маркиз де Карасена (вице-король Валенсии) и его супруга, Леонор де Кирос (посредница графини де Миранда, супруги председателя Совета Кастилии и члена Королевского Совета), Мариана де Сан-Хосе (настоятельница конвента августинок в Мадриде, имевшая большое влияние на королеву Марианну Австрийскую) и Ана де Хесус (кармелитка, распространившая реформу Св. Тересы на монастыри за пределами Испании, в частности, в Франции и Нидерландах; пользовалась покровительством инфанты Изабеллы)³¹. Очевидно, что письма Луисы были адресованы представителям политической элиты, повлиявшим на принятие решений в Мадриде и Брюсселе. Именно им предназначался и рассказ о ее деятельности, причем он модифицировался в зависимости от аудитории.

Выше уже отмечалось, что рассказ о мимолетном аресте Луисы в июне 1608 г. был повторен ею в письмах к Джозефу Кресуэллу, Лоренсо да Понте, Мариане де Сан-Хосе, Ане де Хесус и подруге детства Инес де Асуньсьон от 29 июня 1608 г., а потом еще и в письме маркизу Карасена от 28 августа 1608 г. Все эти повествования похожи, и порой почти буквально воспроизводят друг друга, но есть в них и существенные отличия. Так, объясняя свое решение говорить с англичанами о вере, Луиса во всех письмах подчеркивала, что хотя риск лично для нее и велик, такие действия необходимы, поскольку католические миссионеры в Англии не имеют возможности проповедовать, и задача рассказывать о вере выпадает мирянам. Примечательно, однако, что только в письмах к духовным лицам Луиса считает необходимым оправдаться, подчеркивая, что основы вероучения могут быть разъяснены любыми мирянами (в том числе и женщинами!). Так, обращаясь к Джозесу Кресуэллу, она пишет:

---

³¹ Подсчеты сделаны по: Carvajal. 1999.

«В этих простых вопросах существуют обычные доводы против заблуждения, которые может использовать любой»³².

Эту же фразу, несколько видоизмененную, можно встретить и в письме к Лоренсо да Понте³³. Однако в письмах женщинам таких оговорок нет, да и в тех, что адресованы мужчинам-мирянам – тоже. В письме маркизу Карасене Луиса объясняет, что обращение простых англичан чаще всего предоставлено усилиям мирян, и, как правило, женщин:

«Мое сердце разрывается, видя, как многие тысячи душ гибнут в пучине греха, и никто не говорит им ни слова, потому что священникам и монахам полностью запрещено говорить публично ... Похоже, обращение этого народа предоставлено таким незаметным людям, как я и другие, подобные мне. Хотя это пока еще не принесло плоды, истина посеяна глубоко в их сердцах, а открыв их глаза свету, открываешь дверь божественному вдохновению. Если вы спросите у тех, кто покинул нас много лет назад, а теперь обращается обратно [в нашу веру], кто ответственен за это, большинство или даже все ответят: это была женщина, жившая по соседству, служанка, дочь хозяина, или же мужчина – друг или знакомый, с которыми они встретились, и которые говорили с ними о вере ... Когда они [протестанты] смягчаются, эти, или подобные им люди находят их, уже вдохновленных Богом, и ведут их к священникам, чтобы они могли примириться со святой церковью, или же наставляют их, если те пока еще не получили [наставлений]. Так что они присылают ко мне людей, каких мы сами можем наставить в самых важных положениях вероучения, так что потом они знают, как исповедоваться»³⁴.

---

³² ‘Y en estas cosas llanas de fe hay razones sabidas muy convenientes a quienquiera, y con que se puede hacer guerra al error’. Carvajal. 1999: Ep.94.

³³ ‘que en estas cosas tan llanas de fe, hay razones sabidas muy fundamentales, que quien quiera puede con ellas hacer guerra al error convenientemente’. Carvajal. 1999: Ep.96.

³⁴ ‘Quiebra el corazón ver tantos millares de almas anegadas en un abismo de error, sin quien les diga palabra; porque los sacerdotes y religiosos por ninguna vía pueden hablar en público, y si de algunos herejes son conocidos, no pueden salir de día por las calles sin notable peligro de ser luego cogidos;

В этом отрывке видно, что Луиса прекрасно осознавала всю важность миссионерской деятельности мирян-католиков, с которыми она ассоциировала себя, и даже с гордостью описывала свою работу. Но не стоит забывать, что это письмо адресовано мирянину. В переписке с клириками Луиса была гораздо более сдержанна.

И во всех письмах без исключения присутствует образ потенциальной мученицы, готовой смертью свидетельствовать свою веру. Луиса даже намекает своим читателям, как именно его следует воспринимать, манипулируя авторитетом влиятельных придворных исповедников и монахинь. Так, в письме Мариане де Сан-Хосе она словно бы невзначай роняет фразу:

«Полагаю, что отец Лоренсо [да Понте] будет рад узнать, что я подвергалась аресту, ведь его дух так созвучен рвению первых христиан»³⁵.

Таким образом, Луиса сознательно формировала свой образ, подстраивая его под свою аудиторию.

И он оказался воспринятым: после смерти Луисы (от сердечного приступа, спровоцированного арестом в 1613 г.) католик-миссионер Джон Блекфан немедленно назвал ее «му-

---

y así parece que está librada la conversión de esta gente en las personas de tan poca importancia como yo y otras semejantes. Y aunque no parezca de presente el fruto, cava mucho la verdad arrojada en su corazón; y ponerles la luz delante los ojos, abre puerta a las inspiraciones de Dios. Porque si se pregunta a los que se han ido años ha, y se van ahora convirtiendo, ¿quién lo causó?, los más, o todos, responden que una mujer vecina, o una criada, o hija de tal casa, o, un amigo o conocido que se toparon, les habló en la religión y les vino a causar duda en su error. Y cuando se van ablandando y se fia algo de ellos, esos mismos, u otros que buscan ellos, ya tocados de Dios, los llevan a los sacerdotes para que los reconcilien con la santa Iglesia y los instruyan si no lo están. Y así, me envían a mí algunos que instruyamos nosotras en las cosas de la fe más necesarias y en que se sepan confesar'. Carvajal. 1999: Ep.99.

³⁵ 'Mucho me parece se ha de alegrar el padre Lorenzo de saber he sido presa, como tiene el espíritu tan templado al fervor de la primitiva Iglesia'. Carvajal. 1999: Ep.97.

ченицей за веру», а его слова повторил испанский посол Гондомар³⁶. Здесь мы сталкиваемся с удачным образом, точно выбранным способом описания деятельности женщины, распространенным в приемлемой форме. В XVII в. эпистолярный жанр оказывался идеально приспособленным для женской само-репрезентации, манипулирования образами и отчасти общественным мнением в сфере религии и политики.

*Анна Юрьевна Серегина
д.и.н., с.н.с. Центра гендерной истории ИВИ РАН
+7(495)9544489
aseregina@mail.ru*

---

³⁶ Redworth. 2008: 224.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Carvajal. 1966 – Carvajal L. de. Escritos Autobiograficos. Barcelona, 1966.
- Carvajal. 1999 – Carvajal L. de. Epistolario. 1999. Biblioteca virtual de Miguel de Servantes. [Режим доступа: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/epistolario-de-luisa-de-carvajal-y-mendoza--0/html/feecc246-82b1-11df-acc7-002185ce6064_5.html#I_95_ Дата входа 28.09.2013]
- Foxe. 1576 – Foxe J. The Acts and Monuments. L., 1576.
- Muños. 1632 – Muños L. Vida y Virtudes de la venerable Virgen Doña Luisa de Carvajal y Mendoza. Madrid, 1632.
- Mush. 1619 – Mush J. An Abstracte of the Life and Martirdome of Mistres Margaret Clitherowe. Mechlin, 1619.
- Mush. 1877 – Mush J. Life of Margaret Clitherow // The Troubles of Our Catholic Forefathers / Ed. by J. Morris. Vol.3. L., 1877.
- Ward. 2008 – Ward M. Italian autobiography [in English translation] // Ward, Mary. A Briefe Relation, with Autobiographical Fragments and a Selection of Letters / Ed. by C. Kenworthy-Browne, CJ. Catholic Record Society. Vol.81. L., 2008.
- Worthington. 1601 – Worthington T. A Relation of Sixtene Martyrs. Douai, 1601.

ЛИТЕРАТУРА

- Серегина. 2006 – Серегина А.Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI – начала XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып.12. М., 2006. С.118-144.
- Серегина. 2008 – Серегина А.Ю. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI-XVII вв. // Адам и Ева. Вып.15. М., 2008. С.53-99.
- Серегина. 2011 – Серегина А.Ю. Историописание в женских монастырях: «Хроника» конвента Св. Моники (XVIIв.) // Адам и Ева. Вып.19. М., 2011. С.119-147.
- Серегина. 2012 – Серегина А.Ю. Женщины-католички в Англии XVI-XVII вв.: публичная роль в частной сфере? // Адам и Ева. Вып.20. М., 2012. С.83-115.

Серегина. 2013 – *Серегина А.Ю.* Защитник веры и уличный проповедник: Луиса де Карвахаль в Лондоне начала XVIIв. // *Одиссей* 2013. М., 2013 (в печати).

Суприянович. 2008. – *Суприянович А.Г.* Женская идентичность и средневековая мистика. Опыт гендерного анализа. М., 2008.

Abad. 1966 – *Abad C.M.* Una misionera españoles en la Inglaterra del Siglo XVII: Doña Luisa de Carvajal y Mendoza (1566-1614). Santander, 1966.

Baernstein. 2002 – *Baernstein P.R.* A Convent Tale: a Century of Sisterhood in Spanish Milan. NY, 2002.

Briez Monta. 2005 – *Briez Monta S.* Martyrdom and Literature in Early Modern England. Cambridge, 2005.

Burke. 1987 – *Burke P.* How to Become a Counter-Reformation Saint // *Burke P.* The Historical Anthropology of Early Modern Italy. Cambridge, 1987. P.48-62.

Chambers. 1882-1885 – *Chambers M.C.* The Life of Mary Ward. 2 Vols. L., 1882-1885.

Chorpenning. 1991 – *Chorpenning J.F.* The Pleasance, Paradise and Heaven: Renaissance Cosmology and Imagery in the *Castillo Interior* // *Forum or Modern Language Studies*. Vol. 27. 1991. P.138-147.

Crawford. 1993 – *Crawford P.* Women and Religion in England. L., 1993.

Cruz. 1992 – *Cruz A. J.* Chains of Desire: Luisa de Carvajal y Mendoza's Poetics of Penance // *Estudios sobre escritoras hispanicas en honor de Georgina Sabat-Rivers* / Ed. by L. Charmon-Deutsch. Madrid, 1992.

Cruz. 1994 – *Cruz A. J.* Luisa de Carvajal y Mendoza y su conexion jesuita // *La mujer y su representacion en las literaturas hispanicas* / ed. J. Villegas Morales. Irvine, 1994.

Cruz. 2004 – *Cruz A. J.* Willing Desire: Luisa de Carvajal y Mendoza and Female Subjectivity // *Power and Gender in Renaissance Spain: Eight Women of the Mendoza Family, 1450-1650* / Ed. by H. Nader. Urbana; Chicago, 2004.

Dinan. 2006 – *Dinan S.E.* Women and Poor Relief in Seventeenth-Century France. Burlington, 2006.

Dolan. 1999 – *Dolan F.* Whores of Babylon: Catholicism and Seventeenth-century Print Culture. L., 1999.

Gender. 2002 – *Gender in Debate from the Early Middle Ages to the Renaissance* / Ed. by T. Fenster and C.A. Lees. NY, 2002.

Grundy. 1992 – *Grundy I.* Women's History? Writing by English Nuns // *Women, Writing, History, 1640-1740* / Ed. by I Grundy and S. Wiseman. L., 1992. P.126-138.

Kagan. 1995 – *Kagan R.L.* Lucrecia's Dreams: Politics and Prophecy in Sixteenth-Century Spain. Berkeley and LA, 1995.

Latz. 1997 – *Latz D.L.* Neglected Writings by Recusant Women // *Neglected English Literature: Recusant Writings of the 16th – 17th centuries.* Part II. Salzburg, 1997.

Laven. 2004 – *Laven M.* Virgins of Venice: Broken Vows and Cloistered Lives in the Renaissance Convent. NY, 2004.

Lehfeldt. 2005 – *Lehfeldt E.A.* Religious Women in Golden Age Spain: the Permeable Cloister. Alershot, 2005.

Leonard. 2005 – *Leonard A.* Nails in the Wall: Catholic Nuns in Reformation Germany. Chicago, 2005.

Levy-Navarro. 2005 – *Levy-Navarro E.* The Religious Warrior: Luisa de Carvajal y Mendoza's Correspondence with Rodrigo de Calderon // *Women's Letters Across Europe, 1400-1700: Form and Persuasion* / Ed. by J.Couchman and A. Crabb. Aldershot, 2005. P.263-273.

Littlehales. 1998 – *Littlehales M.M.* Mary Ward: Pilgrim and Mystic, 1585-1645. L., 1998.

Lux-Sterritt. 2005 – *Lux-Sterritt L.* Redefining Female religious Life: French Ursulines and English Ladies in Seventeenth-Century Catholicism. Burlington, 2005.

Maclean. 1980 – *Maclean I.* The Renaissance Notion of Women. Cambridge, 1980.

Mazzoniz. 2007 – *Mazzoniz Q.* Spirituality, Gender and the Self in Renaissance Italy: Angela Merici and the Company of St. Ursula (1474-1540). Washington, 2007.

Panft. 1996 – *Panft P.* Women and the Religious Life in Premodern Europe. NY, 1996.

Parker. 2008 – *Parker C.* Faith on the Margins: Catholics and Catholicism in the Dutch Golden Age. Cambridge, MA, 2008.

Peters. 1994 – *Peters H.* Mary Ward: a World in Contemplation. L., 1994.

Pinillos Iglesias. 2001 – *Pinillos Iglesias M.N.* Hilando Ora: Vida de Luisa de Carvajal. Madrid, 2001.

Po-Chia-Xsia. 1998 – *Po-Chia-Xsia R.* Counter-Reformation Saints // *Po-Chia-Xsia R.* The World of Catholic Renewal, 1540-1770. Cambridge, 1998. P.122-134.

Poyntz. 2008 – *Poyntz M.* Briefe relation of the Holy Life & Happy Death of Our Dearest Mother, of Blessed Memory, Mistress Mary Ward // Ward, Mary. A Briefe Relation, with Autobiographical Fragments and a Selection of Letters / Ed. by C. Kenworthy-Browne, CJ. Catholic Record Society. Vol.81. L., 2008.

Rapley. 1990 – *Rapley E.* The Dévotes: Women and Church in Seventeenth-Century France. Montreal, 1990.

Redworth. 2008 – *Redworth G.* The She-Apostle: the Extraordinary Life and Death of Luisa de Carvajal. Oxford, 2008.

Rees. 1997 – *Rees M.A.* The Gaze of God: Dona Luisa de Carvajal y Mendoza and the English Mission // Convivium: Celebratory Essays for Ronald Cueto / Ed. by J. Macklin and M.A. Rees. Leeds, 1997. P.97-114.

Rees. 2003 – *Rees M.A.* The Writings of Dona Luisa de Carvajal y Mendoza, Catholic Missionary to James I's London. Lampeter, 2003.

Rhodes. 1998 – *Rhodes E.* Luisa de Carvajal's Counter-Reformation Journey to Selfhood (1566-1614) // Renaissance Quarterly. Vol. 51. 1998. P.887-991.

Rhodes. 2006 – *Rhodes E.* Join the Jesuits, See the World: Early Modern Women in Spain and the Society of Jesus // The Jesuits. Vol. II: Cultures, Sciences and the Arts, 1540-1773 / Ed. by J.O'Malley, S.J. Toronto, 2006. P. 33-49.

Rowlands. 1985 – *Rowlands M.* Recusant Women // Women in English Society, 1500-1700 / Ed. by M. Prior. L., 1985. P. 149-189.

Rowlands. 2009 – *Rowlands M.* Harbourers and Housekeepers: Catholic Women in England, 1570-1720 // Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c.1570-1720 / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009. P. 200-215.

Sperling. 2000 – *Sperling J.G.* Convents and the Body Politic in Renaissance Venice. Chicago, 2000.

Strasser. 2004 – *Strasser U.* State of Virginity: Gender, Religion, and Politics in an Early Modern State. Ann Arbor, 2004.

Walker. 2003 – *Walker C.* Gender and Politics in early Modern Europe: English Convents in France and the Low Countries. NY, 2003.

Wiesner-Hanks. 2008 – *Wiesner-Hanks M.E.* Women and Gender in Early Modern Europe. Cambridge, 2008.

Women. 1995 – Women in Reformation and Counter-Reformation: Public and Private Worlds / Ed. by S. Marshall. Bloomington, 1995.

WWN – Who Were the Nuns? A Prosopographical Study of the English Convents in Exile 1600-1800, <http://wwtn.history.qmul.ac.uk/counties/details.php?uid=MW127>.

ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ОБЩЕНИЯ В АНГЛИИ II ПОЛОВИНЫ XVII В.*

Ключевые слова: эпистолярные практики, история английской почты, дружеское общение, гендерная история раннего Нового времени.

Аннотация: XVII век является периодом активного развития почтовой системы европейских стран, в том числе Великобритании. В статье рассматривается один из аспектов влияния формирующейся государственной почтовой монополии на частные эпистолярные практики. Появление различных почтовых штампов и помет трансформирует представление об адресной записи, которая раньше была ориентирована не только на курьера, но и на получателя. Своеобразно «отчуждение» внешней стороны письма вызывает изменения в его оформлении и представлении о соотношении частного и публичного в эпистолярном общении, что оказало более сильное влияние на практики мужского эпистолярного общения.

Семнадцатое столетие, несмотря на политическую нестабильность Англии, стало временем быстрого развития публичной почтовой службы¹. До этого времени, как и повсюду в Европе, почта использовалась преимущественно для государственных нужд. И хотя в постановлениях конца XVI века указывалось, что некоторые частные послания могли быть приняты для пересылки, собственно публичная почтовая служба появилась в XVII столетии.

---

* Работа выполнена в рамках коллективного проекта «Социальные структуры в системе взаимоотношений индивида и государства: европейский опыт Средневековья и Нового времени» программы фундаментальных исследований ОИФН «Нации и государство в мировой истории».

¹ По истории английской государственной почты см.: Browne. 1993; Campbell-Smith. 2012; Willcocks. 1975.

Яков I, взойдя на престол, подтвердил установления Елизаветы, касавшиеся запрета на незаконную перевозку писем и оплаты почтовых лошадей. Он сохранил и привилегию на контроль за почтовой службой Джона и Чарльза Стенхопов. Контроль за международной почтовой пересылкой осуществлял Мэтью де Кестер, получивший официальный патент в 1619 году. Поскольку Стенхопы также обладали правом международной пересылки, это вызвало многочисленные и длительные разбирательства.

Помимо государственной почты, своей почтовой службой обладала кампания «Купцов-авантюристов» (предпринимателей) – одна из старейших торговых кампаний. В 1626 году пересылкой ее корреспонденции стал заниматься Генри Биллингсли, решивший расширить сферу своей деятельности. Турецкая и Ост-индская кампании и 210 купцов Лондона поручили ему пересылку своей корреспонденции. Однако госсекретарь Джон Кук в 1627 г. запретил пересылку писем за границу иначе, нежели через ведомство де Кестера.

Сменивший в 1632 году де Кестера Томас Уидерингс занялся улучшениями в заморской почтовой службе, обеспечив более быструю отправку почты на материк. Из Лондона в Антверпен письма добирались теперь вместо 14 за 3 дня. Отчасти этому способствовало использование т.н. «эстафеты», когда письма шли днем и ночью, передаваясь от одного курьера другому. Повысился и оборот писем.

За эти несомненные успехи Уидерингсу доверили и реформирование внутренней почтовой службы. В 1633 году он представляет первый проект по новой организации дел в почтовом ведомстве. Два года спустя появляется второй проект: «Предложения об организации эстафет или пакетной почты между Лондоном и всеми частями Его Величества». Предполагалось организовать основной офис в Лондоне. Там письма должны были сортироваться в зависимости от того, по какой дороге их следует везти. Так, письма до Кембриджа и его окрестностей отнесут к письмам в Эдинбург, ибо он находится с направлением Великой северной дороги. Затем их оставят на ближайшей станции, а оттуда заберут в Кембридж и будут рас-

сылать по окрестностям в определенные дни. Там письма должны были разноситься пешком, если только города не были удалены.

Только в 1635 году почтовое ведомство официально стало принимать к пересылке частную корреспонденцию – Карл I выпустил прокламацию официально разрешающую и обязующую граждан пользоваться только королевской почтой для доставки личной корреспонденции. До этого рядовым гражданам приходилось пользоваться оказиями. Были установлены и тарифы: за доставку в пределах 80 миль – 2 пенса, 80-140 миль – 4 пенса, свыше 140 миль – или в Шотландию – 8 пенсов. В основу «Прокламации о почтовой службе Англии и Шотландии» были положены предложения Уидерингса. И Именно ему было поручено заняться организацией пересылки частной корреспонденции.

Надо отметить, что из-за особенностей внутренней политической ситуации в стране обязательное использование королевской почты для пересылки корреспонденции стало рассматриваться парламентом и оппозицией как нарушение Великой хартии вольностей. Они утверждали, что правом перевозить частные послания обладает любой свободный гражданин государства.

Из Лондона вело шесть основных дорог: Дуврская или Кентская дорога вела на континент, Северная или Беруикская – в Шотландию, Честерская – в Дублин, Западная – в Плимут, Бристольская – на юго-западное, а Ярмутская – на восточное побережья с перегонами в 10-12 миль. Предполагалось, что на каждой остановке после очередного перегона пакеты должны были переписываться: город, день, час, имя местного почтмейстера. В каждом городе почтмейстеру надлежало иметь на почте свежих лошадей, и быть готовым в течение 15 минут развести почту. Однако лошадей часто было не достать, почтальоны были ленивы и безалаберны, почта то и дело опаздывала и терялась.

В период английской революции, несмотря на призывы отменить обязательное использование официального почтово-

го ведомства для пересылки писем, почта продолжала работать, хотя ее служба и была сильно дезорганизована. Связано это было с тем, что почтовая монополия не только приносила прибыль (в 1653 г. она была отдана в откуп за 10 000 фунтов стерлингов), но и давала возможность осуществлять весьма своевременный контроль за умонастроениями граждан. Государственный секретарь Кромвеля Джон Терлоу организовал в столице секретный кабинет для перлюстрации, просуществовавший до 1844 г. Современники считали, что английские почтовые служащие, как никто, преуспели в деле перлюстрации.

В итоге в 1657 году Кромвель издал первый законодательный акт, касающийся британской почты. Речь в нем шла уже о генеральной почтовой службой обладающей монополией для всех жителей Британских островов. Единственным дозволительным исключением была передача писем со своими знакомыми и перевозка грузов собственными силами. С этого времени английская почта начинает активно развиваться именно как публичная служба для граждан, а не для обслуживания бюрократического аппарата. Это сразу сказывается на обороте корреспонденции, о чем свидетельствует тот факт, что в 1660 г. почта была отдана в откуп уже за 25 000 фунтов стерлингов.

Этот акт, хотя и не признавался законным после 1660 г., лег в основу акта конвенционного парламента, именуемого за свою значительность «Хартией почтовой службы». Хартия складывалась из целой серии законов об упорядочивании почтовых вопросов. Установленные тарифы, также повторяли Кромелевские. Цена зависела от объема письма (количество листов) и расстояние, причем, как и раньше, расходы оплачивались получателем: письмо из одного листа доставлялось на 20 миль за 2 пенса, и дальше в пределах Англии – за 3 пенса. Дальше Бервика следовало доплатить еще 2 пенса за первые 40 миль и 4 пенса за большее расстояние. В Дублин письмо доставлялось за 6 пенсов + 2 пенса за первые 40 миль от Дублина и 4 пенса за большее расстояние. По этой причине, авторы старались максимально заполнять пространство письма,

если то позволял статус адресата (Илл. 1) Подчеркивалось, что генеральный почтмейстер должен обеспечить доставку писем во все города, даже лежащие вдалеке от основных дорог. Особое упоминание было сделано для Кендала, Пернита, Линкольна и Гримсби, куда почта должна была доставляться еженедельно, и некоторые корнуолльские города, куда письма доставлялись дважды в неделю. Все почтовые дороги сходились в Лондоне, что позволяло лучше контролировать корреспонденцию. Там же в Главном почтовом офисе три сотрудника вскрывали, копировали корреспонденцию.

По оценкам исследователей к 1677 г. централизованная почтовая система была наконец налажена и заработала в полную силу. Но это касалось только пересылок между городами. Почтового сообщения в пределах Лондона не существовало до 1680 г., когда Уильям Докра ввел «пенни-пост» для Лондона и Вестминстера. В его замысел входило основать районные почтовые отделения и сортировочные станции и сотни приемных домов, где можно было бы получать свои письма. Письма должны были доставляться туда каждый час по предоплате. Т.е. платить должен был отправитель письма, после чего на письме ставился соответствующий штамп. Его частное коммерческое начинание было расценено как нарушение государственной монополии и передано герцогу Йоркскому в 1682 году. Почта была переименована в «Лондонскую пенни-пост», но претерпела мало существенных изменений.

***

Ко 2 половине XVII столетия эпистолярное общение частных лиц представляло собой уже вполне устоявшийся набор разнообразных практик, обусловленных самыми разными факторами. Среди последних чаще всего выделяют письмовники и разнообразные пособия по эпистолярной теории, в которых нашли отражение нормы риторики и выражения социальной иерархии, а также сами условия доставки корреспонденции.

Существуют различные мнения относительно того, насколько письмовники в действительности влияли на стиль

писем. Однако отрицать их влияние в образованной среде Англии XVII века сложно, поскольку изучение эпистолярных канонов входило в программу обучения грамматических школ, также как и традиционное чтение текстов классиков, коим в данном случае являлся Эразм Роттердамский. Но послания Эразма, составленные на латыни, и его рекомендации было сложно применить в бытовом английском письме. Первые же письмовники, написанные на английском, появились во второй половине XVI столетия. Первым эпистолярным пособием такого рода был «Враг праздности» Уильяма Фулвуда², появившийся в 1568 и переиздававшийся до 1621 года. Это был перевод французского издания «Стиль и манера составлять, диктовать и писать все типы посланий или деловых писем, как в ответ, так и иначе»³ 1566 г. Посвящено издание было видному купцу Энтони Рэтклиффу, что определяет основную «целевую аудиторию» письмовника⁴.

Наиболее известным письмовником был «Английский секретарь» Энджела Рэя⁵, впервые опубликованный в 1586 г. От также был смоделирован по Эразму Роттердамскому, и в нем сделан акцент на теорию, а не на примеры, но, судя по названию, претендовал на большую «английскость», чем предыдущие издания. «Секретари» учили как писать письма в соответствии с социальным положением автора и адресата. В XVII веке начался настоящий расцвет этого жанра⁶. Письмовники стали более утилитарными и отходили от пышной риторики классических моделей в сторону большей прагматики.

Среди особенностей писем, которые были формализованы и регламентировались нормами и традициями эпистолярного общения, важное место занимало оформление письма -

---

² Fulwood. 1578.

³ Durand. 1556.

⁴ В подтверждение этому можно привести еще одно издание, подготовленное бристольским купцом Джоном Брауном, которое переиздавалось в 1589-1640: Browne. 1590.

⁵ Day. 1599.

⁶ См., например: Blount. 1658; Care. 1671; Hill. 1687.

качество и размер бумаги, аккуратность почерка, пространственное соотношение и формулы приветствия, текста и подписи, выбор узора (с родовым гербом или личная, последняя использовалась для интимных и дружеских писем) и цвета печати (т.е. цвета сургуча, черный, например, означал траур)⁷.

При изучении переписки Сэмюэля Пипса и Джона Ивлина меня заинтересовали адресные надписи на наружной стороне писем. Эти надписи достаточно витиеваты и помимо собственно адресной информации, упоминались должность реципиента и, нередко, дружеские отношения автора и адресата: «Моему почтенному другу Сэмюэлю Пипсу эсквайру одному из высших чиновников Флота Его Величества: в Морское ведомство» (16.03.1666)⁸.

Исследователи отмечают, что стандартная формула адреса включала имя получателя, его должность или титул, взаимоотношения с автором и место⁹. Уже в ранних письмовниках можно обнаружить указания, как правильно обозначать адресата. В многократно переиздававшемся «Английском секретаре» Энджела Дэя отмечалось, что необходимо указывать значимую должность адресата, титул, рыцарское достоинство, если таковые имеются, а также выражать степень почтения автора, например:

«Любезнейшему лорду Л. Сэру У.Р., рыцарю, лорду Депутату Ирландии. Любезнейшему лорду Л, барону Л. Или: нашим преданнейшим друзьям У.С. и М.Р. олдерменам того же»¹⁰.

Интересно, что изъявления дружбы обозначало прежде всего отношения соподчинения – клиентелы или патронажа. Адресовать письмо «преданнейшему другу» могло лицо, находящееся выше по положению.

В принципе, это объяснение хорошо работает в случае с перепиской Ивлина с Пипсом, которая завязалась в 1660 годы

⁷ См. об этом: Daybell. 2012; Steward, Wolfe. 2004.

⁸ Particular Friends. 2005. Letter from J. Evelyn to S.Pepys, 16.03.1666: 57.

⁹ Daybell. 2012: 6.

¹⁰ Day. 1599: 19.

в связи с их служебными обязанностями. Ивлин занимает более высокое положение в обществе и более высокую должность, он королевский комиссар по надзору за немощными и ранеными моряками. Пипс всецело зависит от протекции своего родственника Эдварда Монтегю, который дает ему довольно скромную должность клерка в Морском ведомстве. Такое положение дел отражают надписи обозначающие адресата. От писем Пипса сохранилось мало листов с адресом (что тоже укладывается в эту гипотезу – по всей видимости, Пипс, чтобы подчеркнуть уважение к Ивлину использовал для прототипа конверта отдельный лист бумаги, а не обратную сторону письма; но, возможно, как клерк он просто имел возможность более щедро расходовать бумагу в служебной переписке), но те, что есть, всегда адресованы «Мистеру Ивлину» или же «Эсквайру Ивлину», ибо последний не имел никакого титула и не состоит ни при каком ведомстве. А вот способ, каким адресовал свои письма Ивлин (а в данном случае сохранились почти все эти надписи) значительно изменяется со временем. До 1680 г. эти надписи достаточно разнообразны и пространны, и нередко (хотя и не всегда) в них используется дружеский дискурс:

«Моему почтенному другу Сэмюэлю Пипсу, эсквайру, клерку Актов и т.д. в Морское ведомство с небольшим свертком бумаг. Лондон» (20.01.1668)¹¹.

Затем Ивлин перестает именовать Пипса «почтенным другом» в этих надписях, а вскоре и упоминать о его должности: «Сэмюэлю Пипсу, эскв. Йорк-билдингс»¹². Это можно связать с тем, что Пипс сделал успешную карьеру и выражение превосходства такими способами со стороны Ивлина стало неуместным.

Причины этого можно увидеть и в трансформации самих взаимоотношений Пипса и Ивлина, которые из деловых переросли в дружеские, тогда исчезновение дружеского дискурса

¹¹ Particular Friends. 2005. Letter from J. Evelyn to S. Pepys, 20.01.1668: 66.

¹² Particular Friends. 2005. Letter from J. Evelyn to S. Pepys, 07.07.1694: 245.

как способа маркирования своего уважения и одновременно социального превосходства может парадоксальным образом исчезнуть. Однако стоит обратить внимание на тот факт, который никогда не акцентируется и не проблематизируется исследователями: что такого рода оформление адресной надписи свидетельствует о том, что она предназначалась не только и не столько курьеру, сколько самому адресату. Только для него и могло быть важным обозначение как «почтенного друга». В отличие, скажем от указания титула или высокой должности – что должно было заставить посыльного бережнее обращаться с письмом и с соответствующим почтением его преподносить. И тогда исчезновение такого рода обозначений может быть связано с какими-то совершенно иными процессами.

Эти темпоральные изменения возможно заметить, лишь обратившись к достаточно широкому кругу источников, который составили несколько эпистолярных коллекций – переписки Джона Обри, Сэмюэля Хартлиба, Мартина Листера и других, – которые сложились вокруг деятельности Ашмолеанского музея¹³. Пипс и Ивлин, хоть и не были учеными по роду своей деятельности, также принадлежали к этому сообществу. Известно, что Пипс одно время возглавлял лондонское королевское общества, куда его привел Ивлин в свое время. В этих коллекциях есть и их письма к разным людям.

Особенность этого комплекса заключается в том, что он охватывает определенную категорию писем: здесь нет ярко выраженного неравенства в социальном положении, которое в первую очередь определяло стиль и внешний вид письма –

---

¹³ Проект Бодлеанской библиотеки Оксфорда, касающийся переписки в рамках республики словесности, который представлен на интернет-портале «Early modern letters on-line» (далее EMLO). Общая база данных включает около 48000 писем (из них более 27000 относится к 17 столетию), из них выложены в виде цифровых фотокопий для 17 столетия 2623 письма. Здесь выложены либо описания писем, либо цифровые копии автографов, для незначительной части писем представлена и транскрипция. Эта выборка и легла в основу данного исследования.

обращение к адресату, качество бумаги, заполнение пространства листа, надписывание адреса, почерк и т.д. – все это, как уже отмечалось, служило выражением социальной иерархии. И оказалось, что традиционное, понятное и очевидное социально-иерархическое объяснение адресных записей перестало работать.

Изучение этого комплекса писем дало такие результаты: приблизительно до конца 60-х гг. абсолютно превалировала такая форма адреса, в которой использовался дружеский дискурс («Досточтимейшему другу г. Джону Обри в Броуд-Чалк, сие»¹⁴ *Илл. 2*) и/или упоминание должности или сана, что в нашем корпусе писем встречается гораздо реже («Сие моему достойному другу г. Мартину Листеру, члену совета колл. Св. Джона в Кембр.»¹⁵). Причем такая форма использовалась не только в письмах одного из авторов, которого мы могли бы считать занимающим более высокое положение, но в посланиях обоих корреспондентов друг к другу. Это, в принципе, также можно было бы объяснить условным равенством или выражением почтения к ученому, а не социальному статусу. Но дело в том, что в 70-80-е гг. такой способ оформления адресных надписей начинает использоваться все реже, а в 90-е гг. практически исчезает. Эта надпись начинает выглядеть вот так: «г. Эдварду Ллойд в Музей в Оксфорд»¹⁶ (*Илл. 3*).

Я хочу предложить возможное объяснение этого явления, которое условно можно назвать процессом отчуждения или деприватизацией внешней стороны письма. На мой взгляд, это связано с активным развитием государственной почтовой системы, которое в Англии идет как раз в 70-е гг.

Если посмотреть на то, как адресуют свои письма авторы приблизительно до 60-70 гг., можно заметить, что собственно

---

¹⁴ “For his very much honoured ffriend Mr John Aubrey at Broad-Chalke These”. EMLO. Letter from J. Lydall to J. Aubrey, 13.03.1649.

¹⁵ «These For my worthy ffriende Mr Martin Lister ffellow of St Johnes coll. in Cambr.». EMLO. Letter from Th. Newcomen to M. Lister, 17.10.1662.

¹⁶ “To Mr Edward Lloyd at the Musaeum in Oxford”. EMLO. Letter from (Sir)Th. Molyneux to E. Lhwed (Lloyd), 27.07.1689.

адрес является здесь наименее значимой информацией. Часто он ограничивается упоминанием города, а то и отсутствует вовсе: «Моему высокочтимому другу Джону Обри, эскв.»¹⁷. Такую формулу можно соотнести с традицией передачи писем с частным курьером (служгой или знакомым попутчиком), который чаще всего либо знает адрес, либо получает инструкции устно. Внимание, которое уделялось обозначению статуса и почтения к адресату, и меньшее значение, придававшееся обозначению точного места, куда надо доставить послание, позволяет сделать предположение о том, что адрес воспринимался как предваряющая часть самого письма и информация, которая здесь располагалась предназначалась не только курьеру, но и самому адресату.

Еще одна особенность адресных надписей этого времени – это их вариативность. Никаких строгих правил не существовало. В качестве примера можно привести два письма, отправленных Джоном Лиддлом Джону Обри в январе 1649 г., которые адресовались следующим образом:

«Своему достойному и очень уважаемому другу г. Джону Обри, эск. сие»,¹⁸ *«Своему высокочтимейшему другу г. Джону Обри в Броуд-Чалк, сие»*¹⁹.

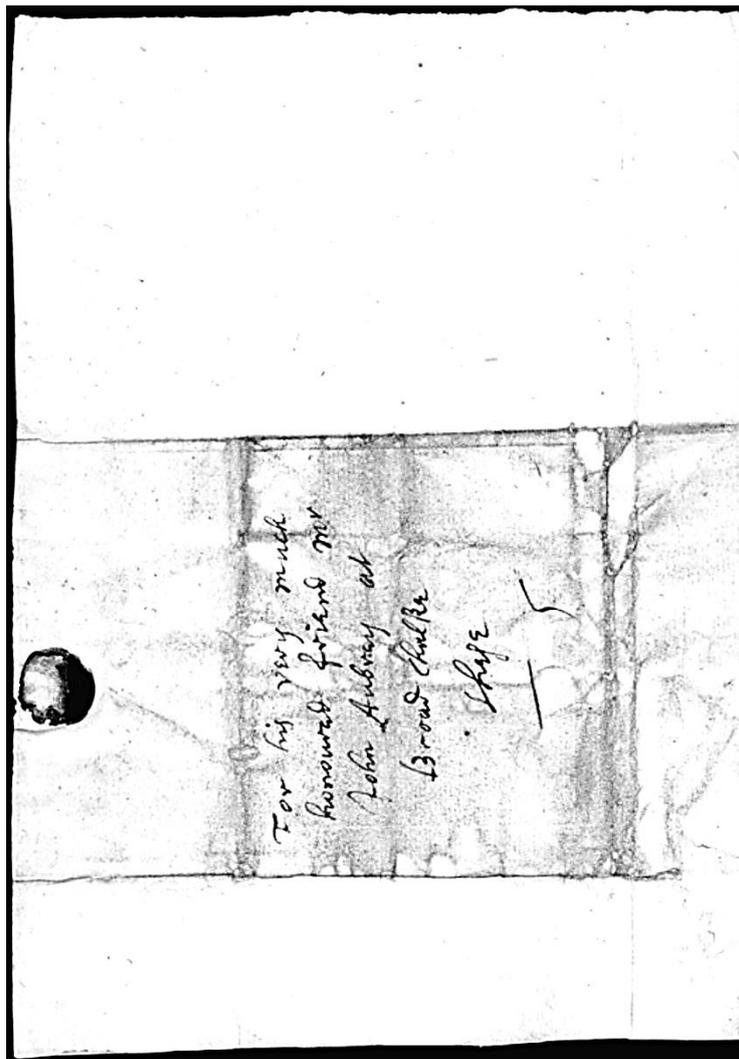
---

¹⁷ “For my much Honoured Friend John Aubrey Esq. these”. EMLO. Letter from Th. Marriott to J. Aubrey, 03.09.1653.

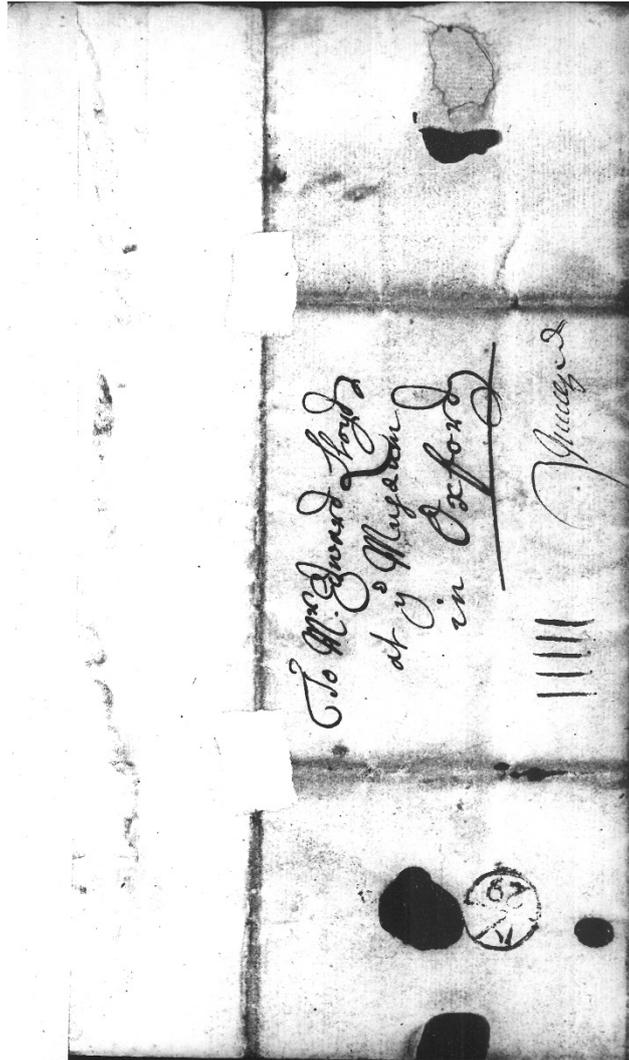
¹⁸ “For his worthy and much respected Friend Mr John Aubrey Esq. these”. EMLO. Letter from J. Lydall to J. Aubrey, 01.01.1649.

¹⁹ “For his very highly respected friend Mr John Aubrey at Chalk these”. EMLO. Letter from J. Lydall to J. Aubrey, 23.01.1649.

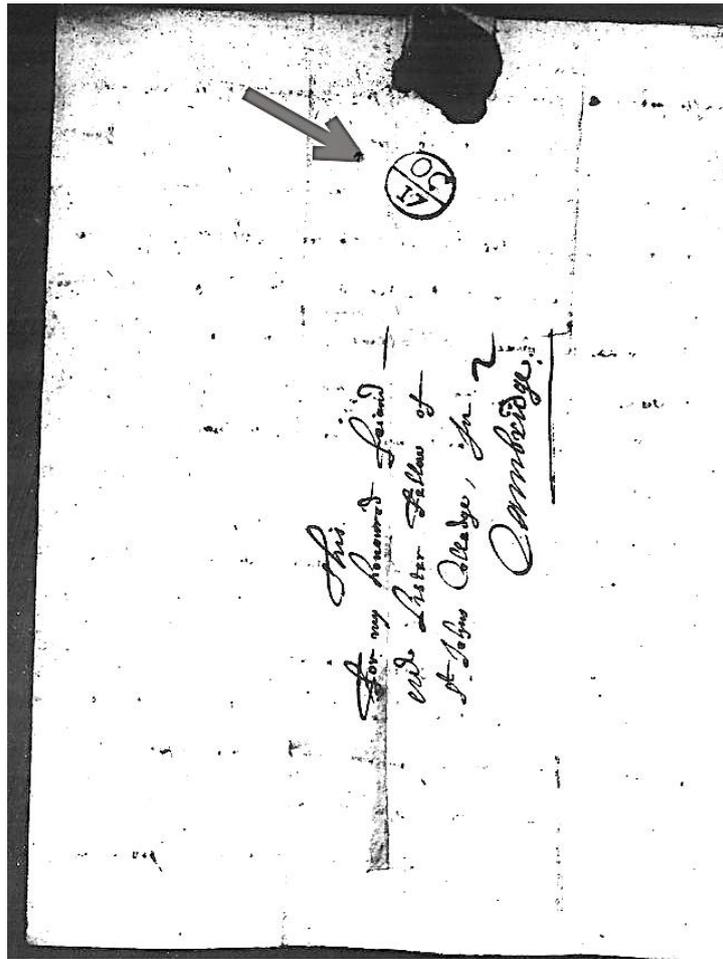

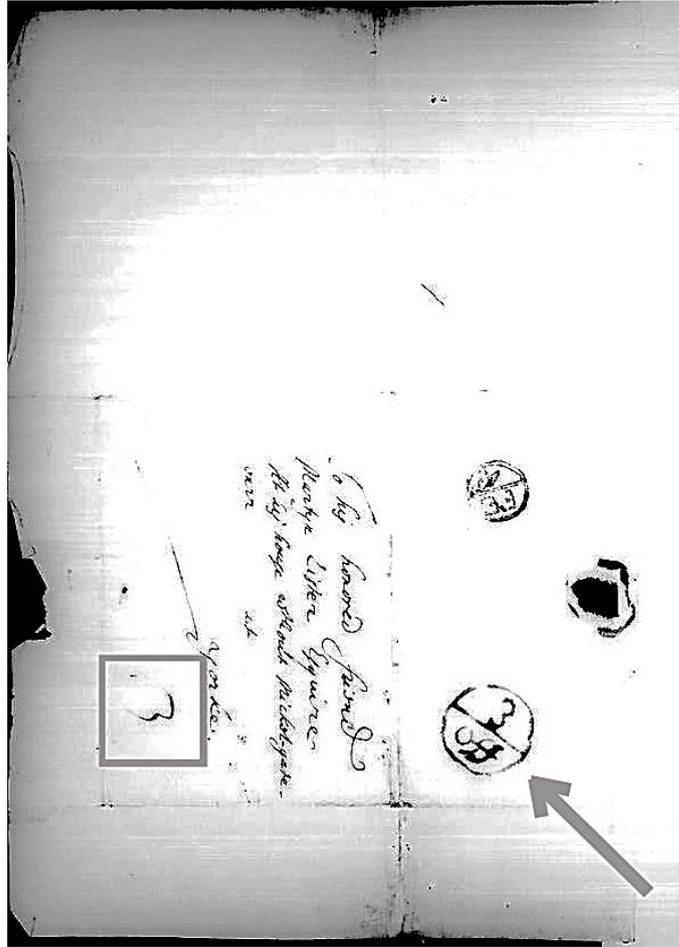
Илл. 2. «Досточтимейшему другу г. Джону Обри в Броуд-Чалк, сие». EMLO. Letter from J. Lydall to J. Aubrey, 13.03.1649.

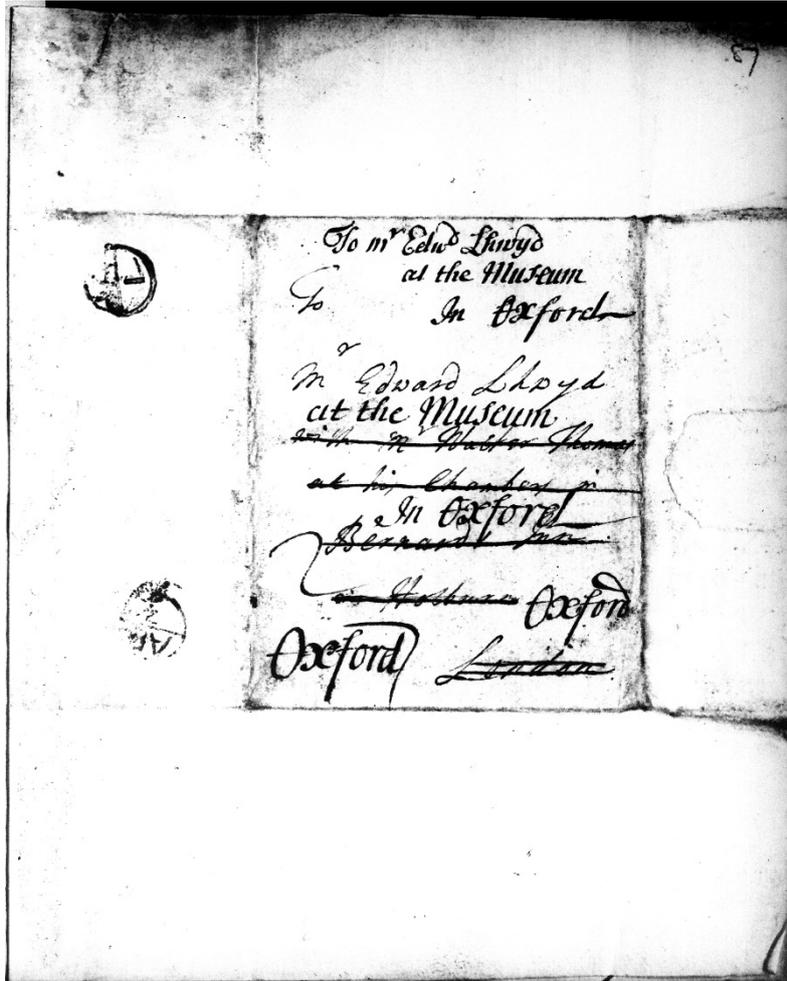
Илл. 3. « г. Эдварду Ллойд в Музей в Оксфорд». EMLO. Letter from (Sir)Th. Molyneux to E. Lhwed (Lloyd), 27.07.1689.

Илл. 4. Стрелкой показана «марка Бишопа»: в верхней половине круга буквенное сокращение названия месяца October – октябрь, в нижней – число (17), когда письмо было принято на почте к отправке. Месяц также мог обозначаться римскими цифрами. «Сие, моему почтенному другу г. Листеру, члену совета колледжа Св. Иоанна в Кембридж». EMLO. Letter from J. Du Moulin to M. Lister, 06.01.1668.

Илл. 5. Стрелкой обозначена помета о принятии письма к отправлению в 3 (верхняя половина круга) офисе (сокращение off в нижней половине круга). В квадратную рамку обведена рукописная помета о стоимости отправления – 3 пенса. Также видна «марка Бишопа»: FE|4 (4 февраля). «Своему почтенному другу Мартину Листеру, эсквайру, в его дом за оградой Майкл-гейт в Йорк». EMLO. Letter from H. Oldenburg to M. Lister, 04.02.1671.

Илл. 6. «Г. Эдварду Ллойд с г. Уолтером Томасом в его комнаты в Бернардс-инн в Холбурне, Лондон». Переадресовано: «Г. Эдварду Ллойд в музей в Оксфорд». EMLO. Letter from J. Archer to E. Lhwyd (Lloyd), 28.12.1700.

Стоит уточнить, что упоминание о дружбе в адресной записи, не обязательно служит обозначением близких отношений, а скорее отсылает к патронажу или клиентеле. Само письмо при этом нередко достаточно формализовано и начинается обращением «Уважаемый сэр» просто «сэр»: «Уважаемый сэр, ваше рождественское письмо я получил...»²⁰. В данном случае эпитет «почтенный друг» является указанием именно публичного статуса, и оно оказывается более значимым для мужских писем. В нашем корпусе писем по понятным причинам женских писем мало, они почти все родственные и нигде не используется дружеский дискурс в адресной надписи. Но если взять известную переписку Дороти Мур (первая половина столетия), которая также имеет отношение к Республике словесности, то из сохранившихся адресов в переписке можно увидеть, что мужчины адресуют письма к ней как к «Своему добродетельнейшему и любимейшему другу г-же Мур в дом доктора Ботса в Лондон»²¹, используя привычную для себя формулу обращения. Она же надписывает конверты так: «г-ну Сэмюэлю Хартлибу в его дом на Дюкс-плейс, Лондон»²².

Что касается обозначенного отчуждения внешней стороны письма, то мне представляется, что это процесс, связанный с развитием государственной почтовой монополии. Становясь единственной структурой, осуществляющей пересылку частной корреспонденции, она начинает оказывать активное влияние на сами практики эпистолярного общения. Самый очевидный его аспект – это регулярность, которая становится нормой. С одной стороны, когда курьерская доставка еще не обеспечивала регулярности переписки, было необходимо заботиться о ее постоянстве. Но с другой стороны и длительные перерывы в переписке не воспринимались как фатальные. К

²⁰ “Worthy S^r / Your letter about Christmas I received...”. EMLO. Letter from E. Davenant to J. Aubrey, 13.03.1668.

²¹ “To his Most virtuous and Louing friend Mrs More at Dr Botes house in London”. Moore. 2004. Letter from J. Dury to D. Moore, 29.07.1641: 6.

²² “for mr samuell Hartleb at his hows in Dukes place London”. Moore. 2004. Letter from D. Moore to S. Hartlib, 17.03.1643: 14.

70-80 гг. эстафеты из Лондона отправлялись в среднем 3 раза в неделю, т.е. становится нормой получение писем через более-менее определенные интервалы, и нарушение этого цикла становится значимым само по себе, поскольку приписывается небрежению или нежеланию поддерживать общение. Когда есть возможность писать постоянно и регулярно, стратегия, которую выбирает корреспондент, оказывается говорящей сама за себя. Это было особенно значимым именно для того поколения людей, которые проживали все эти трансформации, оказавшись в новых для себя условиях, когда получатель может просчитать, когда должен прийти ответ, если на письмо быстро и с охотой отвечают. В этих условиях становится не менее важно постоянно фиксировать в письме ценность поддерживаемых отношений, особенно, если переписка не регулярна.

Такого рода непреднамеренные следствия имело и то обстоятельство, что в почтовом ведомстве начинают использовать внешнюю сторону письма для своих практических нужд. Это «присвоение» почтовым ведомством прав на наружную часть письма со временем приведет к появлению в 40-х гг. XIX века конвертов²³ (кстати, английскому нововведению, как и почтовые марки, которые надо на него наклеивать). Одним из первых этапов такого отчуждения, пришедшемся как раз на рассматриваемый нами период, становятся разнообразные почтовые пометы и прототипы марок (или скорее почтовые штемпели), оставляемые почтовыми служащими на внешней стороне письма. Они были введены генеральным почтмейстером Карла II Генри Бишопом в 1661 г. и назывались «марками/пометами Бишопа». С их помощью проставлялась дата отправления письма: пометы представляли собой круглый штамп, разделенный на две половины, в одной из которых числом проставлялась дата принятия письма в почтовом отделении, а в другом буквенное сокращение месяца.

---

²³ Первая почтовая марка «Черный пенни» и почтовые конверты, появятся в Англии после Великой почтовой реформы 1839-1840 гг.

(Илл. 4). На некоторых письмах мы можем увидеть и штамп о принятии письма к отправлению в приемном отделении конкретного офиса (стрелка), где отмечался его номер. Также от руки на письме проставлялась и стоимость пересылки (в кольце), которую необходимо взыскать с получателя (Илл. 5). Еще одной формой вмешательства почтовых служащих в пространство письма, являются исправления адресной записи, связанные с переадресацией (Илл. 6).

В почтовом ведомстве информация о получателе на внешней стороне воспринимается как адресованная курьеру, что является практической необходимостью. Это было тем более важной информацией для почтовых служащих, что нормой была оплата доставки письма получателем, а не отправителем (франкирование как предоплата также была выражением социального превосходства и покровительства отправителя). От нее зависели и точность, и сроки доставки. Неслучайно, адрес начинает писаться более подробно («г. Мартину Мистеру в дом сэра Мартина Листера в Бёрвел около Лаута в Линкольншире»²⁴), с указанием дороги, по которой его надо отправить («г. Эдварду Ллойд, выпуск. Колл. Иес. Оксф. по Лондонской дороге»²⁵) или почтового отделения, где его необходимо оставить («Моему почтеннейшему другу г. Джону Обри эск. в Истон-Пирс. Оставить в почтовом офисе в Чиппенхеме»²⁶). Почтовая монополия начинает все активней предъявлять свои требования к внешнему оформлению письма. Сложно сказать, насколько они были формализованы и регламентированы, или вырабатывались как следствие заинтересованности самих корреспондентов в своевременном получении почты, но и данное исследование, и другие авторы

---

²⁴ “To Mr Martin Lister at Sr Martin Listers’ house in Burwell near Louth in Lincolnshire”. EMLO. Letter from Th. Briggs to M. Lister, 20.05.1668.

²⁵ “For Mr Edward Lloyd Sen. at Jes. Coll. Oxon By way of London”. EMLO. Letter from J. Lloyd to E. Lhwyd (Lloyd), 05.12.1686.

²⁶ “To my most honoured frend Mr John Aubrey Esq. at Easton-Pierse to be left at the Posthouse in Chippenham”. EMLO. Letter from Th. Hobbes to J. Aubrey, 07.09.1663.

подтверждают, что к концу века адресные надписи стали гораздо более унифицированными. В нее теперь входило имя собственное, редко – должность или сан, и адрес гораздо чаще стал писаться с точностью до дома.

Произошло это за счет того, что на внешней стороне письма остается только та информация, которая важна курьеру, с одной стороны, и которую можно и целесообразно открыть почтовому служащему, являющемуся совершенно посторонним лицом, с другой. Все, что может быть значимо для получателя – в том числе и выражения авторского почтения или привязанности – замыкается на внутренних страницах письма.

Можно это связать еще и с активной перлюстрацией. И Кромвель, который ввел почтовую монополию, и поздние Стюарты, и последующие властители воспринимали почтовую систему не только как способ получения дохода, но, возможно, даже в первую очередь, как способ контроля над умами. Что было в высшей степени актуально. При Карле II в главном лондонском почтовом офисе была устроена секретная комната с отдельным входом, в которой три сотрудника на протяжении рабочего дня занимались перлюстрацией. Глава почтового ведомства даже наладил сотрудничество с «Лондон газетт», поставляя туда сведения. Французский посол отмечал, что англичане научились вскрывать письма аккуратнее, чем где бы то ни было.²⁷ Конечно, письма вскрывались выборочно, и не стоило привлекать внимание почтовых клерков лишней информацией на внешней стороне писем. Но перлюстрация породила и другие эпистолярные практики – такие, например, как довольно активное использование шифров или иностранных языков, невидимых чернил или попросту – проставление даты отправки и указания, на какое письмо пишется ответ, чтобы можно было понять, не пропало ли какое письмо.

Отчасти изменение в оформлении адресных записей было и французским влиянием²⁸, ибо во Франции требования

---

²⁷ Whyman. 2009: 49.

²⁸ Такого мнения придерживается и Минна Невала. Nevala. 2007:108.

сократить информацию на внешней подписи до минимума, необходимого курьеру, появились в письмовниках уже в начале XVII века. В эпоху Реставрации появляется много переводных изданий французских письмовников. В одном из изданий популярнейшего «Модного секретаря» Пюже де ла Серра можно увидеть такое замечание относительно указаний на родственные или иные отношения с адресатом:

*«Но в этой внешней или наружной подписи мы не должны их использовать, ибо тому, кто доставляет письма, не следует знать о том, что между сторонами, которые пишут друг другу, существует какой-либо союз».*²⁹

А вот упоминание титула и соблюдение расстояний между строками необходимо, причем не ради курьера, а в знак уважения к адресату³⁰. Так или иначе, дружеский дискурс исчезает с внешней стороны писем.

Финская исследовательница Минна Невала – лингвист, работавшая с другим, более разнородным и охватывающим больший промежуток времени, комплексом английских писем и также изучая адресные надписи, приходит к похожим результатам. Ее выводы говорят о том, что дружеский дискурс в адресных надписях был характерен для священников, особенно низшего ранга, профессионалов и корреспондентов, занимающих более высокое положение³¹

*«Одним из самых заметных аспектов в развитии подписей является использование термина **friend**. Документы показывают, что он широко использовался в XVII веке, но постепенно исчезает в начале 80-х гг. После этого он появляется только в прямом обращении внутри письма. Если мы ближе посмотрим на его использование в подписях, мы можем заметить, что **friend** используется между равными по социальному положению, обычно в среде мелкого джентри, низших церковнослужителей и профессионалов. Термин может подразумевать настоящую дружбу и близость, что обычно имело место в среде*

²⁹ Puget de La Serre. 1683: [XXII].

³⁰ Puget de La Serre. 1683: [XX].

³¹ Puget de La Serre. 1683: [XX].

мелкого джентри, или может быть использован как выражение солидарности, как это происходило преимущественно среди церковнослужителей. Если **friend** использовался в подписях от имеющего больше власти к подчиненному, то он чаще всего появляется в письмах от мужа к жене, или, если социальная дистанция велика, то в случае, когда отношения между автором и адресатом в чем-то ближе, чем в среднем между незнакомцами (т.е. когда корреспонденты часто контактируют друг с другом), или когда вышестоящий хочет выразить свое расположение к адресату. Напротив, когда **friend** используется нижестоящим к вышестоящему, он может работать как своего рода социальный «амортизатор» или способом демонстрации лояльности автора к адресату, как в случае с Андрю Марвеллом и Беном Джонсом». ³²

Она также отмечает исчезновение дружеского дискурса из адресных записей в 80-х гг. и вообще меньшую вариативность адресных надписей конца XVII в. Причем, в этом отношении она приводит в пример как раз цитаты из английского издания Пюже де Ла Серра, не отмечая его французского происхождения. И более общий ее вывод связан с идеей разделения частного и публичного: если обращения внутри письма все в большей степени определяются близостью отношений между корреспондентами, то обращение на внешней стороне письма все больше принимает в расчет публику с ее возможными мнениями и реакциями ³³. В принципе сложно не согласиться с последним тезисом, однако представляется маловероятным, чтобы эти трансформации сами по себе происходили столь стремительно, что одно поколение людей за несколько лет вдруг совершенно изменяет устоявшиеся практики.

Как показало данное исследование, у многих авторов этот переход к новому оформлению писем происходит в течение 2-3 лет. В историческом измерении это очень короткий промежуток, и, на мой взгляд, эти изменения были стимулированы активным развитием почтовой монополии. Возможно,

---

³² Nevala. 2007: 106.

³³ Nevala. 2007: 109.

точнее будет сказать, что вмешательство почты послужило тем фактором, который в этой сфере подстегнул длительные и сложные процессы разделения частного и публичного, и способствовал довольно ощутимому размежеванию пространства письма. Еще одним подтверждением этого могут служить печати. Джеймс Дейбл в своем исследовании приводит примеры того, что в XVI – начале XVII в. письма, отправленные близкому человеку с доверенным лицом, могли не запечатываться.³⁴ С развитием почтовой монополии печать становится необходимым знаком, маркирующим границу открытого публичного пространства, а ее взлом почтовыми служащими при перлюстрации – как вмешательство в частные дела.

Минна Невала упоминает и о том, что дружеский дискурс начинает употребляться в прямых обращениях в начале письма, правда, не отмечая никаких отличий. Все это она связывает главным образом с большим влиянием разнообразных пособий и письмовников. Действительно, невозможно не обратить внимания на то, что почти одновременно с изменением оформления адреса, но вслед за этим, изменяется форма прямого обращения внутри письма. И, на мой взгляд, эта связка и эта последовательность неслучайны.

Как уже упоминалось выше, отчуждение внешней стороны письма, которое привело к тому, что она перестала восприниматься как часть послания адресату было более значимо для мужских писем. Связано это с тем именно в мужских письмах в адресной записи обозначалось не только формальная характеристика социального положения адресата (титул, сан, должность), но и формализованная констатация ценности для автора письма существующих взаимоотношений с адресатом. Она была очень значимым элементом мужского письма, поскольку переписка сама по себе была формой поддержания публично значимых отношений и постоянного их подтверждения.

---

³⁴ Daybell. 2012: 145.

Когда вся значимая информация отныне заключена на внутренних страницах письма, это с очевидностью должно привести к изменениям способов саморепрезентации авторов и, что особенно важно их отношений с адресатом в самом письме. И переписка Пипса и Ивлина, и используемый корпус писем отражает эти изменения, которые также приходятся на 70-90 гг. Они наиболее заметны в обращении, которое стоит в начале письма. Начинает часто употребляться обращение «Дорогой сэр»³⁵ или «Дражайший сэр», или «Дорогой друг»³⁶ (Илл. 7), которые никогда (!) не использовались в более ранний период.

При этом, мы наблюдаем очень интересную смену дискурсов. Речь идет уже о другом образе дружбы – не социально значимой связи, но привязанности. Автор представляет адресата не «достойным», а «дорогим» другом. Бесспорно, это связано с изменениями в представлениях о дружбе, которые произошли в течение столетия, которые заслуживают отдельного рассмотрения³⁷. Важно, что когда возникает необходимость лишней раз обозначить свою признательность адресату, не просто механически выражение почтения переносится внутрь письма, но задействуются новые представления о дружбе, распространившиеся к этому времени.

В этом случае тоже была еще целая совокупность факторов, которые также оказывали свое влияние. Например, новый, более непринужденный стиль письма, который входит в моду. Дружеское письмо становится образцом любезного послания вообще. И обращение «дорогой друг» так же не обязательно свидетельствует о существовании дружеской симпатии, как и «достойный друг» полувеком ранее, однако, опять же, акцентирует эмоциональную привязанность как основу отношений.

³⁵ “Deare S^r I received your last letter about this morning...”. EMLO. Letter from A. Wood to J. Aubrey, 10.11.1671.

³⁶ “Deare Friend! I received your kind letter and all the papers...” EMLO. Letter from J. Aubrey to A. Wood, 17.01.1680.

³⁷ См. об этом: Стогова. 2000; Стогова. 2005; Стогова. 2010; Стогова. 2011; Стогова. 2012; Blum. 1980; Bray. 2006; Rey. 1993.

Еще одна причина, которой можно приписать эти изменения, по аналогии с письмами французов, у которых почтовая служба наладилась уже в первой половине столетия, можно предположить, что появление благодаря почтовой службе возможности для регулярного сообщения привело к тому, что переписка начинает функционировать в рамках экономики дарений. Послание-дар требовало непременно контр-дара, контр-контр-дара и т. д. Это новшество было очень заметно для современников и обнажало наличие корыстного интереса в отношениях (я имею в виду отнюдь не только материальную корысть, но любую заинтересованность, что пока еще было неприемлемо в эпистолярной и не только форме общения мужчин, выступающих как публичные персоны). Дружеский дискурс (причем именно новый «эмоциональный» дружеский дискурс) служил оправданием заинтересованности в поддержании переписки и, следовательно, легитимации эпистолярной формы общения.

В любом случае, очевидно, что все эти процессы, в результате которых пространство письма начинает четко разделяться на внешнее – публичное, открытое всем, и внутреннее – частное, были стимулированы активным развитием государственной почтовой монополии. И, в конечном счете, произошедшие трансформации оказались гораздо более значимыми для мужской переписки в силу того, что публичная значимость имела для них гораздо более весомое значение даже в рамках тех отношений, которые мы привыкли воспринимать как частные.

Анна Вячеславовна Стогова
к.и.н., с.н.с. Центра гендерной истории ИВИ РАН,
доцент Кафедры истории и теории культуры РГГУ
+7(495)9544489
anna100gova@yandex.ru

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Blount. 1658 – *Blount T.* The Academy of eloquence. L., 1658

Browne. 1590 – *Browne J.* The marchants auizo. Verie necessarie for their sonnes and seruants, when they first send them beyond the seas, etc. L.: Thomas Orwin, 1590.

Care. 1671 – *Care H.* The Female secretary: Or, Choice New Letters. L., 1671

Day. 1599 – *Day A.* The English Secretorie. Wherein is containd, a Perfect Method, for the inditing of all manner of Epistles and familiar Letters, together with their diuersities, enlarged by examples under their seuerall Tytles, etc. L.: P.S., 1599.

Durand. 1556. – *Durand P.* Le stile et manière de composer, dicter, et escrire toute sorte d'epistre, ou lettres missiues, tant par response, que autrement. P : Jean Ruelle, 1556.

EMLO – Early modern letters on-line. Режим доступа: <http://emlo.bodleian.ox.ac.uk/> (дата входа 21.09.2013).

Fulwood. 1578 – *Fulwood J.* The enimie of Idleness: teaching the manner and stile howe to endite, compose, and write all sorts of Epistles and letters, etc. L.: Henrie Middleton, 1578.

Hill. 1687 – *Hill J.* The Young Secretary's Guide: or, a Speedy help to learning. In two parts. I. Containing the true method of writing letters upon any subject ... II. Containing an exact collection of aquittances, bills, etc. L., 1687.

Moore. 2004 – *Moore D.* The letters of Dorothy Moore, 1612-64. The Friendships, Marriage and Intellectual life of a Seventeenth-century Woman / Ed. By L. Hunter. L., 2004.

Particular Friends. 2005 – Particular Friends: The Correspondence of Samuel Pepys and John Evelyn / Ed. By G. de la Bédoyère. Woodbridge, 2005.

Puget de La Serre. 1683 – *Puget de La Serre F.* The Secretary in Fashion or, an Elegant and Compendious Way of Writing all Manner of Letters. L.: John Cripps, 1683.

ЛИТЕРАТУРА

Стогова. 2000 – *Стогова А.В.* Превратности дружбы, или представления для юной леди XVII столетия // Социальная история. Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С.247-267

Стогова. 2005 – *Стогова А.В.* Общество дружбы миссис Кэтрин Филипс // Человек XVII века. М.: ИВИ РАН, 2005. С.78-93

Стогова. 2010 – *Стогова А.В.* Дружеские отношения в медицинском дискурсе в к. XVI – н. XVII // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 34-58

Стогова. 2011 – *Стогова А.В.* История одного непонимания: Кэтрин Филипс и Джереми Тейлор // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 19. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 199-222

Стогова. 2012 – *Стогова А.В.* Наставления о дружбе епископа Джереми Тейлора в контексте интеллектуальной культуры Англии XVII в. // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (исследования и переводы / Сост. и ред. М.С. Петрова. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 190-198

Blum. 1980 – *Blum. L.A.* Friendship, altruism and morality. N.Y.; L.: Routledge & Kagan Paul, 1980

Bray. 2006 – *Bray A.* The Friend. Chicago, London: Chicago university press, 2006

Browne. 1993 – *Browne Ch.* Getting the Message: Story of the British Post Office (General History). L., 1993.

Campbell-Smith. 2012 – *Campbell-Smith D.* Masters of the Post: The Authorized History of the Royal Mail. L., 2012

Daybell. 2012 – *Daybell J.* The material letter in Early Modern England: Manuscript Letters and the Culture and Practices of Letter-Writing, 1512-1635. L., 2012

Nevala. 2007 – *Nevala M.* Inside and out: Forms of address in seventeenth- and eighteenth-century letters // Letter writing / ed. By T. Nevalainen and S.-K. Tanskanen. Helsinki, 2007.

Rey. 1993 – *Rey M.* L'Amitié à la Renaissance. Italie, France, Angleterre 1450-1650. Florence-P., 1993.

Steward, Wolfe. 2004 – *Steward A., Wolfe H.* Letter-writing in Renaissance England. Seattle, L., 2004.

Whyman. 2009 – *Whyman S.* The pen and the people: English letter writers 1660-1800. Oxford, 2009.

Willcocks. 1975 – *Willcocks R. M.* England's Postal History to 1840, with Notes on Scotland, Wales and Ireland. L., 1975

О.В. Хаванова

ЖЕНЩИНЫ-ПРОСИТЕЛЬНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ПАТРОНАТА И КОРПОРАТИВНОЙ ЭТИКИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ XVIII В.

Ключевые слова: монархия Габсбургов, чиновничество, вдовы, пенсии, прошения, патронат

Аннотация: Статья посвящена письменным обращениям женщин – матерей, жен, вдов – к влиятельным патронам, властным институтам и государю в монархии Габсбургов эпохи просвещенного абсолютизма. Показано, что при живых мужьях женщины «брались за перо» в случаях, когда их социальный статус был выше, а, следовательно, связи при дворе и в соответствующих ведомствах – прочнее, чем у супруга. Вдовы при помощи и поддержке коллег покойного мужа активно добивались пенсий и единовременных материальных вспомоществований, ходатайствовали о зачислении сыновей в стипендиаты учебных заведений или на службу. Большинство подобных петиций составлены не самими женщинами, но опытными стряпчими, по широко распространенным образцам и нормам эпохи. В то же время высокая доля заявлений от женщин свидетельствует об ответственности за поддержание материального благосостояния семьи и обеспечение интергенерационной мобильности.

XVIII век еще нельзя назвать временем всеобщей грамотности, но и неправомерно считать эпохой, когда умение читать и писать, не говоря уже о знакомстве с эпистолярными нормами, были достоянием узкого, элитарного круга. Распространение образовательной модели Реформации и усилия главных агентов католического обновления – иезуитов, как и других учительствующих орденов, привели к тому, что во владениях Австрийского дома письма стали писать мелкие дворяне, средней руки

бюргеры, младшие офицеры. Матери, жены, дочери все чаще вели дневники, вступали в переписку¹.

Эпистолярному искусству учились у домашних учителей или в гимназическом классе риторики². Для тех, чье образование ограничивалось шестью начальными классами, кто не был уверен в своих способностях написать письмо делового или личного характера, в помощь давались разнообразные письмовники³. Неграмотные и малограмотные люди также могли воспользоваться услугами профессиональных стряпчих⁴. Обращения на высочайшее имя в монархии Габсбургов, в отличие от Российской империи, где круг адресантов очерчивался специальным законом⁵, мог подавать любой лично свободный подданный. Более того, обращения эти по форме восходили к Цицероновской структуре письма и по содержанию мало чем отличались от личных писем: в них проситель делился с монархом сокровенными мыслями, подробностями из частной жизни, выражал эмоционально окрашенные чувства приязни и упования. Тематически прошения охватывали широкий круг сюжетов: от просьб о повышении в должности до жалоб на несправедливость судебных решений, от заявлений о начислении пенсии или приеме ребенка в учебное заведение за казенный счет до всякого рода рационализаторских предложений.

Женщины составляют относительно небольшую группу просительниц. В патримониальной модели общества случаи, когда женщины обращались к властям «при живом муже», можно считать исключением. Б. Мацоль в исследовании об эпистолярном наследии жен чиновников с сожалением назвала их «исторически отсутствующей величиной»⁶. Как

---

¹ Bland, Cross. 2004: 3.

² Hinrichs. 1999: 213.

³ Nickisch. 1969.

⁴ Schennach. 2004: 572–584.

⁵ Марасинова. 2004: 83–104.

⁶ Mazohl-Wallnig. 1987: 78–91.

правило, супруг – глава семьи – брал на себя заботу о материальном благосостоянии и приличествующем образе жизни. Жена бралась за перо, в первую очередь, когда ее общественное положение было выше мужниного, и она – дочь своего отца, представительница семьи, в которой родилась – просила за мужа и (или) детей в надежде, что ее просьба будет иметь больший вес. Например, когда в 1777 г. в древней венгерской столице Буде открылась престижная дворянская академия, о скромном дворянине Ференце Хуняди пришло сразу два прошения – от отца Элека Хуняди и от матери – графини Францишки Фештетич⁷. В общем списке соискателей, составленном в канцелярии, они значились под номерами 18 («Элек Хуняди о своем сыне») и 24 («супруга Хуняди, урожденная графиня Фештетич, за сына Ференца»). Скорее всего, родители рассудили, что слово урожденной графини Фештетич может в глазах властей оказаться весомее, чем просьба ее мужа, простого дворянина. Мальчика зачислили в воспитанники, впрочем, на платной основе: его дедушка – вице-президент Венгерской казенной палаты – был достаточно богат⁸.

Графиня Мария Анна Халлер (урожденная Грашшалкович) просила императрицу о назначении полной пенсии и награждении большим крестом ордена св. Стефана своего супруга Габора Халлера. Род мужа принадлежал к новой аристократии, возвысившейся в Трансильвании и Венгерском королевстве на рубеже XVII–XVIII вв. Семейство же самой просительницы можно назвать аристократией «новой». Покойный отец Мари Анны – Антал Грашшалкович (1694–1771) был любимцем императрицы и всемогущим президентом Венгерской казенной палаты. Этот мелкий дворянин начинал со скромной казначейской должности, но благодаря коммерческой жилке сумел сколотить внушительное состояние и добиться большого

---

⁷ MNL OL. A 39. 1777. N 5396.

⁸ Хаванова. 2006: 262–263.

влияния на государственные дела, так что императрица Мария Терезия (1740–1780) возвела его – минуя баронский титул – в графское достоинство⁹. Честолюбивая графиня Халлер не удовлетворилась тем, что ее мужа – советника Трансильванского губерниума (исполнительного органа в княжестве) – отправили на пенсию с сохранением лишь половины жалования. В прошении (поданном ок. 1775 г.) она напоминала государыне, как та, вручая в 1765 г. ее отцу большой крест ордена св. Стефана, обещала оказывать особое покровительство всему семейству. Теперь, прося императрицу проявить обещанную заботу о сиротах покойного президента, Мария Анна ходатайствовала о награждении мужа («моего графа») орденом крестом в знак признания прошлых заслуг и неизменного монаршего благоволения¹⁰. Прошение, впрочем, осталось без ответа.

Женщины лично обращались к властям, когда не могли рассчитывать на помощь и заступничество собственных мужей. У одного из авторитетных казначейских чиновников – референта по венгерским делам в венской Придворной казенной палате Иштвана Надя было две дочери. Младшей – Марии Магдалене – не слишком повезло в браке. Ее избранником стал Йозеф Околичани, с 1756 по 1774 гг. служивший в Венгрии, в Сепешской¹¹ казначейской администрации и после ее преобразования вышедший в отставку. Он не отличался большими способностями и не пользовался авторитетом. Его начальник граф Йозеф Тёрёк так писал в меморандуме:

«О господине Околичани можно предположить, что он не понимает немецкого языка и еще меньше в состоянии на нем

---

⁹ Fallenbüchl. 1996.

¹⁰ MNL OL. P 1058. 29. cs. N 142.

¹¹ Сепеш – историческая область в Венгерском королевстве. Ныне – Спиш на территории Словакии. В немецкой традиции именовалась Ципс.

писать. Его умственные способности весьма скромные, натура – взбалмошная, к тому же он склонен к интригам»¹².

Вдобавок этот человек не устоял перед искушением наделать долгов, и когда его отправили в отставку, оказался в полной зависимости от своих кредиторов. Между тем, они с Марией Магдаленой воспитывали дочь-инвалида, у которой была парализована правая рука. Женщину охватило отчаяние, ибо она понимала, что супруг с его репутацией вряд ли вновь поступит на королевскую службу, ей же во вдовстве не будет положено никакой пенсии. Заклиная власти именем своего покойного отца и брата, геройски погибшего в Семилетнюю войну, она вымолила у государыни пенсию на ребенка в размере 200 фт.¹³, дарованную за «не нуждавшиеся в особом представлении выдающиеся способности и немалые заслуги» отца¹⁴.

Когда муж попадал в беду или немилость, жена вставала на его защиту и «призывала на помощь» заслуги обоих семейств – мужа и своего собственного. В фондах Австрийского государственного архива сохранилось датированное 1746 г. обращение на высочайшее имя княгини Анны Кантакузин (Кантакузен) – урожденной боярышни Шереметевой, племянницы русского полководца Бориса Петровича Шереметева (1652–1719). Суть просьбы женщины – помирить супруга, однако в чем тот был виноват, остается неясным. Она лишь признается:

«И как такое могло случиться, что муж мой по человеческой ли слабости, по наущению ли врага рода человеческого сошел с этого благородного пути, я, не способная своим скудным умом

¹² ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 591. Subd. 1. N 49 ex Jul. 1774. Fol. 459v.

¹³ Денежной единицей во владениях Австрийского дома был флорин; по-немецки он назывался «гульден», по-венгерски – «форинт» (на русском языке принято сокращать фт.).

¹⁴ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 612. N 31 ex Apr. 1776. Fol. 1:34r, 137r.

понять, как он совершил вменяемое ему преступление, никоим образом объяснить не могу»¹⁵.

В прошении не называется даже имени ее супруга. Судя по генеалогическому дереву этого молдавско-валашского княжеского семейства, претендовавшего на родство с византийскими императорами, мужа звали Константин (1703–1768) и он имел чин русского генерала¹⁶.

Просительница (скорее всего – стряпчий, который составил для нее это ходатайство), всячески подчеркивала, что род Кантакузинов обладал весомыми заслугами перед Австрийским домом.

«[Прадед мужа], служивший во время жестокой осады Вены генерал-фельдцейхмейстером, по христианскому долгу и из всеподданнейшей верности христианскому императору не стрелял по городу. Об этом сложено немало историй, и сие подтверждают дожившие до наших дней свидетели тех событий, а также ясно говорит воздвигнутый им Молдавский крест»¹⁷.

Представляется, что здесь идет речь о двух разных людях. Известно, что двоюродный дед Константина – валашский господарь Щербан Кантакузин (1634?–1688) во время осады Вены 1683 г. действительно находился в составе войск султана и лишь после поражения османов и побед Священной лиги вступил в переговоры с Габсбургами. Однако упомянутый крест – внушительных размеров каменный монумент с надписями на кириллице – в 1677 г. возвел в Яссах молдавский господарь Антоние Русет (сын Беллы Кантакузен и, следовательно, двоюродный прапрадед Константина). Между тем, попытки политического сближения с Габсбургами обошлись семейству весьма дорого. Отец Константина – валашский господарь Штефан Кантакузин (1675–1716), пал жертвой междоусобной борьбы в княжестве. В 1716 г. за сотрудничество с Габсбургами его

¹⁵ ÖStA. HHStA. GC. Kt. 252. Konv. b. Fol. 17r.

¹⁶ Cantacuzène. 1992.

¹⁷ ÖStA. HHStA. GC. Kt. 252. Konv. b. Fol. 16v.

вместе с отцом и дядей казнил ставленник султана Николай Маврокордат. Для выяснения обстоятельств того, чем муж Анны Шереметевой навлек на себя гнев императрицы, потребуется дополнительное исследование. Здесь же отметим изобретательность составителей подобных ходатайств: не было, казалось бы, такого факта, который они не могли обратить в пользу просителя.

Наконец, речь может идти о судебных и административных жалобах, где интересы женщины вступали в противоречие с позицией или поведением супруга. Вот пример того, сколь грамотно, с полной уверенностью в своей правоте и конечном торжестве справедливости венгерская дворянка Юлиана Биро, жена католика Пала Ондрейковича, отстаивала перед лицом властей свое право, оговоренное в брачном контракте, воспитывать детей в кальвинистской вере:

«Несомненно, что природа, когда сделала меня родителем моих детей, возложила на меня, таким образом, обязательства и заботу об их пропитании и образовании, причем так, как я считаю нужным, и тем более они [должны быть] воспитаны в тех науках и в той религии, в истинности которых я совершенно уверена».

В канун принятия декрета о веротерпимости 1781 г. она требовала

«разрешить, в соответствии с законами королевства, свободно пользоваться правом, как данным от природы, так и полученным в силу брачного контракта, воспитывать детей в своей вере»¹⁸.

Самой многочисленной категорией просительниц были вдовы¹⁹ или сироты. Повсеместно в Европе эти наименее защищенные из подданных искали помощи у властей всех уровней, включая государя. В монархии Габсбургов в правление Марии Терезии благотворительность процветала,

---

¹⁸ MNL OL. C 43. 265. cs. 1780. N 19.

¹⁹ Kruse. 2007.

получая субвенции от казны и солидное подспорье в виде нормативных актов, регулирующих помощь вдовам, сиротам, престарелым, инвалидам. Функции социальной защиты, будучи делегированными восседавшей на престоле женщине, принимали характер заботы матери о своих чадах-подданных²⁰. Встречавшаяся и ранее фигура речи «*landesväterliche Liebe*» («отеческо-монаршая любовь») применительно к женщине – «*landesmütterliche Liebe*» («материнско-монаршая любовь») – засияла новыми гранями и стала излюбленным клише: как в прошениях подданных, так и в официальных документах. Даже в сугубо формальном обращении, с которого начинались ходатайства, где в строгой последовательности перечислялись титулы монарха, просители допускали многозначительные отступления: «*no природе своей всемилостивейшая*», «*всемилоостивейшая императрица, королева, эрцгосударыня, мать и госпожа!*»²¹. Особенно вдовство императрицы (ее супруг Франц Лотарингский умер в 1765 г.) символически породнило ее со всеми лишившимися кормильца женщинами обширной монархии. Апелляции вдовы к вдове получили широкое распространение. В обращении, наряду с официальными титулами императрицы, королевы, эрцгерцогини, некоторые стали писать: «*вдова*», «*вдовствующая императрица*»²².

Реминисценции на эти темы звучат в либретто комической оперы «Кавалер розы» («*Rosenkavalier*»), сочиненной в 1910 г. представителем немецкого экспрессионизма Рихардом Штраусом (1864–1949). Либретто написал выразитель австрийского декадентства Гуго фон Гофмансталь (1874–1929). Действие разворачивалось в правление Марии Терезии. В одной из сцен к главной героине

²⁰ Mauser. 1996: 77–97; Telesko, 2006: 83–84.

²¹ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 828. 21.I.1751. Fol. 164r; Fasz. r. Nr. 897. 14.V.1760. Fol. 244r.

²² ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 612. N 72 ex Mart. 1776. Fol. 99r; N 16 ex Jun. 1776. Fol. 240r.

– маршальше Марии Терезии графине фон Верденберг – является благородная вдова с тремя сиротками, муж и отец которых пал смертью храбрых на войне и, по словам сих девиц, они хотят повторить его подвиг: «Три бедные дворянские сиротки молят о защите кротко», – восклицали они. И, преклонив колени, продолжали: «Отец наш, герой, смерть принял на бранном поле, подвиг его повторить – нет для нас лучше доли». Впрочем, не будучи ни выслушанными, ни услышанными, всем четверым приходится удалиться восвояси, не переставая подобострастно кланяться и славить щедрость маршальши²³. Гротеск и абсурд, смешавшиеся в фантазии драматурга и композитора, несомненно, пародировали образ богобоязненной, кроткой и милостивой к подданным государыни, как он сохранился в коллективной памяти и тиражировался в массовой культуре и народном образовании²⁴.

Авторы оперы вряд ли представляли себе, сколько прототипов было в XVIII в. у бедных дворянских сироток. Вот реальная история из жизни графини Йозефы Франгепан – «лишенной отца сироты, которой уже многие годы не на что жить». Ссылаясь на свою крайнюю нищету, она в 1774 г. обратилась к Венской придворной казенной палате с просьбой о разовом денежном вспомоществовании в 100 гульденов. Четырьмя годами ранее, когда государыня посетила Грац, графиня уже подавала сходное прошение, в котором признавалась, что материнской пенсии в 200 гульденов им не хватает. Тогда Йозефе было выплачено 100 золотых. На этот раз женщина ссылаясь на заслуги своего покойного деда – графа Иоганна Фердинанда Морель-Зоненберга, казначейского советника и директора банка Внутренней Австрии. Власти припомнили, что мать ее получает вдовью пенсию, а законодательство не предусматривало одновременную выплату двух пенсий –

---

²³ Hofmannstahl. 1911: 30.

²⁴ Telesko. 2006: 86–102.

вдове и сиротам, однако, снисходя к бедственному положению аристократки, снова выделили ей 100 гульденов²⁵.

Вот лишь несколько примеров разных лет, где подданные славили не знающую границ сострадательность австрийской государыни. Кристина Хубер, оставшаяся вдовой с младенцем на руках, просила:

«Скатившись в такую злосчастную жизнь и нищенское существование, я смиренно обращаюсь к материнской милости вашего величества, снисходительной к несчастным вдовам и сиротам, как к единственному утешению в бедности и бедствиях»²⁶.

Вдовец Антон Стипшиц восклицал:

«Всемирно известная милость, сердоболие и сила вашего величества, с которыми вы благоволяете обласкать каждого отдельного пребывающего в нищете человека, побуждает меня вместе с моими тремя детьми, у которых смерть отняла мать, припасть к трону, где восседает любящая своих подданных добрейшая государыня, чтобы со всем смирением поведать о своем горе»²⁷.

Графиня Катарина Тёрёк (в девичестве Пфедферсховен) жаловалась:

«Достаточно овдоветь, чтобы лишиться всякого утешения, всякой поддержки! Мое состояние не нуждается в пояснениях, оно говорит само за себя, оно – присмотритесь – вопиет и требует для меня поддержки и защиты; и где же еще должна я искать их, как не у Вашего императорско-королевского апостолуческого величества, защитницы всех вдов и сирот?»²⁸.

Вдовствующая графиня Катарина Патачич молила:

²⁵ ÖStA. ÖC. Fasz. r. Nr. 663. «F.V.U». N 366 ex Apr. 1774. Fol. 157v, 163r-v.

²⁶ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 925. 9.IX.1762. Fol. 190r-v.

²⁷ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 371. Subd. 3. N 3 ex Majo 1770. Fol. 109r.

²⁸ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr 613. N 56 ex Febr. 1777. Fol. 43r.

«Да обратится ваш милостивый материнско-монарший взор на мою достойную сострадания судьбу!»²⁹

Использование риторических приемов, однако, никогда не заслоняло для властей суть дела, о чем будет сказано ниже.

Пенсии вдовам и сиротам всякий раз были актом исключительной милости. В первом нормативном акте 1749 г., регулировавшем вдовьи пенсии, в частности, фиксировалось, что вдовы – в случае удовлетворения их прошений – до повторного замужества получали денежное содержание равное трети жалования покойного супруга. Впрочем, чиновники ниже советника (начиная с секретарей) исключались из списка тех, чьи жены и дети могли претендовать на пенсию. В случае если мужья хорошо служили и не сколотили никакого состояния, их вдовам выплачивалось жалование за тот месяц, в котором скончался супруг, плюс сумма годового жалования. Такая выплата называлась «*Gnade und Abferigung*», или «милостивое и выходное пособие» (хотя речь шла, по сути, о «выходе» в мир иной). Получить пенсию такие вдовы могли только после повторного обращения и предоставления убедительных доказательств бедности. Из-за многочисленных протестов Мария Терезия в 1762 г. утвердила пенсию в 100 гульденов вдовам канцеллистов (*Kanzellisten*), 200 гульденов – вдовам конципистов (*Konzipisten*) и 400 гульденов вдовам секретарей. Остальным приходилось довольствоваться разовыми выплатами из придворных благотворительных касс³⁰.

Первейшей заботой властей было гарантирование прожиточного минимума тем, кто был не в состоянии себя обеспечить. Поэтому по мере того, как росло число получателей пенсий, их суммы для верхушки чиновничьего аппарата приходилось урезать. В 1762 г. вдовам высокооплачиваемых чиновников были установлены пенсии существенно ниже одной трети жалования супруга и

²⁹ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 612. N 16 ex Jun. 1776.

³⁰ Wunder. 1984: 379–387.

равнялись 600 гульденам. В 1765 г. вдовам советников Придворной и Государственной канцелярий, а также созданного в 1760 г. Государственного совета утвердили пенсию в 800 гульденов³¹. Установить для всех случаев единые правила долгое время не было ни организационных, ни финансовых возможностей. В целом же, минимум, обеспечивавшийся из средств казны, не только в XVIII, но и в XIX в., оставался скромным. В романе К. Миксата «Выборы в Венгрии» бесприданница Клара Бодрогсеги признается: «Моя мама на пенсию живет, за мужа. А она очень маленькая»³².

Общие правила служили ориентиром, но всякий раз решение принималось по конкретному случаю с учетом личных обстоятельств. Одним отказывали за отсутствием формальных оснований, другим предлагали назначить пенсию (в полном, урезанном или увеличенном виде), относительно третьих, где законодательство допускало как положительный, так и отрицательный ответ, последнее слово было за монархом, который прислушивался к советам ответственного референта или выносил собственное решение. Например, Придворная казенная палата считала, что вдове служащего соляной конторы Марии Анне Терней полагалось единовременное пособие, но императрица постановила: «Вместо пособия – пенсия 200 фт.»³³.

С одной стороны, решение по каждому конкретному случаю должно было вписываться в ряд сходных прецедентов. По поводу Розины Дёри – вдовы сборщика налогов Игнаца Браздовича – в меморандуме коллег говорилось:

«Например, вдове Иоганна Штама [...] определили пенсию в 90 фт., а вдове Йозефа Шартори [...] положили 50 фт. [...]»

³¹ Heindl. 1991: 32.

³² Миксат. 1965: 68.

³³ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 851. 21.XII.1753. Fol. 316v.

поэтому просительнице, по крайней мере, как и вдове Шартори, следовало бы назначить пенсию в 50 фт.»³⁴

С другой стороны, решение государя могло в любом пункте идти вразрез с общими нормами. На прошении вдовы бухгалтера Венгерского королевского наместнического совета Йозефа Герденича государыня начертала: «Кёнигсеггу³⁵ назначить [вдове] скромную пенсию». После этого усилия референта были направлены на то, как обосновать справедливость подобного решения.

«Хотя означенная вдова имеет собственные средства для воспитания детей, и ее ныне здравствующий отец завещает ей приличное наследство, к тому же резолюция от 1750 г. по поводу милостивого и выходного пособия или пенсии касалась исключительно вдов казначейских служащих [...] Венгерская казенная палата все-таки сочла возможным (по той причине, что ее величество имело милостивое намерение назначить сей просительнице пенсию) рекомендовать положить ей 150 фт. в год»³⁶.

На протяжении всей второй половины XVIII в. власти интересовали два вопроса. Во-первых, действительно ли женщина не имеет ни собственности, ни доходов, ни способных сдержать ее родственников, и бедна настолько, что без пенсии «не сведет концы с концами»³⁷. Во-вторых, в самом ли деле покойный супруг ее был настолько исполнителен и компетентен, что – для стимулирования коллег к похвальному рвению – заслужил пенсию для своей вдовы. В одном из меморандумов Венской придворной казенной палаты говорилось:

«Несомненно, ничто не побудит чиновников к несению верной и полезной службы так, как сознание, что оценка их

³⁴ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 827. 7.XI.1750. Fol. 90v.

³⁵ Речь идет о президенте Венской придворной казенной палаты графе Карле Фердинанде Кёнигсегг-Эрпсе (1696–1759).

³⁶ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 872. 12.IX.1757. Fol. 34v–35r.

³⁷ Ср.: Ingendahl. 2003: 278.

заслуг после смерти повлияет на размеры пенсий вдовам и детям»³⁸.

Если говорить об имущественном положении вдовы, решение о назначении пенсии принималось после получения исчерпывающей информации о состоянии женщины. Когда в 1769 г. бедная вдова Мария Регина Колович попросила Венскую придворную казенную палату продлить ей выплату скромной милостыни, вотум гласил:

«В нашем ведомстве нет никаких сведений о заявительнице, посему полагаем необходимым обратиться к земельным властям Краины за разъяснениями: кто был ее муж, насколько обоснованы претензии на вспомоществование по бедности, и тогда мы подготовим взвешенные рекомендации для наложения высочайшей резолюции»³⁹.

Упомянутой выше графине Тёрёк отказали по той причине, что после смерти мужа ей досталась солидная доля движимого и недвижимого имущества, двое взрослых сыновей уже служили в окружном королевском суде и Сепешской казначейской администрации, а дочь готовилась выйти замуж за военного⁴⁰. Вдова же казначейского чиновника Терезия Тагани (в девичестве Херхер) не просто написала в ходатайстве:

«Если я скажу, что очень похожа на нищенку, то не погрешу против истины [...] и при нынешней дороговизне, даже сведя хозяйственные расходы до минимума, не могу сэкономить ни крейцера».

Она еще представила заверенные свидетельства о своем бедственном положении (долгах по кредитам, сделанных покойным супругом). В представлении на таких соискательниц обычно писали: «Все, о чем поведала вдова,

³⁸ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 827. 9.IX.1750. Fol. 179v.

³⁹ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 2142. N 95 ex Dez. 1769. Fol. 51r.

⁴⁰ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr 613. N 26 ex Jun. 1777. Fol. 240v, 245r–246r.

является истинной правдой»⁴¹. В 70-е годы XVIII в. просительниц обязали подавать заверенные свидетельства о своем финансовом положении, наличии и характере сбережений, собственности, недвижимости, а также имеющихся долгах. На основании представленной информации составлялись таблицы, где в столбцах расписывались источники дохода и их величина.

Что же касается поощрения служебного рвения, то пенсия вдовы находилась в прямой зависимости от заслуг и от репутации покойного супруга. Одни чиновники, прослужив, как правило, 40 и более лет, получали так называемую юбилейную, или выход на заслуженный отдых с почетным сохранением в штате, другим же – полагалась «всего лишь» пенсия. В 1762 г., принимая решение по делу конкретной просительницы, Мария Терезия подчеркнула:

«Применять и в дальнейшем то правило, что вдовы и несовершеннолетние сироты пенсионеров после смерти мужа или отца перестают получать какие-либо пособия, в то же время между ними и теми советниками, чиновниками и служащими, которые по старости или нездоровью, за свою примерную службу удостоились юбилейной, проводить различие, выплачивая вдовам и детям-сиротам последних сумму, определенную в соответствующих распоряжениях»⁴².

Представляется, что такая дифференциация была отчасти направлена на увеличение продолжительности службы чиновника. Выходя на «обычную» пенсию, тот осознавал, что после его смерти жене и детям будет, в лучшем случае, положено единовременное денежное вспомоществование. Напротив, служа до тех пор, пока руководство не считало его достойным юбилейной, он мог быть уверен, что к членам его семьи применят особые нормы.

Фердинанд Веннет, работавший в соляной конторе в венгерском Сегеде, слыл многоопытным и знающим

⁴¹ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 614. Subd. 2. N 121 ex Jul. 1779. Fol. 316r-v, 327v.

⁴² ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 926. 2.X.1762. Fol. 225r.

чиновником. После его смерти коллеги так отзывались о покойном:

«Верная и полезная служба его, в особенности в сфере регулирования транспортировки соли, принесла такой почет и уважение, что если уж и не был лучшим среди всех своих коллег, наверняка мало кто мог сравниться с ним в рвении, старании и исполнительности».

Сорок четыре года безупречной службы увенчались юбилеем и сохранением жалования 800 фт. в полном объеме. По словам начальства, «рачительное ведение хозяйства позволило ему сколотить неплохое состояние». Детей у Веннетов не было, поэтому вдове не пришлось бы бедствовать. Однако руководство рассудило так:

«Милостивое и выходное пособие назначается не только тогда, когда нужно помочь нуждающейся вдове, но и для того, чтобы подать окружающим достойный подражания пример»⁴³.

Главной заботой властей всех уровней оставалось приведение суммы пенсионных выплат к сумме, зарезервированной на эти цели в государственной казне. «Важно, – писал в меморандуме президент Придворной казенной палаты К.Ф. Кёнигсегг, – чтобы к фиску, перегруженному сверх меры пенсионными выплатами, относились бережно».

Например, венгерские власти подняли вопрос о назначении пенсии вдове сборщика тридцатинного налога Йозефа Тайссля спустя десять лет после его смерти и выплаты семье «милостивого и выходного пособия». На склоне лет женщина растила троих сирот, состояние же ушло на приданое двум старшим дочерям. Чиновники единодушно полагали, что она достойна пожизненной пенсии в размере трети жалования покойного супруга (150 фт.). Однако бережливая Мария Терезия сочла, что в данном случае можно

---

⁴³ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 928. 28.XII.1762. Fol. 348r-v.

ограничиться 100 фт. на два года⁴⁴. В другой раз, утверждая сироткам Пиллер, чья мать вступила на путь разврата, пенсию по 50 фт. каждой, императрица добавила:

«Пусть Казенная палата подумает над тем, чтобы устроить обеих в венгерский или венский приют, чтобы по возможности снова сэкономить на этой пенсии»⁴⁵.

Немецкий историк Хайде Вундер многозначительно озаглавила книгу о женщинах раннего Нового времени «Он – солнце, она – луна»⁴⁶. Образ луны, светящей отраженным светом, применим как к ходатайствам, подаваемым от имени женщин, так и к пенсиям, которые им назначали. В письменных обращениях к властям жены и вдовы рассказывали не столько о себе, сколько о супруге; власти же, выделяя вдове пенсию, принимали во внимание не только положение самой женщины, но и послужной список ее (покойного) мужа. В данном контексте мерилom успешности карьеры *post mortem* становился размер пенсии вдове и детям. Успешность же измерялась не только в категориях вертикальной мобильности, когда итогом жизненного пути была позиция на вершине служебной лестницы. Не менее ценным было многолетнее и каждодневное четкое исполнение служебных обязанностей, доброе имя, которое можно было «завещать» вдове и «оставить в наследство» собственным детям. Йозеф Элленбоген не поднялся выше должности советника бухгалтерии Венгерской казенной палаты. В то же время он – в силу своей образованности и компетентности – брался за самые разные поручения начальства, от руководства шерстопрядильной фабрикой до проведения гидротехнических работ. После его смерти президент ведомства написал:

«Вплоть до самой его смерти, последовавшей 25 сентября 1772 г. [...] как во вверенном ему бухгалтерском

⁴⁴ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 895. 5.I.1758. Fol. 152r–154r.

⁴⁵ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 921. 26.V.1762. Fol. 630v.

⁴⁶ Wunder. 1992.

учете, так и при исполнении иных обязанностей и поручений, он выказывал такую точность, что при ревизии его счетов был выявлен полнейший порядок без малейшего изъяна»⁴⁷.

Его вдове Эстер, оставшейся одной с четырьмя детьми на руках, безупречная служба мужа принесла повышение вдовой пенсии с положенных 391 фт. 40 кр. до одобренных особым распоряжением 500 фт.⁴⁸

В 1784 г. Йозеф Зонненфельс⁴⁹ в учебнике делового стиля приводил в качестве идеально-типического образца ходатайство некоей абстрактной вдовы канцелярского служащего:

«Во-первых, правомерное основание дают ей 47 лет службы покойного; во-вторых, у нее на попечении осталось пятеро малолетних детей, четыре девочки и один девятилетний мальчик; в-третьих, в силу преклонного возраста, многочисленных болезней и жесточайшей нужды не в состоянии заработать себе на хлеб; в-четвертых, наконец, прилагаемое свидетельство подтверждает, что поведение ее и ее семьи всегда было безупречным, с другой же стороны, муж ее не оставил ей никакого состояния, по каковой причине она влачит жалкое существование»⁵⁰.

К помощи учебника Зонненфельса (а до его появления – более ранних аналогов) прибегали, прежде всего, ходатаи по делам частных лиц. Они знали, как составить прошение так, чтобы показать дело доверителя в наиболее выгодном свете. Такие прошения от имени вдов выведены четким, «канцелярским» почерком и нередко содержат указание на имя составителя (агента). Оно встречается на обороте письма и писалось вертикально, т.е. перпендикулярно нижней кромке бумаги. Женщина в лучшем случае ставила в конце свою

⁴⁷ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 612. Subd. 2. N 52 ex Febr. 1776. Fol. 71v.

⁴⁸ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 612. Subd. 2. N 52 ex Febr. 1776. Fol. 66v.

⁴⁹ Новейшую биографию этого государственного деятеля, юриста, публициста, писателя см.: Karstens. 2011.

⁵⁰ Sonnenfels. 1820: 71–72.

подпись, которая графически отличалась от основного текста. Прощения на латинском языке от имени заявительницы подписывал, как правило, сам составитель, поскольку женщинам латынь не преподавали. Вдова трансильванского сборщика налогов Кристина Коста на обратной стороне ходатайства сделала помету: «По бедности составила сама»⁵¹. Верить такой информации, однако, нет никаких оснований. На прошении также нет никаких надписей, говорящих о том, что оно было удовлетворено.

Овдовев, женщина нередко оказывалась во главе семьи и брала на себя ответственность, прежде лежавшую на мужчине. Помимо прошений о назначении пенсии вдовы активно устраивали судьбы своих детей: записывали в учебные заведения, ходатайствовали о стипендиях, просили принять на службу. Даже если дети были совершеннолетними и самостоятельно зарабатывали себе на хлеб, матери не упускали случая похлопотать за них перед государем или ведомственным начальством. В таких прошениях апелляция к заслугам покойного супруга, похвалы талантам и способностям сына и ссылки на собственную бедность и неустроенность переплетались, усиливая друг друга. О возрастающей активности женщин-просительниц свидетельствуют письмовники второй половины XVIII – XIX вв.

В учебнике делового стиля Й.Г.Г. Юсти содержится один пример письма от имени женщины – прошение вдовы Марии В. к влиятельному начальнику об освобождении ее сына, осужденного на принудительные строительные работы.

«[Муж] оставил меня с семерыми малолетними сиротами-безотцовщинами и не завещал мне ничегошеньки, чтобы я могла бы сводить концы с концами. Однако Господь, защитник вдов и отец сиротам, не оставлял меня и, пусть по чуть-чуть, помогал мне».

---

⁵¹ ÖStA. FHKA. SC. F. 64. Fasz. 135. N 43 ex Apr. 1769. Fol. 625r.

Далее, по словам женщины, юноша, служивший в королевском полку, совершил проступок по юношескому недомыслию, без злого умысла, поэтому просила освободить его, «чтобы он в будущем целиком пребывал при мне и со всем усердием доставлял облегчение в моей нищей жизни»⁵².

В письмовниках XIX в. вдовым матерям рекомендовали подавать прошения по всей форме о зачислении детей – мальчиков и девочек – в учебные заведения. В популярном, выдержавшем не одно издание пособие Георга Галя вдова чиновника просила государя помочь дать образование своим трем детям, ибо она была бедна, а покойный супруг пятнадцать лет примерно служил по военному и статскому ведомствам. В том же письмовнике вдова офицера, не получавшая пенсии, просила императора принять дочь в воспитательное заведение для офицерских дочерей⁵³.

На практике бедность и в самом деле оставалась самым распространенным аргументом в прошениях вдовых матерей о зачислении сыновей в штат того или иного ведомства. Катарина Дахауэр, вдова казначейского чиновника из Трансильвании, писала:

«Мой второй сын Георг Дахауэр в обмен на отказ от доли сиротского пособия был из монаршей милости принят в политико-экономический коллегийум [...], откуда вышел по окончании обучения, приобретя познания в нужных науках. Впрочем, он тут же оказался без каких-либо доходов, и я при всей своей бедности тем менее могу его содержать, что имею дома трех малолетних дочек, которых еще предстоит воспитать и дать им христианское наставление»⁵⁴.

Некоторые матери, однако, в духе времени расписывали прекрасную учебу юноши и овладение им необходимыми для чиновника науками. Показательно прошение баронессы Анны Марии Зафран, в котором она подробно рассказала не только

⁵² Justi. 1774: 224.

⁵³ Gaal. 1835: 752, 755–766.

⁵⁴ ÖStA. FHKA. VUG. Kt. 98. Fritz, 1778.

о семейных заслугах, но и об учебе сына, а также приложила копии полученных им дипломов и свидетельств.

«По примеру своих дедов и отца мой вышеозначенный сын Иоганн, доставив мне сердечную радость, с ранней юности прилагал все усилия, чтобы быть полезным на государевой или общественной службе, и имел счастье, благодаря неутомимому прилежанию, после окончания начальной школы, овладения французским и итальянским языками, счетоводством и рисованием, изучить философию, затем юриспруденцию и, наконец, преподаваемые в Грацском университете политико-камеральные и финансовые науки, будучи всякий раз первым учеником в классе»⁵⁵.

Иногда женщины предлагали, чтобы власти сами выбрали, какую из просьб удовлетворить – о назначении ей пенсии, или о зачислении сына в штат ведомства. Как в отношении выходящих на заслуженный отдых отцов, так и по следам прошений овдовевших матерей, власти применяли механизм, позволявший разом удовлетворить обе просьбы. В 1750 г. Вдова Юлиана Шрамб обратилась к руководству Казенной палаты с просьбой зачислить сына в штат на том основании, что ее покойный супруг в свое время передал казне принадлежавшую ему деревушку Какашфалва. Власти постановили, что сын, недавно окончивший учебу, может претендовать на скромную должность помощника в одной из таможенных контор, но с тем условием, что половина из положенных ему 150 фт. в год будет идти на содержание матери⁵⁶.

В том, что настойчивость матерей творила порой чудеса, лишний раз убеждает пример Евы Ганц (в девичестве Райхенхубер), вдовы королевского персонала графа Имре Баттяни. Венгерский аристократ не только женился на вдовой бюргерше с двумя детьми, но и воспитал пасынков Йозефа и Себастьяна как родных. После смерти отчима братья обратились к императрице с просьбой возвести их дворянское

⁵⁵ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 6. Subd. 1. N 229 ex Aug. 1776.

⁵⁶ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 822. 26.I.1750. Fol. 311v–312r.

достоинство на том основании, что отчим-аристократ дал им приличествующее юношам из благородного сословия образование, но отсутствие дворянского диплома преграждало им путь к «добыванию честного хлеба». Ева тоже подала от своего имени прошение, сходное по содержанию с прошением сыновей, объяснив это так:

«Природный долг, который обязывает меня как мать делать все возможное для счастья и возвышения моих сыновей, вдохновил, в надежде на положительное решение, сложить к ногам вашего величества заветное прошение»⁵⁷.

Для императрицы решающим оказалось достойное поведение женщины в браке и вдовстве:

«Я иду на это неохотно, но даю свое дозволение за верность матери их⁵⁸ отчиму и по просьбе [сводного брата] Йозефа Баттяни»⁵⁸.

Стоит заметить, что прошения вдов о назначении пенсий служат прекрасным источником по социальной и культурной истории раннего Нового времени. Обосновывая свое право на денежное вспомоществование, женщины подробно излагали послужной список покойного супруга, сообщали о поле и возрасте детей, их образовании или необходимости получить таковое. Судя по прошениям, браки в чиновничьей среде заключались в зрелом возрасте, поздние дети не были редкостью. София Трэгер, вдова Штефана Вимпиллера, в 65 лет осталась вдовой с двумя несовершеннолетними детьми⁵⁹. В среднем, в семьях было по четыре-шесть детей, и практически не было семьи, которую миновала бы детская смертность. У протоколиста Венгерской казенной палаты Иштвана Тернеи было три брата и две сестры. В браке с Кларой Будаи у него родилось шестеро детей – три мальчика и три девочки. В 1779 г. им было: Йозефу – 16 лет, Анне – 14,

⁵⁷ MNL OL. A 39. 1776. N 3905.

⁵⁸ MNL OL. A 39. 1766. N 1809, 2173, 4136.

⁵⁹ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 828. 21. Jän. 1751. Fol. 164r.

Терезии – 12, Иштвану – 6, Имре – 3, Кларе – 1 год⁶⁰. В своем роде не был исключением и престарелый (в 1770 г. ему должно было быть около 70) бухгалтер из Сепешской казначейской администрации Йозеф (Йожеф) Шарлах. Он писал:

«Если я не ошибаюсь, то в своих браках я прижил 24 ребенка, из которых 12 умерли, так что со мной остались 8 мальчиков и 4 девочки»⁶¹.

Последняя жена Анна (в девичестве Деметрович) родила ему пятерых детей, из которых в 1774 г. самому старшему – Юлиусу Йозефу (Дюле Йожефу) было 17 лет⁶². Известно, что Йожеф Бачак дожил до 81 года и от единственной жены Анны Марии Конде имел 12 детей (из которых не все дожили до совершеннолетия).

В прошениях нередко были трогательные подробности, по которым современный историк рельефнее восстанавливает картины чиновничьего быта. Вдова секретаря Казенной палаты Адама Филипповича в 1779 г. писала:

«Мой покойный супруг [...] брал свои труднейшие служебные задания на дом, так что я собственными глазами видела, как он год за годом не только весь день проводил в присутствии, но и множество бессонных ночей с неутомимым рвением посвящал государственной службе, теряя зрение и подрывая свое здоровье»⁶³.

Весьма многозначительна как бы невзначай, между строк оброненная жалоба Терезии Тагани:

«Не бывало и года, чтобы Господь не разделял нас детьми, болезнями, смертями и иными напастями»⁶⁴.

⁶⁰ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 614. N 28 ex Jan. 1779. Fol. 9r, 12r.

⁶¹ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 608. Subd. 1. N 116 ex Aug. 1770. Fol. 71v.

⁶² MNL OL. E 47. 16. cs. N 71 ex Nov. 1774.

⁶³ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 614. Subd. 1. N 42 ex Aug. 1779. Fol. 374r.

⁶⁴ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 614. Subd. 2. N 121 ex Jul. 1779. Fol. 316v.

Картина, изображающая женщин-просительниц, не будет полной, если не упомянуть письма женщин, матерей к влиятельным вельможам, патронам. В день смерти супруга графа Петера Сермажа (1723–1771) 26 апреля 1771 г. Мария Анна Сермаж (урожденная Драшкович, 1723–1782) писала хорватскому бану (наместнику) графу Ференцу Надашди (1708–1783):

«Всевышнему было угодно ввергнуть меня во вдовство и лишить меня дражайшего супруга: сегодня, после восьми дней недомогания, в час пополудни, в Стеньевце он упокоился во Христе. И поскольку я лишилась мужа, ставшего мне отцом, а мои малолетние дети – родителя, мне не остается ничего, кроме того, что завещал мне муж на смертном одре: видеть в вашем сиятельстве не родственника, но отца и покровителя».

Два дня спустя безутешная вдова уже просила бана передать должность судьи, которую исполнял ее покойный супруг, сыну Петеру (1746–1804), каковую тот и получил⁶⁵.

Вдова генерала Игнаца Алмаши – Клара – обратилась с письмом на немецком языке к владельцу полка, где служил ее покойный муж – графу Анталу Каройи. Письмо составлено стряпчим, возможно агентом Венгерской королевской канцелярии Йозефом Керестури, который, судя по письму, как раз передал женщине, по поручению графа, 6 дукатов. В письме она просила:

«Соблаговолите, ваше сиятельство, по врожденной доброте и человеколюбию позаботиться о моем сыне [Антале], чтобы сей бедный сирота смог для изучения необходимых наук поступить в какое-нибудь хорошее учебное заведение и со временем стать полезным государству»⁶⁶.

Мальчик был зачислен в Терезианский коллегийум в Ваце, где обучался бок о бок с сыном Каройи – Йозефом, и стал одним из первых в классе⁶⁷.

⁶⁵ MNL OL. P 507. 41. cs. N 656. 26.IV; 28.IV.1771.

⁶⁶ MNL OL. P 398. N 545. 7.IX.1781.

⁶⁷ Khavanova. 2009: 73–88.

Другой пример в этом ряду – собственноручное письмо вдовы и матери, трансильванской дворянки Клары Черей (в девичестве Борош) к тому же А. Каройи. (В его полку служил ее сын – Пал)⁶⁸. Венгерский язык в тот период еще не был поднят на ту художественную высоту, которая принесла славу венгерской литературе в XIX в. Однако даже в своей далекой от грамматико-лексического совершенства форме он практиковался в дворянско-аристократической среде. Покойный муж Клары был советником Трансильванской придворной канцелярии в Вене, дети (благодаря отцу) получили прекрасное образование за казенный счет и служили в администрации и армии. Просьбе о покровительстве одному из них посвящено цитируемое письмо. Можно сказать, что в способности излагать мысли на бумаге Клара не уступала провинциальным дворянам-мужчинам. О том, что письмо написано ею собственноручно, говорит и досадная многократно повторенная описка: она называет графа (если попробовать передать суть ошибки на русском языке) не «сиятельство», а «исятельство».

«Милостивое письмо вашего исятельства [здесь и далее подчеркнуто мною. – О.Х.] ждала я с пакорным почтением, благодарю пакорно великую доброту, милость, каковую мне сблаговолили явить, окружив заботой моего недостойного сына, пакорно молю ваше исятельство, не премините и впредь о нем заботиться, шлю, как велено, 60 форинтов на униформу да залог в 12 золотых на год вперед, пакорно молю ваше исятельство приказать, чтобы сыну моему тех денег не давать, и командиру его крепко-накрепко то приказать»⁶⁹.

Американский историк Дж. Б. Коллинз справедливо заметил, что в раннее Новое время женщины обладали властью скорее на практике, чем в теории, поэтому их роли в обществе не всегда можно выяснить посредством изучения законодательных актов, которые описывают поведение,

⁶⁸ Хаванова. 2006: 357–358.

⁶⁹ MNL OL. P 398. N 11059. 20.V.1783.

соответствующее общепринятым нормам⁷⁰. Официальные ходатайства и частные письма матерей к влиятельным вельможам – пусть составленные от имени женщин другими лицами – свидетельствуют о социальной активности вдов и матерей, их чувстве ответственности за поддержание материального благосостояния семьи и обеспечение интергенерационной мобильности потомства.

Ольга Владимировна Хаванова
д.и.н., ведущий научный сотрудник ИСл РАН
+7(945)9381780
austrian.centre.inslav@gmail.com

---

⁷⁰ Collins. 1989: 439.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Миксат. 1965 – *Миксат К.* Выборы в Венгрии / Перев. с венгерск. О.К. Россиянова. М., 1965.
- Gaal. 1835 – *Gaal G.*, v. Allgemeiner deutscher Muster-Briefsteller für die verschiedenen gesellschaftlichen Verhältnisse. Güns, 1835.
- HHStA. GC. – Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Wien. Große Correspondenz.
- Hofmannstahl. 1911 – *Hofmannstahl H.*, v. Rosenkavalier. Berlin, 1911.
- Justi. 1774 – *Justi J.H.G.* Anweisung zu einer guten Deutschen Schreibart. Wien, 1774.
- MNL OL. A 39 – Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Magyar Királyi Kancellária Levéltára. A 39. Acta generalia.
- MNL OL. C 43 – Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Magyar Királyi Helytartótanács Levéltára. C 43. Acta secundum referentes. Hlavács János
- MNL OL. E 47 – Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Magyar Kamarai Levéltár. E 47. Cancellariae et registraturae negotiae.
- MNL OL. P 398 – Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Családi levéltárak. Károlyi család levéltára. P 398. Missiles.
- MNL OL. P 507 – Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Családi levéltárak. Nádasdy család levéltára. P 507. Nádasdy Ferenc levéltára.
- MNL OL. P 1058 – Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest Kisebb testületi, egyesületi és intézményi fondok. P 1058. Szent István Rend.
- ÖStA. FHKA. HFU. – Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv, Wien. Hofffinanz Ungarn.
- ÖStA. FHKA. ÖC. – Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv, Wien. Österreichisches Camerale.
- ÖStA. FHKA. SC. – Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv, Wien. Siebenbürgisches Camerale.
- ÖStA. FHKA. UC. – Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv, Wien. Ungarisches Camerale.

ÖStA. FHKA. VUG – Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv, Wien. Vermischte ungarische Gegenstände.

Sonnenfels. 1820 – *Sonnenfels J.* Über den Geschäftsstyl. Wien, 1820.

ЛИТЕРАТУРА

Марсинова. 2004 – *Марсинова Е.Н.* «Раб», «подданный», «сын Отечества» (К проблеме взаимоотношений личности и власти в России XVIII века) // *Canadian-American Slavic Studies*. 2004. Vol. 38. N 1–2.

Хаванова. 2006 – *Хаванова О.В.* Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов (1746–1785). СПб., 2006.

Bland, Cross. 2004 – *Gender and Politics in the Age of Letter-Writing, 1750–2000* / Ed. by C. Bland, M. Cross. Ashgate, 2004.

Cantacuzène. 1992 – *Cantacuzène J.-M.* Mille ans dans les Balkans: Chronique des Cantacuzène dans la tourmente des siècles. Paris, 1992.

Collins. 1989 – *Collins J. B.* The economic role of women in seventeenth-century France // *French Historical Studies*. 1989. Vol. 16. N 2.

Fallenbüchl. 1996 – *Fallenbüchl Z.* Grassalkovich Antal. Gödöllő, 1996.

Heindl. 1991 – *Heindl W.* Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln, Graz, 1991.

Hinrichs. 1999 – *Hinrichs B.* Rhetorik und Poetik // *Die Literatur des 17. Jahrhunderts* / Hrsg. von A. Meier. München; Wien, 1999.

Ingendahl. 2003 – *Ingendahl G.* Elend und Wollust. Witwenschaft in kulturellen Bildern der Frühen Neuzeit // *Witwenstand in der Frühen Neuzeit: fürstliche und adlige Witwen zwischen Fremd- und Selbstbestimmungen* / Hg. von M. Schatkowsky. Leipzig, 2003.

Karstens. 2011 – *Karstens S.* Lehrer – Schriftsteller – Staatsreformer, Die Karriere des Joseph von Sonnenfels (1733-1817). Wien; Köln; Weimar, 2011.

Khavanova. 2009 – *Khavanova O.* Born or brought up to be a Hungarian aristocrat? Count Antal Károlyi educates his son József // *Adel im «langen» 18. Jahrhundert* / Hrsg. von G. Haug-Moritz, P. Hye, M. Raffler. Wien, 2009 (Zentraleuropa-Studien. Bd. 14).

Kruse. 2007 – *Kruse B.-J.* Witwen: Kulturgeschichte eines Standes in Spätmittelalter und Früher Neuzeit. Kassel, 2007.

Mazohl-Wallnig. 1987 – *Mazohl-Wallnig B.* Die Beamtenfrauen als historisch absente Größe im 19. Jahrhundert // *Frauenbilder – Frauenrollen – Frauenforschung* / Hrsg. von Ch. Gürtler, Wien; Salzburg, 1987.

Mauser. 1996 – *Mauser W.* Maria Theresia. Mütterlichkeit: Mythos und politisches Mandat. (Hofmannsthal, Sonnenfels, Wurz) // *Mutter und*

Mütterlichkeit: Wandel und Wirksamkeit einer Phantasie in der deutschen Literatur / Hrsg. von I. Roebing, W. Mauser. Würzburg, 1996.

Nickisch. 1969 – *Nickisch R.M.G.* Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Mit einer Bibliographie zur Briefschreiblehre (1474–1800) Göttingen, 1969. (Palaestra. Untersuchungen aus der deutschen und englischen Philologie und Literaturgeschichte. Bd. 254).

Schennach. 2004 – *Schennach M.P.* Supplikationen // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert). Ein Experimentalisches Handbuch / Hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, T. Winkelbauer. Wien; München, 2004.

Telesko. 2006 – *Telesko W.* Geschichtsraum Österreich. Die Habsburger und ihre Geschichte in der bildenden Kunst. Wien; Köln; Weimar, 2006.

Wunder. 1984 – *Wunder B.* Die Institutionalisierung der Invaliden-, Alter- und Hinterbliebenenversorgung der Staatsbediensteten in Österreich (1748-1790) // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1984. Bd. XCII. N 3–4.

Wunder. 1992 – *Wunder H.* «Er ist die Sonn, sie ist der Mond». Frauen in der Frühen Neuzeit. München, 1992.

ЭПИСТОЛЯРИЯ КАК МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ: ЭМИГРАНТСКИЙ ВАРИАНТ

Ключевые слова: Письмо, эпистолярная культура, эмиграция, типология, форма, функция, формально-функциональные характеристики.

Аннотация: В статье «Эпистолярная культура как материализация памяти: эмигрантский вариант» представлен историко-культурный и философско-эстетический анализ феномена эмигрантской эпистолярной культуры, развернутый на обширном корпусе опубликованных и неопубликованных писем русских эмигрантов первой волны. Автор статьи предлагает возможную типологизацию эмигрантских писем и описывает их формально-функциональную специфику.

На протяжении значительной части человеческой истории письмо выступало как одна из базовых форм вербального (т.е., сугубо антропоморфного) общения и способов (со)хранения и трансляции культурной памяти. Эпистолярная формально-функциональная парадигма подвергалась определенным изменениям в зависимости от специфики культурного пространства той или иной эпохи и/или социокультурной среды, однако при всех внешних обстоятельствах основными являлись три ее функции: коммуникативная, информационная и мемориальная. При этом, что весьма существенно, письмо, как и другие письменные жанры, в отличие от основанных на материальности звуков, физически «умирающих» сразу после произнесения, и в силу этого не поддающихся сохранению во времени жанров устных, имеет явленную взору материальную оболочку. Последнюю возможно сохранить прежде всего в ее материальности, как написанный на бумаге текст, и передать следующим поколениям в качестве некоего свода имманентно присущих любому письму культурных смыслов, заключенных в пределах эпистолярного текста, открытых для прочте-

ния и (ис)толкования в процедурах герменевтического анализа с использованием того или иного семиотического кода для извлечения этих смыслов.

При таком понимании эстетической природы и сущности письма оно, несомненно, выступает как культурный артефакт, а весь огромный комплекс написанных, сохраненных и дошедших до нас образчиков эпистолярного жанра может рассматриваться как единое пространство многообразных свидетельств Большой истории, складывающейся во времени из множества малых индивидуальных историй, фрагменты которых оказываются отраженными в тексте каждого отдельного письма. Станет ли подобное свидетельство «говорящим» или останется «немым», зависит от того, насколько корректной с историко-культурной точки зрения окажется попытка его раскодирования; иными словами, прочтение эпистолярного текста возможно лишь с учетом фона двух уровней: единого историко-культурного и индивидуального авторского. Первый задает основные параметры, в которых было создано письмо и без обращения к которым оно не поддается адекватному восприятию; второй вписывает в эти параметры обстоятельства индивидуальной судьбы и личности автора, выступающие кодификаторами дополнительного порядка.

Письмо, как и дневник, и, в пределе, любой письменный текст, есть способ и пространство (авто)рефлексии, в силу чего природа и типология эпистолярного жанра в количественном и качественном отношениях обусловлены объективными обстоятельствами бытия: не только одни эпохи больше располагают к подобному варианту общения с собой и с внешним миром, чем другие, но и в одном и том же историко-культурном контексте складываются различные типы эпистолярии и творящего ее автора – *homo epistolaris*. При этом вряд ли возможно говорить о прямых линейных закономерностях, поскольку механизм взаимодействия амбивалентен: факторы объективный и субъективный действуют в режиме непрерывного взаимоналожения. Однако некоторые экзистенциальные ситуации способствуют тому, что эпистолярный способ взаи-

модействия становится если не тотальным для сообщества, то едва ли не самым распространенным, охватывающим все его слои: этнокультурные, социальные, возрастные, профессиональные, гендерные и др. К ситуациям такого рода до середины прошлого столетия относилась эмиграция в ее массовом варианте; возможно, самый показательный пример являет эмиграция из России, вызванная событиями октября 1917 г. (т. наз. «белая» эмиграция или первая волна русской эмиграции – последний термин представляется более корректным).

Причины этого весьма многочисленны и разнообразны, как и задачи, которые ставила перед собой диаспора: собственно бытийные (необходимость прежде всего выжить, обрести «кров и пищу», а затем – установить и воссоздать утраченные родственные, дружеские и пр. связи); географические (разбросанность эмигрантов по различным европейским, азиатским, американским и африканским центрам рассеяния); политические (продолжение борьбы с большевизмом и неистребимое убеждение в правильности собственной политической программы, которую необходимо претворить в жизнь в пост-большевистской России); профессиональные (создание профессиональных объединений и продолжение/начало профессиональной деятельности как средства зарабатывания на жизнь и способа самореализации); этнокультурные (стремление сохраниться как некая единая при всем своем этническом, конфессиональном, социальном и пр. многообразии культурная система) и многое другое. Не последнюю роль сыграли стихийно сложившийся статус зарубежной России как «государства без государства», но «поверх границ»; демографическая и культурная плотность эмиграции в целом и в каждом из ее центров; физическая оторванность от России при сохранении духовной связи с нею, с одной стороны, и – в большинстве случаев – духовная оторванность от стран рассеяния, в физическом пространстве которых разворачивалось эмиг-

рантское бытие¹. Наконец, осознание себя не «изгнанниками», но «посланниками» и стремление сохранить русскую культуру в ситуации Исхода, вполне сопоставимой с архетипической. Эпистолярная сыграла весьма существенную роль не только в разрешении, но и в самом осознании и формулировке этих и др. задач.

Обширность и разнообразие оставленного эмиграцией корпуса писем² позволяет предпринять попытку его самого общего эстетического осмысления, т.е., системной типологической классификации и предварительного описания формально-функциональной специфики эмигрантской эпистолярной как разновидности жанра в условиях эмиграции.

В зависимости от избранного критерия, представляется возможным предложить следующие варианты классификации писем:

критерий содержательный: личные (бытовые, семейно-бытовые, интимные, любовные, дружеские) – деловые (организационные, политические, профессиональные и пр.);

критерий «персонально-количественный», основанный на количестве авторов и/или предполагаемых адресатов: ин-

---

¹ См., напр., письмо Ю. Терапиано к В. Маркову от 13 июня 1953 г.: «Если бы Вы знали, как – в течение всего эмигрантского периода – французские литературные круги были холодны к нам, и как трудно найти с ними общий язык *нам*. <...> Связь с французской литературой, которую многие из нас чувствовали в России, в Париже превратилась в отчужденность» (Терапиано. 1998: 242-243).

² Значительная его составляющая отложилась в официальных архивохранилищах России, США, Франции, Великобритании, Израиля, Польши и др. стран и в истекшие десятилетия частично введена в исследовательский оборот, см., напр., российские альманахи «Лица», «Минувшее», «Дiasпора», израильский «Русское еврейство в зарубежье»; журналы «Русская литература» (СПб.), «Новое литературное обозрение» (М.), «Дiasпоры» (М.), «Новый журнал» (Нью-Йорк) и мн. др. российские и зарубежные издания; не менее значимая часть хранится в личных архивах потомков эмигрантов и исследователей эмигрантской истории и, возможно, со временем будет опубликована; к сожалению, многие материалы личных архивов оказались безвозвратно утраченными.

дивидуальные (как написанные одним автором, так и адресованные одному лицу) – групповые (написанные группой авторов и/или предназначенные для нескольких адресатов);

критерий профессиональной принадлежности авторов и адресатов: письма политиков – общественных деятелей – предпринимателей – деятелей культуры (актеров, режиссеров, композиторов, музыкантов, писателей и др.) – официальных лиц – меценатов;

критерий социокультурный: письма к людям своего круга – письма к людям иного круга;

критерий статусный: письма людей с низким статусом к адресатам с высоким статусом и наоборот (один из вариантов: переписка учителя в самом широком смысле слова и ученика/учеников) – переписка людей с равным статусом;

критерии возрастной и гендерный: письма детские – подростковые – юношеские – письма взрослых людей – письма стариков; письма мужские и женские, адресованные лицам как своего, так и противоположного пола; письма людей с иной сексуальной ориентацией друг другу и адресатам из т. наз традиционного гендерного сообщества;

критерий географический: письма, адресованные лицам внутри одного центра рассеяния – письма, предназначенные для чтения в иных центрах рассеяния; особое место занимали письма в советскую Россию;

критерий объема текста и детальности / сжатости изложения: развернутое письмо – открытка (carte postale) – записка – пневматичка (pneumatique) – клиппер (clipper);

критерий историко-культурной традиции: письма «философические» и «литературные», создававшиеся с установкой на художественность, – письма-послания к современникам и потомкам, написанные с ориентацией на законы ораторской речи, – письма-завещания, рассчитанные на восприятие «сквозь время», – письма обыденные, авторы которых стремятся рассказать о своей жизни, «как она есть»;

критерий видовой и жанровой (как с точки зрения жанровой специфики текстов, так и с учетом событийно-

деятельностных жанров): собственно письмо – письмо-дневник – письмо-мемуар – письмо-дневник-мемуар – письмо-автобиография; письмо в редакцию – письмо от редакции; письмо-вызов (cartel), в прямом и переносном смысле слова; открытое письмо; прошение – заявление – жалоба – объяснение – извинение – опровержение; рекомендательное письмо; письмо-запрос; резюме; информационное письмо; некрологическое письмо; письмо-ответ на анкету;

критерий языковой: письма на родном языке – письма на иностранном языке (языках) – письма на родном и иностранном языке (языках);

критерий предполагаемого последующего использования: письма, предназначенные к публикации, – письма, не предполагающие публикации, – письма, закрытые для публикации.

Разумеется, предложенная классификация не является окончательной и не исчерпывает всех допустимых вариантов, однако она в самом предварительном виде позволяет систематизировать обилие имеющегося материала, не исключая при этом возможности дальнейшей, основанной на более узких и специфических критериях классификации. Кроме того, очевидно, что одно и то же письмо может быть отнесено к двум или более из перечисленных вариантов: например, адресованная в Правление какого-либо профессионального союза³

---

³ В отличие от последующих волн русской эмиграции, эмиграция первой волны была очень хорошо внутренне структурирована и организована, о чем свидетельствует обилие союзов и объединений разного рода, созданных на основании различных критериев: профессионального (Союзы русских писателей и журналистов, русских врачей, русских юристов, русских шоферов, Русские академические группы), политического (в большинстве случаев эмигрантские политические объединения являлись продолжением российских, и парадигма их была достаточно широкой), образовательного (объединения бывших студентов и выпускников различных российских университетов и гимназий), гендерного (объединения бывших слушательниц Высших женских курсов); особое место занимали разного рода землячества (Московское, Одесское и пр.).

просьба о денежном вспомоществовании может рассматриваться как индивидуальное письмо бытового или семейно-бытового содержания (поскольку в них нередко довольно подробно излагаются жизненные условия и семейные обстоятельства автора) с элементами автобиографии, официальное (деловое) по форме, написанное на родном языке, адресованное группе лиц и не рассчитанное на публикацию⁴. Письмо в газету представляло собой сообщение личного характера или личное обращение с просьбой о помощи (например, в розыске родных и знакомых), рассчитанное на публичное восприятие и предполагавшее официальный ответ редакции или индивидуальный/групповой – кого-либо из читателей; в некоторых случаях подобные письма имели два варианта: на родном и иностранном языках. Разворачивавшаяся на страницах периодических изданий индивидуальная или групповая эпистолярная полемика могла носить как личный, так и официальный характер, быть политически, профессионально или эстетически ориентированной и предполагать не только ответ от адресата, но и официальную реакцию редакции, причем формальное отсутствие того и/или другой также расценивалось как таковые. Внутроредакционная переписка и переписка с авторами являлись одновременно личными и официальными, индивидуальными и групповыми, информационными и развернуто коммуникативными⁵. Дружеская и даже семейная

---

⁴ См., напр.: Союз в Германии. Союз в Париже. Союз в Польше. Союз в Чехословакии. Союз в Югославии.

⁵ «Звено». 1998; Якорь. 2005; Алданов. 1995; Цетлина. 1995; Набоков. 2001; см., напр., недатированное письмо (предположительно – декабря 1924 г.) одного из литературных критиков издания Адамовича М.Л. Кантору, члену редакционной коллегии и близкому другу автора письма: «Помолчим о Чирикове, если он стал нашим новым сотрудником. Молчать можно. Хвалить его трудно. К тому же он, вероятно, считает себя «столпом» нашей литературы и обидится, если написать о нем недостаточно восторженно. За деньгами я, конечно, мог бы заехать к Вам, но если это дает Вам повод быть у меня, то я очень этому рад <...> Если Вы приедете во вторник, то я тогда же передам Вам материал для

переписка людей, принадлежавших к одной профессии, по определению становилась и перепиской сугубо профессиональной⁶. Эпистолярное общение единомышленников, принадлежавших к разным социально-возрастным и/или профессиональным группам и имевшим различный статус в общеэмигрантской иерархии, превращалось в развернутую политическую полемику, выработку политических программ и способов их практической реализации⁷.

Внутрижанровые границы, определяющие специфику того или иного типа письма, не являлись постоянными, изменяясь в зависимости от внешних обстоятельств. Например, в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, когда в Европе не существовало русской печати, кроме профашистской, на смену которой пришла просоветская, а любая художественная деятельность сделалась по определению невозможной⁸, письма выступали почти единственным способом сохранить память о происходящем и источнике сведе-

---

ближайшего №» [«Звено». 1998: 137] и письмо Гиппиус редактору «Звена» М. Винаверу от 12 июля 1926 г.: «Дорогой Максим Моисеевич, наконец-то вы поправились! Теперь укрепляйтесь на негородском воздухе. Статья готова, благодаря некоторым обстоятельствам, она немножко задержалась<...> Если это письмо не вернется ко мне, и я получу от вас словечко, в тот же день вышлю вам листки, которых не так много. Было два жарких дня, а сегодня светло, пасмурно, и дождик накрапывает. Так что ничего страшного пока нет. А как у вас? Спешу отправить это письмо, привет от нас, поклон Розе Георгиевне» («Звено». 1998: 141); см. также переписку составителей первой антологии эмигрантской поэзии «Якорь» (Париж, 1936) Адамовича и Кантора и их переписку с авторами, стихи которых предполагалось включить в состав антологии (Якорь. 2005: 259-316).

⁶ Ходасевич. 1991; Ходасевич. 1991-а; Адамович. 2003; Адамович. 1997; Гиппиус. 1978 и мн. др.

⁷ Горный. 2000; Философов. Амхерст; Амфитеатров. 1993; Амфитеатров. 1997; Миллюков. 2000; Миллюков. 2005; Бахметев. 2001-2002 и мн. др.

⁸ По мнению Михаила Осоргина, война «убила надолго деятельность писателя», а «всякий опыт художественной выдумки <...> стал кошунством» (Осоргин. 2001: 423).

ний друг о друге для людей, живших в разных странах, разных зонах оккупации – или по другую сторону океана. Поэтому эпистолярная воспринималась как летопись эмиграции и исходно предполагалось, что адресованное одному человеку письмо будет прочтено как можно более широким кругом читателей, не являющихся его формальными адресатами, или его содержание будет передано в буквальном смысле слова «из уст в уста»⁹.

Многие письма известных деятелей эмигрантской культуры были написаны и впоследствии тщательно хранились адресатами или коллекционерами для последующей публикации, что переводило эпистолярный текст из разряда индивидуальных писем в значительно более широкий и значимый разряд посланий ко всему сообществу и к потомкам¹⁰. Зная об этом, Георгий Адамович в послевоенные годы не без иронии просил своих адресатов уничтожать его письма, чтобы по прошествии времени они не попали в руки какому-нибудь исследователю и не сделались материалом для далеко идущих и столь же далеко отстоящих от действительности выводов¹¹. При этом сам он уничтожал далеко не все адресованные ему письма, сохраняя те из них, которые, с его точки зрения, представляли несомненную историко-культурную ценность

---

⁹ Осоргин. 2001; Милуков. 2000; Милуков. 2005; Элькин. 2001; «Крайне тяжелые дни». 2001 и мн. др.

¹⁰ М. Алданов, например, хранил не только адресованные ему письма, но и копии своих ответов различным адресатам; в послевоенные годы обычной практикой в диаспоре сделалась отправка одного и того же письма в копиях различным адресатам, особенно когда речь шла о конфликтной ситуации, связанной с распространенными в тот период обвинениями в предполагаемом сотрудничестве с гитлеровцами в годы оккупации и / или в советофильстве во второй половине 1940-х гг. (Алданов. 1995; Цетлина. 1995; Элькин. 2001).

¹¹ См., напр., письма А. Бахраху от 1 августа 1947 г. и В. Яновскому от 6 декабря 1967 г. соответственно: «Пожалуйста, рвите мои письма, а то когда-нибудь мои исследователи и комментаторы их напечатают – и будет скандал»; «Простите и сожгите этот бред», как писал когда-то Блок» (Бахрах. БАР; Яновский. БАР).

(письма И. Бунина и З. Гиппиус, например), для последующей публикации или продажи в одно из архивохранилищ.

При сохранении традиционной эпистолярной функциональной парадигмы само пространство функционирования эпистолярной в эмиграции претерпело как количественные, так и качественные изменения. С одной стороны, оно существенно расширилось, с другой – невероятно уплотнилось, сделавшись многоканальным и в силу этого более насыщенным – и то, и другое стало возможным благодаря специфическому статусу Зарубежной России как «государства без и поверх границ». Кроме того, изменились способы и механизмы функционирования: письма не только отсылались традиционным способом по обычной почте, но и публиковались в периодической печати, прибегали к помощи дипломатической почты; особую значимость приобрела т. наз. «живая почта»: письма нередко передавались с оказией и добирались до адресатов кружным путем, через несколько стран и континентов. Все вышеперечисленное оказывало определенное влияние на временной режим функционирования, укорачивая или – что происходило чаще – удлиняя временные интервалы между письмами и приводя к своего рода культурному анахронизму: политические события двадцатого века способствовали возрождению и актуализации режима переписки предшествовавших эпох.

Соотношение основных функций письма заметно сдвинулось от статического к динамическому: в зависимости от социальных и геополитических изменений, происходивших во внешнем мире, какая-либо из трех функций обретала преимущественную значимость или утрачивала ту, что была присуща ей в иных условиях. В периоды социально-политических катаклизмов (начало эмиграции, годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы) преобладающей становилась информационная функция, в более спокойные годы – коммуникативная. Мемориальная функция актуализировалась в нескольких телеологических вариантах: «вспоминать, чтобы не забылось», «запомнить, чтобы не ут-

ратить», «рассказать, чтобы объяснить»; каждый из вариантов был обусловлен предметом и целевой аудиторией. Во внутри-эмигрантском пространстве телеология была двухуровневой: как можно более частотное воссоздание во имя сохранения в памяти сообщества обстоятельств ушедшей в прошлое российской действительности во всем ее многообразии, с одной стороны, и формирование, т.е., запечатление в памяти, единого (авто)образа эмиграции – с другой. «Вспоминаю время, когда мы с Вами ежедневно встречались, как едва ли не лучшее в жизни», – ностальгически замечал парижанин Адамович, возвращаясь памятью к русскому Парижу 1920-х – 1930-х гг., в письме от 8 июня 1962 г. к бывшему парижанину А.Полякову, в 1942 г. эмигрировавшему в США¹².

В эпистолярном общении с представителями последующих волн эмиграции, т.е., с людьми другого поколения и другой культуры, первостепенной становилась цель рассказать им о своей российской и эмигрантской жизни и по возможности прийти к взаимопониманию – заключить своего рода «мир на почетных условиях»¹³. «Чего искали мы, что мы отстаивали – и от натиска старшего поколения, от «отцов-общественников», и от советских образцов «социалистического реализма», и от соблазна новейших французских течений – дадаизма, сюрреализма, христианства а ля Мориак – это, прежде всего, честность и правдивость, чувство ответственности поэта и писателя, отказ от внешней красоты, от погони за громкими формулами и за дешевым успехом», – писал парижанин Терапиано живущему в США представителю второй волны эмиграции Маркову, стремясь объяснить ему феномен «парижской ноты» и жизненную философию и творческие установки поколения «эмигрантских сыновей» в целом и грустно размышляя о прежней парижской атмосфере, столь отличной от американской, и о послевоенном Париже,

---

¹² Поляков. БАР.

¹³ Марков. 2001: 3.

где чувствуется отсутствие «воздуха», но «многие продолжают писать», несмотря на «ночь»¹⁴.

Формальная структура письма в целом опиралась на традиционную: полная парадигма элементов включала т.наз. «шапку» (адрес отправителя и адресата, дату, день недели, время), обращение, собственно текст письма и общепринятые финальные фразы, набор которых был достаточно широк, а выбор зависел от режима отношений автора и адресата послания. Однако со временем и формальные характеристики претерпели в эмиграции ряд изменений, прежде всего коснувшихся принципов и типа датировки, способов обращения к адресату, вариантов завершения письма. Общие закономерности датировки были таковы: первые годы большинство писем датировались по старому стилю, а использование нового воспринималось как «большевизанство»; впоследствии дата указывалась по старому и по новому стилю, затем наступил период смешения стилей в пределах одного текста, и, наконец, старый стиль окончательно уступил место новому (подобным же образом складывалась динамика орфографических предпочтений: от старой орфографии через смешение старой и новой к «победе» новой). Вместе с тем встречались и намеренные индивидуальные отклонения от принятой нормы: ряд авторов до конца жизни предпочитал старый стиль, в некоторых письмах датировка отсутствует (Тэффи, например, почти никогда не датировала своих писем, указывая лишь день недели¹⁵), кто-то располагал дату не в начале, а в конце письма, до или после подписи и пр. т.п. Не было единообразия в последовательности и способе написания даты: месяц мог обозначаться словом или цифрой (арабской или римской) и следовать за датой либо предшествовать ей; последний вариант сделался особенно частотным в годы Второй мировой войны и после нее, что было связано с массовой эмиграцией русских

---

¹⁴ Терапиано. 1998: 242.

¹⁵ Тэффи. 2001; Тэффи. 2002.

из Европы в США и переходом на американский вариант датировки.

Не менее разнообразными были варианты обращения к адресату и завершения письма, что обуславливалось как степенью близости и статусом автора и адресата, так и индивидуальной стилистикой. Парадигма наиболее употребительных этикетных фраз достаточно широка: от сугубо формальных «Милостивый государь / Милостивая государыня» и «Глубокоуважаемый господин / Глубокоуважаемая госпожа» с последующими фамилией, полным именем и отчеством или титулатурой до обращения по имени или прозвищу; от «Вы» при индивидуальном и групповом обращении и «Ты» при индивидуальном до «вы» и «ты» для обоих случаев; от «Остаюсь глубоко уважающим Вас...» и «С глубоким/искренним уважением» до «Крепко жму Вашу руку» и «твой/твоя» с последующим именем или прозвищем автора¹⁶.

В деловой переписке довольно долго сохранялись предваряющие текст типично российские канцеляризмы и профессионализмы «Лично», «Секретно/Совершенно секретно», «Совершенно лично и доверительно» и пр. т.п.¹⁷. В годы Второй мировой войны обязательным являлось указание языка, на котором написано письмо: «Ecrit en russe», «Written in Russian»; в зонах немецкой оккупации цензурными правилами воспрещалось писать по-русски и посылать письма в конвертах, в силу чего широкое распространение получили почтовые карточки и клипперы. М. Осоргин, в 1940 – 1942 гг. живший с женой в так наз. свободной зоне Франции, сносившийся с оккупированным Парижем «только междузоновскими открыточками», а с Нью-Йорком – клипперами¹⁸; подобным же об-

¹⁶ См., напр.: Терапиано. 1998; Бахметев. 2002-2002; Поляков. БАР; Бахрах. БАР; Яновский. БАР; Ходасевич. 1993; Гиппиус. 1978; Ходасевич. 1991; Ходасевич. 1991-а; Гиппиус. 1998; Гвоздинский. 1995; Чиннов. 2002.

¹⁷ Союз в Германии; Союз в Париже; Союз в Польше; Союз в Чехословакии; Союз в Югославии; Бахметев. 2001-2002.

¹⁸ Осоргин. 2001: 466.

разом осуществляли почтовую связь Я. Полонский из Ниццы, Милуков из Монпелье и многие другие эмигранты. А. Даманская, поселившаяся вблизи франко-швейцарской границы, умудрялась сообщаться с Е. Кусковой, жившей в Швейцарии, при помощи телеграмм.

Но как бы ни менялся эпистолярный этикет в зависимости от событий, происходивших во внешнем мире, он неизменно не только выступал как один из базовых стилиобразующих инструментов и в силу этого являлся механизмом формирования (авто)образа и выстраивания отношений с внешним миром, но и свидетельствовал об ориентации на определенный тип культуры: прежний российский, советский, европейский или американский.

Единым культурообразующим признаком эмигрантской эпистолярной являлась присущая ей цитатность, обусловленная, вероятнее всего, преимущественно мемориальной функцией письма. Способы и варианты цитирования были весьма разнообразными, от прямых заковыченных цитат до цитат скрытых и многоуровневых контаминированных аллюзий¹⁹,

---

¹⁹ См., напр., письма Адамовича Гиппиус от 13 августа и 30 сентября 1926 г.: «Спасибо за «о любви». Я знал только середину. Вчера о Блоке Г. Иванов писал: Блок повторял: «Смерть сильнее любви». Иванов, пожалуй, врет. Но помните ли Вы у Розанова, кажется, в «Темном лике», письмо к нему какого-то его корреспондента о заутрене под Пасху, о «грусти» под Пасху, потому что никто никогда не воскресал, и вообще все кончается смертью»; «Мне хотелось бы Вас особенно «комплиментировать» за «Мальчиков и девочек», хотя я читал их с тысячью возражений в голове. <> Я лично связан с поколением «мальчиков», я отлично помню тот вечер, описанный Талиным, когда Есенин пел частушки, и у Рюрика Ивнева, на Симеоновской; а В.Ч-й – на которого Талин ссылается – Чернявский, редкий идиот и во всем неудачник, потому-то от всего теперь и отрекающийся. Это он сказал про Реймский собор <...> Видите, я слегка под влиянием Св<ятополка>-Мирского. Так приблизительно Венгеров «истолковал» Ибсена – Нора, «светлый тип». А Гедда габлер – ломака, не стоит обращать внимания. <...> Мне стыдно Вам надоедать, но я хочу написать восемь строчек, довольно старых, сочиненных в размышлениях на темы «мальч<иков> и девочек» (далее сле-

однако представляется возможным говорить об определенной типологии источников цитирования. В самом общем виде последние подразделяются на общекультурные, исторические, политические, литературные, литературно-бытовые и бытовые, восходящие как к российскому, так и к эмигрантскому периодам; особой формой сделалось индивидуальное и групповое автоцитирование, в том числе и эпистолярное, когда источником цитаты и/или аллюзии становились те или иные письма. При ориентированности эмиграции на литературоцентричную русскую культуру и «плотности» эмигрантского бытия цитаты, как правило, были легко узнаваемыми, в отдельных случаях сопровождаясь прямыми указаниями на источник и необходимыми пояснениями²⁰. В результате в эпистолярном пространстве диаспоры сформировался вполне определенный и весьма насыщенный культурными смыслами единый фоновый контекст, благодаря которому прираставший количественно корпус эмигрантских писем превращался в «территорию памяти».

Ольга Ростиславовна Демидова
д.ф.н., профессор ЕУ в СПб., международная программа МАРКА,
профессор Кафедры философии ЛГУ им. А.С.Пушкина
olgard55@yandex.ru

дует текст стихотворения Адамовича 1923 г. «Без отдыха дни и недели...» (О.Д.)» [Адамович. 2002: 446, 451].

²⁰ См., напр.: Бахрах. БАР; Поляков. БАР; Яновский. БАР; Гиппиус. 1978; Ходасевич. 1991; Ходасевич. 1993; Чиннов. 2002; Осоргин. 2001; Милуков. 2000; Милуков. 2005; Адамович. 1997; Адамович. 2002; Философов. Амхерст; Амфитеатров. 1993; Амфитеатров. 1997 и мн. др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Адамович. 1997 – Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955 – 1958) / Публикация О.А. Коростелева // *Минувшее-21*. СПб., 1997. С. 391-501.
- Адамович. 2002 – Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус. 1925 – 1931 / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Н.А. Богомолова // *Диаспора-3*. Париж; СПб., 2002. С. 435-535.
- Адамович. 2003 – Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Ивашку (1935 – 1961) / Публикация Н.А. Богомолова // *Диаспора-5*. Париж; СПб., 2003. С. 402-557.
- Алданов. 1995 – К истории «Нового журнала» (По письмам М.А. Алданова к М.С. и М.О. Цетлиным из архива С.Ю. Прегель в Иллинойском университете, Урбана-Шампейн, США) / Публикация, вступительная заметка и комментарии Михаила Пархомовского // *Евреи в культуре русского зарубежья-4*. Иерусалим, 1995. С. 292-309.
- Амфитеатров. 1997 – Амфитеатров и русские в Польше (1922 – 1932) / Публикация Д.И. Зубарева // *Минувшее-22*. СПб., 1997. С. 388 – 494.
- Амфитеатров. 1993 – Амфитеатров и Савинков: переписка 1923 – 1924 / Публикация Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева // *Минувшее-13*. М.; СПб., 1993. С. 73-158.
- Бахметев. 2001-2002 – «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка 1919 – 1951: В 3 т. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921. М.; Стэнфорд, 2001; Т. 2. Сентябрь 1921 – май 1923. М.; Стэнфорд, 2001; Т. 3. Июнь 1923 – февраль 1951. М.; Стэнфорд, 2002.
- Бахрах. БАР – Письма Г. Адамовича к А. Бахраху // Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский) Колумбийского университета (далее – БАР). Собр. А. Бахраха.
- Гиппиус. 1998 – *Гиппиус 3*. Письма Владимиру Злобину / публикация Т. Пахмусс // *Новый журнал*. Нью-Йорк. 1998. № 210. С. 161-186; № 212. С. 193-227.
- Гиппиус. 1978 – *Гиппиус 3*. Письма к Берберовой и Ходасевичу / Под. ред. Э.Фрейбергер Шейкхолеслами. Мичиган; Хитеруэй, 1978.
- Горный. 2000 – Вести из провинции. Письма Сергея Горного А.В. Амфитеатрову / Публ., пред., комм. О.Р. Демидовой // *Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты*. Вып. 1. М., 2000. С. 195-224.
- Деспотули. 2007 – «Другой газеты сегодня в Германии быть не может...» Письма Владимира Деспотули к Александру Бурову (1934

- 1938) / Публикация С.В.Шумихина // Диаспора-8. Париж; СПб., 2007. С. 301-338.
- Гвоздинский. 1995 – Письма А.А. Гвоздинского Е.Л. Миллер (1918 – 1921) / Публикация, вступительная статья и комментарий О.Р. Демидовой // Минувшее-18. М.; СПб., 1995. С. 426-477.
- «Звено». 1998 – «Наша культура, отраженная в капле...» Письма Ив. Бунина, Дм. Мережковского, З. Гиппиус и Г. Адамовича к редакторам парижского «Звена» / Публикация О.А. Коростелева // Минувшее-24. СПб., 1998. С. 123-165.
- «Крайне тяжелые дни». 2001 – «Крайне тяжелые дни»: Письма из Франции / Публ. О. Демидовой // Русские евреи во Франции. Иерусалим, 2001. С. 206-247.
- Марков. 2001 – «Мир на почетных условиях...» Переписка В.Ф. Маркова с М.В. Вишняком. 1954 – 1959 / Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерона // Диаспора-1. Париж; СПб., 2001. С. 557-584.
- Милоков. 2000 – Письма П.Н. Милокова – О.О. Грузенбергу (Из парижского архива Соломона Познера) / Предисловие, подготовка текста и примечания В.Е. Кельнера // Russian Studies. Ежеквартильник русской филологии и культуры. СПб., 2000. Т. 3. № 3. С. 258-314.
- Милоков. 2005 – Последние связи (Письма П.Н. Милокова С.В. Познеру) / Подготовка текста О.Р. Демидовой. Вступительная статья и примеч. О.Р. Демидовой и В.Е. Кельнера // Диаспора-7. Париж; СПб., 2005. С. 488-509.
- Набоковы. 2001 – Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943 – 1967 / Вступительная статья, публикация и комментарии Рашита Янгирова // Диаспора-1. Париж; СПб., 2001. С. 477-556.
- Осоргин. 2001 – «Мы можем быть только летописцами...» Письма М. Осоргина А. Полякову. 1940 – 1942 / Публикация О.Демидовой // Диаспора-1. Париж; СПб., 2001. С. 422-476.
- Поляков. БАР – Письма Г.Адамовича А.Полякову // БАР. Собр. А.Полякова.
- Союз в Германии – Союз русских журналистов и литераторов в Германии // РГАЛИ. Ф. 2227.
- Союз в Париже – Союз русских писателей в Париже // Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский) Колумбийского университета. Собр. «Союза русских писателей».
- Союз в Польше – Союз русских писателей и журналистов в Польше // РГАЛИ. Ф. 2480.

Союз в Чехословакии – Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии // РГАЛИ. Ф. 2474.

Союз в Югославии – Союз русских писателей и журналистов в Югославии // РГАЛИ. Ф. 2482.

Терапиано. 1998 – «В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...» Письма Ю.К. Терапиано к В.Ф. Маркову (1953 – 1966) / Публикация О.А. Коростелева и Ж. Шерона // Минувшее-24. СПб., 1998. С. 240-388.

Тэффи. 2001 – Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1939 – 1948 / Публикация Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер // Диаспора-2. СПб., 2001. С. 477-584.

Тэффи. 2002 – Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1948 – 1952 / Публикация Ричарда Дэвиса и Эдит Хейбер // Диаспора-3. Париж; СПб., 2002. С. 536-627.

Философов. Амхерст – Письма Д. Философова З. Гиппиус и Д.Мережковскому // Русский центр Амхерста. Собр. Мережковских.

Ходасевич. 1991 – Из переписки В.Ф. Ходасевича (1925 – 1938) / Публикация Дж. Малмстада // Минувшее-3. М., 1991. С. 262-291.

Ходасевич. 1991-а – Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой / Публикация Дэвида Бетеа // Минувшее-5. М., 1991. С.228-327.

Ходасевич. 1993 – Письма В.Ф. Ходасевича к В.Г. Лидину (1917 – 1924) / Публикация И. Андреевой // Минувшее-14. М.; СПб., 1993. С. 414-438.

Цетлина. 1995 – Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым. По материалам архива М.С. Цетлиной (Еврейский университет в Иерусалиме) / Публикация, вступительная заметка и комментарии Михаила Пархомовского // Евреи в культуре русского Зарубежья. Т.4 (1939-1960). Иерусалим, 1995.С. 310-325.

Чиннов. 2002 – *Чиннов И.В.* Собрание сочинений: В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 156-234 (письма).

Элькин. 2001 – После Парижа: письма в Англию (из архива Б.И. Элькина) / Вступит. статья, публикация и примечания О.Р. Демидовой // Там же. 2001. Т.3. № 4. С. 184-241.

Яновский. БАР – Письма Г. Адамовича к В. Яновскому // Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский) Колумбийского университета. Собр. В. Яновского.

Якорь. 2005 – Якорь. Антология русской зарубежной поэзии. Составили Г.В. Адамович и М.Л. Кантор / Под ред. О. Коростелева, Л. Магаротто, А. Устинова. СПб., 2005. С. 253-316 (внутриредакционная переписка и переписка с авторами).

С.А. Экиштут

ОХ, АННА ЛЬВОВНА! ФРЕЙЛИНА АННА ЛЬВОВНА БОДЕ ПОД НАДЗОРОМ III ОТДЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: Анна Львовна Боде, российский императорский двор, император Николай I, III отделение.

Аннотация: В статье анализируются способы контроля частной жизни придворных дам середины XIX в. со стороны чиновников российского императорского двора и лично императора Николая I (на примере истории фрейлины Анны Львовны Боде).

---

12 ноября 1852 г. главный начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов граф Алексей Фёдорович Орлов, взяв в руки мягкий графитный карандаш, на небольшом листе почтовой бумаги мучительно сочинял короткую записку. Дело было наименее секретнейшее, привлечь к нему даже личного секретаря или адъютанта не представлялось возможным, вот и приходилось писать самому. Пользоваться пером граф не любил – ни гусиным, ни стальным, уже получившим широкое распространение, – поэтому даже деловые бумаги писал мягким карандашом. Мысли наезжали одна на другую. Ситуация усугублялась тем, что генерал от кавалерии был несведущ ни в орфографии, ни в пунктуации, хотя твердо помнил, что имена собственные надлежит писать с прописной буквы.

«Приехал Марио», – написал граф первую строчку и подчеркнул ее. Далее последовал каскад мыслей, каждая из которых, несмотря на начало нового предложения, вопреки всем правилам грамматики, начиналась со строчной буквы: «обитатель-

ницы сии фр<ейлина>Боде», «они против пустяков с ним», «затевали и весьма неприличные»¹.

Расшифруем мысли его сиятельства. Приехал некий Марио, и его приезд произвел настоящий переполох среди фрейлин, живущих в Зимнем дворце (обитательницы сии), среди них наибольшее опасение императора Николая Павловича и императрицы вызывает фрейлина Боде (они против пустяков с ним), судя по всему, давшая повод подозревать ее в желании встретиться с этим Марио наедине. Впрочем, и другие фрейлины, искушённые во флирте и «васильковых дурачествах», от неё не отставали (затевали и весьма неприличные).

Сочиняя эту записку, глава тайной политической полиции выполнял негласное распоряжение государя, чьим генерал-адъютантом и близким другом он был.

«Император Николай, не допускавший шуток, когда дело шло о добрых нравах императорской фамилии и императорского двора, пришел в величайший гнев...»².

Перед графом Орловым была поставлена непростая задача: не изблечить фрейлину на стезе порока, а пресечь возможное зло. Алексей Федорович действовал, руководствуясь не только высочайшим повелением, но и инструкцией, которую составил его предшественник граф Александр Христофорович Бенкендорф для чиновников III Отделения:

«...Цель вашей должности должна быть, прежде всего, предупреждение и отстранение всякого зла. Например, дойдут ли до вашего сведения слухи о худой нравственности и дурных поступках молодых людей, предварите о том родителей или тех, от коих участь их зависит, или добрым вашим внушением старайтесь поселить в заблудших стремление к добру и возвести их на путь истинный прежде, нежели обнаружат гласно их худые поступки пред правительством»³.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 1.

² Тютчева. 2000: 14. В своих мемуарах дочь великого поэта ошибочно указала, что фрейлину Боде звали Юлия, и эта ошибка до сих пор никем не была замечена.

³ Инструкция Бенкендорфа 2003: 200.

Для того чтобы возвести фрейлину на путь истинный, следовало знать о каждом ее шаге. Граф Орлов написал «вели за ней учредить наистрожайший», но, не закончив предложения, начал новое, наконец-то ухватив мысль за хвост: «назначить надзор, но весьма секретный, известный только тебе и мне и никому другому; подумай хорошенько, и завтра переговорим». Записка была предназначена управляющему III Отделением и начальнику штаба корпуса жандармов генерал-лейтенанту Леонтию Васильевичу Дубельту⁴. Долгие годы Леонтий Васильевич был правой рукой сначала графа Бенкендорфа, а после его смерти – графа Орлова. В распоряжении генерала Дубельта было менее суток для учреждения секретного надзора. И пока Леонтий Васильевич раздумывает над тем, как выполнить приказ своего начальника, у меня есть время, чтобы представить действующих лиц этой истории.

Марио (1810–1883) – это знаменитый итальянский лирический тенор, один из самых обожаемых артистов своей эпохи, неоднократно гастролировавший в Петербурге, начиная с сезона 1849–1850 годов и имевший ошеломляющий успех у аристократической публики. Давним почитателем его таланта был цесаревич Александр Николаевич, еще в конце 1838 г. написавший отцу из Флоренции: «я прельщён прекрасным голосом тенора»⁵. Марио получал баснословные гонорары и не знал отбоя от поклонниц. Его многолетней спутницей жизни и партнершей по оперной сцене была прославленная певица Джулия Гризи (1811–1869). Это была исключительно красивая пара – как в жизни, так и на оперной сцене. Их совместные выступления производили фурор. Композитор и музыкальный критик Александр Николаевич Серов писал:

«Какое наслаждение, когда Марио поёт, и в очах Гризи звуки влюбленного соловья отражаются, будто видимое эхо. Какая отрада, когда Гризи поёт, и в ее голосе мелодически открывается нежный взгляд и счастливая улыбка Марио! Прелестная

⁴ Адрес-календарь. 1852: 11.

⁵ Переписка цесаревича. 2008: 190.

чета! Персидский поэт, назвавший соловья розою между птицами, а розу – соловьём между цветами, здесь бы совсем запутался и растерялся в сравнениях, потому что оба, и он и она, Марио и Гризи, блистают не только пением, но и красотой»⁶.

19/31 октября 1849 г. Эрнестина Федоровна Тютчева написала из Петербурга князю Петру Андреевичу Вяземскому:

«Я хочу рассказать вам об Итальянской опере, которая в этом году достигла чрезвычайной поэтичности и большого артистического блеска. Новостью в составе труппы являются Гризи и Марио <...> Вчера давали «Норму», другой такой Нормы, как Гризи, нет: она сама говорит это, и я думаю, что она права. В самом деле, я восхищена тем, как верно передает она муки ревности, терзающие душу страстную и решительную. Впрочем, высший триумф Гризи – роль Лукреции, которую она исполняет вместе с Марио. Вы можете себе представить, что все разговоры сводятся к опере. Эта тема оттеснила политику, и мой муж позволяет себе иногда взять кресло в партере, чтобы быть в курсе этих разговоров»⁷.

Муж – это Фёдор Иванович Тютчев. И уж даже если он, столь любивший разговоры о политике, стал посещать оперу, чтобы быть в курсе великосветских новостей, можно догадаться, какой бы грандиозный разразился скандал, если бы между Марио и фрейлиной двора начался роман. Ситуация усугублялась тем, что осенью 1852 г. Марио приехал в Петербург без Гризи, знавшей о муках ревности не понаслышке, но всегда умевшей держать в узде своего мужа и не допускать к нему слишком назойливых поклонниц. Об уважительной причине её отсутствия в Петербурге мы можем узнать из докладной записки Дубельта, собственноручно написанной генералом тонким стальным пером на листе почтовой бумаги.

«Фрейлина Бодэ, до отъезда отсюда господина Марио, была решительно в него влюблена; но во время его отсутствия ей очень нравился, и более нежели нравился, адъютант австрийского посланника не менее того она сохранила и сохраняет теплую привязанность к Марио. – На днях Государь Император

⁶ Цит. по: Самин Д.К. 2004.

⁷ Тютчев. 1989: 236.

сказал ей, что получено известие будто бы Марио, приехав в Берлин, и услышав, что в Санкт-Петербурге холера, испугался и возвратился в Англию; – она смутилась, но старалась скрыть свое смущение и об этом сама рассказывала своим приближенным; но Марио приехал из Италии, где около Флоренции недавно купил виллу. Здесь разнеслись слухи, что дорогою его экипаж был опрокинут, и госпожа Бодэ с тревожным участием спрашивала всех, не случилось ли с Марио какого-либо несчастья. (Карета его точно была повреждена от лопнувшего котла локомотива.)

Между итальянскими артистами утвердилось уверенность, что Марио нарочно обеременил госпожу Гризи для того, чтобы приехать сюда одному и иметь более удобный и невозбранный доступ и сношение с госпожою Бодэ⁸.

Генерал сделал изящный росчерк и, намекая на сугубую конфиденциальность сообщаемых ниже сведений, более мелким, но исключительно изящным почерком приписал в самом конце листа:

«Есть особа, я еще не мог узнать кто, которая принимает в ней искренне участие и часто советует быть с Марио осторожну»⁹.

Было очевидно, что адресованное фрейлине предостережение прозвучало из уст императрицы Александры Фёдоровны. Хотя записка была секретной и предназначалась только графу Орлову, даже в таком документе генерал не счел возможным все упомянуть имя императрицы, дабы полицию не заподозрили в слежке за самой государыней.

13 ноября 1852 г. записка Дубельта легла на стол графа Орлова. Прошло менее суток, и поручение его сиятельства было выполнено. Хотя штат III Отделения был немногочислен и насчитывал всего-навсего 29 чиновников, включая Орлова и Дубельта, тайная политическая полиция была, пожалуй, самой эффективной частью государственного аппарата Российской империи. Ставшие крылатыми слова поручика

⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 2–2 об.

⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 2 об.

Тенгинского пехотного полка Михаила Юрьевича Лермонтова о *всевиждащем глазе* и *всеслышащих ушах* III Отделения были не поэтической метафорой, но трезвой констатацией факта.

Генерал Дубельт распорядился доставить к нему списки всех, кто проживал в Зимнем дворце. То есть, буквально всех. Начальника штаба корпуса жандармов интересовали имена не только придворных, но и всей дворцовой обслуги. Первый список был составлен на одиннадцати листах бумаги большого формата, где в алфавитном порядке были поименованы все дворцовые слуги, начиная с Агафона Алексеева, чернорабочего, крепостного крестьянина, и кончая Вильгельминой Шульц, девицей, швейей. О каждом из них сообщалась подробная информация¹⁰. Во втором списке были указаны имена, отчества и фамилии всех живущих в Зимнем дворце чиновных особ. Таковых было 55 персон, начиная с Барановой, графини Юлии Федоровны, статс-дамы Ея Императорского Величества, и кончая Юз Марией Андреевной, состоящей при Их Императорских Высочествах великих князьях Николае и Александре Александровичах – малолетних сыновьях цесаревича¹¹. Третьей по этому списку шла баронесса Анна Львовна Бодэ, фрейлина императрицы и главная героиня этой истории, одна из самых красивых женщин Москвы и Петербурга. Ее красоту отмечали и сам государь Николай I и наследник великий князь Александр Николаевич¹². Наследник однажды даже преподнес очаровательной фрейлине букет цветов, о чем сохранилась запись в её альбоме¹³.

Сделаем паузу и задумаемся. Речь шла не о покушении на жизнь государя или государыни, не об угрозе дворцового переворота и даже не о весьма вероятном внедрении враждебной агентуры в жилище императорской фамилии. Но сколь тщательно работала тайная политическая полиция,

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 20–30.

¹¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 31–35.

¹² Переписка цесаревича. 1838–1839: 193–195.

¹³ Рисунки. 2012: 243.

сколь глубоко копала! О чем же шла речь? Отнюдь не о флирте фрейлины с камергером или её «васильковых дурачествах» с камер-юнкером или флигель-адъютантом. Фрейлина Александры Фёдоровны увлеклась прославленным итальянским певцом и могла, вступив с ним в роман, серьезно скомпрометировать перед лицом всей Европы не только саму себя, но двор и Дом Романовых. Марио олицетворял собой новую европейскую реальность: талант стал мощным фактором восходящей социальной мобильности, талантливый и знаменитый артист или писатель не только много зарабатывал, но и был вхож в аристократический круг. Знакомством с ним дорожили, возможности общения – домогались. О таких людях постоянно писали газеты, и судачила молва. К середине XIX века артистический успех стал серьезно конкурировать с дворянскими титулами и грамотами. И Оноре де Бальзак запечатлел эту новую реальность в своем романе «Кузина Бетта» (1846). Титулованная барышня и дочь генерала влюбилась в многообещающего скульптора, нищего польского графа, живущего в Париже. Она собралась за него замуж и сообщила об этом отцу.

«Послушай, папочка, неужели ты запретишь мне выйти замуж за великого художника?»

– Нет, дитя мое. В наши дни великий художник – это тот же принц, только не титулованный. Слава и богатство – вот два величайшие общественных преимущества... после добродетели, конечно, – прибавил он шуточно-ханжеским тоном».

Тождество ситуаций заключалось в том, что в жилах Марио текла аристократическая кровь. Марио – это артистический псевдоним. Его настоящее имя – Джузеппе Марио маркиз де Кандиа. Ради карьеры певца он порвал со своей семьей и отказался от сословных преимуществ и титула. Однако маркиз де Кандиа никогда не добился бы такой славы, какая выпала на долю певца Марио. У его ног было всё европейское образованное общество. В век пара, электромагнитного телеграфа, железных дорог и выходящих большими тиражами газет известность артиста легко соперничала с известностью дипломата, полководца и даже коронованной особы. Словом, у Николая Павловича были все основания учредить секретный надзор над

фрейлиной Бодде. Её отцом был барон Лев Карлович Бодде – потомок французского эмигранта из Эльзаса и герой наполеоновских войн, удостоенный за боевые отличия Знака отличия Военного ордена, ордена св. Георгия IV класса и Золотой ипаги «За храбрость». В 1852 г. барон Бодде был обер-гофмейстером и президентом Московской дворцовой конторы. (Обер-гофмейстер – это придворный чин II класса по Табели о рангах.) Именно он руководил сооружением Большого Кремлёвского дворца и после окончания строительства был осыпан милостями государя. В дневнике генерала Дубельта есть красноречивая запись: «29 октября 1851. Государь император пожаловал обер-гофмейстеру барону Льву Карловичу Бодде 36 т. рублей на уплату долгов...»¹⁴

Настало время представить героиню этой истории. Баронесса Анна Львовна Бодде родилась 7 декабря 1815 г. Менее чем через месяц после начала описываемых событий ей должно было исполниться 37 лет. Фрейлина отнюдь не была юной неопытной барышней, только что вступившей в свет. Но она всегда отличалась необыкновенной восторженностью и исключительной влюбчивостью. «Сохранились не полностью её дневники за многие годы, рисующие чрезвычайно экзальтированную девушку, со всей непосредственностью описывающую свои влюблённости. В этой галерее её героев проходят и персидский принц Хозрев-Мирза, приезжавший извиняться за убийство Грибоедова и пленивший русских барышень, и модный московский врач А.Е. Берс, отец С.А. Толстой, и кн. Владимир Меншиков, праправнук временщика, и Николай I, страстным поклонением которому наполнены её дневники. Среди записей А.Л. Бодде под 4 февраля 1837 г. мы находим взволнованные слова о смерти Пушкина:

«Я чувствую подавляющую грусть, и у меня, даже приступы лихорадки; то у меня озноб, вызывающий дрожь, а спустя мгновение – меня бросает в жар, и это меняется поминутно. О! смерть Пушкина меня очень расстроила... Напрасно ищу я

---

¹⁴ Дубельт. 1995: 144.

развлечений, я не могу овладеть собой, чтобы быть веселой; правда, я совсем больна!»¹⁵

Во фрейлинском коридоре Зимнего дворца Анна Львовна провела более одиннадцати лет. Её семья была взыскана царской милостью: не только старшая Анна, но и три её сестры – Мария, Наталья и Екатерина – носили фрейлинский шифр императрицы Александры Фёдоровны. Адрес-календарь на 1843 г. сообщает, что фрейлинами государыни числились четыре сестры Бодэ – уникальный случай в истории царствующего дома¹⁶. Придворное звание фрейлины очень высоко ценилось в аристократической среде: незамужние девицы, им пожалованные, обретали право на генеральский титул «ваше превосходительство». Помимо высокого социального статуса фрейлины получали весьма высокое жалованье, а при выходе замуж – приданое. Когда баронесса Анна Львовна обосновалась в Зимнем дворце и начала нести службу при императрице, ей были назначены столовые деньги – 834 рубля 83 копейки серебром в год¹⁷. Это было генеральское жалованье. При этом она жила во дворце на всем готовом и пользовалась придворными экипажами. Фрейлинский шифр был пожалован Анне Львовне еще в 1837 г., однако ее действительная служба началась лишь весной 1841-го, когда барышне уже шел 26-й год. Появлению новой фрейлины в Зимнем дворце предшествовало письмо, которое министр императорского двора князь Петр Михайлович Волконский направил отцу Анны Львовны.

«Милостивый государь барон Лев Карлович.

Государыня императрица, обратив особенное внимание на старшую дочь Вашего Превосходительства, фрейлину баронессу Анну Львовну, изволила изъявить желание, чтобы она находилась при Ея особе и жила во Дворце. Но поелику Ея Императорское Величество постоянно следует принятому Ею правилу

¹⁵ Зенгер. 1934: 225. В настоящее время неопубликованные дневники фрейлины А.Л. Бодэ находятся в: ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 293; Д. 1076–1089.

¹⁶ Адрес-календарь. 1843: 19, 20.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292: 4.

– согласоваться в подобных случаях с волею родителей, то я получил Высочайшее повеление узнать, согласны ли будете Вы и супруга Ваша отпустить ко Двору дочь Вашу. В случае согласия Вашего, Ея Величеству угодно, чтобы Вы сами привезли сюда дочь Вашу.

*С совершенным почтением имею честь быть
Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Князь Петр Волконский»¹⁸.*

Выражаясь языком позднейшей эпохи, фрейлина баронесса Бодэ была взята в разработку, и вся её прислуга стала тщательно изучаться сотрудниками III Отделения на предмет весьма вероятного содействия Анне Львовне в деле организации её интимных свиданий с Марио.

Минуло всего-навсего два дня после начала работы по делу Бодэ и Марио, а тайная политическая полиция уже знала о фрейлине почти всё. «Голубые мундиры» работали чётко. 14 ноября 1852 г. была составлена справка:

«Прислуга у фрейлины Бодэ:

Нянька Юлия Гемпель, саксонская подданная, уроженка из Гера, прибывшая в Россию в 1846 году (выбыла в 5-й квартал Васильевской части, в дом господина Епанешникова, под № 16-м, по 11-й линии).

Крепостная девушка Авдотья Кузьмина.

Иван Пантелеев (чернорабочий), крестьянин господина Жеребцова, Московской губернии, Коломенского уезда сельца Большаго Уварова»¹⁹.

Ход рассуждений графа Орлова и генерала Дубельта был прост. Они предположили, что у Бодэ и Марио есть в Петербурге квартира, снятая на чужое имя. «Надобно теперь, прежде всего, открыть, где живет мать горничной девушки, где предполагают, что были свидания»²⁰, – дал руководящее указание шеф жандармов. Предположение оказалось ложным. Конспиративной квартиры не было. Где же встречались Бодэ и Марио? Пока что получить ответ на этот вопрос не удалось.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292: 3–3 об.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 3.

²⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 4.

За прославленным певцом было установлено круглосуточное наблюдение, не давшее, впрочем, никаких результатов. Генерал-лейтенант Дубельт с нескрываемым раздражением записал в дневнике:

«15 ноября 1852. Наши агенты заметили, что певец Марио очень бранит русских и даже с презрением о них отзывается. Мерзавец, итальянская дрянь, пастух, смеет бранить русских, а небось, ест хлеб русский! Впрочем, наша публика сама тому виновата: эта каналья слишком важничает, позволяет себе в операх петь вполголоса и выбрасывать по две, по три арии, и все-таки ему аплодируют и носят этого итальянского мужика на руках...»²¹

Про «пастуха» и «итальянского мужика» Леонтий Васильевич написал по злобе: начальник штаба корпуса жандармов был прекрасно осведомлен об аристократическом происхождении артиста. Впрочем, раздражение генерала можно понять. На карту была поставлена его профессиональная репутация. Дубельт знал, что это дело находится на контроле у императора. Между тем, шел день за днем, а место свиданий никак не удавалось обнаружить. Наблюдение было столь пристальным, что даже мышь не могла прошмыгнуть незамеченной, не говоря уже о многочисленных поклонницах певца. О каждой из них лично докладывали шефу жандармов. В деле отложился любопытный документ, написанный рукой графа Орлова.

«Прогуливающаяся Дама напротив Сабурова дома или та, которую М<арио> дождал, не та, которую мы предполагали, а госпожа Ниловская, известная по истории с французской актрисой»²².

Слишком настойчивой фанатке певца Марио было сделано внушение о недопустимости приставания к иностранцам, давшее ощутимый эффект: больше на страницах этого дела фамилия госпожи Ниловской не встречается.

---

²¹ Дубельт. 1995: 191.

²² ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 2538: 4.

К расследованию по делу был привлечён штабс-капитан Чулков. На личности этого жандармского офицера следует остановиться более подробно, ибо Чулков был настоящим артистом в деле сыска. Именно он ещё в чине поручика годом ранее, в конце весны 1851 г., настиг князя Сергея Васильевича Трубецкого и Лавинию Жадимировскую. На основе этой подлинной истории Булат Окуджава написал роман «Путешествие дилетантов», а историк и филолог Павел Щёголев очерк «Любовь в равелине». Этот же Чулков весной 1852 г. в результате тщательно спланированной операции, включающей и серию контрольных закупок, сумел выявить в Петербурге торговцев порнографией и осуществить масштабное изъятие их «срамных» товаров. (Пикантность ситуации заключалась в том, что у самого Николая Павловича была обширная коллекция порнографии. Когда же августейший карандаш рисовал пышные формы Александры Фёдоровны, затянутые в кавалергардский мундир, или представлял императрицу в образе обнажённой Венеры, получалось нечто исключительно игривое, сильно выходящее за рамки мягкой эротики.)

После того, как к делу был подключен штабс-капитан Чулков, у Боды и Марио не было ни малейшего шанса скрыть свою тайну. Написанное каллиграфическим почерком секретное донесение Чулкова, направленное генералу Дубельту, позволяет нам судить о методах работы III Отделения.

«В доме Глинки, где квартирует Марио, нет никакой надежды узнать, кто у него бывает и к кому он ездит; прислуга у него заключается в одном человеке, и тот по-русски ничего не знает, а потому с прочими людьми, живущими в том же доме, он не имеет знакомства, по словам дворника и его кучера, у Марио почти никого не бывает, как разве иногда артисты, сам он, кроме репетиции и спектаклей, мало выезжает, все более дома, кучер говорит, что он, иногда приехавши на репетицию, отпускает его домой и не приказывает приезжать за ним и приходит домой пешком»²³.

---

²³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 5–5 об.

Это была тоненькая ниточка. Но штабс-капитан знал, что именно за эту ниточку следует тянуть, чтобы распутать весь клубок.

20 ноября 1852 года генерал Дубельт сообщил графу Орлову:

«От ямщика, ставящего ему лошадей, требует, чтобы у него был прошлогодний кучер, что ему и обещано»²⁴.

Этот каприз артиста не остался незамеченным и привлек внимание как Чулкова, так и Дубельта: они поняли, что вышли на верный след. Штабс-капитан Чулков был превосходным психологом, умевшим подобрать свой ключик к каждому, кто был ему нужен для получения оперативно-розыскной информации.

21 ноября 1852 года штабс-капитан доложил Дубельту:

«От кучера Марио трудно выведать, немного упрям, но сколько я мог заметить, он всё знает, да и сам он проговорился, что ему не только известна любовница Марио, но и других итальянцев; но я всё еще не теряю надежды чрез дворника выведать, наш русский мужик любит сначала поломаться, так точно сначала и дворник не хотел даже и говорить, а теперь всё готов сделать»²⁵.

Прошло пять дней, и генерал-лейтенант Дубельт смог убедиться, что в словах жандармского офицера не было никакого бахвальства. Подход к кучеру Марио был найден, а фрейлина Боде изболочена.

«Секретно.

Б... прошедшую зиму редкий день чтобы не проезжала мимо квартиры Марио, а иногда встречала его на Английской набережной, где он всегда по обыкновению гуляет, но Марио несколько опасался Гризи.

Нынешнюю же зиму Б... совершенно достигнула своей цели; тем более что и Марио был уже не прочь; – особенной квартиры у них в городе нет, но имеют свидания таким образом: Б... в своём экипаже приезжает к графу Строгонову или князю Вол-

²⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 7.

²⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 10.

конскому (где часто бывает Марио) и экипаж свой отпускает домой, предварительно сказав своему кучеру и лакею, что приехать за ней не надо, её кто-нибудь отвезёт домой, и остаются в этих домах часов до 10-ти или 11 вечера; выходя же от них, другая карета извозицичья (которую нанимал для нее Марио) её уже дожидает, по приказанию пошел домой, везут ее в квартиру Марио, у которого она бывает до 2-х, а иногда и дольше часов ночи, отвозит же не эта карета, что привезла, но берут с биржи другую...

Б... была у Марио три раза.

Штабс-капитан Чулков»²⁶.

Как мы видим, Боде и Марио нельзя было отказать в наличии предприимчивости и изобретательности. Нечто подобное (смена карет дамой из высшего общества, отправившейся на свидание со своим любовником) было описано Александром Дюма в романе «Граф Монте-Кристо» (1845-1846).

27 ноября 1852 г. генерал-лейтенант Дубельт доложил графу Орлову результаты расследования. Следовало ожидать высочайшей резолюции. В это же самое время в Москве с отцом Анны Львовны случилось несчастье: барон Боде пережил удар – так в то время называли инсульт. Императору было угодно по телеграфу осведомиться о здоровье обер-гофмейстера. 21 ноября 1852 г. в 3 часа 19 минут пополудни с Московской станции была отправлена телеграмма, полученная в Петербурге в 3 часа 22 минуты. «Обер-гофмейстеру барону Боде лучше, но он еще слаб и говорить не может». Был найден благопристойный повод удалить фрейлину Боде из Зимнего дворца. Анна Львовна была отпущена в Москву, чтобы навестить больного отца. Когда ещё ничего не подозревавшая фрейлина собиралась сесть в поезд, ей было сообщено высочайшее повеление: оставаться в Москве в бессрочном отпуску. Анна Львовна поняла: о её любовной интриге стало известно царю и царице. Между тем, отцу Анны Львовны стало лучше, и обер-гофмейстер барон Боде собрался лично отправиться в Петербург, чтобы 6 декабря – в день тезо-

---

²⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 11–11 об.

именитства императора – лично принести Николаю Павловичу благодарность за заботу, проявленную о своем здоровье. Барон ничего не знал ни об отношениях своей дочери с Марио, ни о полученном ею повелении, фактически запрещавшем Анне Львовне появляться при дворе. Барон велел дочери выехать в Петербург и приготовить для него подобающую его сану квартиру. Фрейлина не рискнула ослушаться отца, выехала из Москвы в Петербург, но не осмелилась показаться при дворе и представиться императрице. Она понимала, что разоблачение её связи с итальянским певцом может убить только что пережившего удар отца. Лишь царь мог разрубить этот гордиев узел. Анна Львовна написала государю три письма, умоляя его о прощении, но ни на одно так и не получила ответ. Эти письма отложились в Секретном архиве III Отделения.

Письмо первое.

«Государь!

Я не имею дерзости молить о моем прощении, я заслужила все самое суровое, что Ваше Величество пожелает наложить на меня, но простершись на земле, я умоляю вас, вас, кто ведь Отец нам всем, не убивать моего отца потрясением, которое в настоящем его состоянии было бы для него смертью. Я лишь в момент отъезда получила приказ оставаться в Москве в бессрочном отпуске, и когда мой отец, будучи здоров, отправил меня вперед приготовить ему квартиру в Петербурге. Дабы повиноваться приказу, данному Императрицей, я использовала все поводы, чтобы остаться, но отец, ни о чем не подозревая, настоял. Сказать ему правду, было бы убить его на месте. Итак, я осмелилась приехать сюда лишь для того, чтобы снова уехать как только Ваше Величество мне прикажет, и броситься к ногам Императрицы прежде, чем покинуть ее навсегда! Я даже не осмелилась войти во дворец и остановилась в другом месте. Но хотя и чувствую себя совершенно недостойной обращаться к Вашему Величеству, я умоляю вас, как Отца и Господина, не препятствовать батюшке явиться 6 декабря, ради этого путешествия главным образом были все его усилия выздороветь, и он снова получит опасный припадок, если Ваше Величество не примет его, его, кто посреди болезни, с его рвением и Культом, которым является для него служба вам, забо-

тился лишь о делах, которые он был должен Вашему Величеству. Не карайте, Государь, самого преданного из ваших слуг за ошибку той, которой никогда не достанет слез для раскаяния. Увидав жизнь моего отца в опасности, и счастливая видеть его поправившимся, я думаю лишь о нем в гнетущем меня ударе, что же до меня, я склоняю голову, и после несчастья гнева моего Государя, который я слишком справедливо навлекла на себя, и изгнания, которое мне грозит, жизнь для меня кончена, и я не должна более ничего ждать от жизни!..

Государь! Соедините, как Господь, милосердие с суровостью и сберегите, по крайней мере, моего отца, это единственная милость, о которой осмеливается вас просить самая несчастная, но верная подданная вашего Императорского Величества А.Б.»²⁷

Письмо второе.

«Государь!

Отказывая мне, вы могли оказать последней из ваших подданных милость сказать одно слово Вашему Величеству, не только чтобы докучать вам просьбами о прощении, о котором я напрасно просила, на коленях и простершись ниц, но одно слово, которое станет жизнью для меня и после которого я начну готовить моего отца к ужасному удару, какой нанесет ему мой внезапный отъезд....

Ваша власть, Государь, столь безгранична, что ваше великодушие также должно не иметь преград, но я прошу сейчас лишь 5 минут разговора!

Государь, вашего Императорского Величества покорнейшая подданная А.Б.»²⁸

Письмо третье.

«Государь!

Отчаяние меня охватывает, я не могу более призывать вас спасти меня. Снизойдите позволить мне прийти броситься к вашим ногам и выслушать меня одно мгновение. Если в этой высшей милости мне отказано, имейте божественное терпение прочесть эти страницы, которые не были предназначены для глаз Вашего Величества, но чтобы на словах объяснить с Императрицей, но слишком поздно переписывать, мой отец

²⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 14–14 об.

²⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 15.

приехал, его безопасность гнетет меня, спасите меня. Вы, кто Господин всего! У меня нет иного выхода, когда нужно будет объявить отцу, что я возвращаюсь с ним. Отсрочку! ради всемогущего Бога! Прочтите эти страницы, мой Отец и Государь!... Лишь смерть меня спасет, коли не вы, я предпочту свою, чем батюшкину!»²⁹

Не получив ответа от государя на свои письма, Анна Львовна была вынуждена признаться во всем отцу. Родители Анны Львовны поняли, что единственно возможным выходом из создавшегося положения является скорейшее замужество фрейлины. Разумеется, рассчитывать на блестящую партию не приходилось, однако фрейлина двора не могла вступить в брак без высочайшего разрешения. Весной 1854 г. находившаяся в отпуску фрейлина такое разрешение получила. Ей предстояло обвенчаться с князем Александром Ивановичем Долгоруковым, представителем славного рода, сыном известного поэта и мемуариста князя Ивана Михайловича Долгорукова и правнуком князя Ивана Алексеевича Долгорукого, казнённого во времена императрицы Анны Иоанновны. 24 марта 1854 г. барону Боду из министерства двора были направлены «негласным образом, на приданое препровождаемые при сём три тысячи четыреста двадцать восемь рублей серебром»³⁰, а 4 апреля было дано официальное разрешение на брак его дочери. Пусть не вводят в заблуждение современного читателя княжеский титул и знаменитая фамилия супруга Анны Львовны. Во-первых, родившийся в 1793 г. князь был вдовец и на 22 года старше своей супруги. Во-вторых, он фактически не имел никакого состояния. В-третьих, не сделал никакой карьеры и в своем весьма почтенном возрасте имел чин всего лишь титулярного советника (IX класс по Табели о рангах, соответствовал армейскому капитану). Отныне Анне Львовне в официальных документах предстояло именоваться титуляр-

---

²⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538: 16–17. Перевод с французского Ольги Эдельман.

³⁰ ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292: 6.

ной советницей. Какое унижение! Ведь в бытность фрейлиной она именовалась её превосходительством.

Сказать, что князь Александр Иванович в молодости был первостепенным разгильдяем, значит не сказать ничего. Можно долго перечислять его молодецкие «подвиги», благопристойности ради именуемые «шалостями», но я расскажу лишь об одном. Вскоре после Бородинской битвы, участником которой он был, князь Александр в чине прапорщика Черниговского конно-егерского полка был послан со срочными депешами. Молодому вертопраху дали прекрасный шанс отличиться. Князь остановился в придорожной корчме, сел играть в карты, проиграл три тысячи рублей казённых денег, бросил незнамо куда эти депеши, а затем заложил свою офицерскую форму, поставил на карту – и вновь проиграл. В Москве он появился в каких-то лохмотьях и не рискнул в таком виде предстать перед своим отцом, отставным губернатором, уже не в первый раз платившим его долги. Князю Александру грозил военный суд. В ход были пущены все связи: прапорщика признали душевнобольным, военный министр «скрыл его проказы, выходил ему благородную отставку и, так сказать, вытащил его из бедственной пропастей»³¹. Вернувшийся из Парижа в 1814 г. император Александр I простил своего беспутного тёзку и позволил ему вступить в статскую службу. Но, поскольку князь Долгоруков, обучавшийся и в Геттингенском университете, и в Пажеском корпусе, так и не удосужился пройти полный курс обучения и получить соответствующий документ, выше чина титулярного советника ему не было суждено подняться. Для получения чина коллежского асессора требовался университетский диплом. Анна Львовна принесла своему мужу неплохое приданное: 272 крепостных мужского пола, да земли одну тысячу сто тридцать восемь десятин две тысячи двести восемьдесят три сажени в Тверской губернии. Это полученное от родите-

---

³¹ Долгоруков. 1997: 181. Выразительные подробности «шалостей» см.: Долгоруков. 2005:172, 327, 334, 335, 336, 349, 351.

лей приданое было оценено в двадцать три тысячи семьсот шестьдесят рублей серебром³². Судя по всему, брак оказался счастливым. Когда князь Александр Иванович скончался в декабре 1868 г., в «Московских ведомостях» был опубликован трогательный некролог:

«В гостиную он вносил просвещённый ум, не ослабевший с годами, в семью свою весёлый юмор, а в супружеский быт любезнейший характер»³³.

Княгиня Долгорукова надолго пережила своего мужа, скончалась на излете века 4 февраля 1897 г., уже в царствование Николая II, и упокоилась в некрополе Донского монастыря.

В этом историческом анекдоте как в капле воды отразились блеск и нищета самодержавного правления. С одной стороны, царя можно упрекнуть в жестокосердии, с другой – оправдать его непреклонность государственной необходимостью. Император считал себя отцом всех своих поданных, несущим за них моральную ответственность. В этом он видел свой долг самодержца. Свет «не карает заблуждений, но тайны требует для них», – сказал Пушкин. Однако Николай Павлович мыслил иначе и в иных случаях отнюдь не довольствовался соблюдением светских приличий. Он требовал от поданных большего – беспрекословного повиновения своей воле, даже когда речь шла об их частной жизни. Вспомним, что императрица остерегала свою фрейлину от слишком тесных отношений с итальянским певцом. Если бы ни титанические усилия тайной политической полиции, фрейлине Боле удалось бы сохранить в тайне свой роман с Марио. В конце концов, благопристойность была ею соблюдена.

Николай взвалил на свои плечи непосильную ношу. Он хотел вникнуть и в течение трех десятилетий действительно вникал в мельчайшие подробности и частности обширного хозяйства Российской империи. «Первый труженик народа своего», – очень точно сказал о царе поэт Аполлон Майков.

³² ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292: 7–8.

³³ ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292: 35.

Именно при Николае была построена первая в России железная дорога, пущены паровые корабли по Волге, издан Свод законов, проведена денежная реформа, был дан мощный импульс развитию отечественной промышленности, в обстановке строжайшей секретности велась подготовительная работа по грядущей отмене крепостного права – и государь был инициатором и главной пружиной всех этих преобразований. Когда открыли железную дорогу между Петербургом и Москвой, император прибыл в Первопрестольную отнюдь не ради развлечений.

«Я видел императора мрачным и усталым: он считал долгом побывать под всеми мостами и осматривать все насыпи и постройки дороги...»³⁴

Но с каждым годом Николай находил всё меньше и меньше понимания и сочувствия со стороны своих подданных. Отсюда мрачность и усталость. Положим, император не нуждался ни в этом понимании, ни в этом сочувствии. Но люди – не пешки на шахматной доске, к каждому из них невозможно приставить штабс-капитана Чулкова, генерал-лейтенанта Дубельта и генерала от кавалерии графа Орлова. И они крайне болезненно переживают вмешательство государства в свою частную жизнь. Ещё 10 мая 1834 г. Пушкин записал в дневнике:

«Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться... Что ни говори, мудрено быть самодержавным»³⁵.

История сыграла с Николаем Павловичем скверную шутку. В нашей исторической памяти сохранились не его державные труды и дни, не неоднократно проявленное императором личное мужество, а пушкинская «тайна семейственных отношений, проникнутая скверным и бесчестным обра-

---

³⁴ Анненков. 1983: 529.

³⁵ Пушкин. 1996. Т.12: 329.

зом»³⁶. И это вторжение в частную жизнь перевесило в глазах образованного общества всё остальное.

В конце Николаевской эпохи ропот стал раздаваться даже в среде самых благонамеренных людей, о чем вездесущее III Отделение в январе 1853 г. не преминуло сообщить императору в дипломатических выражениях.

«Правительство наше в мудрой заботливости своей всеми мерами старается, чтобы это благоустройство Империи не было нарушаемо никакими соблазнами Западной Европы и не только бы сохранялось бы в нашем поколении, но перешло бы во всей чистоте своей и к будущим поколениям. В этих видах оно продолжает неусыпно смотреть за всеми иностранцами <...> и внутри Империи строго преследует все проступки, от которых при ослаблении может распространиться разврат умов и нравов. Строгость правительства, хотя бы она была и не сколько тягостна молодому поколению, благословляется всеми людьми опытными: ибо на ней зиждется настоящее и будущее благоденствие государства» (Подч. мое. – С.Э.)³⁷.

Слово «долг» было для императора девизом его державных трудов и дней, паролем всей его жизни. Николай I взвалил на свои плечи непосильную ношу – и надорвался.

Автор выражает свою сердечную признательность сотрудникам ГАРФ Анне Николаевне Сидоровой, Марине Викторовне Сидоровой и Ольге Валерьяновне Эдельман за их высокий профессионализм и то дружеское участие, с которым они консультировали его при написании этой работы.

*Семен Аркадьевич Экиштут
д.ф.н., проф., в.н.с. руководитель
Центра истории искусств и культуры ИВИ РАН,
зав. кафедрой «Искусство и гуманитарные науки» ГАУГН
semenekshtut54@gmail.com*

³⁶ Пушкин. 1996. Т.15: 150.

³⁷ Отчёт 2006: 434–435.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Адрес-календарь. 1843 – Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1843 год. В 2-х частях. Ч. 1. СПб.: Императорская Академия наук, 1843.

Адрес-календарь. 1852 – Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1852. В 2-х частях. Ч. 1. СПб.: Императорская Академия наук, 1852.

Анненков. 1983 – *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М.: Художественная литература, 1983.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 2538. – Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 3а. Секретный архив III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Д. 2538. Дело по наблюдению за личными отношениями фрейлины Бодэ с итальянским певцом Марио с приложением лиц, проживающих в царском дворце.

ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 292. – Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 855. Бодэ – Колычёвых. Оп. 1. Д. 292. Альбом... Анны Львовны Бодэ.

ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 293. – Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 855. Бодэ – Колычёвых. 1586–1916. Оп. 1. Д. 293 (выписки из дневника)

ГАРФ. Ф. 855. Оп. 1. Д. 1076–1089 – Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 855. Бодэ – Колычёвых. 1586–1916. Оп. 1. Д. 1076–1089 (дневники за 1831–1844).

Долгоруков. 1997 – *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М.: Наука, 1997.

Долгоруков. 2005 – *Долгоруков И.М.* «Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни...» Т. 2. СПб.: Наука, 2005.

Дубельт. 1995 – *Дубельт Л.В.* Дневник // Российский Архив. Т. VI. М. 1995.

Зенгер. 1934 – *Зенгер Т.* (Цявловская Т.Г.) Пушкин у Трубецких // Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Т. III – IV. М.-Л.: Academia, 1934.

Инструкция Бенкендорфа. 2003 – Инструкция графа А.Х. Бенкендорфа чиновнику III Отделения // Стогов Э.И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М.: Индрик, 2003.

Тютчев. 1989 – Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. Фёдор Иванович Тютчев. М.: Наука, 1989.

Отчет. 2006 – Отчёт о действиях III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и корпуса жандармов за 1852 год // Россия под надзором. Отчёты III Отделения. 1827–1869 / Составители М.В. Сидорова и Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, Российский Архив, 2006.

Переписка цесаревича. 2008 – Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839 / Под редакцией Л.Г. Захаровой и С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2008.

Пушкин. 1996 – *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 19-ти тт. М.: Воскресенье, 1996.

Рисунки. 2012 – Рисунки членов Российской императорской фамилии. Изобразительные материалы XIX – начала XX века / ГАРФ. Каталог собрания. Т. 1. Отв. ред. С.В. Мироненко, руководитель коллектива составителей тома М.В. Сидорова. СПб.: Петроний, 2012.

Тютчева. 2000 – *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М.: Захаров, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

Самин. 2004 – Самин Д.К. 100 великих вокалистов. М.: Вече, 2004. С интернет-портала// http://www.web-lit.net/writer/3398/book/37753/samin_d_k/100_velikih_vokalistov/read/2

О.М. Морозова

ЛАНДЫШИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР: ЗАПИСКИ ЭСЕРКИ ВВЕДЕНСКОЙ О 1918-1919 ГГ. В БЕРДЯНСКЕ¹

Ключевые слова: Партия левых эсеров, Гражданская война в России, Введенская, Тамара Бенуа.

Аннотация: Рукопись эсерки Введенской, датированная примерно 1922 г., стала источником для реконструкции леворадикального сознания в его женском варианте. Героями статьи стали сама автор рукописи и ее подруга Тамара Бенуа, которые исполняли обязанности руководителей Бердянского чека весной 1919 г. Размышления Введенской о содержании и цели революционного террора стали основанием для понимания того, как разрешалось в сознании идейных социалистов противоречие между моральными установками и законами революционного процесса. В статье воспроизводятся те части рукописи, где Введенская дает портреты Нестора Махно и его видных соратников, с которыми была знакома; а также картины жизни провинциального города в годы революции и Гражданской войны, атмосферу подпольных организаций в условия белогвардейского режима.

В провинциальных архивах случаются изумительные находки, интересные не только как память человеческой истории, но и тем, что отвечают на многие вопросы.

В Государственном архиве Днепропетровской области (Украина), в фондах бывшего партийного архива хранится рукопись, значащаяся в описи как дневники Введенского². Но

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-01-00025 «Женский революционный нарратив: исторический, психологический, социальный контекст»).

² ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336.

даже беглый просмотр текста выявил, что повествование идет от женского лица. Дальнейшее знакомство с источником показало, что его автором является вдова Введенского, как и он, член партии левых эсеров. Ее рассказ посвящен событиям 1917-1919 гг. По датам документов потребкооперации, на обороте которых был написан текст, рукопись можно отнести к 1922 г. К сожалению, единственное в тексте упоминание Введенской своего имени невозможно прочитать.

Эти записки никогда не были опубликованы и не использовались в качестве исторического источника, поскольку содержали подчиненный левозсеровской доктрине взгляд на события и наряду с этим личностно окрашенное видение происходящего. Лишенное одномерности и однобокости повествование Введенской дает представление о специфике революционного мышления и о ходе революционного процесса в конкретном провинциальном городе.

Весной 1919 г. во время второй советской власти Введенская исполняла обязанности начальницы чрезвычайной комиссии Бердянска, небольшого портового города на берегу Азовского моря. Содержание ее записок позволяет отнести их к тому типу источников, которые дают ключ к пониманию других документов. Им даже свойственна некоторая сенсационность: разве не интересно узнать, что есть такое полумифическая Дора Явлинская, и убедиться, что в действительности существовали женщины-чекистки, о которых как о целом классе утвердилось мнение, что их на эту кровавую дорожку привели разрушенные девичьи надежды и женские обиды. Прямо скажу, что слухи, рожденные в белогвардейской среде, казались скорее болезненной реакцией на происходящее, чем отражением реальных событий. Это мнение стало результатом сравнения материалов Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков и местной большевистской печати, которая в соответствии с тезисом о публичности наказания предоставляла полную информацию о деятельности чекá и ревтрибунала. Сложилось смутное подозрение, что женщина во главе чекá – это миф, а если не миф, то силь-

ное преувеличение. Современники воспринимали революцию как время, когда случается неестественное, поэтому и возникали образы, как бы из другого мира, долженствующие подчеркнуть абсурдность всего происходящего.

Начало текста превратило надежду найти что-то стоящее в уверенность. В первом абзаце Введенская обозначила содержание и смысл своих записок:

«Это не история и не исторические воспоминания – это только мои личные впечатления и переживания на фоне исторических событий. [...] Что видела, что делала я и мои товарищи – вот и все. Даже почти событий нет, крупных, дающих эпоху, разве только контуры их, то, что достигало нас, то, что касалось нас. Почему же, спросите Вы, даю я эти записки? Да потому что каждый шаг наш, каждый почти день нашей работы отмечался кровью. Не могу же я молчать, я – живая, когда мертвые не могут сами о себе сказать. Так щедро все залито кровью, что нельзя пройти мимо, не отдав должное бесславному, бесследным героям. [...] Да простит мне читатель, если что покажется ему в моих заметках ненужным, неинтересным, слишком узко субъективным»³.

К моменту написания записок она потеряла двух самых близких людей: мужа и подругу. Петр Введенский, левый эсер, один из 19 бердянских комиссаров, расстрелянных отрядом М.Г. Дроздовского 24 апреля 1918 г. Подруга – Тамара Николаевна Бенуа, по моей версии, племянница известных художников Александра и Альберта Бенуа⁴.

Многогранное содержание рукописи не заслоняет ее главный информативный потенциал: ответ на вопрос – как совмещались в деятельности идейных революционеров высокие гуманистические лозунги и кровавая практика революции, в которой они выступали не только как идеологи, но и непосредственные руководители структур, осуществляющих эту доктрину. Лично террор ими осуществлялся крайне редко.

³ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 1.

⁴ К сожалению, сотрудники Музея семьи Бенуа (Петергоф) отрицают существование такого члена знаменитой фамилии.

Введенская неоднократно возвращается к мысли, что без участия низов общества революция обречена. Как-то она сказала своей подруге Тамаре:

«А знаешь ли, ведь, если бы революцию совершали от верху до низу одни интеллигенты – ведь это был бы ужас! Я не знаю, как передать тебе это, но я чувствую, что это было бы нечто кошмарное»⁵.

Инструмент реализации идеи найти, находясь в Бердянске, несложно. От Бердянска до Гуляйполя – сто верст.

В момент немецкой оккупации оставшиеся в городе эсеры и большевики прислушивались к разговорам о махновцах, пытаясь понять, что это за новая сила в событиях. Введенская несколько раз столкнулась с ними, передвигаясь по железной дороге из Бердянска в Екатеринослав. Наблюдала, спрашивала у крестьян, и решила: это те «каменщики», которые уже построили чудесный храм Соломона и построят чудесный храм будущего. Не зная идеи и задуманного плана, но под умелым руководством они сделают всю работу:

«Сами каменщики клали только камни, им неизвестна была идея создаваемого, даже план им не был известен, но выполняя работу под руководством умелой и направляющей руки, они создали храм. Махновцы – наши каменщики революции. Нужно взять на себя, нужно сметь и уметь использовать их силу, мужество, их стихийную жестокость. То были рабы царя Соломона, это рабы Свободы»⁶.

С таким выводом она пришла к товарищам и сказала:

«...Нам нужны махновцы, какие бы они ни были, какой бы ни была их деятельность теперь. Они нужны нам, потому что сами мы не умеем ладить со смертью как они. Наши интеллигентские инстинкты не решат борьбы ни в нашу, ни в чью пользу»⁷.

У застрявших в Бердянске эсеров и большевиков уже есть свои «каменщики». В условиях подполья нелегалы-

⁵ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 242-243.

⁶ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 9.

⁷ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 102 об.

партийцы прибегали к услугам так называемых анархистов, хорошо понимая их уголовный характер и отсутствие всякой связи с идейными анархистами. Введенская без обиняков раскрыла их сущность:

«А в сущности, кто же они были – эти анархисты? Налетчики, эксисты, профессиональные игроки в карты по трактирам, вообще-то общественное подполье, которое всегда и всюду бывает и вероятно будет. А как обойтись без этих представителей общественного подполья, когда у них было оружие, они были ловки и смелы и могли выполнить любое поручение комитета?»⁸

Позже, когда она возглавила бердянскую чекá, которая боролась не только с контрреволюцией, но и с уголовщиной, она называла эту борьбу лицемерием:

«Ведь знала же я, наши политические – кровь от крови и плоть от плоти уголовных. Кто же шел в подполье бесстрашно на все: на экссы и убийства как не эти же уголовные, под влиянием нашей агитации они только меняли цель своего ремесла. Убийство и экс оправдывались нами, когда выполнялись под диктовку партии. Да и из кого же набирался кадр смелых бойцов? Разве тупая мецанская “золотая середина” давала что-нибудь подобное?»⁹

Но анархисты обычно недолго действовали в городе, узнав о Батьке Махно, «после нескольких неудачных экссов в Бердянске они гуськом потянулись туда».

Введенская объяснила, что эсеры были более свободны в выборе тактики, чем большевики. Те были связаны партийной дисциплиной и не могли опрометчиво блокироваться с кем попало. А ей и ее товарищам эсерам нетрудно было увидеть в Махно отголосок героического народничества. Она с горечью добавила, что впоследствии на эсеров достаточно повесили собак за слишком тесную дружбу с махновцами.

---

⁸ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 105 об. – 106.

⁹ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 164.

Еще до личного знакомства с Нестором Махно она уже оформила для себя его место в событиях, оценив его весьма высоко:

«Батька Махно, может быть сам того не зная, становится возглавляющим определенное течение в революции, хочет он или не хочет, но он, как шелковичная куколка обматывается со всех сторон нитями обязательств, ответственности, руководства и направляющего воздействия. Все эти Новоспасовки, Михайловки, Николаевки, через Петров, Иванов, Степанов, безущих к нему, [так] приобщаются к революции»¹⁰.

Ее впечатления от Батьки Махно, с которым ей пришлось познакомиться весной 1919 г., когда объединенные силы демократии образовали новый советский режим, постоянно балансируют между гипнотическим воздействием человека, который все себе сам позволил, и ужасом от того, что он себе позволил. Первоначально для нее было важно, что через его отряды жители малороссийских сел, которых бы иначе нельзя было вытащить из хат, приобщаются к революции.

Введенская близко общалась с самим Махно и многими известными махновскими командирами, поэтому дала целый ряд блиц-портретов с описанием внешности и наиболее явных характерологических черт.

«Входим с Тamarой в освещенный вестибюль “Метрополя”. Тотчас встречаемся со знакомыми. Первый идет навстречу Херсонский. Мы не видели его с тех пор, как снабдив оружием, отправили к Батьке. Идемте, говорит Херсонский¹¹, я познакомлю Вас с Батькой. Входим в зал. Все столы заняты. Банкет хоть куда. Всюду в ярком свете электричества блики красных фуражек, бантиков, даже галифе красного цвета. Стиль! Херсонский подводит нас к столу, где восседает Батька. Знакомит. Оказывается, Батька знает и Тamarу и меня по рассказам наших товарищей, которых отправляли мы к нему.

¹⁰ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 110.

¹¹ Херсонский Иван, рабочий металлист из г. Николаева. На империалистической войне – матрос. Анархист с 1917 г. В махновщине с мая 1919 г. Помощник командира полка Крымского корпуса. Умер от раны в июле 1921 г.

Смотрю на Батьку и забываю о других. Поразительная фигура. Уродливо маленький, особенно когда сидит, а лицо и плечи точно у великана. Длинные волосы, не то седые, не то грязные свисают до плеч из-под серой шапки.

Глаза маленькие живые, как серые мышки, смотрят внимательно. Кажется, не столько слухом воспринимает он сказанное, сколько глазами вбирает в себя окружающее. <...> Вспоминаю все, что читала о нем в белогвардейских газетах, что рассказывали очевидцы – все жестокости, которые совершал он и другие его именем. И чувствуется, что он сам себе все позволил, все разрешил и не жиденьким репортерам писать о нем взывающие к совести статьи. Вспоминаются откуда-то нелепо напыщенные слова: кровью своей и чужой я напишу историю моей жизни. Бросается в глаза и костюм его: почему-то венгерка, засаленная, грязная, но с ним сросшаяся; оружие, Бог мой, в серебре и золоте, шикарное и тоже видимо не украшение для него, а то же, что для нас ботинки или платок. Отойдя в сторону, смотрю и стараюсь схватить в нем то существенное, чем держит он людей около себя, но не вровень с собой.

Между тем Херсонский знакомит нас с другими. Проходят перед глазами: Щусь¹², валет трефовый с кудрями черными как ночь до самых плеч и с родинкой на розовой щеке, тоже в венгерке и с шикарным вооружением, но здесь чувствуется уже франтовство и бравада, чего в Батьке нет и тени. Товарищ Каретников¹³ тоже не последняя спица в колеснице. Бросается

---

¹² Щусь Фёдор (Феодосий) («Матрос») (1893-1921), из крестьян Екатеринославской губернии, в Первую мировую войну – матрос. Анархо-террорист. Его имя в повстанческой среде и во всем районе юга Украины почти столь же популярно, как и имя Нестора Махно. С февраля командир различных частей армии Махно. Убит в июне 1921 г. на Сумщине в бою с 8-й дивизией Червонных казаков. См.: Нестор Махно. 2006: 920-921.

¹³ Каретников (Каретник) Семён Никитович (1893-1920), уроженец Гуляйпольской волости, до революции безземельный крестьянин, батрак. Анархист-коммунист со времен революции 1905 г. Участник движения с первых дней. Обладал большим военным талантом. При однолетнем образовании и отсутствии фронтового опыта Первой мировой войны во время тяжелого ранения Махно в конце августа 1920 г. выполнял обязанности командующего Повстанческой армии. По приказу Махно командовал особой Крымской группой войск Совета революци-

в глаза ярко-красные пухлые губы и твердый подбородок, странная смесь почти девичьей нежности с упрямством, почти самодурством. Дальше с лицом палача Карпенко¹⁴, мне кажется, с таким лицом служили в застенках при Иване Грозном. Островерхая шапка завершает образ. Полонский¹⁵, стройный тонкий, с белыми узкими руками, чем-то резко отличается от всех.

И самый занимательный, прошедший со мной весь остальной вечер товарищ Ткач¹⁶, поговору поляк, все время он пил вино со мной и на мои вопросы как удар выводил тихо, страстно, с упоением рассказывал о махновских “застенках” в чистом поле. Как всегда безвольная, покоренная силой черной или светлой, что сильнее меня самой, под гипнозом речи его; и только одно оставляло во власти его: все узнать и понять, почему они сильные, что они: борцы или авантюристы, герои или калифы на час. Ткача тоже не разберешь так скоро. Выдержка паразитальная и привычка быть начеку, где-то там, в плавнях или камышах приобретенная, необыкновенна. Кажется ни слух, ни зрение никогда не спят. Так и ушла я от него, не узнав с кем говорила»¹⁷.

В тексте Введенской наиболее определено из всего виденного представлен индивидуально-ситуационный характер вовлечения в события основной массы ее участников. В муж-

---

онных повстанцев Украины (махновцев). 24 ноября 1920 г., после ликвидации Врангеля, был вызван в штаб М.В. Фрунзе якобы для военного совещания, арестован и 28 ноября 1920 г. расстрелян в г. Мелитополе. См.: Нестор Махно. 2006: 897.

¹⁴ Карпенко Евлампий Антонович (1887-?), из крестьян Гуляй-Поля, на действительной службе в царской армии артиллерист. В махновской армии великолепный командир батареи и ардивизиона. Амнистирован. В 1928 г. жив. См.: Нестор Махно. 2006: 897-898.

¹⁵ Полонский М.Л., сын рыбака г. Бердянска. Член РСДРП(б) с 1919 г. В ноябре 1919 г. – командир 3-го Крымского полка махновской армии. Был обвинен в попытке убийства Махно и 2 декабря (по другим сведениям 5 декабря) 1919 г. был расстрелян в Екатеринославе. См.: Нестор Махно. 2006: 911-912.

¹⁶ Возможно, Ткаченко – начальник штаба 1-го Донецкого корпуса (декабрь 1919 г.). См.: Нестор Махно. 2006: 917.

¹⁷ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 205-209.

ских текстах вопрос о случайности всегда затушеван. В разговорах с махновскими командирами она старалась вопросами выяснить: как велик и количественно, и качественно подъем восставших. Под чьим влиянием он вырос, казалось, так неожиданно для Доброармии? Каково отношение партизан к Батьке. Из ответов не всегда ясных все же можно было понять, что села эти питали живыми силами главное ядро восставших отрядов Батьки; получалась какая-то кровная связь, в силу которой даже «кулацкие» элементы этих сел шли не в Доброармию, а к Батьке:

«Не сила убеждения, не революционные взгляды руководили в данном случае этой толпой, а просто Петр, Иван, Сидор пошли к Батьке, там вольно – сыто живет, и соседи этого Ивана, Петра, Сидора не могут поступить иначе, т.к. живут в этом же селе, приходится кумовьями, сватовьями, братовьями. Ну так куда же идти им – естественно к Батьке. Кроме того, как вскоре я убедилась, поступками этих крестьян руководил часто страх перед местью односельчан. Вскоре стали все чаще и чаще встречаться случаи, что даже семьи мобилизованных Добровольческой армией крестьян подвергались не только полному разорению, но даже лишению жизни их же односельчанами. В конце концов, дело дошло до того, что некоторые села считались целиком большевистскими, некоторые же добровольческие»¹⁸.

В последний вечер перед уходом махновцев из Бердянска она и Тамара ужинали вместе с ними в ресторане «Прага». И Введенская, глядя на них, думала, что в истории, будут писать, атаман такой-то шайки убил столько-то, ограбил таких-то, но забудут, какие это были смелые и цельные люди. У них нет половинчатых решений. Всему, во что поверили, служат безраздельно, беззаветно. Пусть они грубы, некультурны, жестоки, – мы, интеллигенты, размышляла Введенская, даже жестокими не умеем быть:

«Я истомилась в обществе [нрзб.] бледноликих интеллигентов, а эти заставили меня поверить в то, что не все только

---

¹⁸ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 202.

говорят о решениях, а решают; что не все говорят о борьбе, а умеют бороться сами, убивать и быть убитыми, не прячась малодушно за брошюры программы, теории. Скоро простимся с ними, и спасибо им никто не скажет, и погибнут многие из них, – никто даже имени их не занесет на скрижали революции».

Самое время ответить на вопрос о содержании ее собственного взгляда на природу и смысл революционного насилия. Во-первых, ей жаль погибающих борцов, но не жаль обывателей именно потому, что хотят укрыться от исторических событий. Когда она видит интеллигентную женщину, которая по-крестьянски подобрала юбки, несет ведро с водой, она радуется: вот подлинное переустройство жизни, пусть и принудительное. Во-вторых, у нее выработался собственный этикет в отношениях со Смертью. Ее принцип гласил, убивать нужно милосердно и не осквернять трупы:

«...Я много видела и расстрелов и расстрелянных и приговоренных к смертной казни и никогда не могла понять, как можно бить и толкать ногой уже остывший труп, безмолвный и безвредный, когда сама природа смертью кладет предел всему, даже дикой злой воле человека».

Когда в марте 1919 г. из Бердянска ушли деникинцы, и сложилась вторая многопартийная советская власть, то при распределении полномочий переходного ревкома во главе чекá оказались Введенская и Тамара Бенуа. Как благодаря тексту становится понятным именно для того, чтобы сделать террор менее бессмысленным и более гуманным.

Тот факт, что она вдова расстрелянного комиссара, может навевать мысль о стремлении отомстить за его смерть как причине работы в чекá, но это не так. Введенская тяжело пережила расстрел Петра. Она писала о своем состоянии в то время:

«И не дает мне покой острая боль от воспоминаний и ищущую, все ищущую в газетах, в жизни, в случайных встречах подробностей минувшего кошмара».

Тут нужно подробнее рассказать о Петре Введенском. Он и его жена-соратница встретили Февральскую революцию в ссылке на Ленских приисках, где работали в редакции газеты. После телеграммы об отречении царя Пётр как-то собрался, погрузившись в мысли о будущей работе. А она вечером наедине с собой почувствовала, что как бы овдовела: есть товарищ Пётр Введенский, но только не ее муж. В мае она с Петром покинула прииски. В Бердянске Введенские оказались по приглашению своего товарища Александра Егорова, местного уроженца. Сам Пётр был родом откуда-то из Центральной России. Он был избран в городской совет, стал членом исполкома, уездным комиссаром земледелия. Совет принял целый ряд решений, направленных на отмену крупной частной собственности и утверждение социалистического способа производства.

В записках Введенской немало глубоких замечаний. О начальных страницах революции она пишет:

«Что ни город, то и норы, – по пословице. Кажется, никогда так не сказались справедливость этой пословицы, как во время революции. Каждый город по своему понимал все события, по-своему реагировал на них, по-своему примыкал к тому или иному лагерю»¹⁹.

Бердянск выявил свою физиономию еще в марте. Но в апреле лагерь «контрреволюции» проявил свою массовость и разноликость: баба-торговка, либеральный социалист из городского самоуправления, лавочник, офицер – все пылало гневом и ненавистью к совету. Контрреволюция, как считала Введенская, началась в Бердянске с «невиннейшего и безобиднейшего из Декретов» – декрета об отделении церкви от государства. Поп Лукин решил, во что бы то ни стало пострадать за веру. После того, как он вывел паству на улицу, исполком его арестовал. Брожение среди населения стало явным.

---

¹⁹ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 58.

Наиболее консолидированной силой, противостоящей совету, был Бердянский союз увечных воинов, который включал, прежде всего, офицеров обер-офицерских чинов и унтер-офицеров. Приказы исполкома о разоружении союз игнорировал. Как подчеркнула Введенская, в Бердянске существовало заблуждение, что советская власть ведет себя так только тут, а в других местах все идет по-старому.

Она точно передает ощущение расколотого пространства страны, типичное для того времени. Провинция была отрезана от центра, не хватало достоверной информации. Людям казалось, что что-то необычное происходит только у них, поэтому противники советской власти считали, что если ее ликвидировать в Бердянске, то с ней будет покончено навсегда.

Во главе недовольных стал Бердянский союз увечных воинов. Офицеры позволяли себе грубые выходки против совета, бойкотировали его. У исполкома было только несколько десятков красногвардейцев-добровольцев, поэтому для разоружения офицеров было решено пригласить матросский отряд Ляшенко из Севастополя. Были разоружены около ста офицеров, на их квартирах проведены обыски. Но последствия их деятельности были глубже:

«И за два дня своего пребывания матросы еще резче провели черту между “нами” и “ими”, еще ярче показали, что мира нет и надежды на него не может быть»²⁰.

Уезжая из города, полагая, что истребили всю контрреволюцию, севастопольцы решили забрать с собой арестованных офицеров. Исполком запротестовал: не позволим устраивать здесь Севастопольскую бухту с офицерским митингом под водой; вы их пустите под откос тотчас под городом. Может быть, ответили матросы и засобирались на вооруженный митинг. Представителям совета – Петру, Зое Горбенко и Льву Гринштейну удалось отстоять арестованных. Они остались в городе для того, чтобы предстать перед открытым народным судом.

---

²⁰ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 50-51.

На свободе оставалось немало членов Союза увечных воинов. Он продолжал оставаться влиятельной силой в городе, был представлен в совете и выступал против эвакуации имущества при подходе немцев. Машины, сахар, мука вывозились через порт на пароходах. Всегда при этом присутствовала толпа, со временем она становилась все более агрессивной, и верховодили там «инвалиды». Эвакуация запасов хлеба была назначена на 18 апреля. Погрузкой руководил Пётр. Утром он забежал домой переодеться и сказал жене: должно быть, на смерть пойду в этом. Он знал, что в порту уже собрались толпы разъяренной публики. Даже рабочим отрядам приходилось разяснять, для чего делается эвакуация. Через час она услышала выстрелы. Офицеры 46-го пехотного полка, расквартированного в тот момент в городе, под руководством полковника А.А. Абольянца подняли мятеж.

Когда Введенская осознала, что любимый человек находится на грани смерти или уже мертв, то «такие жестокие в своей смелости» вопросы «классового умерщвления людей» и необходимости крайних форм борьбы стали терять для нее свою теоретичность. При этом она уделяла особое внимание тому, что если Петр стрелял с утра до вечера, то должно быть САМ убил кого-то.

За калиткой увидела бегущих в панике красногвардейцев. Вскоре стало известно, что схваченных содержат в здании штаба 46-го полка под охраной на Азово-Черноморском заводе. Охрана состояла из «инвалидов» и рабочих (!): «Это новость, что рабочие стали тюремщиками».

В знак протеста и с требованием освободить членов совета моряки Черноморского флота, обеспечивающие эвакуацию ценных грузов, 22 апреля обстреляли Бердянск, причинив ряд серьезных разрушений. В местной газете было опубликовано обращение арестованных от 22 апреля. Они заявляли, что ни под каким предлогом не желают скрываться от суда, и просили матросов прекратить обстрел города. Высаживать десант и устраивать уличные бои матросы так и не решились. Как выразился руководитель антисоветского восста-

ния Абальянц, мы и матросы искали возможности избавиться друг от друга. Пароход, который должен был вывезти из города хлеб, вывез через день их. Они убыли в Керчь, оставив «инвалидов» в городе еще более озлобленными. Судьбой арестованных комиссаров командир моряков А. Мокроусов не заинтересовался²¹. Спор между вступившей в управление городом городской управой и «инвалидами» о судьбе арестованных был разрешен приходом в город офицерского отряда полковника М.Г. Дроздовского, шедшего с Румынского фронта на Дон.

В записках Введенской четко выписана ключевая роль пришедшей публики в эскалации насилия. Свободные от лично окрашенных отношений пришедшие элементы, часто уже имеющие опыт насилия в этом конфликте, легко переходили ту черту, у которой еще спотыкались местные. Для дроздовцев, чуть ли не в каждом городе и селе по пути следования осуществлявших экзекуцию, это было уже рядовым событием.

24-го бердянских комиссаров расстреляли в Куцей балке, а 25-го Введенская поехала за телом Петра. Пуля разбила ему лицо, и после этого она забыла его живое лицо и потом уже никак не могла вспомнить. Всех расстрелянных похоронили в Бердянске в братской могиле. Собралась толпа угрюмых любопытных. Никаких речей не было, а ей хотелось сказать несколько слов о тех, кого бросают в яму:

«Мне хотелось сказать, что, кого мы сейчас похоронили, таких немного. Может быть[,] они были плохие работники, может быть они не умели обращаться с революцией и неумелыми руками лишний раз запятнали ее кровью. Но одно у них было неоцененное дарование, искупающее, по-моему, все грехи их. Это дар – ценить и любить младшего брата, не гнушаясь и не страшась его слепоты, темноты, невежества. Позже от многих хороших, ценных работников я слышала слово “хам”, такое гнусное, пришибающее человека к земле. Слово это часто бросалось по адресу рабочих и крестьян, когда они по нера-

---

²¹ См.: Абальянц. 1965 – 1966.

зумению своему творили ненужные оплошности. От наших-то погибших я никогда не слышала этого слова. Помню, как радовался каждый из них, находя проблески сознания в темных солдатских и крестьянских мозгах. Так может радоваться только мать, наблюдая в ребенке первый разумный взгляд, первое сознательное сочетание звуков голоса»²².

Она тогда была больна: видение трупов в окровавленном белье ее не отпускало несколько месяцев. Кровавая деятельность в чекá в ее сознании была связана с мертвецами из Куцей балки, но не мотивами мести. Для нее важнее роль чекá в «санации» общества. Приведенный ниже отрывок из ее записок передает суть ее видения своей работы в этом органе.

«Увижу ли под горой в ямке, где столько уже перебивало трупов, новый вчера или сегодня попавший сюда [труп], и сердце сожмется, и какая-то странная связь между полем под Куцой и этой ямкой становится ясной и осязательной и по времени будто близкой. И также бесцельной и ненужной кажется ямка эта с трупом, как тогда поле в Куцой. Не доказательно ни для кого, а только страшно, жутко. А работа моя все время вращалась около ямки этой. Следствие, материалы, стычки с товарищами, наводнившими вдруг коридоры и комнаты нашей чекá. Бесстрашно сражалась я с ними, отстаивая на законных основаниях то или иное решение, но во мне не было такой уверенности в своей правоте как у них, и я быстрее их сдавалась.

Тамара была сильнее меня, она не колебалась, не сомневалась, как я, и легче было ей, чем мне, отстаивать свое мнение. Утомление безумное получалось в конце дня после такой работы. И часто думала я: брошу, уйду, зачем мне это, когда есть [другая] работа и по душе, и более полезная. Но останавливало потаенное чувство: хочу все видеть, все знать. И злой смерч крутил меня и нес дальше и дальше по тропинке мертвыми окруженной»²³.

Ее настроения – отражение распространенного тогда явления. В 1918 г. не было принято задумываться о пределе натиска на тех, кто попадал под категорию «контрреволюция». И причина этого была в убеждении, что противников револю-

²² ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 77 об. – 78 об.

²³ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 213.

ции маленькая кучка, и нужно быстро ликвидировать ее и перейти к созидательной части. Эти настроения легко можно встретить и в речах В.И. Ленина, и в обращениях Ф.Г. Подтелкова и многих-многих рядовых участников революции. Уже к 1920 г. сложилось понимание того, что в 1918 г. было проявлено чрезмерное увлечение террором.

Но в один вечер Введенская увидела гипертрофированное преломление своей работы и ушла из чека. Стремясь вызволить из рук махновцев арестованного по ошибке врача-акушера, она оказалась в банкетном зале Гранд-отеля на традиционном судилище, которое махновцы регулярно устраивали над арестованными. Этими арестованными с 99% вероятностью были евреи и офицеры, причем евреи, бедные как церковная мышь, а офицеры – инвалиды, давно уже не участвующие ни в каких армиях. Явная невинность людей и издевательства, которым они подвергались в зале «суда» и до него (некоторых вносили в зал на руках, потому что ходить уже не могли) довели до истерики Введенскую и Тамару, и они попытались прямо в зале вырвать из рук истязателей одного старого еврея.

Затем в Введенской произошел надлом:

«И глубоко-глубоко [мне] в душу зашел страх перед [этими] темными силами, и от страха этого не могла я отделаться до самого конца махновской власти в Бердянске. [...] ...После того вечера в Гранд-отеле мы с Тамарой понесли такую полуфилантропическую ахиню в нашей почтенной чрезвычайке, что вскоре наши паркомы отозвали нас и дали нам другую работу»²⁴.

Тамару послали в собес для организации летних детских колоний, а Введенская занялась агитационной работой, тем более что приближались выборы в городской совет.

Но пацифисткой Введенская не стала. В июне махновцы оставляли из города, Тамара Бенуа уходила из города вместе с ними. А Введенская оставалась для подпольной борьбы. И

---

²⁴ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 221.

она чувствовала себя готовой к новому этапу борьбы. Она так пишет об этом:

«В голове мелькают привычные подпольные планы и комбинации. Значит снова за работу. Реализованные за три месяца советской власти идеи понемногу снова становятся отвлеченными формулами. Конкретные ужасы расстрелов понемногу теряют свою остроту и опять дают возможность легко думать и говорить о борьбе классов. И не страшна работа, когда думаешь о результатах ее. А результаты? А их нужно уметь видеть. [...] Успокоенная и счастливая я иду домой, чтобы с завтрашнего дня перейти на нелегальщину».

Город покинул уже последний махновец, но деникинцы еще не вошли в него. Введенская ходит подвязавшись платком по-крестьянски, и ее никто не узнает. Она внимательно наблюдает и слушает. Она занята своеобразным мониторингом:

«В уме подсчитываю, сколько за зиму нам удалось выудить заблудших. И снова вижу перед собой безбрежное море жизни, в которые следует вмешаться и направить в свое русло. В голове мелькают привычные подпольные планы и комбинации. Значит снова за работу. [...] Жаль, что Тамары не будет со мной»²⁵.

Этой фразой заканчивается рукопись.

Личность Тамары Бенуа не менее интересна. Если правильно определено ее место на генеалогическом древе семьи Бенуа, ее отцом был Николай Николаевич Бенуа – офицер-кавалерист, командир полка ахтарских улан. В 1890-е гг. он женился в Варшаве на урожденной баронессе Констанс Бремзен. У них было три дочери. Он умер в 1915 г. Задолго до смерти он разъехался с женой по причине несходства характеров. Вдова его и дочери, прожив войну в Киеве, эмигрировали в Берлин, где Констанс скончалась, а ее дочери вышли замуж и обзавелись семьями, пишет Александр Бенуа в мемуарах «Мои воспоминания» в главе 16 «Брат Николай». По-

---

²⁵ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 251.

видимому, Тамара слишком выбивалась из аполитичной семьи художников, и о ней предпочли забыть.

То, что речь идет о представительнице той самой семье Бенуа, следует из упоминания Введенской генерала Д.Л. Хорвата, чей портрет стоял в их квартирке на комодике при белых для рекламы и маскировки. Двоюродная сестра Тамары Камилла Альбертовна Бенуа (1878-1953?) была замужем за управляющим КВЖД генералом Дмитрием Леонидовичем Хорватом. Камилла Хорват упоминается в письме от 17 ноября 1916 г., написанном Тамарой революционеру-народнику Николаю Александровичу Морозову²⁶. Кроме того, Введенская писала, что Тамара очень хорошо рисовала, могла воспроизвести печать или подпись на документе, раз увидев ее.

В архиве народника Николая Александровича Морозова сохранилось письмо Тамары Николаевны Бенуа от 17 ноября 1916 г. Они познакомились в Крыму предыдущим летом. Проведший 25-лет в крепости Морозов произвел огромное впечатление на девушку. Но еще более сильное влияние на нее оказала тяжелая пневмония, которой она заболела осенью этого года. В своем письме из крымского курортного городка Судак она пишет старому народнику:

«Как много я в жизни спала. Болезнь меня пробудила и так мне страшно, кажется, что все потеряно, уже поздно начинать. Ничего из меня не выйдет. <...> Мне кажется, что глядя на Вас, я научусь работать, и пойму к чему я способна»²⁷.

Это известный феномен, когда болезнь, пришедшаяся на период личностного становления, заставляет молодого человека почувствовать конечность жизни и задуматься о ее смысле, задаться вопросами, зачем и для чего он живет.

Вскоре случилась Февральская революция и вовлекла Тамару в деятельность, к которой она вдруг почувствовала влечение. Как она попала в 1918 г. в Бердянск, почему она примкнула именно к большевикам, неизвестно. Введенская

²⁶ Архив РАН. Ф. 543. Оп. 6. Л. 79. Л. 2.

²⁷ Архив РАН. Ф. 543. Оп. 6. Л. 79. Л. 2, 2 об.

пишет, волею судьбы. Став большевичкой, Тамара не оставила своих старорежимных привычек. Как-то в переходный период между сменой властей Введенская с дружинниками отгоняла мародеров от разбитых витрин и в заботе о Тамаре подобрала с земли для нее какие-то дамские мелочи – шелковые чулки, ленты, платочки, шоколад. При этом, в своих большевистских убеждениях Тамара была тверже, чем Введенская в своих левоэсеровских. Несмотря на разность позиций, девушки ладили. Только период предвыборной кампании в городской совет весной 1919 г. несколько поколебал их дружбу. Но она не разрушилась, т.к. Введенская оказалась разочарованной в своих партийных вожаках, а убежденность Тамара вызвала уважение.

Тамара была очень полезна для подполья: никому в голову не придет, что красивая женщина с такой фамилией и связями будет заниматься политикой. Еще Введенская пишет:

«Все товарищи наши очень дорожили ею и никогда не ставили ей в вину ее буржуазное происхождение, как сделали это позже в С. товарищи коммунисты. Она была оскорблена этим страшно».

Еще о Тамаре известно следующее. В Бердянске она встретила Уралова, одного из командиров-махновцев. Михаил Уралов, рабочий, матрос, анархист, в 1918 г. проявил себя среди руководителей «Черной гвардии» Московской федерации анархистов, затем оказался в армии Махно. С конца 1919 г. был адъютантом Махно, командиром одной из бригад²⁸.

На флот, как известно, брали грамотных и толковых парней. Уралов принадлежал к сложившейся к началу XX в. прослойке полунинтеллигентов: людей из рабоче-крестьянской среды, получивших образование в двухклассных городских и сельских училищах, занимавшихся квалифицированным трудом, стремившихся к новым социальным рубежам, но отсутствие внятных жизненных перспектив приводило их в протестный лагерь. Принадлежность его к этому социально актив-

---

²⁸ См.: Анархисты. 1999: 220; Нестор Махно. 2006: 918.

ному слою доказывает его авторство книжки-памфлета «Кошмар» (М.: Почин, 1918), в которой он разоблачал большевистский террор по отношению к анархистам. Даже беглое знакомство с текстом Уралова показывает, что у матроса хватало словарного запаса, чтобы передать горечь разбитых надежд, хотя и не без характерного для флотских братишек пафоса:

«Ужасом веет от страниц дикого разгула самодержавия. [...] Но за призыв к любви, за жажду свободы сотни жизней погибли в сырых казематах... А народ шел, кровью своей обагрывая путь, и, умирая, он протягивал свои мозолистые руки к свету, к правде, к любви. [...]

Пало самодержавие. Светлая, бескровная страничка русской революции. А потом?

Борьба партий, борьба за власть, за право насилий, расстрелов, казней. Снова, как в старые, былые годы струится кровь по желанию безвестных лиц, получивших диплом, право распоряжаться жизнью неугодных для власти людей. Снова жуткие пытки, застенки, таинственные расстрелы».

В июле 1919 г. перед повторным приходом деникинцев Тамара ушла из Бердянска вместе с Ураловым. В 1922 г. ее уже не было в живых. Она не погибла, а умерла. Вероятно, она стала жертвой тифа.

Среди сюжетов записок Введенской описание поведения обывателей города, портреты характерных типажей той эпохи – провинциальных партийных вожаков, временных «попутчиков», рядовых махновцев. Любопытны страницы, посвященные ее знакомству с белогвардейской контрразведкой и пребыванию в тюрьме.

Деникинская контрразведка выглядит в ее описании тяжеловесной структурой, в которой работают сотрудники, продолжавшие действовать по инструкциям царского времени. Введенская и Бенуа не вызывали до поры до времени у нее подозрений, хотя их квартира была местом сбора всех городских радикалов. Зато слежка велась за членами Управы и работниками профсоюзов. «Очевидно, это были самые серьезные враги по представлению Д.А.», пишет она. И добавля-

ет: «Мы с Тамарой часто по этому поводу смеялись». Введенская описывает нравы тюрьмы при белых как учреждение с довольно либеральным режимом. Перед эвакуацией она и несколько других арестованных социалистов как влиятельные люди были отпущены из-под стражи под слово, что оставшиеся в городе семьи белых не будут преследоваться. Введенская свысока назвала этот шаг белых наивным: они думают, что это нас остановит.

А вот она действительно не наивна и не восторженна. Она видит парадоксы революции. Ее только на первых порах удивляет, что арестованных комиссаров охраняют тюремщики из рабочих. Всю условность революционных настроений городских обывателей она описывает в удивительном по силе отрывке, посвященном митингу в память годовщины расстрела бердянских комиссаров.

«Я не заходила на могилы последние дни перед 24/IV. Мне хотелось увидеть во всей красе торжество Годовщины. Но в глаза бросились мне, прежде всего, какие-то шантанные, крашеные красным подмости, и ничто уже не могло затушевать их. Конечно, это трибуна, и на этой трибуне будут говорить речи в честь наших покойников.

Неприятно щемит сердце, но я смиряюсь, хотя настроение торжественно грустное, как всегда на панихидах, как-то [нрзб.] и острее бросается в глаза то, что раньше ускользало от внимания. Вижу ясно, что по составу своему количественно и качественно кругом та же толпа, что и в прошлом году. Разница только в том, что тогда эти же рабочие в дикой пляске людоедов бежали вслед за нашими несчастными героями и воплем оглашали площадь и дорогу: распни, распни его! ...

А теперь они смиренно идут под красными знаменами и покорно будут слушать обличающие речи, и может быть кто-то подумает про себя: не я ли, Господи!»²⁹.

На могилу несли венки с ярко-красными лентами. Но она приготовила для Петра венок из белых нарциссов, гиацинтов и сирени – нежный, пряно-пахучий в память о том, что Пётр любил белые цветы, особенно ландыши, которые они весной

²⁹ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 227-229.

в Сибири целыми корзинами носили домой с ближайших сопкок, и все вазы были наполнены ландышами. Именно с белыми цветами связаны воспоминания о нем.

Введенская описала увиденный ею в Екатеринославе и уездах губернии ход украинизации. Та проявилась в появлении военных с многочисленными подвесочками и шнурочками, в «мове» официальных документов, в открытии курсов украинского языка, в появлении широких украинцев особенно в сфере народного образования. Введенская полагала, что в Киевской или Полтавской губерниях это могло быть естественным процессом, но не в Бердянске.

«Когда-то, читая романы Винниченко, я видела в украинском движении проблески общей жажды освобождения от давящей руки царизма, но теперь я увидела, как жестоко ошибаюсь я. Оказалось, что украинцам очень легко дышится под немецким покровительством. <...> Не знаю, кто и как выдвинул это нарочитое украинство, но хотелось верить и думать, что это, как и всегда, чья-то злая воля, выдвигающая официальную ложь в жизнь – не больше. <...> Может быть я и не совсем права – говоря так – может быть и было у населения некоторое добровольное стремление к проявлению национального чувства. Может быть»³⁰.

Без всякого идейно пристрастного налета она описывает межпартийные отношения в период «второй» советской власти: борьбу партий за электорат во время выборов в горсовет, межпартийные интриги, противодействие расширению влияния других партий. Ее поразила речь эмиссара из левоэсеровского центра о том, что они готовы перейти к террору против большевиков, хотя в Бердянске, за спиной у махновских партизан социалистические партии действовали достаточно сплоченно. Она описывает беспринципность собственных однопартийцев, которые вслепую использовали ее как человека, пользующегося безупречной репутацией и доверием большевиков, для того, чтобы убедить их, что эсеры не причастны к мятежу Григорьева. Понимает она уже и облик большевист-

³⁰ ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 336. Л. 85 об.-86.

ской партии, подавляющей всякое инакомыслие, причем не в плоскости идеологии, а в сфере организации – важнейшим условием было наличие билета Р.К.П., названного ею революционной индульгенцией.

Записки левой эсерки Введенской представляют собой образец полной честности человека перед собой и перед своим прошлым. Французский ученый Филипп Лежён уподоблял процесс написания автобиографии процедуре психоанализа, где автор текста сам становится своим психоаналитиком, поэтому автобиографию он считал формой выражения не только собственно индивидуального, общечеловеческого сознания, но и гендерного³¹. В результате поиска общих для женских воспоминаний черт оказалось, что они действительно выстроены по особым законам. Женское сознание склонно оценивать частности, в этом его отличие от мужского панорамного взгляда на события. Отличием женских воспоминаний является конкретность, в них преимущественно описывается повседневная жизнь. Они чрезвычайно информативны за счет деталей; более полно передают не только гендерные, но и общие массовые настроения. Женский эго-нарратив еще более внутренне ретроспективен, чем мужской. В нем более бережное отношение к воспоминаниям юности, как правило, имеющим для них ярко окрашенную интимную окраску.

Введенская принадлежала к той особо запомнившейся белоэмигрантским авторам группе женщин, которые стояли во главе местных чекá. Ей, молодой интеллигентной женщине, приходилось искать способы разрешения противоречий между моральными установками и неумолимыми, как ей казалось, законами революционного процесса. Становится очевидным отсутствие у нее и патологической кровожадности, и психических отклонений. Она пережила острое негодование по поводу садистских расправ, которые пришлось ей наблюдать у махновцев, делившими в тот период власть в городе с другими социалистическими партиями. Последовавшие за

---

³¹ Кукес. 2003:12.

этим попытки сделать и собственное «ведомство» более гуманным привели к ее отстранению от руководства чекá.

Эмигрантские авторы связывали белый террор с чувством мести, которое переживали многие участники Белого движения. Записки Введенской показывают, что в случае с идейными революционерами это было иначе. Смысл революционного насилия они видели в необходимости подавления сопротивления несогласных, а также в понимании того, что народные массы, привлеченные под знамена революции, будут стремиться расквитаться, прежде всего, со своими личными врагами, а не с врагами советской власти, но считали это вынужденной платой за их участие в вооруженной борьбе с контрреволюцией.

Ольга Михайловна Морозова
д.и.н., доцент, проф. кафедры Связи с общественностью ДГТУ
+7(928)1540294
olgafrost@gmail.com

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Абальянц. 1965-1966. – *Абальянц [А.А.]*. Восстание Бердянско-го Союза увечных воинов в начале апреля 1918 года // Вестник Первопоходника. Los Angeles, Декабрь 1965 – Январь 1966. №№ 51-52. URL: <http://war.1914.borda.ru/?1-12-360-00000576-000-0-0>.

Анархисты. 1999. – Анархисты: Документы и материалы. Т. 2. М., 1999.

Архив РАН. – Архив Российской академии наук.

ГАДО. – Государственный архив Днепропетровской области (Украина).

ЛИТЕРАТУРА

Кукес. 3003. – Кукес А. Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 12.

Нестор Махно. 2006. – Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921. Документы и материалы. М., 2006.

ГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Л.Л. Селиванова

БЫК, АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ВЕРБЛЮД И ДРУГИЕ АТЛЕТЫ

Ключевые слова: древнегреческая атлетика, любительский и профессиональный спорт, боевые искусства.

Аннотация: Статья посвящена вопросу эволюции древнегреческого спорта от любительского к профессиональному в конце классического периода. Рассматриваются негативные тенденции, сопровождающие этот процесс, на примерах боевых искусств в сравнении с современными. Древнегреческая атлетика, пока оставалась любительской, являла собой честное состязание в силе и ловкости. Начавшаяся профессионализация привела античный спорт к вырождению, а упразднение в 394 г. Олимпийских игр довершило общий упадок.

Античное общество представляло собой ярко выраженный тип андроцентристского социума с жестким распределением ролей. Мужчины целиком и полностью властвовали в публичной сфере, до известной степени контролируя и частную, куда были вытеснены женщины (таким образом, «в мужском смысле» женщины являлись «эксплуатируемым классом»¹). Особенность же древнегреческого общества состояла еще и в установке на состязательность, которая пронизывала все стороны жизни². Одним из проявлений этого агонального духа была

---

¹ Gould. 1980: 59; Cantarella. 1987.

² Зайцев. 2000: 246, 113, 140–150 и др.; Зайцев. 2000а: 279–285; Фролов. 1986: 226–227; Хейзинга. 1992: 43, 87–92; Буркерт. 2004: 188–189; Vogt. 1964: 136; Sweet. 1987: vi; Poliakoff. 1987: 104–115.

война³, другим – агонистика, спорт, – две стороны одной медали⁴ (одно из значений слова «агон» – «борьба, война»). Древние греки первыми стали серьезно заниматься спортом. Красивое, гармонично развитое тело считалось отличительным признаком свободного гражданина, а идеалы греческой аристократии во многом основывались на значении физической доблести⁵. Расцвет агонистики приходится на VI в. до н.э., когда учреждаются Пифийские, Истмийские и Немейские игры (неофициально все Панэллинские состязания проводились много раньше)⁶. Возникшие в 776 г. до н.э. Олимпийские сформировали программу атлетических состязаний, принятую остальными играми⁷: простой бег, двойной, длинный бег, пятиборье, борьба, кулачный бой, панкратий⁸. Античный спорт, вышедший из потребностей культа⁹ и военного дела, представлял опасность не меньшую, чем война¹⁰. Вначале полувоенные упражнения аристократии носили общий характер: участники владели разными видами состязаний. Постепенно, однако, на-

---

³ Вся история Греции – история перманентной «войны всех против всех», да и сам полис был порожден бесконечной борьбой за место под солнцем. См.: Андреев. 1998: 173–174, 193–194; Pritchett. 1974: 219, no 44; Cartledge. 1985: 112–113; Young. 2004: 58–60; Bowden. 2005: 134–151.

⁴ Связь войны и атлетики лучше всего иллюстрирует сообщение Павсания: в Олимпии по обеим сторонам стола с заготовленными победными венками стояли изображения Ареса и Агона (Paus. V. 20, 3).

⁵ Biliński. 1916: 16.

⁶ Латышев. 1997: 111; Глускина. 1948: 126; Шанин. 2001: 63; Кулишова. 2001: 209; Sweet. 1987: 4, 6–9; Fontenrose. 1988: 125; Lee. 1988: 110–118; Renfrew. 1988: 13–25; Toohey, Veal. 2007: 12.

⁷ Amandry. 1991: 308; Morgan. 1993: 35–36; Kyle. 2004; Young. 2004: 24.

⁸ Программа игр и порядок состязаний в древней Олимпии – вопрос дискуссионный. В V в. до н.э. праздник проходил пять дней, предпоследний отводился боевым видам: кулачному бою, борьбе и панкратию. См.: Raschke. 1988: 256; Young. 2004, 52; Kotynsky. 2006: 9

⁹ Кузицин. 2001: 6–7; Nilsson. 1906: 159; Jüthner. 1965: 74–77; Scanlon. 2002: 25–39.

¹⁰ Зайцев. 2000: 132; Golden. 1998: 23–28.

чинает преобладать узкая специализация¹¹, и появляются элементы профессионализма. С конца V в. до н.э. слово «атлет» приобретает значение «профессионал» и противопоставляется «любителю»¹². Раньше победа в Олимпии давала только масличный венок, но она, равно как и смерть на стадионе, занимала высшее место в шкале ценностей наравне со славой умереть за свой полис. С появлением профессионалов победа стала выгодной и материальной¹³. Рука об руку с ней шли такие неприглядные явления, как взяточничество, выступление за деньги, ложная клятва, нарушение правил, убийства соперников и проч. (Paus. V. 21. 2–4; VI. 18. 7). Присущая профессиональному спорту ставка на победу любой ценой неизбежно влекла за собой ужесточение и утяжеление экипировки участников, а также варварскую, бездумную жестокость на стадионах, ставшую обычным явлением. Рассмотрим, как проявлялись эти тенденции и к чему они привели в античной атлетике.

---

¹¹ Young. 1996: 175–197.

¹² Gardiner. 1910: 130.

¹³ Хотя, как и прежде, единственной наградой олимпионнику был венок, очевиден факт извлечения из победы политического капитала, что приносило и ощутимые экономические выгоды. Даже если атлет был честен и не подрабатывал на каких-нибудь состязаниях, его по возвращению на родину ожидали пышные почести. Не только родственники и друзья, весь город считал себя прославленным перед лицом Эллады. Благодарные общины чтили своих героев денежными наградами (иногда значительными), даровали проэдрию (председательство в совете, в театре, в играх и т.п.) или почетное место на празднествах и зрелищах, бесплатное пожизненное содержание в пританее (государственном совете). Городская казна оплачивала работу скульптора, приглашенного увековечить героя в бронзе или камне. Толпа боготворила своих кумиров, и олимпионики нередко становились полководцами, а то и царями. Так, легендарный шестикратный олимпионик Милон Кротонский в 510 г. до н.э. возглавил войско родного города в войне против Сибариса. Вооруженный только шкурой льва и дубиной, словно Геракл, он нагнал такого страха на врага, что победа над изнеженными сибаритами была предрешена. Слава толкала некоторых олимпиоников на захват власти. См.: Зельин. 1962: 21–29; Moretti. 1957: № 345.

Самыми жестокими и кровавыми считались три вида единоборств: кулачный бой (πυγμή), борьба (πάλη) и комбинация обоих – панкратий, где использовались также удары ногами и головой (дальний предок современного кикбоксинга, тхэквондо и т.п.). Об их смертельной опасности свидетельствовали драматурги, историки, писатели, философы, отцы церкви. Именно в боевых видах состязаний наиболее ярко проявлялась брутальность античных атлетов.

Из дошедших источников самым древним описан случай с панкратиастом Аррахионом на 54-ой Олимпиаде (564 г. до н.э.). Одержав уже две победы, он стал бороться с последним соперником. Тот, повалив Аррахиона на землю, крепко сжал ногами и стал душить. Аррахион успел сломать противнику палец на ноге и умер, и на него, уже на мертвого гелландики возложили венок¹⁴.

В 492 г. до н.э. на 72-х Олимпийских играх Клеомед из Астипалеи в кулачном бою убил Икка из Эпидавра и, так как бился не по правилам, был лишен победного венка. От потрясения, он сошел с ума. Вернувшись домой, он направился в школу и ударом кулака свалил колонну, поддерживающую потолок. Все 60 детей погибли, а Клеомед, придя в себя, бежал в храм Афины, где чудесным образом исчез (Paus. VI. 9. 6–8). Дельфийский оракул повелел чтить его как героя¹⁵:

*Это последний герой, Клеомед из Астипалеи;
Жертвы ему приносите, зане уже он не из смертных¹⁶.*

---

¹⁴ Венками награждали победителей на всех Панэллинских играх: на Олимпийских – из ветвей маслины, на Пифийских – лавровыми, на Истмийских в честь Посейдона – вначале из пиниевых веток, затем из сельдерея (Plut. Quaest. conv. V. 3. 675 e–677b). На Немейских играх в честь Зевса наградой служил сначала масличный венок, а после Персидских войн венок из сухого сельдерея. См.: Blech. 1982; Krause. 1841; Curran, Williams. 1981: 209–212; Sweet. 1987: 8; Knox. 1990: 183–202; Hollis. 1996: 69–73.

¹⁵ Parke, Wormell. 1956: № 88; Johnston. 2005: 303.

¹⁶ Павсаний. 1994: 101. Пер. С.П. Кондратьева

Героизация психически больного убийцы детей да еще по прямому указанию самого гуманного эллинского бога удивляла только христиан. Так, Кирилл Александрийский утверждал, что свирепый и лютый Клеомед мало отличался от диких зверей и потому, дескать, был возвеличен Аполлоном, что тот поощрял бесчеловечность атлетов (Cyril. Alex. C. Iulian. 6). Христианство вообще сурово осуждало атлетизм. Астипалейцы же просто последовали указанию оракула¹⁷, ведь, по мнению греков, «людская сила метится божеством» (Pind. Isthm. V. 11) и потому священна и почитается (Paus. VI. 3. 16).

На Немейских играх¹⁸ кулачный боец Кревга из Эпидамна сражался с сиракузянином Дамоксеном. Дело шло к вечеру, а перевеса никто не добился, поэтому договорились о свободном ударе (κλίμαξ – «лестница»): противники встают друг против друга и бьют по очереди, не уклоняясь и не защищаясь¹⁹. Кревга обрушил кулак на голову Дамоксена. Тот в ответ ударил Кревгу вытянутыми пальцами с длинными ногтями под ребра, пробил бок, ухватил внутренности и вытащил их вон. Кревга скончался, а гелландики не только присудили ему победу, но и поставили его статую в храме Аполлона Ликейского в Аргосе (Paus. II. 20. 1). Дамоксена же изгнали, но не за убийство, как полагал Мель²⁰, а за нарушение правил (Paus. VIII. 40. 4–5)²¹. Во-первых, разрешалось бить только в голову, лицо и шею, удары по корпусу запрещались, как в современном боксе удары ниже пояса²². Во-вторых, на один удар Дамоксен ответил многими: 1) ударил Кревгу; 2) пробил

¹⁷ Sinn. 2010: 79.

¹⁸ А.И. Зайцев датирует событие 401 г. до н.э. (Зайцев. 2000: 133), Дж. Фрэзер – ок. IV в. до н.э. (Frazer. 1965. IV: 392), Р. Брофи – IV-ым, до 336 г. до н.э. (Brophy. 1978: 375–376, 382).

¹⁹ Glubok, Tamarin. 1976: 79.

²⁰ Jüthner, Mehl. 1962: 1312.

²¹ Кулачный бой был введен в 23-ью Олимпиаду (688 г. до н.э.). Победивший тогда Ономаст из Смирны установил правила πυγμή (Philostr. Gymn. 12).

²² Frost. 1905: 213–225.

ему бок; 3) схватил внутренности; 4) вытащил их; 5) выбросил вон. Тогда еще были мягкие ремни-гиманты из сыромятной бычьей кожи, которые оставляли последние фаланги пальцев свободными. Дамоксен ударил открытой ладонью. По мнению некоторых ученых, это был или колюще-режущий удар сверху вниз, или горизонтальный ребром ладони, как в карате²³, пробивший тело и повредивший легкое. Это – неизбежная смерть вследствие пневмоторакса. Р. Брофи подвергает сомнению замечание о ногтях в тексте, ссылаясь на современные боксерские требования и невозможность пробить таким способом ребра и крепкие межреберные мышцы²⁴. Но у Павсания речь идет об ударе под ребра, а крепкие длинные ногти могли быть индивидуальной особенностью атлета, на которую правила не распространялись.

В древности кулачные бойцы сражались нагими, надев лишь пояс. Руки они обматывали мягкими ремнями-гимантами из сыромятной воловьей кожи для защиты суставов. Множество дошедших до нас изображений на вазах показывают способ наложения ремня. Это была крестообразная повязка, оставляющая последние фаланги пальцев свободными, чтобы можно было сжать кулак. Позже для усиления удара были изобретены «острые» гиманты – режущие ремни из грубой кожи (Philostr. Gymn. 10), предшественники кастета. Они покрывали большую часть предплечья и наверху имели шерстяную повязку, чтобы вытирать пот и кровь²⁵. Но и такие гиманты оказались недостаточными для сильного удара. С IV в. до н.э. появляются своеобразные перчатки, сплетенные из четырехгранных ремешков, скрепленные на суставах кожа-

---

²³ Brophy. 1978: 369–370; Brophy R., Brophy M. 1985: 182. Мнение ценно тем, что ученые исходят из двадцатилетних наблюдений учителя по тхэквондо и из своего собственного опыта. У Роберта Брофи третий дан и черный пояс по тхэквондо, а Мэри, доктор анатомии человека (PhD in human anatomy) – обладательница второго дана и черного пояса в том же виде спорта. См.: Ibid.: 172, no 1.

²⁴ Brophy R., Brophy M. 1985: 181–182.

²⁵ Young. 2004: 41.

ными кольцами, снабженные металлическими бляхами, гвоздями или свинцовыми шишками (пальцы все еще оставались свободными). Это было сокрушительное оружие, и бой нередко проходил в наушниках или кожаных шлемах (Plut. Mor. 38 В; Phil.Gymn. 9). Нередко использовались кастеты с мягкой подкладкой. Самое известное изображение такого кастета дает бронзовая статуя кулачного бойца работы Аполлония (I в. до н.э.). Α μύριπκες-цесты²⁶ эллинистического и римского времени, покрывавшие руку до подмышек, превращали голову в решето, оставляя бойцов без ушей, бровей, носа. Колоритнейшие портреты рисует поэт I в. н. э. Лукиллиий в своих эпитаграммах:

*Как и у всех, государь, у Олимпика этого были
Уши, была борода, брови, и веки, и нос.
Но, подвизаясь в кулачных боях, он утратил все это,
Да и в отцовском добре части лишился своей,
Так как, увидя портрет его прежний, предъявленный братом,
Судьи решили, что он – вовсе другое лицо.*

AP. XI. 75.²⁷

*Где только были в Элладе агоны кулачного боя,
Всюду участвовать в них я приходил, Андролей.
В Писе лишился я уха, без глаза остался в Платее,
В Дельфах с арены меня замертво вынесли вон.
Стали уже хлопотать мой отец Дамотел и наш город,
Чтобы хоть мертвым меня с места борьбы воротить.*

AP. XI. 81.²⁸

Ушли в прошлое времена, когда мудрые наставники в палестрах и гимнасиях учили: лучше не пропускать ударов, чем наносить их сопернику. Благородная красота мужественности отступила под натиском грубой силы. На античных стадионах царила теперь варварская, беспощадная жестокость, бои шли не на жизнь, а на смерть. Кровопролития, увечья и убийства стали постоянными спутниками состязаний.

²⁶ Президент Императорской Академии художеств А.Н. Оленин переводил это слово как «кистень» (Olenin. 1835: 46).

²⁷ Греческая эпитаграмма. 1960: 220. Пер. Л. Блуменау.

²⁸ Греческая эпитаграмма. 1960: 221. Пер. Л. Блуменау.

Об одном из звероподобных героев той эпохи поэт с едким сарказмом пишет:

*Авл, кулачный боец, посвящает Зевесу свой череп,
Бережно все до одной косточки вместе собрав.
Коль из Немеи вернется живым, посвятит Громовержцу
Шейные все позвонки (те, что остались пока).*
AP. XI. 258²⁹

Понятна благодарность соперников, поставивших статую нетипичному Апису:

*Апис, кулачный боец, никого не поранил³⁰. За это
Был от соперников он статуей этой почтен.*
AP. XI. 80³¹.

Цесты, правда, были в ходу только у гладиаторов и не использовались на Панэллинских состязаниях. Но и мягкие перчатки представляли собой серьезную угрозу³². Так, киренец Евридам победил в кулачном бою, но во время поединка противник выбил ему зубы, и Евридам вынужден был проглотить их, чтобы тот ничего не заметил (Ael. V.h. X. 19).

Обычным приемом у греков был хук левой или прямой в висок³³, так что свободный удар представлял серьезную опасность. Как это происходило в панкратии, описывает Филон Александрийский (Philo. Quod omnis probus liber sit. 17. 110–113), утверждавший, что знает многих панкратиастов и борцов, из-за честолюбия лишившихся жизни. Он передает рассказ о двух атлетах, борющихся на равных. Решив наносить удары по очереди (κλίμαξ), они, не уступая, без усталости так и махались, пока не рухнули одновременно, забив друг друга до смерти. Р. и М. Брофи считают этот пассаж анекдотом³⁴.

²⁹ Шанин. 2001: 98. Пер. Ю.В. Шанина

³⁰ В списке олимпийских победителей Юлия Африкана под 240 г. до н.э. упоминается кулачный боец atraumatistos. Возможно, это тот самый Апис из эпиграммы Лукиллия. См.: Sweet. 1987: 260.

³¹ Греческая эпиграмма. 1960: 221. Пер. Ю. Шульца

³² Селиванова. 1997: 380–391.

³³ Эти удары и сегодня лидируют по числу нокаутов.

³⁴ Brophy R., Brophy M. 1985: 194–197.

Л. Робер видит здесь исторический факт³⁵. Панкратий вообще был очень жестким видом единоборства. Излюбленным приемом, к примеру, был удар ногой в желудок³⁶. Не считалось нарушением правил и ломание пальцев. Этим славился сикионец Сострат по прозвищу Акрохерсит, или Акрохерист (от «акрай хейрон» – «края рук»). Таким способом он 12 раз победил на Немейских и Истмийских играх, дважды в Дельфах и трижды в Олимпии. Леонтиск из сицилийской Мессены (сер. VI в. до н.э.), не имея возможности повалить соперника, тоже ломал ему пальцы (Paus. VI. 4. 1–4). С такой репутацией оба атлета легко одерживали «чистую победу», то есть, без боя.

Немногим позже Кревги и Дамоксена в Олимпии произошел курьез с кулачным бойцом Диогнетом с Крита. В бою он победил, убив при этом соперника, но правил не нарушил. Однако гелландики не только не дали ему венка, но и выгнали, потому что убитого звали... как и любимого сына Зевса, Гераклом. Судьи, как видно, убоялись гнева Царя богов и людей. Но у себя на родине Диогнет был почтен как герой (Phot. Bibl. 190, p.151 Bekker)³⁷.

Об убийстве борца³⁸ сообщает посвятельная надпись на базе статуи Телемаха из Фарсала, найденной в Дельфах³⁹. Статуя была частью скульптурной группы IV в. до н.э. (338–332 г. до н.э.) – приношение Даоха, сына Сизифа⁴⁰. Среди своих

---

³⁵ Robert. 1968: 199–201.

³⁶ Vogt. 1964: 136; Jütner. 1949: 619–625.

³⁷ Moretti. 1953: 54, № 181.

³⁸ Случай исключительный: культу Аполлона была чужда варварская жестокость рингов. См.: Селиванова. 1991: 28–31; Селиванова. 2007: 18–20, 23–26. К тому же атлетические состязания никогда не были в Дельфах основными. Главным агонем был и оставался древнейший, мусический. См.: Селиванова. 2007: 24–27; Селиванова. 2012: 88–90; Кулишова. 2001: 214, 218; Шарнина. 1997: 63–73; Amandry. 1991: 306–307.

³⁹ Надпись опубликована ее первооткрывателем Т. Омоллем: Homolle. 1897: 593.

⁴⁰ Moretti. 1953: № 21, 68–75; Amandry. 1991: 311; Jacquemin. 1999: 51, 139; Laroche, Jacquemin. 2001: 305–332.

славных предков из аристократического фессалийского рода он перечисляет олимпийских победителей: прадеда Агия и его братьев Телемаха и Агелая, живших в начале V в. до н.э. Все они были также и пифиониками⁴¹, то есть победителями в Пифийских играх. Их изображения и составляли скульптурную группу в Дельфах. О Телемахе сказано:

*Также и я был родным его братом и столько же точно,
Будучи первым в борьбе, вынес победных венков
В те же года. Но убил я Тирренца, сильнейшего мужа,
Ибо хотел он того. Имя мое Телемах*⁴².

Упоминание тирренца здесь кажется странным: известно, что иностранцы не могли участвовать в Панэллинских играх (Hdt. V. 22; Paus. V. 24, 9; Philost. Gymn. 25). Тирренцы же (этруски) были не только «варварами», но и имели стойкую репутацию морских разбойников (Strabo. V. 2, 2)⁴³, а запятанных не допускали (Dem. XXIII. 40). Р. и М. Брофи предположили, что речь идет об этрусском городе Цере, в котором проживало греческое население и который, по легенде, был основан пеласгами из Фессалии, называясь тогда Агиллой. В Дельфах была сокровищница агиллейцев, а сами они, во исполнение оракула (Hdt. I. 167), основали у себя гимнастические и конные состязания⁴⁴. Греки уважали агиллейцев за отказ от пиратства, мужество и справедливость (Hdt. I. 167; Strabo. V. 2, 3). Вероятно, автор надписи хотел особо подчеркнуть достижение предка победой над «варваром»⁴⁵. Тирренец же – скорее всего прозвище западного грека, борца-тяжеловеса из Цере-Агиллы. Привычка давать различные клички была так же распространена среди греческих атлетов (Paus. V. 21, 12–13, 18), как и среди современных. Так, амери-

⁴¹ Ziegler. 1963: 563–564.

⁴² Пер. наш – Л.С.

⁴³ Gras. 1985; Ormerod. 1924: 127–130, 152–54: в V–III вв. до н.э. тирренцами называли всех италийских корсаров, не обязательно этрусков.

⁴⁴ Parke, Wormell. 1956: № 64; Johnston. 2005: 301–302.

⁴⁵ Brophy R., Brophy M. 1985: 175.

канского боксера Эрни Шейверса зовут Желудем за голый череп, голландского бейсболиста Михаэла Рейзигера Противогоазом за своеобразную форму черепа, футболиста Игоря Нетто – Гусем за манеру недовольно шипеть на товарищей по команде. Пилот Формулы-1 Айртон Сenna получил прозвище Человек Дождя за частые победы в дождевых гонках; чилийский форвард Иван Саморано – Вертолет за умение зависать в воздухе во время подачи, баскетболиста Эрла Монро окрестили Черным Иисусом за то, что он «истинный» и за то, что в него верили всегда.

В последней строке надписи представляет интерес *Genetivus Absolutus* εἰθέλοντος εἰσοῦΠ – «по его собственному желанию»⁴⁶: Телемах убил, потому что этого хотел противник. Почему? Вспомним, как встречали олимпийских победителей в родном полисе: венки, помпа, почести, торжественные гимны, победный монумент, бесплатные обеды до конца

⁴⁶ Заметим, однако, что повреждение в 4-ой строке делает возможным и другое понимание. Л. Моретти (Moretti. 1953: 71) восстанавливает лауну как εἶθελον τό [γε δ'οῦ], Эберт (Ebert. 1972: 142) как εἶθελον τὸ [μὲν οὔ], – в смысле «убил нечаянно». Непредумышленное убийство на стадионе не наказывалось. Майкл Поляков предполагает, что речь идет именно о таком случае, причем смерть, возможно, наступила спустя какое-то время после поединка (Poliakoff. 1986: 401–402). Что причинение смерти по неосторожности на спортивных состязаниях было, есть и будет, сомневаться не приходится, как и в смерти от последствий ранений. Однако и текст, и контекст надписи не позволяют согласиться с вышеприведенными трактовками: глагол κτεῖΠνα («убил») однозначно исключает отсроченную гибель, а восстановление лауны в смысле случайного убийства не очень согласуется с правилами борьбы, где в отличие от кулачного боя и панкратия (в которых бой велся пока противник не сдавался или же не был выведен из строя), для победы надо было трижды уложить соперника на землю (достаточно касания спиной, плечом, бедром или коленом). См.: Harris. 1964: 102; Howland, Instone. 2003: 1626; Kyle. 2004; Young. 2004: 39, 43. Более убедительно толкование Р. и М. Брофи, оставляющее в силе конъюктуру первооткрывателя (Brophy R., Brophy M. 1985: 175, 177).

жизни в пританее, освобождение от налогов, проэдрия, почетные должности, разбиралась даже городская стена. Известен случай, когда в честь олимпийщика Сострата на его родине в Сикионе была вычеканена монета с его изображением⁴⁷. Знаменитые поэты Пиндар, Симонид, Вакхилид прославляли в своих эпиникиях победителей. В них видели героев или богов, и даже статуям их приписывали целительные функции⁴⁸. Олимпийщики избирались ойкистами, военачальниками, становились государственными деятелями, законодателями, тиранами⁴⁹. В свою очередь, тираны стремились подкрепить власть олимпийскими победами⁵⁰. «Фантастический почет, который воздавался олимпийским, пифийским и прочим победителям, стремление городов и партий в любой борьбе иметь их на своей стороне, – все это объяснялось именно тем, что в них чтили не искусных спортсменов, а любимцев богов. Спортивное мастерство оставалось личным достоянием атлета, но милость богов распространялась на его родичей и сограждан. Идя на войну, граждане рады были видеть в своих рядах олимпийского победителя не потому, что он мог в бою убить на несколько вражеских бойцов больше, чем другие, а потому что его присутствие сулило всему войску благоволение Зевса Олимпийского. Исход состязаний позволял судить, чье дело боги считают правым, чье нет»⁵¹. Незавидна была участь проигравших, которые пробирались на родину тайком, окольными путями, под покровом темноты (Pind. Pyth. VIII. 115–122)⁵². Бесславию и насмешки были их уделом. Позору и

⁴⁷ Латышев. 1997: 120–121; Андреев. 1998: 188–190; Зайцев. 2000: 134–142; Шанин. 2001: 31–32; Pentazou. 2003: 142–149; Kyle. 2004.

⁴⁸ После смерти кулачный боец Клеомед из Астипалеи стал героем, а Феаген и вовсе богом, причем его статуя начала врачевать болезни.

⁴⁹ Зельин. 1962: 21–29; Гвоздева. 2012: 5–15; Cartledge. 1985: 115; Amandry. 1991: 310–313.

⁵⁰ Высокий. 2004: 180–181, 225, 237–239; Amandry. 1991: 311–312.

⁵¹ Гаспаров. 1980: 363. О том же: Kyle. 1990: 292–293, 300; Potter. 2012: 93–97.

⁵² Шанин. 2001: 31.

унижениям предпочитали славную смерть на стадионе. Несомненно, пройдя за день многоступенчатый отбор и идя на последний бой, оба атлета были вымотаны⁵³ и вполне могли договориться об одолжении. Какой-нибудь удушающий прием или блок с резким поворотом головы обеспечивали летальный исход в результате перелома шейных позвонков. Так как правила формально не были нарушены, а сговор без доносчика недоказуем, все прошло гладко. Не исключено, что гелландики знали о подобных вещах, но смотрели на них сквозь пальцы. К тому же, хотя случайное убийство соперника не каралось (Dem. XXIII. 53; Ath. Pol. 57. 3; Plato. Leg. 865a), отделить умышленное от неумышленного, как заметил Платон, очень трудно.

Еще одно свидетельство смерти на стадионе – надпись из Олимпии II в. н.э., опубликованная в 1964 г.⁵⁴, эпитафия, написанная полупрозой-полустихами:

*«Агатос Даймон, известный также как Александрийский
Верблюд, муж, кулачный боец, победитель Немейский,
Здесь, подвизаясь в боях, в поединке кулачном скончался,
Давши Зевесу обет: или венок, или смерть.
35 лет. Прощай».*⁵⁵

Муж здесь – возрастной класс ἀνήρ (т.е. «взрослый»). Агатос Даймон (Добрый Демон) – обычное теофорное имя у египетских греков в эллинистическую и римскую эпохи. Прозвище «Верблюд» указывает на профессиональные качества атлета. В Египте верблюд был красноречивым символом brutality: грубости, жестокости, силы, храбрости, задиристости, упорства. Панкратиастов и кулачных бойцов сравни-

⁵³ Так, панкратиаст Клейтомах из Фив в один и тот же день состязался в панкратии и в кулачном бою. Он одержал несколько побед, пока, измотанный, не был побежден своим соперником (Paus. VI. 15. 3–5). Не удивительно поэтому, что один кротонский атлет, одержавший победу на Олимпийских играх и уже шедший получать венок, замертво рухнул у ног гелландиков (Ael. V.h. IX.31).

⁵⁴ te Riele. 1964: 169–195, 186–187.

⁵⁵ Пер. наш – Л.С.

вали также и с быками: прозвище Никофрона из Милета было Тавр (Бык), Гераса из Лаодикеи Ταυρογύστωρ – «С бычьей утробой»; имя вышеупомянутого Аписа говорит само за себя: Египетский Бык⁵⁶. Греки не знали весовых категорий и ограничения времени поединка, а разделение по возрасту было весьма условно⁵⁷. Нередко в борьбу с взрослыми вступали юноши и даже мальчики (Paus. VI. 5, 7; 8, 1; 14, 2–3; 15, 1, 10). Поэтому перед таким твердолобым, яростным, опытным, но уставшим супертяжем, как Верблюд, преимущества очевидны у более молодого, легкого и выносливого соперника (ведь бои продолжались весь световой день на жаре). Доброму Демону было уже 35 – закат спортивной карьеры. Победный венок достался ему посмертно⁵⁸, как Аррахиону и Кревге. Смерть его наступила, скорее всего, в результате открытой черепно-мозговой травмы либо острой субдуральной гематомы⁵⁹ после

⁵⁶ Ср. с устрашающими прозвищами боксеров XX–XXI вв.: Мичиганский Убийца (Стенли Кетчел), Молотобоец из Манасы (Джек Дэмпси), Доктор Железный Кулак (Виталий Кличко), Железный Майк (Майк Тайсон), Костолом (Джеймс Смит), Палач (Бернард Хопкинс), Туши Свет (Джеймс Тони), Дикий Бык Пампасов (Луис Фирпо), Атомный Бык (Оливер Макколл), Русский Танк (Олег Маскаев), Гром из преисподней (Константин Цзю). Больше всего прозвищ у Николая Валуева: Кувалда, Снежный Человек, Человек-Гора, Зверь с Востока, Кинг-Конг, Русский Гигант, Никола Питерский. Есть и исключения. Так, боксер Макс Бэр был веселым, жизнерадостным человеком, пока не стал причиной смерти Фрэнки Кемпбелла, скончавшегося от травм, полученных в поединке с Бэром, который после этого получил прозвище Грустный Клоун. Тревога Бебрика называли Проповедником за его подчеркнутую набожность (он даже на ринг выходил в трусах с нашитым изображением креста). А Сонни Листон получил свою кличку Сыночек из-за большой привязанности к матери.

⁵⁷ Особенно это касалось класса παιδες («мальчики»). См.: Селиванова. 2007: 18–19; Crowther. 1988: 304–398; Frisch. 1988: 179–185; Amandry. 1991: 307; Papalás. 1991: 176; Young. 2004: 40, 57; Kotynsky. 2006: 6.

⁵⁸ Brophy R., Brophy M. 1985: 192.

⁵⁹ По данным японских нейрохирургов, острое повреждение мозга вследствие нокаута – основная причина смерти в боксе. См.: Sawauchi,

одного или серии ударов (возможно в сочетании с открывшимися старыми ранами). Агатос Даймон выполнил обет, данный Зевсу: победить или умереть.

Приведенными данными не исчерпывается общее мнение античности о смертельной опасности боевых видов спорта (Suid. s.v. *παγκρατιαστής*). При этом надо также учесть, что далеко не все источники дошли до нашего времени: списки победителей были «дырявыми», велись не с начала учреждения игр и восстанавливались несколько столетий спустя⁶⁰. Неизвестны также реальные смертельные случаи после поединка и на тренировках.

В современных единоборствах потери весьма значительны, несмотря на создание максимально безопасных условий⁶¹,

---

Murakami, Tani, Ogawa, Suzuki, Abe 1996. Подсчеты Мануэля Веласкеса подтверждают японские: 80% смертей наступало в результате ударов в голову и шею, 12% – от сердечного приступа и 8% – от других причин. См.: Svinth. 2007; Svinth. 2007 а. В 1989 г. французский боксер Давид Тио впал в кому от удара в челюсть во время боя с Теренсом Алли и в тот же вечер скончался. В 2000 г. американский боксер Роберт Бенсон после боя со Стивом Дотсом из Уганды потерял сознание, провел в коме пять дней и умер. В 2003 г. во время боя остановилось сердце американского боксера Брэда Роуна. В 2004 г. 17-летний борец сумо Такаси Саито скончался после тренировки от сердечного приступа. В 2008 г. 16-летний спортсмен из Новосибирска Артем Коротков на открытом первенстве Кемерово по кудо (один из стилей карате) потерял сознание во время поединка. В какой-то момент он очнулся и вновь лишился сознания. Присутствовавшие на соревновании врачи безуспешно пытались спасти его жизнь с помощью дефибриллятора.

⁶⁰ Jüthner. 1965: 22–24; Amandry. 1991: 314–315; Christensen. 2007. О каталоге олимпийщиков см.: Moretti. 1957; Moretti. 1970: 295–303; Moretti. 1987: 67–91.

⁶¹ Резонансной стала гибель южнокорейского боксера Дук Ку Кима в бою против американца Рэя Манчини в ноябре 1982 г., после которой в профессиональном боксе были приняты знаковые реформы, направленные на усиление безопасности жизни и на охрану здоровья спортсменов. Манчини, за свой драчливый слаггерский стиль получивший кличку Бум-Бум, накануне схватки заявил, что готовится к тяжелому бою. К войне на ринге готовился и Ким, за несколько дней до поединка

включающие неотложную медицинскую помощь⁶². Тем не менее, с 1918 по 1982 гг. на рингах погибли 438 боксеров⁶³, а с 1890 по 2000 гг. всего 1355 (средний возраст – 24,2 года), из которых профессиональных боксеров – 923 (из них 744, то есть 80% умерли непосредственно на ринге, средний возраст – 23,1 года)⁶⁴. Это далеко не полные данные, вдобавок смерти после соревнований не всегда отслеживаются и регистрируются, а истинные причины зачастую скрываются⁶⁵. Сейчас

пророчески написавший на зеркале своего гостиничного номера в Лас-Вегасе слова: «Победить или умереть». В бою 13 ноября 1982 г. оба были основательно избиты, так как большую часть времени рубились кость-в-кость, и никто не хотел уступать. В начале 14-й трехминутки Ким был сбит с ног и, падая, сильно ударился головой о настил ринга. Он еще смог подняться, но рефери остановил поединок. Спустя несколько минут Ким рухнул без сознания и сразу был доставлен в госпиталь. Нейрохирурги провели экстренную операцию по удалению субдуральной гематомы, однако спустя четыре дня, 17 ноября 1982 года в возрасте 23 лет Дук Ку Ким умер, не приходя в сознание. Мучимый чувством вины рефери Ричард Грин покончил с собой 1 июля 1983 года, а спустя четыре месяца свела счеты с жизнью и мать Кима. Очень тяжело переживал случившееся и Рэй Манчини. Он не хотел больше выходить на ринг и уже никогда не был прежним разбитным Бум-Бумом. После этого случая боксерские организации отказались от регламента в 15 раундов, перейдя к 12-раундовому формату. Но главной реформой стало кардинальное ужесточение домашних медицинских обследований боксеров. Теперь уже перед поединком им не только измеряли давление и проверяли пульс, но перед каждым боем обязывали их делать томографию головного мозга, электрокардиограмму, а иногда флюорографию. Была сдвинута на более раннее время процедура официального взвешивания, когда стало известно, что Ким нещадно истязал себя, сгоняя лишний вес и страдая от обезвоживания накануне боя.

⁶² Young. 2004: 41.

⁶³ Brophy R., Brophy M. 1985: 192, no 64. 438-ым как раз и был южнокорейский боксер Дук Ку Ким.

⁶⁴ Svinth. 2007: Tab. 5, 6

⁶⁵ 75% смертей происходит на ринге вследствие нокаута, 25% непосредственно после поединка, 5% – без видимых симптомов («по необъяснимым причинам») через неделю и больше. См.: Svinth. 2007: Tab. 10.

гибнет 20–40 человек в год, в США каждые три дня умирает молодой спортсмен – страшные числа.

В Древней Греции неумышленное убийство соперника не считалось преступлением или нарушением правил, но и не гарантировало автоматическую победу. Очевидно также, что атлеты предпочитали смерть позору, руководствуясь принципом «победа или смерть». При этом важно помнить о существенном отличии античных игр от современных. Оно заключалось в сакральном характере атлетики⁶⁶. Состязания являлись неотъемлемой частью культа⁶⁷ и были неразрывно связаны с чисто греческими представлениями о гармонии, чести, доблести⁶⁸ (*арете*)⁶⁹ и *калокагатии*⁷⁰, «человек злой, несправедливый, подлый... в принципе не мог добиться победы»⁷¹. Поэтому, когда в конце классического периода произошло размывание системы традиционных религиозных и нравственных ценностей⁷², кризис коснулся и агонистики. Сравним, например, отношение к победе знаменитого кулачного бойца периодоника⁷³ Диагора Родосского (сер. V в. до н.э.), у которого вся семья – братья, дети и внуки были олимпийцами, а дочь даже стала тренером собственного сына (Paus. VI. 7. 1-5; V. 6. 8). Когда два его сына, победившие в Олимпии, на руках несли осыпаемого цветами отца через восхищенное собрание, некий спартаец сказал: «Умри теперь, Диагор, раз ты не можешь взойти на Олимп». Растроганный Диагор на виду у всех

⁶⁶ Nilsson. 1906: 159.

⁶⁷ Нильссон. 1998: 133–135; Amandry. 1991: 316.

⁶⁸ Так, олимпийский победитель получал в Спарте особую почесть: идти в атаке впереди царя (Plut. Lys. 22).

⁶⁹ О распространении идеи *арете* на спорт см.: Pleket. 1975: 49–89; Lee. 1983: 32–37; Miller. 1991: vii–viii.

⁷⁰ «Калос кагатос» – во всех отношениях совершенный человек и идеальный гражданин. О калокагатии см.: Лосев. 1960: 416; Ленская. 2006: 69–82.

⁷¹ Кузищин. 2001: 7.

⁷² Шанин. 2001: 28.

⁷³ О периодониках см.: Maróti. 1985–1988: 335–355.

испустил дух (Plut. Pelop. 34). Это воплощение *арете*, которая не достигается тренировками, божественный дар, передаваемый по наследству, неизменный и вечный, победитель – только носитель доблести⁷⁴. На другом полюсе – поведение кулачного бойца из Александрии Аполлония. Судьи не допустили его к состязаниям и осудили за то, что он, опоздав на игры, оправдывался уважительными причинами, а на самом деле подрабатывал выступлениями на Кикладах. Когда венок получил его противник, оскорбленный Аполлоний надел ремни и бросился избивать соперника, хотя тот уже находился под защитой гелландиков (Paus. V. 21. 12-14).

Та же судьба постигла и современные Олимпийские игры: изначальная честность любительского спора выродилась в жестокую, беспринципную борьбу за лидерство, а выхолощенная религиозность была заменена эффектным внешним ритуалом: самая красивая девушка Греции в окружении свиты зажигает Олимпийский факел от лучей солнца на развалинах храма Олимпийского Зевса. «Античные олимпиады и олимпиады, возрожденные бароном де Кубертенем, исходили из совершенно разных представлений о сути атлетических состязаний и о природе человека вообще. Но с ходом времени, стартовав из разных точек, две эти традиции привели примерно к одной и той же роли спорта в обществе»⁷⁵. Античный спорт, пока оставался любительским, был честным и благородным состязанием в силе и ловкости. Начавшаяся профессионализация привела к его вырождению, а с упразднением в 394 г. Олимпийских игр иссякли и физические упражнения.

Лариса Леональдовна Селиванова
н.с. Отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций ИВИ РАН.
+7(495)9544897
larleon@mail.ru

---

⁷⁴ Подробнее: Miller. 1991: vii-x.

⁷⁵ Михайлин. 2005: 328.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Греческая эпиграмма. 1960. – Греческая эпиграмма. Под ред. Ф. Петровского. М., 1960.

Павсаний. 1994 – *Павсаний*. Описание Эллады: в 2-х тт. / Пер. и вст. ст. С.П. Кондратьева. М., 1994. Т. II.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев. 1998 – *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. СПб., 1998.

Буркерт. 2004 – *Буркерт В.* Греческая религия: Архаика и классика. Пер. с нем. СПб., 2004.

Высокий. 2004 – *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII – середины V вв. до н.э. СПб., 2004.

Гаспаров. 1980 – Поэзия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. Изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М., 1980.

Гвоздева. 2012 – *Гвоздева Т.Б.* Олимпийские игры в памятниках античной литературы. М., 2012.

Глускина. 1948 – *Глускина Л.М.* Политическая роль дельфийского оракула (из истории Дельфов VI в. до н. э.). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. Л., 1948.

Зайцев. 2000 – *Зайцев А.И.* Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд. испр. и перераб. СПб., 2000.

Зайцев. 2000а – *Зайцев А.И.* «Греческое чудо» и его завершение в эпоху эллинизма // *Зайцев А.И.* Указ. соч. 2000. С. 279-285.

Зельин. 1962 – *Зельин К.К.* Олимпионики и тираны // Вестник древней истории. 1962. № 4. С. 21–29.

Кузищин. 2001 – *Кузищин В.И.* Предисловие. Олимпия древняя и современная // *Шанин Ю.В.* Олимпия: история античного атлетизма. СПб., 2001. С. 5–8.

Кулишова. 2001 – *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001.

Латьшев. 1997 – *Латьшев В.В.* Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997.

Ленская. 2006 – *Ленская В.С.* Καλὸς κἀγαθός: воспитание и образование древнегреческого аристократа // *Studia historica*. 2006. Вып. VI. С. 69–82.

- Лосев. 1960 – *Лосев А.Ф.* Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. 1960. № 3. С. 411–475.
- Михайлин. 2005 – *Михайлин В. Ю.* Аполлоновы лярвы: состязательный спорт в древнегреческой и новейшей культурных традициях // *Михайлин В. Ю.* Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 309–328.
- Нильссон. 1998 – *Нильссон М.П.* Греческая народная религия. СПб., 1998.
- Селиванова. 1991 – *Селиванова Л.Л.* Пифийские игры в Дельфах: дух и тело // Вестник Московского университета. 1991. Сер. 8. История. 2. С. 24–31.
- Селиванова. 1997 – *Селиванова Л.Л.* Πυθίη. К истории боксерской перчатки // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций Российской Ассоциации антиковедов 1996–1997 гг. М., 1997. С. 380–391.
- Селиванова. 2007 – *Селиванова Л.Л.* Древние Пифийские и современные Дельфийские игры // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2007. С. 14–42.
- Селиванова. 2012 – *Селиванова Л.Л.* Олимпийские и Пифийские игры: общее и особенное // Олимпийские игры: история и современность. Сб. статей участников ежегодной межвуз. научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох». Москва, РУДН, 13 апреля 2012. М., 2012. С. 84–106.
- Фролов. 1986 – *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1986.
- Хейзинга. 1992 – *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерл. М., 1992.
- Шанин. 2001 – *Шанин Ю.В.* Олимпия: история античного атлетизма. СПб., 2001.
- Шарнина. 1997 – *Шарнина А.Б.* Пифийские игры в Дельфах // ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. Сб. статей / Отв. ред. В.С. Дуров. СПб., 1997. С. 63–73.
- Amandry. 1991 – *Amandry P.* La fête des Pythia // ΠΡΑΚΤΙΚΑ ΤΗΣ ΑΚΑΔΗΜΙΑΣ ΑΘΗΝΩΝ. 1990. Athènes, 1991. № 6. P. 279–317.
- Biliński. 1916 – *Biliński B.* L'Agonistika sportiva nella Grecia Antika (aspetti sociali e ispirazioni litterarie). Roma, 1916.
- Blech. 1982 – *Blech M.* Studien zum Kranz bei der Griechen. (Religionsgeschichte Versuche und Vorarbeiten. Bd. 38). N.Y., 1982.

- Bowden. 2005 – *Bowden H.* Classical Athens and the Delphic Oracle. Divination and Democracy. Cambridge, 2005.
- Brophy. 1978 – *Brophy R.H.* Deaths in the Pan-Hellenic Games: Arrachion and Creugas // *American Journal of Philology*. 1978. № 99. P. 363–390.
- Brophy R., Brophy M. 1985 – *Brophy R., Brophy M.* Deaths in the Pan-Hellenic Games II: All Combative Sports // *American Journal of Philology*. 1985. Vol. 106. No 2. (Summer, 1985). P. 171–198.
- Cantarella. 1987 – *Cantarella E.* Pandora's Daughters: The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity. Baltimore, 1987.
- Cartledge. 1985 – *Cartledge P.* The Greek Religious Festivals // *Greek Religion and Society*. Cambridge, 1985.
- Christensen. 2007 – *Christensen P.* Olympic Victor Lists and Ancient Greek History. Cambridge, 2007.
- Crowther. 1988 – *Crowther N.* The Age Category of Boys at Olympia // *Phoenix*. 1988. Vol. 42. P. 304–308.
- Curran, Williams. 1981 – *Curran B., Williams F.* Laurel boughs // *Liverpool classical monthly*. 1981. № 6. P. 209–212.
- Ebert. 1972 – *Ebert J.* Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen // *Abhandl. der Sächs. Akademie der Wissenschaft zu Leipzig. Philol.-histor. Klasse*. Berlin, 1972. V. 63, 2.
- Fontenrose. 1988 – *Fontenrose J.* The Cult of Apollo and the Games at Delphi // *The Archaeology of the Olympics: The Olympics and Other Festivals in Antiquity*. Ed. by W.J. Raschke. Madison, 1988. P. 135–136.
- Frazer. 1965 – *Frazer J.G.* Pausanias's Description of Greece. Trans. and commentary. N.Y., 1965.
- Frisch. 1988 – *Frisch P.* Die Klassifikation der παῖδες bei den griechischen Agonen // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1988. Vol. 75. P. 179–185.
- Frost. 1905 – *Frost K.T.* Greek Boxing // *Journal of Sport History*. 1905. Vol. 25. P. 213–225.
- Gardiner. 1910 – *Gardiner E.N.* Greek Athletic Sports and Festivals. Oxford, 1910.
- Glubok, Tamarin. 1976 – *Glubok Sh., Tamarin A.* Olympic Games in Ancient Greece. N.Y., 1976.
- Golden. 1998 – *Golden M.* Sport and Society in Ancient Greece. Cambridge, 1998.
- Gould. 1980 – *Gould J.P.* Law, Custom and Myth: Aspects of the Social Position of Women in Classical Athens // *Journal of Hellenic Studies*. 1980. Vol. 100. P. 38–59.

Gras. 1985 – *Gras M.* Trafics Tyrrhéniens archaïques // Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. 258. Paris, 1985.

Harris. 1964 – *Harris H.A.* Greek Athletes and Athletics. L., 1964.

Hollis. 1996 – *Hollis A.S.* Ovid. Metamorphoses 1, 445 ff.: Apollo, Daphne, and the Pythian Crown // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1996. Vol. 112. P. 69–73.

Homolle. 1897 – *Homolle Th.* Ex-voto trouvés à Delphes. – 33 Statues du Thessalien Daochos et de sa famille // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1897. Vol. 21. P. 592–598.

Hornblower. 2000 – *Hornblower S.* Thucydides, Xenophon, and Lichas: Were the Spartans Excluded from the Olympic Games from 420 to 400 BC? // *Phoenix*. 2000. Vol. 54. 3/4. P. 212–225.

Howland, Instone. 2003 – *Howland R.L., Instone S.J.* Wrestling // *The Oxford Classical Dictionary*. Third Edition. Ed. by S. Hornblower and A. Spawforth. Oxford, N.Y., 2003. P. 1626.

Jacquemin. 1999 – *Jacquemin A.* Offrandes de Delphes // Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. 304, Paris, 1999.

Johnston. 2005 – *Johnston S.I.* Delphi and the Death // *Mantikê. Studies in Ancient Divination*. Ed. by S.I. Johnston and P. T. Struck. Brill. Leiden, Boston, 2005. P. 283–306.

Jüthner. 1949 – *Jüthner J.* Pankration // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly–Wissowa G.* 36. Hbd. Stuttgart, 1949. Sp. 619–625.

Jüthner. 1965 – *Jüthner J.* Die athletischen Leibesübungen der Griechen. Bd. I. Wien, 1965.

Jüthner, Mehl. 1962 – *Jüthner J., Mehl E.* Pygme (pugilatus) // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly–Wissowa G.* Suppl. IX. Stuttgart, 1962. Sp. 1312.

Knox. 1990 – *Knox P.E.* In Pursuit of Daphne // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1990. T. 120. P. 183–202.

Kotynsky. 2006 – *Kotynsky E.J.* The Athletics of the Ancient Olympics. A Summary and Research Tool. 2006.

Krause. 1841 – *Krause J.H.* Die Pythien, Nemeen und Isthmien. Lpz., 1841.

Kyle. 1990 – *Kyle D.G.* Winning and Watching the Greek Pentathlon // *Journal of Sport History*. 1990. T. 17. 3. Winter. P. 291–305.

Kyle. 2004 – *Kyle D.G.* Ancient Olympics Guide. Winning at Olympia // *Archeology*. 2004. Vol. 6 April. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://archive.archaeology.org/online/features/olympics/olympia.html>.

Laroche, Jacquemin. 2001 – *Laroche D., Jacquemin A.* Le monument de Daochos ou le trésor des Thessaliens // Bulletin de correspondance hellénique. 2001. Vol. 125. P. 305–332.

Lee. 1983 – *Lee H.* Athletic Arete in Pindar // Ancient World. 1983. Vol. 7. 1–2. P. 32–37.

Lee. 1988 – *Lee H.* The “First” Olympic Games of 776 B.C. // The Archaeology of the Olympics: The Olympics and the Other Festivals in Antiquity. Ed. by W.J. Raschke. L., 1988. P. 110–118.

Maróti. 1985–1988 – *Maróti E.* Περιοδικός. Anmerkungen zum Begriff Perioden-Sieger bei den panhellenischen Spielen // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. 1985–1988. Vol. 31. S. 335–355.

Miller. 1991 – *Miller S.G.* Arete. Greek Sports from Ancient Sources. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1991.

Moretti. 1953 – *Moretti L.* Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953.

Moretti. 1957 – *Moretti L.* Olympionikai. I vincitori negli antichi agoni olimpici. Roma, 1957.

Moretti. 1970 – *Moretti L.* Supplemento al catalogo degli Olympionikai // Klio. 1970. Vol. 52. P. 295–303.

Moretti. 1987 – *Moretti L.* Nuovo supplemento al catalogo degli Olympionikai // Miscellanea greca e romana. 1987. Vol. 12. P. 67–91.

Morgan. 1993 – *Morgan C.* The origins of pan-Hellenism // Greek Sanctuaries. New approaches. Ed. by N. Marinatos and R. Hägg. L., N.Y., 1993. P. 18–44.

Nilsson. 1906 – *Nilsson M.P.* Griechische Feste von religiöser Bedeutung, mit Ausschluß der attischen. Leipzig, 1906.

Olenin. 1835 – *Olenin A. de.* Essai sur le costume et les armes des gladiateurs comparées à du soldat grec ou romain. St.-Pb., 1835.

Ormerod. 1924 – *Ormerod H.A.* Piracy in the Ancient World. Liverpool, 1924.

Papalas. 1991 – *Papalas A.J.* Boy Athletes in Ancient Greece // Stadion. 1991. T. 17. P. 165–192.

Parke, Wormel. 1956 – *Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. Vol. II: The Oracular Responses. Oxford, 1956.

Pentazou. 2003 – *Pentazou M.* Honours conferred on the victors // The Olympic Games in Ancient Greece. By G.A. Christopoulos. Athens, 2003. P. 142–149.

- Pleket. 1975 – *Pleket H.W.* Games, Prizes, Athletes and Ideology. Some Aspects of the History of Sport in the Greko-Roman World // *Arena*. 1975. T. I. P. 49–89.
- Poliakoff. 1986 – *Poliakoff M.* Deaths in the Pan-Hellenic Games: Addenda et Corrīgenda // *American Journal of Philology*. 1986. Vol. 107. 3. P. 400–402.
- Poliakoff. 1987 – *Poliakoff M.* Combat Sports in the Ancient World: Competition, Violence, and Culture. New Haven, 1987. P. 104–115.
- Potter. 2012 – *Potter D.* The Victor's Crown. A History of Ancient Sport from Homer to Byzantium. Oxford, 2012.
- Pritchett. 1974 – *Pritchett W.K.* The Greek States at War. Part 2. Berkeley, 1974.
- Raschke. 1988 – *Raschke W.J.* Epilogue // *The Archaeology of the Olympics: The Olympics and the Other Festivals in Antiquity*. Ed. by W.J. Raschke. L., 1988. P. 256–266.
- Renfrew. 1988 – *Renfrew C.* The Minoan Mycenaean Origins of the Panhellenic Games // *The Archaeology of the Olympics: The Olympics and the Other Festivals in Antiquity*. Ed. by W.J. Raschke. L., 1988. P. 13–25.
- te Riele. 1964 – *te Riele G.-J. M.-J.* Inscriptions conservées au Musée d'Olympie // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1964. Vol. 88. P. 169–195, 186–187.
- Robert. 1968 – *Robert L.* Les épigrammes satiriques de Lucillius sur les athlètes. Parodie et réalités // *Fondation Hardt: Entretiens sur l'Antiquité Classique XIV: L'Épigramme Grécque*. Geneva, 1968. P. 179–295.
- Sawauchi, Murakami, Tani, Ogawa, Suzuki, Abe. 1996 – *Sawauchi S., Murakami S., Tani S., Ogawa T., Suzuki T., Abe T.* Acute subdural hematoma caused by professional boxing // *No Shinkei Geka*. Oct. 1996. 24 (10). P. 905–911. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/8914149?dopt=Abstract>.
- Scanlon. 2002 – *Scanlon Th. F.* Eros and Greek athletics. Oxford, 2002.
- Sinn. 2010 – *Sinn U.* Olympia-Zeustempel und Wettkampfstätte // *Die griechische Welt. Erinnerungsorte der Antike*. München, 2010. S. 79–97.
- Svinth. 2007 – *Svinth J.R.* Death under the Spotlight: The Manuel Velazquez Boxing Fatality Collection. Analyzing the data // *Journal of Combative Sport*. 2007. Nov. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ejmas.com/jcs/jcsart_svinth_a_0700.htm.

Svinth. 2007a – *Svinth J.R.* Death under the Spotlight: The Manuel Velazquez Boxing Fatality Collection. About Manuel Velazquez // *Journal of Combative Sport*. 2007. Nov. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ejmas.com/jcs/velazquez/velazquezbio.html>.

Sweet. 1987 – *Sweet W.E.* Sport and Recreation in Ancient Greece: A Sourcebook with Translations. Foreword by E. Segal. New York, Oxford, 1987.

Toohey, Veal. 2007 – *Toohey K., Veal A.J.* The Olympic Games: A Social Science Perspective. 2nd ed. Cambridge, 2007.

Vogt. 1964 – *Vogt E.* Agon (es) (certamina) // *Der kleine Pauly*. Lexikon der Antike. Bd. I–V. München, 1964–1975. T. I. 1964. Sp. 136.

Young. 1996 – *Young D.C.* First with the Most: Greek Athletic Records and “Specialization” // *Nikephoros*. 1996. Vol. 9. P. 175–197.

Young. 2004 – *Young D.C.* A brief history of the Olympic Games. Oxford, 2004.

Ziegler. 1963 – *Ziegler K.* Πυθιονίκαι // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly–Wissowa G.* Stuttgart, 1963. T. 24. Sp. 563–564.

**«ДУРА В ДОМЕ» – ЖЕНСКАЯ ДОМАШНЯЯ
ПРИСЛУГА В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ
РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НА-
ЧАЛА XX ВВ.**

Ключевые слова: прислуга, дворянская семья, экономка, кухарка, няня (бонна), кормилица, кухарка, горничная, домашняя работа.

Аннотация: В статье дана характеристика произошедших в результате Великих реформ изменений в сфере домашнего труда. Исследуются такие группы женской прислуги, как экономка, няня, кормилица, кухарка, горничная. Обращается внимание на рост востребованности единственной прислуги вместо нескольких лиц. Исследуется связанное с этим изменение места дворянки в домашнем пространстве.

Феномен «работающей» женщины – это одна из наиболее разрабатываемых проблем современного научного знания. К ее анализу обращаются социологи, психологи и педагоги. Не остались в стороне и историки. В рамках социальной и гендерной истории в последние годы активно исследуются различные группы работавших за зарплату женщин. Это и представительницы интеллигентных профессий, прежде всего, учительницы и врачи, и женщины-предпринимательницы, и работницы, зарабатывавшие свой нелегкий хлеб на фабриках и заводах¹. Даже труженицы «древнейшей профессии» нашли свое место на страницах научных исследований². Но те, кто во второй половине XIX – начале XX вв. составлял основу «женского пролетариата» – многотысячная армия до-

---

¹ Араловец. 1954; Вахромеева. 2011; Залунаева. 2005; Казакова. 2009; Косетченкова. 2010; Котлова. 2003; Кулагина. 2012; Лаухина. 2012; Силласте. 2004.

² Зюбан. 2011.

машней прислуги – до сих пор находится на периферии российской исторической науки.

Только в 2012 г. появилось первое серьезное исследование, посвященное домашним работницам – кандидатская диссертация А.Р. Клоц³. Но автор сосредоточила свое внимание на событиях 20х–30х гг. XX в., исследуя феномен домашнего труда в эпоху сталинизма и лишь кратко касаясь положения прислуги в дореволюционной России. Вместе с тем, именно в пореформенный период эта сфера женской занятости не только являлась одной из основных, но и претерпела серьезную эволюцию, обусловленную крупными социально-экономическими изменениями, произошедшими в стране.

Определенное представление о месте женского оплачиваемого труда в домашнем хозяйстве на рубеже XIX – XX вв. дают данные Всероссийской переписи населения 1897 г. Хотя необходимо сразу оговориться, что статистические показатели были сильно занижены, так как многие из служивших по домашнему найму, не являясь по официальной терминологии «самостоятельными», не показывались в переписи как работавшие. На этот факт обратили внимание сами составители сборника статистических данных:

«В это число вошли только те лица, которые службу и работу по найму показали как свое главное занятие. Кроме этих лиц, несомненно, немало и таких, для которых услужение и работа по найму представляется побочным заработком, в особенности это относится к крестьянам, занимающимся сельских хозяйством»⁴.

Всего к прислуге было отнесено 2.113.121 чел., из них подавляющее большинство составляли женщины – 1.336.322 (63.3%), мужчин же было 766.799 (36.7%). Характерно, что работавшие в услужении составляли 41% всех «самостоятельных» женщин. Таким образом, работа в качестве прислу-

---

³ Клоц. 2012.

⁴ Распределение рабочих и прислуги. 1905: V.

ги традиционно являлась основным женским заработком⁵. Еще более впечатляющим выглядит соотношение полов в группе домашней прислуги. Из 1.556.987 чел., показавших работу в частном услужении как свое основное занятие, женщин оказалось 1.288.797 чел. или на 100 работавших в данной сфере мужчин приходилось 480,5 женщин⁶.

Мы уже писали о том, как жизненные реалии пореформенной России сказались на эволюции гендерного состава прислуги⁷. В данной статье речь пойдет об изменении структуры женского оплачиваемого надомного труда.

По характеру деятельности прислуга делилась на две основные группы – специализированная (официально нанимаемая для осуществления строго определенных функций) и неспециализированная, которая заранее бралась для выполнения «всей» домашней работы. Специализация женского надомного труда была достаточно широкой, и включала более десятка различных самостоятельных «специальностей». Таким образом, к женской прислуге относились: экономка, кормилицы и няни; кухарка; горничные; «девочки», выполнявшие мелкую подсобную работу; и значительная группа чернорабочих-женщин (прачки, уборщицы, подсобницы и т.д.). Разумеется, не все группы работниц были востребованы в каждом доме. Численность и занятость прислуги в конкретной семье зависела от нескольких взаимосвязанных факторов – материального уровня жизни хозяев, размера их дома или квартиры, необходимости данного рода деятельности в семье (понятно, например, что в доме, где не было детей, не было нужды и в найме няни), и (что постепенно приобретало все большее значение к началу XX в.) способности найти «подходящего» человека. Рассмотрим обязанности и статус отдельных групп прислуги.

---

⁵ Распределение рабочих и прислуги. 1905: VI-VII.

⁶ Распределение рабочих и прислуги. 1905: VII.

⁷ Веремenco. 2012 (2); Веремenco. 2013.

ЭКОНОМКА

Профессия экономки (в крепостной период ее еще часто называли ключницей), предполагавшая общий надзор за ведением домашнего хозяйства и, особенно, за женской дворней, была обязательным элементом поместного хозяйства⁸. В пореформенной же России, в связи с общим сокращением числа прислуги, а также стремлением хозяев найти способы сэкономить, возложив данную сферу деятельности на саму мать семейства, этот вид прислуги все чаще становился анахронизмом, сохранившимся лишь в очень богатых имениях с большим господским домом, организованным по-старому. Вместе с тем, в случае отсутствия в семье хозяйки, наличие в доме экономки, занимавшейся общим надзором и контролем над всеми домашними делами, оказывалось необходимым условием организации нормального быта. Данное противоречие решалось двумя возможными путями.

Первый, наиболее востребованный, вариант предполагал приглашение в качестве «хозяйки», а на деле, конечно, экономки, одной из родственниц главы семьи, вдовы или незамужней женщины, не получавшей за свой труд зарплату, а служившей за кров и стол. Тяжелое материальное положение, в котором оказались представители первенствующего сословия в результате отмены крепостного права и мирового аграрного кризиса 1880х гг., способствовало росту заинтересованности значительной части обедневших дворянок в данном труде⁹. Дворянские мемуары содержат многочисленные красочные описания «тетушек», тративших все свое время и силы на поддержание порядка в семье и уход за детьми «братьев» или «умерших сестер», родство с которыми на самом деле могло быть очень отдаленным. Бескорыстное служение этих экономок строилось, как правило, на двух основаниях. С одной стороны, постепенно сформировавшейся глубокой привя-

⁸ Васильева. 2011; Сабурова. 2013.

⁹ Веремченко. 2012 (1); Веремченко. 2009; Веремченко, Тропов. 2001; Корелин. 1979.

занности к «своей семье», усугубленной пониманием важности выполняемых ими в доме функций, без чего домашние во главе с хозяином «точно пропадут». А с другой, на очевидной безальтернативности существующей жизненной стратегии, заменой которой могла стать только богадельня.

Какое бы реальное положение не занимала родственница-экономка в доме – а варианты могли колебаться от статуса «домоправительницы» до «бессловесной служанки» – ключевым здесь было понимание «временного» (до появления настоящей хозяйки) управления домашним хозяйством. Недаром настоящая «греческая трагедия» разыгрывалась в таких домах тогда, когда «совершенно неожиданно» хозяин дома решал жениться, и в семье появлялась «настоящая госпожа». Двух хозяек дом выдержать, конечно, не мог и одна из них – как правило, «экономка» вынужденно уходила из семьи.

Подобную жизненную трагедию пришлось пережить Мише Данчичу: с младенчества воспитанный доброй и заботливой «тетей», более 15 лет ведшей хозяйство его овдовевшего отца – дворцового доктора К.М. Данчича, мальчик крайне болезненно воспринял появлению в семье мачехи, потребовавшей удаление из дома «экономки»¹⁰.

Второй вариант состоял в следующем. Очень редко в качестве замены хозяйки могла выступать женщина, нанятая в качестве экономки и работавшая за зарплату. Становилась ей, как правило, средних лет или пожилая женщина, «выросшая» до этой должности, прослужив предварительно долгие годы в самой семье или в доме родственников или близких знакомых хозяина, в качестве няни (бонны), гувернантки или даже кухарки. Многолетнее знакомство, а то и проживание под одной крышей, «притирало» характеры хозяина и прислуги, чувствовавшей себя (да и в реальности являвшейся) скорее членом семьи, чем служанкой. Такая домоправительница, конечно, имела мало шансов «свалить», в случае ее появления в доме,

---

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313-324.

новую хозяйку (хотя и это было возможно), но очевидно побеждала в конкурентной борьбе с менее статусными особами.

Показательная история, отражавшая действительное место экономки в доме, произошла в конце XIX в. в знаменитой семье Кавос-Бенуа. Организацией хозяйства овдовевшего архитектора Цезаря (Сезара) Кавоса занималась экономка – Талябина. Для воспитания его дочерей была приглашена гувернантка – американка миссис Кэв.

*Как вспоминал хорошо знавший ситуацию в семье Александр Бенуа, «ненавидели эти особы друг друга от всего сердца, но, пока был жив дядя, взаимная их неприязнь не дерзала проявляться наружу. Когда же девушки остались одни, то один домашний кризис следовал за другим. Что-то окончательно возмутительное произошло однажды из-за жареной корюшки ("курошка" – как выговаривала Талябина), которой что-то уж очень много наложив себе на тарелку англичанка. Драма эта через несколько недель осложнилась до того, что миссис Кэв предпочла покинуть дом»*¹¹.

Итак, экономка как особая группа прислуги в конце XIX – начале XX вв. стала явлением крайне редким. Вместе с тем, данная деятельность приобретала характер особой формы неоплачиваемого труда представительниц привилегированного сословия, дающего им возможность на получение «содержания» в семье «хозяев». Важно подчеркнуть, что свойственная дореформенной России специфика отношений между господами и дворовыми¹², предполагавшая близость и «семейственность», с одной стороны, и признание зависимости друг от друга (дворня обязана служить, хозяин – заботится), с другой, продолжала действовать между хозяевами и экономками и в новых социально-экономических условиях пореформенной модернизации.

КОРМИЛИЦА

До середины XIX в. редкий дворянский младенец вскармливался без помощи кормилицы. Были, конечно, неко-

¹¹ Бенуа. 1980: 144; Солодянкина. 2013: 33.

¹² Веретенко. 2013; Рузвельт. 2008.

торые «просвещенные» матери, которые, усвоив идеи Ж.-Ж. Руссо об их «священном долге», или согласившись с Н.М. Карамзиным в том, что «молоко нежных родительниц есть для детей и лучшая пища, и лучшее лекарство»¹³, принимались кормить детей самостоятельно. Впрочем, этот акт воспринимался «дворянками как своеобразная сфера самореализации, не менее значимая, чем, например, организация светского раута»¹⁴. Исходя из этого, «на всякий случай» в доме все равно держали кормилицу. А так как детность была очень высокой, то кормилица была практически обязательным представителем домашней прислуги дореформенной России.

К этому времени окончательно установились и требования к этой профессии. Идеальной кормилицей считалась женщина, родившая от 6 недель до 6 месяцев до приема в семью, имевшая «округлые, полные формы, красивую довольно упругую, венами синевато-исчерченную грудь», красивые зубы, на теле которой не обнаруживалось рубцов от рахита, золотухи, лишая или сифилиса. Важным требованием был спокойный, уравновешенный характер. Крестьянское происхождение кормилицы дополнительно подчеркивалось (особенно в выскородных семьях) одеванием ее в сарафаны и кокошники¹⁵.

Определенные изменения в сложившейся практике произошли в 60е гг. XIX в., когда на волне общественного подъема приобрело довольно широкое распространение понимание дворянками важности самостоятельного кормления своих детей. В этот же период впервые в среде российского дворянства отчетливо проявляются две группы «новых» родителей: «новые идейные» и «новые практические» родители¹⁶. Для «новых идейных родителей» именно «передовые, демократические идеи» становились главным фактором в желании при-

---

¹³ Карамзин. 2004: 246.

¹⁴ Белова. 2009: 448.

¹⁵ Красникова. 2012; Детский лечебник. 1860.

¹⁶ Веретенко. 2009; Веретенко. 2012 (3).

нимать активное *личное* участие в жизни своего ребенка. Для матерей из данной группы это означало, прежде всего, самостоятельное кормление младенцев в случае, если это позволяло состояние здоровья матери¹⁷. Так, например, в семье Половцовых мать прокормила своего первого ребенка лишь месяц, в дальнейшем врачи посчитали, что она слишком слаба для этого. В результате с очень тщательным подбором была взята кормилица. Однако мать сильно переживала, что сын из-за этого «отошел» от нее и часто писала об этом мужу в Петербург¹⁸.

Материнское грудное вскармливание нередко осуществлялось на глазах старших детей, особенно девочек. Последние начинали соотносить кормление с обязательной частью материнской заботы, подчас в игре впитывая новую роль. Так, известная художница Е.С. Зарудная-Кавос описывала в дневнике следующую игру своей дочери:

*«Наташа представляет Катерину Сергеевну [свою маму – В.В.]. Маруся [няня – В.В.] купает куклу, пеленает ее и зовет – Катерина Сергеевна идите кормить. Ей приготовили маленький стул и скамейку под ноги. Наташа очень важно садится, и протягивает ручки, чтобы взять ребенка; ей дают мыть грудь, потом она кормит и сидит очень долго и с большим терпением»*¹⁹.

Что касается деятельности «новых практических» родителей, то она была обусловлена, двумя основными факторами. В первую очередь это, конечно, материальные условия жизни семьи, проще говоря, нехватка денежных средств и, как результат, желание сэкономить на оплате труда кормилиц. Во-вторых, важным фактором стало распространение медицинских знаний. В последней трети XIX – начале XX в. в российском обществе широко обсуждалась «эпидемия» сифилиса, охватившая русскую деревню²⁰. Считалось, что взять кормилицу для ребенка без опасности заразить его можно, лишь

¹⁷ Юнге. 1905: 257.

¹⁸ ОР РНБ. 601. Д. 58. Л. 95.

¹⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 445. Д. 11. Л. 62-63.

²⁰ Энгелстейн. 2000; Энгельштейн. 1996.

обратившись в специализированные приюты, где только что родившие женщины, желавшие идти работать в другие семьи, предварительно тщательно проверялись. Вариант с переходом «здоровых» кормилиц из семьи в семью, перестал рассматриваться после того, как врачам, а за ними и их пациенткам стал известен факт возможности заражения больным ребенком здоровой женщины, причем довольно длительный инкубационный период делал невозможным распознать заражение на ранних стадиях²¹.

В свою очередь приюты, заинтересованные в предоставлении роженице «хорошего места», требовали для женщин, за здоровье которых они поручились, выполнения работодателями ряда условий. Например, приют акушерки Хрущевой устанавливал для своих кормилиц следующий обязательный набор – 8 руб. в месяц жалования и гардероб (сарафанов, рубашек, юбок, чулок, передников, платков носовых, простыней, наволочек и полотенец – по 6; по одному – матрацу, подушке, одеялу, сундуку, большому байковому платку и шубе, а также сапог «сколько сносит»). По окончании же служения кормилице полагалось выдать «на выход» еще 25 рублей²².

Таким образом, «новые практические» родители с конца 1870х гг. вынуждены были в основном отказаться от найма кормилиц, причем исключительно из финансовых соображений. К их услугам зачастую не обращались даже тогда, когда мать по состоянию здоровья не имела возможности кормить ребенка. В этом случае практиковалось искусственное вскармливание стерилизованным коровьем молоком, а с 90х гг. XIX в. «смесью доктора Нестле»²³.

По мере того, как все больше дворянских семей переставало обращаться к услугам кормилиц, заменяя их материнским или искусственным вскармливанием, находились все новые и новые доводы против найма данной прислуги. К на-

²¹ Кормилицы и сифилис. 1887; Мать-кормилица. 1901.

²² ИРЛИ РАН. Ф. 445. Д. 11. Л. 147.

²³ Веретенко. 2012 (3).

чалу XX столетия важным фактором стал психологический. Хозяева, даже имевшие достаточно хорошие материальные возможности, позволявшие им нанять кормилицу, более того, подчас действительно нуждавшиеся в ней, все же отказывались от ее труда. Причиной было то, что, как утверждали работодатели, кормилицы, пользуясь своим статусом, держат в подчинении всю семью, угрожая тем, что любое их «переживание или расстройство» может пагубно отразиться на здоровье младенца²⁴.

В этом плане особого внимания заслуживает вызвавшая в начале XX в. широкий резонанс статья офицера-воспитателя Орловского-Бахтинского кадетского корпуса капитана В.Н. Лайминга. Этот интеллигентный отец описывает, как по возвращении из командировки застал свою «жену совершенно больною плевритом и изнуренной непосильным кормлением ребенка». Врач «категорически заявил, что для спасения матери и ребенка необходимо прекратить кормление грудью и перейти на искусственное кормление». Их двое старших детей уже вскармливались искусственно, что и дало «отрицательные результаты: довольно частые и продолжительные поносы, а один ребенок впоследствии оказался рахитичным». Можно было бы ожидать, что в сложившейся ситуации семья примет решение о найме кормилицы, но в дом была взята коза! Опубликованная В.Н. Лаймингом статья и должна была служить практическим руководством для желающих заниматься «непосредственным вскармливанием козой»: «Для кормления коза ставилась на столик высотой 3/4 аршина, между ногами ее помещалась подушка, на которую клали ребенка...». Впечатляет итог статьи, долженствующий стать последним доводом в пользу данной системы вскармливания:

«Правда, коза требует внимательного за нею ухода, но разве возня с деспотом-мамкою меньше? Содержание же последней несравненно дороже содержания козы»²⁵.

²⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 445. Д. 9-11.

²⁵ Лайминг. 1911.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. кормилица перестала быть обязательной прислугой в каждом дворянско-интеллигентском доме, где был новорожденный ребенок. В подавляющей массе семей кормление младенцев осуществлялось теперь либо матерью, либо искусственно. При этом факт наличия данной прислуги являлся скорее не демонстрацией обеспеченности, а служил признаком ретроградности и провинциальности.

НЯНЯ (БОННА)

В дореформенной России уходом за дворянскими младенцами традиционно занималась няня (бонна). Она должна была осуществлять все необходимые процедуры – купать, пеленать, одевать детей, гулять с ними, убирать детскую, стирать и гладить детское белье, и, в целом, говоря словами современников, жить детской «неразумной жизнью»²⁶.

Характер ухода целиком определялся личностью и статусом воспитательницы. Само наличие двух наименований одного понятия указывало на сосуществование в середине XIX столетия двух взаимоисключающих подходов: практически повсеместно распространенного, даже во вполне обеспеченных дворянских семьях – отечественного (няня), и крайне редко встречающегося, преимущественно в домах петербургской знати – иностранного (бонна).

Няней, как правило, становилась средних лет женщина, выбранная из крепостных или, реже, нанятая, но «местная» (к этой группе следует отнести и прибалтийских немок). Организация присмотра становилась результатом значительного опыта, полученного женщиной в ходе «выращивания» собственных (т.е., крестьянских) детей, а уровень ее подготовленности и квалификации определялся количеством выживших из них²⁷.

С другой стороны, состоятельные и достаточно вестернизированные российские дворянские семьи, начиная с импе-

²⁶ Отчет совета. 1913: 1; Попов. 1907: 7.

²⁷ Веремко. 2012 (3).

раторской, высоко ценили иностранных, прежде всего, английских бонн, показывавших благодаря своему «спартанскому воспитанию», значительные успехи в выращивании физически здоровых детей²⁸. Пожалуй, истинно трудным испытанием для ребенка становилось решение родителей заменить няню на иностранную бонну.

«Очень долго я не могла привыкнуть к ней, – вспоминала свои детские впечатления начала XX в. княгиня И.Д. Голицына. – Ее привычки и методы воспитания и язык – всё было ново. Я ненавидела всё, что она делала, включая мытье холодной водой. Бедная мисс Рисс! Я думаю, что она много претерпела от меня. Я плакала и плакала до и после расставания с няней»²⁹.

Подчеркнем, что, выбрав характер ухода, путем назначения к детям той или иной няни, родители в середине XIX в. редко вмешивались в заведенный няней/бонной порядок, ограничивая свое участие в заботе о маленьких детях несколькими визитами в детскую за день (в лучшем случае), или опросом прислуги о том, все ли благополучно.

В пореформенный период с появлением уже названных выше категорий «новых родителей» ситуация и в этой части домашнего пространства стала быстро меняться. Заинтересованные в личном участии в уходе за своими детьми «новые идейные родители» значительно чаще, чем ранее посещали детскую, многие из них знакомились со специализированной литературой о воспитании, постоянно контролируя деятельность няни.

Вот как, например, производился в 1880е гг. уход за младенцами в семье Половцовых. Несмотря на то, что к родившемуся сыну взяли няню, родители постоянно проводили с ребенком, а затем и с последующими новорожденными детьми, несколько часов в день, сами, по очереди, пеленали и купали их. Ежедневно отцом или матерью записывались все данные о весе младенца, количестве съеденного им, характере

---

²⁸ Солодянкина. 2012.

²⁹ Голицына. 2009: 27.

стула и т.д. Информация раз в неделю сообщалась женщине-врачу, которая постоянно требовала от родителей вести тщательный надзор за няней, чтобы она ни в коем случае не отходила от ее рекомендаций. Интересно, что в своем дневнике бабушка этих детей, отмечала, что хотя «ныне» большая часть родителей «много» или «больше» внимания обращают на своих детей, чем это было в 50-60е гг. но даже на этом фоне ее внуки окружены просто образцовой заботой.

Ведь состоящая при них няня, хотя «женщина простая, слегка грамотная, но умная по природе, ведет дело свое очень хорошо ... и что заведено раз родителями идет своим чередом»³⁰.

Далеко не везде все складывалось так идеально. По мере того, как увеличивалась пропасть между книжным знанием матери и житейским опытом няни, детская все чаще становилась местом домашних битв и скандалов. Типичный пример традиционного конфликта мы находим в дневниках уже упомянутой художницы Е.С. Зарудной-Кавос:

«Как трудно с нянями; и как бы я хотела, чтобы мы с этой ужились. Что это у меня дурной характер. Вот уже 5-ая няня, а Сереже еще нет 10-ти месяцев»³¹ и в другом месте: «Самый трудный для меня вопрос³² это прислуга. (Это отравы моей жизни), а хуже всего няни»³².

Проблема выбора няни стала для «новых идейных родителей» в конце XIX в. одной из самых сложных и трудно решаемых. Недаром эта тема постоянно поднималась на заседаниях так называемых родительских кружков, очень популярных среди передовых родителей в указанный период. Приведем конспект одной лекции, состоявшейся на заседании такого кружка 7 ноября 1890 г. и взятый нами из дневника одной из его слушательниц. В этом конспекте в сжатой, но четкой форме обозначены проблемы и пути их решения, как они виделись «идейным матерям»:

³⁰ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1195. Л. 75.

³¹ ИРЛИ РАН. Ф. 445. Д. 9. Л. 149.

³² ИРЛИ РАН. Ф. 445. Д. 9. Л. 184.

«Калмыкова о няне –

Исчез образ няни прежней, крепостной. Удовлетворял ли нас тип прежней няни? Достоинства прежней няни: 1) связь крепкая с семьей, 2) строгий выбор.

Теперь – выгода, практический расчет. Труд матери должен быть разделен, няня необходима. Сами матери не похожи на прежних матерей и потому няни другие. Теперь мать и няню разделяет пропасть. Курсы для няни. Можно ли дать. Курсы будут только дрессировкой.

Первое положение – воспитание с первых моментов должно быть в руках образованных.

Второй тезис – наши учебные заведения должны дать начальные сведения по психолог[ии], гигиене и физиологии.

Третий тезис: Школы для няни не должны быть профессиональными школами для подростков, а курсы для людей взрослых, на которые поступали бы по призванию...»³³.

Вместе с тем, на практике именно курсы для подростков стали главным средством пополнения востребованного «новыми идейными родителями» контингента образованных, готовых подчиняться родителям и врачам новых нянь. Гарантией качества работы выпускниц школы нянь являлась не только четырехлетняя (!) подготовка, но и специфическая система «распределения», действовавшая на курсах. Свою первую работу девушки получали по рекомендации школы, причем из их значительного заработка, который мог достигать до 15 руб. в месяц, 2–3 руб. передавались администрации учебного заведения. Если няня справлялась со своей работой и дослуживала свой первый год до конца у одних хозяев, все деньги возвращались ей, если нет – оставались в распоряжении школы. В результате спрос на этих работниц был постоянно высок и в 5–6 раз превышал количество выпускниц³⁴.

Еще выше ценились образованные и опытные няни, отличие которых от бонн на рубеже веков определялось только степенью владения иностранными языками³⁵. Такая специа-

³³ ОР РНБФ. 601. Д. 953. Л. 22 об. – 23.

³⁴ Отчет совета. 1913: 26–27.

³⁵ Солдатова. 2013.

листка, прислушавшаяся сразу к нескольким детям, могла брать за свои услуги свыше 25 руб. в месяц. Так, к моменту рождения у Е.С. Зарудной-Кавос третьего ребенка после очень долгого поиска по газетным объявлениям и знакомым ей удалось найти некую «Терезу Васильевну» (предшествовавшие назывались в дневнике – Настя, Аня, Маруся или просто няня), работа которой, наконец, не вызывала у хозяйки никаких нареканий; причем она занималась всеми детьми, в то время как до ее прихода каждый из малышей имел свою няню. Но счастье художницы было недолгим – специалистку пригласили к «четырем сироткам», мать которых умерла, пообещав платить за работу – 40-50 руб. в месяц, вместо тех 20, которые она получала в семье Зарудной-Кавос³⁶.

Принципиально из других посылок вытекали трудности в приискании няни у «новых практических» родителей. Главным двигателем, заставлявшим их вносить коррективы в отлаженный традиционный механизм, было отсутствие средств. Причем количество принятых, во многом вынужденных, нововведений определялось уровнем материальных трудностей семьи.

Малыши в данных семействах, в большинстве своем, как и ранее, оказывались на попечении крестьянских нянек, что было связано не только с привычностью такого ухода, но и с его дешевизной. Вместе с тем, в целях «экономии» нанятая к ребенку прислуга должна была «заодно» выполнять и другую домашнюю работу. Это, с одной стороны, снижало эффективность «присмотра», а с другой – вынуждало мать (а в некоторых семьях и отца), «подменять» няню, самим занимаясь с малышами. Например, именно такая сменная система, когда родители «брали на себя ночь» (чтобы няня имела возможность отдохнуть), а мать – еще и часть дня, так как няня-прислуга «уж очень медленно другие дела исполняет», сложилась в семье будущего известного историка А.Е. Преснякова³⁷.

³⁶ ИРЛИ РАН. Ф. 445. Д. 11. Л. 12.

³⁷ Пресняков. 2005: 231.

Возможен был и прямо противоположный вариант, когда мать брала на себя обязанности няни, а имевшаяся в доме прислуга «заодно» ей помогала. Так, молодая вдова Софья Яфа, жившая во второй половине 1870х гг. с единственной дочерью в Царском Селе, в доме своей матери, целиком посвятила себя заботам о ребенке, которого воспитывала в «английском стиле». Они спали в одной комнате, мать сама укладывала и поднимала малышку, ежедневно купала и выводила девочку на прогулки и вообще строго следовала рекомендациям дворцового доктора: «возможно больше времени проводить на воздухе, не кутать, не бояться дурной погоды, разнообразить пищу и т.д.». Вместе с тем, имевшаяся в семье прислуга (горничная и кухарка) также привлекались к участию в заботе о девочке. Например, обязанностью кухарки было приносить ребенка из кухни, где ее купали, в спальню перед сном³⁸.

Отцы-дворяне (в полных семьях), как правило, поддерживали экономически выгодное для семьи участие их жен в уходе за малышами. При этом они нередко похвалялись «великим самоотвержением» и «невыразимым самоотречением», с которым дворянки выносили несколько «томительных, скучных, однообразных лет кормления, качания, обтирания, купания, одевания!»³⁹

Как видим, такая группа прислуги как няня (бонна), в пореформенный период в России претерпела разнонаправленную эволюцию. С одной стороны, помимо иностранных бонн, сформировалась узкая специализированная группа русских нянь, получавших профессиональную подготовку либо в особых школах, либо в самих семьях под контролем врачей и родителей. Эти девушки (женщины) занимались только уходом за детьми, получая при этом значительную заработную плату, которая росла со стажем работы. Труд их высоко ценился, а спрос всегда превосходил предложение. С другой

³⁸ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 15-47 об.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 1362. Д. 71 а. Л. 3.

стороны, дворянские семьи активно продолжали использовать крестьянских няnek, правда, теперь наличие у соискательницы собственных детей уже никого не интересовало. Важным становилось другое: согласие работницы, взятой на должность няни, будучи как бы «специализированной», выполнять при этом разнообразные работы по дому, подчас не имевшие вообще никакого отношения к процессу ухода за маленькими детьми, трудясь при этом за небольшое вознаграждение.

КУХАРКА

В дореформенной России в крупном поместье приготовлением пищи традиционно занималось несколько человек. Повар и поварята обеспечивали питание господ, кухарка кормила дворню. В небольших, особенно городских дворянских семьях со всеми обязанностями по кухне, как правило, справлялась одна кухарка. Правда обязанности ее были строго определены и включали следующий набор дел: утром поставить самовар (за час до пробуждения членов семьи) и приготовить чай; к полудню полагалось подавать холодный завтрак, состоявший, преимущественно, из остатков вчерашнего обеда (ужина) и свежих (либо соленых) овощей; затопить печь/печи (если этим не занимался истопник); до и (или) после этого, получив от хозяйки (реже – хозяина) меню на обед, кухарка должна была сходить на рынок и в лавку, закупив необходимые продукты (если семья жила в городе) или получить набор у кладовщика/кладовщицы (если семья жила в поместье); приготовить обед (в отдельных семьях было принято помимо главного приема пищи – обеда, происходившего в промежутке от 14 до 17 час., принимать еще и «плотный, горячий ужин», около 9 часов вечера), периодически мыть и убирать посуду (если в доме не было «судомойки»), постоянно держать горячим самовар, подавать чай и кофе по первому зову хозяйки⁴⁰. Обязанности кухарки значительно усложнялись на праздники, когда надо было готовить особые – пасхальный, рождественский и т.д. – столы, и если в дом приглашалось

⁴⁰ Война кухарки. 1866; ОР РНБ. Ф. 698. Д. 2. Л. 78-78 об.

более чем 5 гостей. В этих случаях на помощь кухарке приходила сама хозяйка или наоборот, нанимался повар, которому уже помогала кухарка⁴¹.

Приготовление пищи являлось той частью домашней работы, которая в любом случае требовала определенного предварительного обучения. Даже если семья была готова удовлетвориться только «ежедневными обедами», а праздничное меню заказать в ресторане, все равно от опыта и знаний кухарки зависело здоровье домочадцев, а от ее умения торговаться – размер семейных трат. Такое положение в домашней иерархии предопределило дороговизну данной прислуги. Хорошая кухарка на рубеже веков требовала за свой труд не менее 12 руб.⁴². Но и за такие деньги найти «подходящий вариант» было достаточно сложно.

В этой связи среди «передовых хозяек», все чаще возникала идея «воспитать себе хорошую прислугу», а не брать уже опытную, но нерадивую, ленивую и вообще «дуру». Так, в одном из очень популярных и широко переиздававшихся пособий по кулинарии, автор (сама хозяйка) всерьез размышляет о том, что лучше: пьющая опытная или же неопытная, но трезвая кухарка. Вопрос автором решался в пользу непьющей и неопытной, которая в случае методичного следования инструкциям, содержащимся в пособии и под контролем хозяйки, сможет всему научиться. Контрольные же функции должны были выражаться в следующем:

«Хорошая хозяйка должна ежедневно, хоть на непродолжительное время, побывать на кухне: во-первых, для наблюдения за чистотой и опрятностью, как посуды, полотенца, фартуков, так и самого помещения кухни; во-вторых, для осмотра купленной кухаркой провизии и проверки счетов. Рекомендуется иметь в кухне весы, на которых не мешает проверять иногда покупки ... Также необходимо, хоть изредка, бывать на базаре, чтобы

---

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 84.

⁴² Попов. 1907; ОР РНБ. Ф. 1362. Д. 71 а.

познакомиться с существующими ценами, во избежание всяких недоразумений»⁴³.

Помимо снятия психологического дискомфорта, «воспитание кухарки» несло и очевидную экономию бюджета – девушку, взятую без особого опыта, можно было привлечь к выполнению самых разных обязанностей, далеко выходящих за пределы функции кухонной работницы. Дневники и воспоминания дворянок рисуют нам самые широкие возможности использования рабочей силы лиц, официально взятых на работу кухарки – начиная от всесезонной генеральной уборки и заканчивая полным перепоручением этой работнице всех дел по дому⁴⁴.

Помещалась кухарка традиционно «на кухне, по соседству с печкой или же плитой, а часто даже чтобы выгадать место» на «нечто вроде деревенских палатей, под самым потолком возле плиты». Добавим к этому то, что кухня была самым жарким местом дома, где постоянно было сильно натоплено, и единственным способом хоть немного избавиться от изнуряющей жары, было держать открытой дверь на черную лестницу, по которой вечно гуляли сквозняки.

«А не редко бывает и так, что кухня помещается рядом с отхожим местом, так что приходится задыхаться не только от чада и дыма печки, но и от вони идущей из клозетов»⁴⁵.

Специфика деятельности и условий жизни способствовали формированию у кухарок особой группы профессиональных заболеваний:

«...чад и пыль от плиты все сильнее распирают ей голову, краснота щек почти багровая, пот лоснится по всему лицу и стоит крупными каплями на лбу».

Обильное потоотделение и вдыхание горячего, нередко испорченного окисью углерода, воздуха, «действуя расстраивающим образом на кровообращение», вызывали приливы

⁴³ Хмелевская. 1903: 3–4.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313; Война кухарки. 1866.

⁴⁵ Невский. 1917: 4

крови к голове. Отсюда – постоянные головные боли у кухарок, распространенность проблем со зрением. Кухарки, стоя весь день у горячей плиты при постоянном сквозняке, легко заболели простудой или ревматизмом. Ожоги и порезы случались чуть ли не каждый день, а при постоянном контакте с едой, и не всегда свежей, нередко были и бактериальные инфекции. Характерно, что самая высокая смертность в данной профессиональной группе приходилась на возраст 21–40 лет⁴⁶.

Желание хозяев максимально использовать труд своей кухарки, при минимальной оплате ее труда как в денежном, так и в натуральном (угол, питание, одежда) выражении, наткнулось на ответное сопротивление. Кухарки как наиболее востребованные на рынке домашнего труда, а потому более уверенные в получении, «в случае чего», нового места, славились, как уже отмечалось, своей «грубостью, пьянством и наглостью». К этому стоит добавить мелкое воровство продуктов и сокрытие части мелочи, оставшейся от посещения рынка. Но главный бич кухарок, на который постоянно обращали внимание все дворяне-мемуаристы – это «леность». Под последней следует понимать выполнение работы только при условии постоянного и целенаправленного контроля со стороны хозяев.

Очень яркую демонстрацию последствий отказа от контроля над кухаркой и предоставления прислуге «полной свободы» мы находим в дневниках О.В. Синакевич. В семье Второвых-Яфа контролем над хозяйством обычно занималась бабушка – вдова генерала, ее дочь работала в конторе, а взрослая внучка – в народной школе. С болезнью старухи-хозяйки, полностью предоставленная сама себе прислуга не посчитала нужным даже приготовить пасхальный стол, разумно решив, что если это необходимо, то следует давать соответствующее распоряжение. Вот как этот «праздник» описывала вполне взрослая молодая хозяйка, что особенно

---

⁴⁶ Листов. 1910: 23; Шевченко. 1904.

интересно, даже не подумавшая обратить собственное недовольство на себя:

«Я спешила домой с заутрени, чтобы похристосоваться с мамой и бабушкой. Прежде всегда, вернувшись из церкви, мы садились за заранее приготовленный пасхальный стол и разговлялись. Но на этот раз меня встретила одна наша заспанная Маша и сообщила, что мама и бабушка спят. Похристосовавшись с нею, я с грустью вошла в столовую: на ненакрытом столе валялся развернутый номер какого-то журнала, который я читала перед уходом, а на стуле тут же лежало мое платье, которое я сняла, переодеваясь к заутрени. Я чувствовала себя очень одинокой, когда в молчании поела принесенное мне Машей крашеное яйцо»⁴⁷.

Если же отказ от организации домашнего быта превращался в систему, то последствия незамедлительно сказывались на всех сторонах жизни семейства. Вот, например, что происходило в семье, где «по штату» полагалось несколько человек прислуги, но в результате постоянных «домашних войн» и неумения хозяйки организовать быт всё время кого-то недоставало:

«Когда бы мы ни пришли, Екатерина Августовна и Надежда Ивановна встречали маму взволнованными рассказами об огорчениях и неудачах данного дня: ...то у кухарки был запой, а прачка оказалась не чиста на руку, и с ней пришлось расстаться; то горничная нагрубила и без спросу ушла со двора – и в доме царил полный хаос: в столовой на обеденном столе на неубранной скатерти стояла грязная посуда; изнемогающая Надежда Ивановна доглаживала брошенное прачкой белье, поминутно отрываясь для приготовления запаздывавшего обеда»⁴⁸.

В случае с кухаркой ярче, чем в отношении какой-либо другой прислуги проявлялось противоречие раннекапиталистической: отказавшись от патерналистской, семейственной системы отношений, подразумевавшей взаимные обязательства, переводя взаимные контакты на отношения купли-продажи и найма, дворянская интеллигенция, вместе с тем,

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 324. Л. 159.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313 Л. 56.

ждала от своих слуг личной преданности, любви, *добровольной* помощи, и очень возмущалась тем, что имела дело с «наемным человеком».

Таким образом, приготовление пищи было той частью домашней работы, которая продолжала делаться в большинстве дворянских семейств пореформенной России силами кухарки. Вместе с тем, все чаще эту прислугу начинали привлекать к выполнению другой работы по дому. Характерно, что увеличение загруженности не предполагало роста заработной платы и улучшения условий проживания, что, очевидно, приводило к перманентным «домашним войнам» между хозяевами и прислугой.

ГОРНИЧНАЯ

Наименее квалифицированной группой домашней прислуги считались горничные (служанки). Конечно, и среди них были лица, имевшие специальную подготовку, получаемую, как правило, в семье под контролем «старшей». Такие горничные назывались «столовая горничная» или «горничная с шитьем». Свой статус они приобретали в результате 6–8-летнего опыта практической работы и в итоге могли рассчитывать на оплату в 8–10 руб. в месяц. Служанка, взятая в дом прямо из деревни или еще не получившая достаточного опыта, готова была работать и за 3–5 руб. (разница в оплате зависела от размера населенного пункта – в столице цена на труд была значительно выше, и состояния на рынке труда)⁴⁹.

Обязанности горничной были достаточно размыты, но в целом включали следующий набор дел, описанный Л.Н. Ленской как «рабочий день служанки Дуни» в доме «хорошего господина»:

«встала она в 6 ч утра, растопила 4 печи, вымела и вытерла тряпкой пол в 7 комнатах, вычистила щеткой все углы, зеркала, картины, мебель, накрыла на стол и убрала со стола самовары для трех чаев со всем подобающим сервизом, накрыла завтрак и обед на 7 человек и служила им, перечистила платья и обувь для

⁴⁹ Попов 1907: 4; Рыкачев 1911: 25–27; Широкогоров 2006: 6–8.

семи человек, погладила на кухне для барыни, 12 раз выпустила и впустила в подъездах своих и гостей, раз 6–7 бегала по господским поручениям в лавку, трижды чистила невежество за кофтами Марьи Сергеевны, привела в порядок 7 постелей на ночь. В доме никто не ложился раньше 2-х часов и более, и Дуня не спала, потому что хозяевам в любой момент может что-нибудь потребоваться, а завтра ей вставать опять в 05:30 ч. Комнаты у нее нет, и постель ее стоит за шкафом в коридоре. Ест она почти всегда на ходу. При этом от нее требуются опрятность, быстрота, ловкость, сообразительность, чистоплотность⁵⁰, преданность и желание соблюдать «господские интересы»⁵¹.

Данный текст можно бы было счесть художественным преувеличением, если бы мы не находили ему постоянное подтверждение в многочисленных дворянских мемуарах, авторы которых совершенно не собирались восхвалять труд своей прислуги, а если и замечали степень ее загруженности, то лишь в связи с экстраординарными обстоятельствами. Недаром, О.В. Яфа впервые задумалась о жизни собственной прислуги, «которая предлагает нам свой труд за 8 рублей в месяц и которую мы обвиняем в бог знает каком нахальстве, когда в минуту раздражения она нам объявляет “Очень я нуждаюсь в Ваших восьми рублях”» только после того, как ей самой пришлось услышать упреки в излишней дороговизне ее работы, будучи гувернанткой в семье принцесс Сакен-Альтенбургских⁵¹.

Интересно отметить при этом одно характерное обстоятельство – чем более семья оказывалась оторванной от традиционной, патерналистской системы отношений «хозяин–слуга», где слуга полностью передавал свою свободу хозяину, но взамен хозяин брал на себя всю ответственность за жизнь и будущее своего подопечного, тем ярче проявлялись отношения, построенные исключительно на материально-безличностной основе. Одна из гостей, посетившая славив-

---

⁵⁰ Ленская. 1908: 12.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 310. Л. 23–24.

шуюся своим либерализмом семью сенатора Зарудного, заметила:

«у нее семья, хотя и консервативная, но заботится о прислуге гораздо больше, чем мы – либеральная семья, так что у их прислуги постоянно улучшается стол и она имеет ежедневно 2–3 часа свободных, а у нас – бедной Ульяше просто жизни нет от всевозможных нужных и ненужных поручений, переменчивых и капризных приказаний, криков, неудовольствий и т.п.»

И вдруг, после этого упрека, дочь сенатора заметила, то, что спокойно и незаметно проходило перед ней каждый день.

Ульяша «ложиться спать после всех, т.к. должна убрать чай, вымыть посуду, уложить детей и барышень спать, а утром в 2–3 часа она должна уже быть на ногах, чтобы сварить папе кофе, убрать комнаты и сделать все нужные приготовления для барышень к тому времени, когда они проснутся. Затем целый день она бегает с завтраками и обедами ... и ни одной минутки ей нет отдыха! А к вечеру все недовольны ею: что ты не пришла ко мне когда я тебя звал! Что ты не пришла мне пуговицу»⁵².

Итак, горничная как наименее квалифицированная часть прислуги, должна была выполнять всю ежедневную рутинную часть домашней работы, при этом стоимость ее труда достаточно сильно варьировалась, а уровень эксплуатации зависел от количества в доме другого персонала и общего объема работы.

Приведенный список профессий не включал в себя группу «чернорабочих» женщин, занимавшихся стиркой белья, поденной грязной работой (генеральная уборка, мытье полов, окон и т.д.). К концу XIX в. основную массу этих тружениц уже с большим трудом можно назвать домашней прислугой, так как они крайне редко жили в господском доме, выполняя сдельную работу. Прачки, например, могли трудиться в «прачечном заведении», где вещи брались в стирку «поштучно», или ходить стирать по домам. В первом случае она получала около 10 руб. в месяц, во втором – по 50 коп. за «большую стирку» (1–2 раза в неделю) от семьи. Как правило, такая

⁵² ИРЛИ РАН. Ф. 445. Д. 7. Л. 118 об. – 119.

стирка и последующая глажка белья, занимали целый рабочий день, примерно 10–12 часов⁵³.

В целом, приведенные данные достаточно ясно демонстрируют, что для нормального функционирования дворянской семьи, как хозяйственной единицы, она нуждалась в трех прислугах-женщинах – кухарке, горничной и няне. В финансовом выражении это означало как минимум 20 руб. только денежных трат на прислугу в месяц, не считая натуральной части. К последней относились угол, питание, одежда (причем последний пункт все чаще перекладывался на самих слуганок). Кроме того, требовалось еще 3–5 руб. на поденных работниц (прежде всего, прачке).

Для подавляющей массы российский дворян пореформенного времени эти траты были совершенно неподъемны. В результате, выдвигаемые хозяевами требования экономии обернулись желанием иметь за небольшие деньги (6–8 руб. в месяц) *ОДНУ прислугу*, справляющуюся со всем комплексом дел по дому: и за горничную, и за кухарку, и за няню к детям. Демонстрацией востребованности именно таких лиц служит то, что в многочисленных объявлениях о найме, печатавшихся в ежедневных и части еженедельных газетах (например, в «Новом времени» этому разделу был выделен целый разворот), под заголовком «требуются» на разные лады шел перепев одного и того же текста: о том, что в семью требуется прислуга, которая будет работать «одна». Значительное распространение именно такого требования к прислуге подтверждают и материалы брошюры, предназначенной для самих домашних работников: «так как только очень богатые люди имеют двух и больше прислуг, то и приходится одной и той же прислуге быть и за горничную и за кухарку»⁵⁴.

«ОДНА В ДОМЕ»

Прислуга, работавшая одна, так и называлась «Прислуга», превратившись в имя нарицательное. «Моя прислуга»,

⁵³ Попов. 1907: 7; ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 60.

⁵⁴ Невский. 1917: 5.

«позову прислугу» и другие подобные выражения, строго относимые к одному конкретно взятому человеку – исключительно женщине – постоянно встречаются на страницах дворянских мемуаров.

Очевидно, что эта «прислуга», те женщины, которые готовы были работать «одни», да еще за небольшие деньги, ничего толком не умели, да им и не под силу было выполнять все домашние работы сразу. Вот, например, какой «фронт работ» возложила на свою единственную прислугу хозяйка, жившая за счет сдачи комнат в петербургском пригороде:

«в третьем часу выпустить корову в стадо, вычистить коровник, сходить в лавку за провизией, убрать комнаты, поставить самовар, вычистить платье хозяев и квартирантов, готовить завтрак и обед и стирать белье».

Неудивительно, что после лета бесконечного труда 20-летняя девушка попросила расчет и «нарумянив щеки», вышла на Невский проспект⁵⁵.

В итоге, экономная хозяйка, не имевшая возможности содержать необходимый штат прислуги, а вынужденная ограничиться одной, после смены целой серии «вариантов» в поисках «хорошего», которые на деле оборачивались появлением в доме очередной «дуры» или «лентяйки», вынуждена была выбирать один из двух возможных исходов. Либо принималось решение взять «специализированную» прислугу, чаще всего кухарку или няню, либо, хотя находящаяся в услужении женщина и значилась как «одна», но на деле она выполняла не всю домашнюю работу, а лишь часть ее, заранее оговоренную с «хозяйкой». Всё, что не делалось прислугой, должно было выполняться самой матерью семейства, вынужденной брать на себя тот или иной вид домашнего труда и, выбрав то, что ее более устраивало, самой ухаживать за детьми, убирать комнаты, стоять у плиты, закупать продукты и даже дрова, и, тем более, полностью обшивать домашних⁵⁶.

⁵⁵ Попов. 1907: 10–11.

⁵⁶ Веретенко. 2012 (1); Веретенко. 2009.

Подобная история предстает перед нами со страниц дневника неизвестного чиновника (предположительно П. Вишневого). Этот источник особенно интересен тем, что дает нам возможность оценить представление мужа о степени тяжести выполняемой женой работы по дому и по уходу за маленькими детьми. Семья в составе двух родителей, двух маленьких детей – четырех и двух лет и одного новорожденного младенца, проживала в отдельной части большого дома и имела в своем распоряжении 6-комнатную квартиру. Женщина сама занималась уходом за детьми, а все прочие домашние работы были переданы «одной» прислуге и поденщице. Однако отношения хозяйки и «наемной» никак не складывались – прислуга менялась практически ежемесячно. Наконец муж принял решение кардинально изменить схему распределения домашних обязанностей. К пятимесячной девочке была нанята няня, а все остальное было перепоручено жене. На нее же была возложена и так называемая «грязная» работа: «дрова, помой, мытье полов и пр.», за исключением лишь стирки, что должна была делать прачка. За счет этого предполагалось «выгадать» 10–12 руб. в месяц, и, к тому же, избавиться от «ежедневных мелочных дряг, из-за лени, пьянства, неаккуратности, грубости и проч. прелестей и атрибутов современной городской прислуги». Однако уже через месяц после перехода к новому распределению труда в семье разыгралась трагедия – умерла младшая, полугодовалая дочь чиновника. Отец сразу же обвинил во всем происшедшем жену, передавшую уход за ребенком няне, хотя она «вполне» могла это делать сама:

«Если бы за Евфалией ухаживала сама мать, и с ... заботливой предусмотрительностью, руководствуясь в своих действиях указаниями и советами знающего и понимающего отца, то быть бы Евфалии и сейчас на белом свете... А то огрубевшая и измелъчавшая в домашних дрягах мать возмечтавшая о себе, что она во всем гораздо больше мужа знает и понимает – и вот ей доказательство!... Первые два ребенка рождены гораздо слабее умершей Евфалии, также были опасно больны, и жизнь их висела вообще на тонком волоске, и все таки они живы и здравству-

ют...Ну, если жена уверена, что она умнее и опытнее мужа, то пусть и живет своим умом. А мне после того нет дела ни до нее, ни до детей ее...»⁵⁷

Таким образом, среди самых разнообразных последствий «Великих реформ» практически незамеченной оказалась социальная эволюция сферы домашнего труда. Дворянство как общественный институт, состоявший из большого числа работников, как мужчин, так и женщин, эволюционировал в две разные по типу и характеру группы женской (практически только женской!) прислуги. При резком сокращении и удорожании стоимости специализированных домашних работниц (нянь и кухарок), значительно возрос спрос на «специалисток широкого профиля», и даже те, кого нанимали для выполнения конкретной работы, оказывались вынужденными брать на себя «заодно» еще массу других, самых разных забот. Вместе с тем, масса дел, ранее традиционно выполнявшихся кем-либо из прислуги, перешла в сферу деятельности самой хозяйки. И чем больше хозяйке приходилось работать на семью, тем более требовательной она была к своей прислуге, тем меньше была готова попусту растрачивать деньги на «дуру и лентяйку», надеясь, наконец, отыскать ту, которая будучи «одна в доме», сможет решать все хозяйственные проблемы семьи, много работать, ничего не требовать и все терпеть...

*Валентина Александровна Веремко
д.и.н., доцент, профессор кафедры,
зав. кафедрой истории, ЛГУ им. А.С. Пушкина
+7(921)9050737
itropov@yandex.ru*

---

⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 1362. Д. 71 а. – Л. 9 об. – 11 об.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Бенуа. 1980 – *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания: В 5 кн. / Изд. подгот.: Н.И. Александрова и др.; Предисл. Д.С. Лихачева. М., 1980. Т. 1. Кн. 1, 2, 3.
- Война кухарки. 1866 – Война кухарки с барыней, или нашла коса на камень. М., 1866.
- Голицына. 2009 – *Голицына И.Д.* Воспоминания о России (1900–1932) / пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой. М., 2009.
- Детский лечебник. 1860 – Полный практический детский лечебник, с рассуждениями о диетиках и физическом воспитании о влиянии настоящих и прошедших болезней кормилицы на дитя. М., 1860.
- ИРЛИ РАН – Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом). Ф. 445. – Е.С. Зарудная-Кавос.
- Карамзин. 2004 – Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени / Русская литература XVIII века. II. Сост., коммент. А.Р. Курилкина, М.Л. Майофис; предисл. А.Л. Зорина. – М., 2004.
- Кормилицы и сифилис. 1887 – Кормилицы и сифилис. Из лекции профессора Fournier. Перевод д-ра Н. Константинова (из журнала «Международная клиника»). СПб, 1887.
- Лайминг. 1911 – *Лайминг В.Н.* Коза в роли непосредственной кормилицы моего грудного ребенка. Орел, 1911.
- Ленская. 1908 – *Ленская Л.Н.* О прислуге. Доклад, читаемый во 2-ом женском клубе в Москве в феврале 1908 г. М., 1908.
- Листов. 1910 – *Листов С.* Женская домашняя прислуга, проституция и венерические болезни // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1910. N 4. Отд. 4.
- Мать-кормилица. 1901 – Мать-кормилица. – СПб., 1901.
- Невский. 1917 – *Невский В.Л.* Домашняя прислуга. Пг., 1917.
- ОР РНБ. Ф. 1362. – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1362 – Лазаревский В.М.
- ОР РНБ. Ф. 163 – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 163 – Второвы.
- ОР РНБ. Ф. 601 – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 601 – Половцовы.
- ОР РНБ. Ф. 698 – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 698 – П.Г. Скалдина-Скальдина.

Отчет совета. 1913 – Отчет совета С.-Петербургского Фрёбелевского общества для содействия первоначальному воспитанию за 1911–1912 г. СПб., 1913.

Попов. 1907 – *Попов Н.А.* Хозяева и прислуга. СПб., 1907.

Пресняков. 2005 – *Пресняков Александр Евгеньевич.* Дневники, письма. 1889-1927. – СПб., 2005.

Рабочие и интеллигенция. 1997 – Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г.: сб. материалов междунар. науч. коллоквиум. (Санкт-Петербург, 12–15 июня 1995 г.) / отв. ред. С.И. Потолов. СПб., 1997.

Распределение рабочих и прислуги. 1905 – Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года / [с предисл. Н. Тройницкого; сост. и обзор данных В.В. Степанова]. [СПб.], 1905.

Рыкачев. 1911 – *Рыкачев А.* Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // Вестник финансов. 1911. № 31.

Хмелевская. 1903 – *Хмелевская М.* Экономная кухарка. Полтава, 1903.

Шевченко. 1904 – *Шевченко И.О.* Смертность населения С.-Петербурга по возрастным группам в зависимости от рода занятий. – СПб., 1904.

Школа нянь. 1896 – Петербургское Фрёбелевское общество. Школа нянь. СПб., 1896.

Юнге. 1905 – *Юнге Е.* Из моих воспоминаний // Вестник Европы. 1905. № 5.

ЛИТЕРАТУРА

Араловец. 1954. – *Араловец Н.Д.* Женский труд в промышленности СССР. М., 1954.

Белова. 2009 – *Белова А.В.* Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середина XIX в.). Дис. ... док. ист. наук. М., 2009.

Васильева. 2011 – *Васильева Ю.Н.* Практика повседневного управления имением провинциального помещика во второй четверти XIX в. (по материалам Псковской губернии) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2011. № 63.

Вахромеева. 2011 – *Вахромеева О.Б.* Новая женщина в старой России. Очерки по истории женского образования (конец XVIII - начало XX века). СПб., 2011.

Веретенко, Тропов. 2001 – *Веретенко В.А., Тропов И.А.* Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX – XX вв. Сб. науч. ст. // Отв. ред. Кочетков И.В. – СПб., 2001. С. 55-63.

Веретенко. 2009 – *Веретенко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Изд. 2-е. – СПб., 2009.

Веретенко. 2012 (1) – *Веретенко В.А.* Бытовые аспекты правового нигилизма (государство и дворянская семья в России в конце XIX – начале XX вв.) // Российская действительность XIX – XX вв. и революционный процесс. – Сборник статей. СПб., 2012. С. 102-119.

Веретенко. 2012 (2) – *Веретенко В.А.* Гендерная характеристика домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в.: к постановке проблемы // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭР РАН, 4-7 октября 2012 г. Тверь-М., 2012. Т. 1. С. 264-267.

Веретенко. 2012 (3) – *Веретенко В.А.* Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Сер. История. 2012. № 3 (Т. 4). С. 18-31.

Веретенко. 2013 – *Веретенко В.А.* Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. История. № 1. С. 181-191.

Залунаева. 2005 – *Залунаева Е.А.* Повседневная жизнь рабочих Ярославля во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005.

Зюбин. 2011 – *Зюбан М.Н.* Российские дома терпимости: середина XIX столетия – 1917 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3-2. С. 164-169.

Казакова. 2009 – *Казакова О.М.* Провинциальное учительство в XIX – начале XX веков: на материалах Вятской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2009.

Клоц. 2011 – *Клоц А.* Шесть платьев и полуботинки // Родина. 2011. № 3. С. 40-41.

Клоц. 2012 – *Клоц А.Р.* Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Челябинск, 2012. 28 с.

Корелин. 1979 – *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность, корпоративная организация. – М., 1979.

Косетченкова. 2010 – *Косетченкова Е.А.* Кадровый состав в женских профессиональных учебных заведениях России в конце XIX – начале XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3-1. С. 75-81.

Котлова. 2003 – *Котлова Т.Б.* Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX веков. Иваново, 2003.

Красникова. 2012 – *Красникова Ю.Н.* Развитие кормленчества в XIX в.: причины и специфика // Женщина и мужчина в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИРЭ РАН, 4-7 октября 2012 г., Тверь. – М., 2012. Т. 2. С. 28-31.

Кулагина. 2012 – *Кулагина И.П.* Русские женщины в медицине во второй половине XIX – начале XX века: правовые и практические проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 2. С. 19-23.

Лаухина. 2012 – *Лаухина Г.В.* Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья (60-е г. XIX-начало XX вв.). автореф. дис. ... канд. ист. наук, 2012.

Рузвельт. 2008 – *Рузвельт П.* Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории / Авторизов. пер. с англ. Н.А. Вознесенского и А.В. Вознесенского. СПб., 2008.

Сабурова. 2013 – *Сабурова Н.П.* Повседневная жизнь помещиков в первой половине XIX в. по мемуарам Я.М. Неверова // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XIX – XXI вв.): матер. междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремко. СПб., 2013. С. 74–77.

Силласте. 2004 – *Силласте Г.* Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 122-133.

Солдатова. 2013 – *Солдатова И.А.* Развитие школы нянь в России в конце XIX – начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф. СПб., 21 мая 2013 г. Вып. 5. / отв. ред. В.В. Карпова. СПб., 2013. С. 97-102.

Солодянкина. 2012 – *Солодянкина О.Ю.* Гигиенические практики и физические упражнения детей российских дворян: воздействие иностранных воспитателей // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX – XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14-16 марта 2012 г / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремко. – СПб, 2012. – С. 170-175.

Солодянкина. 2013 – *Солодянкина О.Ю.* Американская гувернантка семьи Кавос-Бенуа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. «История». 2013. № 3. С. 29-35.

Широкогоров. 2006 – *Широкогоров В.Л.* Цены и оклады: дореволюционная Россия // Позитивный маркетинг. 2006. № 3.

Энгельштейн. 2000 – *Энгельштейн (Энгельштейн) Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика. Вехи истории последних лет. Императорский период. Антология. – Самара, 2000.

Энгельштейн. 1996 – *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX – XX веков. – М., 1996.

В.В. Высокова

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ И РОЖДЕНИЕ ИСТОРИЗМА: КЭТРИН МАКОЛЕЙ ПРОТИВ ДЭВИДА ЮМА

Ключевые слова: Просвещение, историзм, Дэвид Юм, Кэтрин Маколей, британская национальная традиция историописания

Аннотация: Статья посвящена становлению принципа историзма в эпоху Просвещения на примере «конфликта интерпретаций» двух версий британской национальной истории середины – второй половины XVIII в., представленных в работах Дэвида Юма и Кэтрин Маколей. Рассмотрено отношение этих авторов к работе с историческими источниками, к славе, своим оппонентам, а также практикам самопрезентации. Сделан вывод о значительном вкладе Дэвида Юма в становление историзма на основе его философии. Попытка Кэтрин Маколей «переписать» историю Юма с радикально-республиканских позиций не имела долгосрочного успеха. Однако оппозиция Юм-Маколей в британской историографии определила становление нового поколения историков, завершивших формирование принципа историзма в историографических практиках XIX в.

Эпоха Просвещения как эпоха, прямо определяющая современность, находится сегодня в центре интенсивных историографических практик. Начиная с рубежа 1970-х – 1980-х годов, когда немецкий философ Юрген Хабермас выдвинул тезис о «незавершенности проекта модерна»¹, ключевым историософским вопросом гуманитарного знания в текущей историографии является вопрос: что было дурно понято, а что и совсем пропущено в проекте эпохи Просвещения. Актуальной задачей является обсуждение нереализованных его возможно-

---

¹ См.: Habermas. 1981: 444 ff.; Хабермас. 2003; Habermas. 1985.

стей «посредством радикализации Просвещения»². В постановочной части следует подчеркнуть также еще один аспект актуальности темы. Даже те достижения эпохи Просвещения, которые получили сегодня, казалось бы, всеобщее признание, также требуют детального рассмотрения. К примеру, историзм как ключевое понятие исторической науки сформировался в эпоху Просвещения. Чаще всего о нем говорят и пишут как о чем-то само собой разумеющемся в профессиональных исторических практиках. В то же самое время объяснение, чем отличаются историописатели XVI–XVII в., скажем, Полидор Вергилий или антиквары, от историков XIX в., к примеру, Томаса Карлейля или Уильяма Стаббса, либо отсутствует, либо не является убедительным. Тем более, что тезис о кризисе историзма стал общим местом в историографии второй половины XX в.³ В данном контексте ключевой является работа Фридриха Майнеке «Возникновение историзма»⁴. Конечно, в представленной статье будет затронута лишь малая толика процесса становления историзма как принципа исторических исследований, но чрезвычайно важная для понимания британского вклада в развитие исторической науки в эпоху Просвещения.

В центре нашего внимания два британских историка середины – второй половины XVIII в. – Дэвид Юм и Кэтрин Маколей. По уже давно и прочно сложившейся традиции многотомные сочинения этих авторов по истории Великобритании рассматриваются как заглавные сочинения двух конфликтующих направлений в британской историографии – торийского и радикального⁵. И практически всегда в исторической литературе на эту тему оговаривается имманентный «вигизм» Юма и радикально-республиканские

² Habermas. 1985: 104.

³ См.: Барг. 1987; Барг, Авдеева. 1998; Трельч. 2007: 8.; Мильская. 1994. Поппер. 1992. № 8: 49–79; № 9: 22–48; № 10: 29–58; Troeltsch. 1924; Krol. 2010: 195 – 210; Popper. 1957.

⁴ См.: Meinecke. 1936; Майнеке. 2004.

⁵ См.: Дмитриева. 1987; Семенов. 1996.

взгляды Кэтрин Маколей. Имея в виду условность данных историографических штампов, рассмотрим место и роль этой оппозиции Юм-Маколей в развитии исторических исследований XVIII века и шире, в процессе становления историзма, который Майнике понимал как «применение к исторической жизни новых жизненных принципов...», как одну из величайших духовных революций (сопоставимых с Реформацией) в западноевропейском мышлении. Майнике считал, что «...ядром историзма является замена генерализирующего способа рассмотрения исторических и человеческих сил рассмотрением индивидуализирующим»⁶. То есть, историзм им определяется как новый принцип объяснения, оживления исторических фактов в «общих закономерностях и типах человеческой жизни» посредством индивидуальной интерпретации исторического материала историком. Он сравнивает историзм с «новым органом чувств»⁷, обретенным историком в процессе этой научной революции.

Итак, в 1764 году два британских историка формально вступили в переписку и были взаимно вежливы в отношении их очевидных разногласий в интерпретации событий семнадцатого века в истории Англии. К этому времени Дэвид Юм уже опубликовал последние тома своей «Истории Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции в 1688 года»⁸, в то время как Кэтрин Маколей (в девичестве Соубридж, Sawbridge) только что выпустила первый том своей «Истории Англии от восшествия Якова I до Брауншвейгской династии»⁹ и послала экземпляр своего труда Юму с комплиментами¹⁰. Он поблагодарил ее за «милый подарок», и с некоторой иронией заметил:

---

⁶ Meinecke. 1959: 2.

⁷ Майнеке. 2004: 6.

⁸ См.: Hume. 1770; первое полное издание появилось в 1762 году в 6 томах (published by Andrew Millar, Cadell's partner and predecessor).

⁹ См.: Macaulay. 1763–1783.

¹⁰ Letters of Eminent Persons. 1849: 111–112.

«Я тешу себя надеждой, что мы меньше расходимся в фактах, чем в их объяснении и истолковании». Они расходятся, сказал он, «в некоторых изначальных принципах», и настаивал на том, что все формы правления, от монархии до демократии, «одинаково законны, если они установлены обычаем и авторитетом» и это означает, что «подчинение и верность являются обязательными» по отношению к законным монархам Елизавете I, Якову I и Карлу I. Да, соглашался Юм, миссис Маколей действительно является защитником свободы, но «повстанцы ... дискредитировали ее [свободу – В.В.] своим насилием, а также своей грубостью, лицемерием и фанатизмом»¹¹.

В своем ответе Маколей выражает восхищение «всеми воображимыми достоинствами столь великой интерпретации в литературной республике», и дает отповедь Дэвиду Юму.

«Ваша позиция, что все правительства установленные обычаем и авторитетом несут за собой обязательства подчинения и верности, я боюсь, делает всех реформаторов неизбежно виновными, с тех пор, как возникла оппозиция, указующая на ошибки, авторитету власти...»¹².

Здесь надо отметить беспрецедентную смелость миссис Маколей, отважившуюся противостоять авторитету именитого философа и уже признанного историка. Как показано в существующей историографии, ее бойцовскую позицию определяли недавнее замужество, радикально-настроенное окружение ее мужа, а также большое общественное возбуждение по поводу восшествия на престол Георга III и свертывания участия Британии в Семилетней войне, а также позорного, как полагали виги, Парижского мирного договора 1763 г. Жизненный путь и общественно-политические взгляды «леди Фукидид» исследованы достаточно хорошо в ряде статей и монографий¹³, однако ее мастерство историка еще ждет своего исследователя.

¹¹ The European Magazine: 331; Hume. 1954: 80–82.

¹² The European Magazine: 331–332.

¹³ См.: Дмитриева. 1987; Креленко. 1998: 80–89; Аксенова. 2003: 5–10; Donnelly. 1949: 173–207.

Эта оппозиция во взглядах на английскую революцию и власть короны сохранилась до конца жизни Юма и Маколей, и достаточно хорошо исследована¹⁴. Но их карьеры историков в значительной степени схожи, как отмечала Н. Земон Дэвис¹⁵. Оба они никогда не преподавали историю в стенах университета. Правда, когда Юм начал обучение в Эдинбургском университете в 1723 году, здесь только что была открыта первая кафедра истории. Однако когда он двадцать лет спустя стал претендовать на звание профессора (философии, не истории), ему было отказано по подозрению в «ереси», «скептицизме» и «атеизме». Что касается Маколей, у нее вовсе не было университетского образования, поскольку женщины не допускались в Оксфорд и Кембридж. Она же в свою очередь критиковала эти заведения как просто «семинарий», где «изучению истории уделяется мало места»¹⁶.

Что касается востребованности их трудов со стороны читающей публики, здесь также просматривается определенное сходство. История в ту эпоху была, прежде всего, литературным жанром, а не академической дисциплиной. И в середине века мало кто мог предположить, что эта сфера будет востребована читателями и процветет на издательском рынке. «История Англии» Юма, после плохих продаж первого тома, имела успех в течение десяти лет. Как он сам говорил, «приумноженные деньги, полученные мною от книготорговцев, во много раз превосходили [продажи – *B.B.*] любой вещи ранее известной в Англии, я стал не только независим, но богат»¹⁷. «История Англии» Кэтрин Маколей продавалась очень хорошо с самого начала, получив прием, по словам одного обозревателя, «более лестный для честолюбия, чем удовлетворения [материальных – *B.B.*] интересов писателя». Книготорговцы боролись за право публиковать тома, которые она написала

¹⁴ См.: Аксенова. 2011; Hill. 1992; Schnorrenberg. 1990: 231–240.

¹⁵ См.: Davis. 1988: 1–30.

¹⁶ Mossner. 1980: 39, 44–46, 153–62; Macaulay. 1763. V. 1: XIV.

¹⁷ Mossner. 1980: 311–316; Hume. 1777: 24–25.

после выхода первого тома, и, хотя последующие тома были встречены менее восторженно, в первые годы Французской революции ее «История» была переведена на французский язык, как и «История» Юма, за три десятилетия до этого¹⁸.

И Юму, и Маколей пришлось пережить испытание «медными трубами» в век, когда рынок продаж и литературная критика начали стирать историческую роль патрона-покровителя¹⁹. Журнал «The European Magazine» в 1783 г. писал, что Маколей пришлось пережить «самые крайние степени выражения, как восхвалений, так и поношений, по сравнению с любой другой представительницей ее пола на литературном поприще»²⁰. Для Маколей оскорбления были, в первую очередь, связаны с ее радикальными политическими взглядами, и, совершенно определенно, с ее вторым браком в 1778 г. с человеком на двадцать семь лет моложе ее. Эта свадьба была встречена валом шуточных серенад для новобрачных, и памфлетов с соответствующими комментариями²¹. Юм также столкнулся с недоброжелательными откликами. В его отношении гнев публики был направлен, прежде всего, против предполагаемого безбожия его философских трудов. Неприязненная критика растянулась на десятилетия, до самого конца его жизни. Англиканские фанатики были убеждены, что он лгал, когда заявлял о своем спокойствии перед лицом смерти²². Вопрос заключается в том, как Юм и Маколей, находясь между славой, безвестностью и поруганиями, выстраивали свои отношения с Клио.

---

¹⁸ См.: Hume. 1759–1763; Macaulay. 1791, 1792.

¹⁹ Braudy. 1986: 361–380.

²⁰ The European Magazine. 1783: 334; Donnelly. 1949: 187–188; Schnorrenberg. 1979: 33–45.

²¹ См.: A Bridal Ode on the Marriage of Catherine and Petruccio. 1779; A Remarkable Moving Letter. 1779.

²² См.: Mossner. 1980: 597–99, 621–22; Hume. 1777.

Юм как историк – тема, ожидающая своей генерализации в свете обилия литературы о нем как философе²³. К слову сказать, его «История Англии» не была переведена на русский язык полностью²⁴. Однако широко отмечавшийся трехсотлетний юбилей со дня рождения философа в 2011 году актуализировал многие аспекты творческого наследия Юма. Как хорошо известно, подход Юма к истории был отмечен скептицизмом: «Изучение истории подтверждает рассуждения истинной философии»²⁵. События прошлого, известные, по крайней мере, с большей или меньшей определенностью, необходимы, по Юму, как доказательства политических и моральных принципов. Также его подход характеризуется убеждением, что история дает возможность развития критического метода. В качестве примера можно привести его рассуждения в третьем томе «Истории» о Перкине Уорбеке (*Perkin Warbeck*) самозванце, претендовавшем на английский престол во времена правления короля Генриха VII. Юм обращается к системе доказательств и аргументации сторон в исторических сочинениях XVI–XVII века по вопросу – был ли Перкин Плантагенетом²⁶. В конце концов, Юм был вынужден признать, что его собственные предварительные суждения влияли на интерпретацию им фактов. Первоначально он гордился беспристрастностью своей «Истории», независимой от «нынешней власти, интересов, авторитетов, и истерии массовых предрассудков». Но, перечитывая рукопись первого тома, он понял, что его критика Якова I и Карла I в отношении взимания налогов без согласия парламента отдавала «злой вигов». Он прошелся еще раз через весь текст, внося «свыше ста

---

²³ См.: Виноградов. 1905, 1911; Нарский. 1973; Барг. 1993: 70–82; David Hume. 1965; Mossner. 1980; Wootton. 2009: 447–480.

²⁴ См.: Юм. 1996: 711–735; Юм. 2001, 2002.

²⁵ Mossner. 1980: 301–11; David Hume. 1965: XXXII–1. Brandy. 1976: 83–96.

²⁶ Hume. 1770. V. 3: 479–83.

изменений... все неизменно в пользу тори»²⁷. По крайней мере, он сделал это в то время, когда виги были у власти, поэтому он не может быть обвинен в стремлении поиска покровительства или должности.

Кэтрин Маколей обратилась к истории как истинно верующий человек, как в конфессиональном, так и особенно в политическом смысле. Праведный Бог, как полагала К. Маколей, задумал мир с одной конечной целью – совершенствование человека с помощью разума. Она взяла перо в руки, чтобы защищать «дело свободы» против тех, кто, из небрежения, партийных пристрастий или самоуверенных амбиций, фальсифицировал прошлое и оскорбил память «славных» противников тирании Стюартов²⁸. Историк служит делу свободы систематизацией «многотомных коллекций» и сообщением общественности «истины и точного ее смысла». Работа историка состояла, по мысли Маколей, в сборе источников, а не в критической оценке суждений их авторов. Она видела правомерность своего труда в «достоверном и точном сообщении смысла [источников – В.В.]». Она была намерена предоставить «неопровержимые аргументы, основанные на фактах». Ее сноски содержат ссылки на рукописи и трактаты из Британского музея, к которым Юм, работавший в основном в библиотеке Эдинбургского университета, пришел поздно, если вообще знал о них²⁹. И вообще Юм открыто признавал:

«Я никогда не цитировал оригинальные источники, не вводил незначительные детали, неинтересные факты»³⁰.

Он видел свою работу историка в «переписывании» английской истории в доступной и вызывающей к размышлению форме для широкой читающей публики.

---

²⁷ Hume. 1954: 69–71; David Hume. 1965: 406–07; Hume. 1777: 18–19, 22–23.

²⁸ The European Magazine. 1783: 37–39; Macaulay. 1763. V. 1: VII–XVIII; V. 6: V–XIV.

²⁹ Macaulay. 1763. V. 1: X, 2; 1781. V. 6: VII. Robbins. 1959: 15, 267.

³⁰ Mossner. 1980: 249–55, 316, 395, 401; Letters. 1932. V. 1: 284–85.

Хотя Маколей и не разделяет беспокойства Юма по вопросу толкования фактов, она стремится быть «беспристрастной» и «бескорыстной», то есть, не поддаваться партийному духу в интерпретации событий и персонажей. Как она считала, примером тому могла бы быть ее трактовка правления Карла I, в которой она оправдывала тех, кто осудил короля на казнь. При этом все же она пыталась «отдать должное той части его правления, которую [она] рассматривала действительно великой». И тогда, вторя Юму, она писала: «Я пролила много слез, пока я писала о его гибели»³¹. Хотя, когда вышел шестой том ее «Истории», Кэтрин Маколей была менее оптимистична в оценке «фактов» нежели в 1763 г. Вначале она полагала, что отдельные люди могут ошибаться в оценке фактов, но «суд общественности – непогрешим»³².

К 1781 г. она поняла, как трудно найти «неопровержимые аргументы, основанные на фактах, ... чтобы влиять на умы нации в пользу демократической формы правления, – нации, которая с незапамятных времен находится под управлением неустойчивой власти»³³.

Возникает вопрос, как Юм и Маколей – скептик и политически ангажированный автор – общались со своими оппонентами? Реакции Юма сочетали сарказм, ревность и стремление состязаться в мастерстве. В конечном счете, они свидетельствуют о его стремлении к беспрепятственному обмену потоком идей в области истории, подобно тому, как его друг Адам Смит хотел видеть свободный обмен товарами³⁴. Оппонент Юма, автор «Записок о Великобритании и Ирландии от низложения последнего парламента при Карле II» Джон Далримпл (*Dalrymple*) в письмах к своему издателю характеризовал Юма, как «многоречивого и перескакивающего» автора, полного «антитез и цитат и вигизма», и обещал

³¹ Macaulay. 1781. V. 6: I, XII–XIII. Hume. 1777: 17–19.

³² Macaulay. 1763. V. 1: X.

³³ Macaulay. 1781. V. 6: VII.

³⁴ Letters. 1932. V. 2: 311, 1776; Mossner. 1980: 270–271.

написать другую историю отличную от Юмовой³⁵. Но, когда второй том его «Записок» вышел в 1773 г., Юм писал:

«... большое Удовлетворение, обнаружить, что нет ни одной ошибки в моей «Истории», маленькой или большой, которые бы давали мне повод хоть что-то исправить»³⁶.

Что же касается другого его оппонента, автора «Истории Шотландии» Уильяма Робертсона, то Юм находил, что его работа «редких достоинств». Он помог ее автору затребовать более высокий гонорар от издателя, которому он также написал:

«для читателя будет развлечением сравнить наши методы в рассмотрении одного и того же объекта»³⁷.

Где бы он ни появлялся, он хвалил эту книгу, несмотря на то, что очевидно испытывал зависть к тем местам, где «История» Робертсона была сделана лучше, чем его собственное сочинение. Он всегда относился к Робертсону как другу и протее, периодическими поддразнивая.

«Я видел, как бакалейщик заворачивал фунт изюма в лист Вашей Истории», писал он Робертсону, или «... сижу в компании великих... на Парнасе... и Вы имеете наглость потеснить меня...»³⁸.

Что для Юма были работы Маколей? Он был прекрасно образован, и вряд ли полагал, что женщина может быть серьезным соперником для него. Более того, именно он подогрел интерес дам к истории. Ведь уже в одном из своих ранних эссе он писал: «нет ничего, что бы я рекомендовал более серьезно моим читательницам, чем изучение истории»³⁹. Разве не он назвал «синего чулка» Элизабет Монтегю «леди большой исключительности»⁴⁰? После того, как Маколей послала

³⁵ Hume. 1770. V. 2: 529–31; Letters. 1932. V. 2: 238, 242, 454–55.

³⁶ Letters. 1932. V. 2: 278.

³⁷ Mossner. 1980: 396–98. Letters. 1932. V. 1: 273, letter 145.

³⁸ Letters. 1932. V. 1: 300–302.

³⁹ Hume. 1741: 5; David Hume. 1965: 35–39. Letters. 1932. V. 1: 404, letter 217;

⁴⁰ Mossner. 1980: 395.

ему первый том своей «Истории» в 1764 году, он не имел с ней больше никаких личных контактов, и первоначальный успех ее «Истории» принес ему некоторые неприятности. Как писал один наблюдатель:

«Ничто никогда не вызвало большей досады Юма, чем суровая критика его истории в палате лордов великим Чатемом, который отдал предпочтение ... миссис Маколей как историку, а ее конституционные писания по истории, были призваны стать противоядием его [Юма – В.В.] яду»⁴¹.

Несмотря ни на что, отношение Юма к Маколей было, конечно, более уважительным, нежели его друга, художника Алана Рамсея, известившего Юма первым о выходе ее «Истории»:

«Кто-то под именем 2-жи Кэтрин Маколей написал сочинение под названием «Яков I», тайный замысел которого заключается в том, чтобы оскорбить Вас и меня, и всех людей, думающих о последствиях, которых она называет ставленниками суда, а также орудием тирании. Я жажду реванша... А что, как нам провести матч между этой женщиной (если есть такая женщина) и патриотом Уилксом? Не такого ли разрешения [событий – В.В.] благоговейно следует пожелать? Я думаю, что патриотические выпады, пинки и оплеухи, что дух свободы породит с той и другой стороны, будут не только реваншем для нас, но дадут всей нации более правдивое понимание политики, чем все Ваши эссе вместе взятые»⁴².

Юм никогда не комментировал публично произведения Маколей, потому что он задолго до того решил никому никогда не отвечать в печати. Только в переписке с Робертсоном он заметил, что «Синедрион миссис Маколей осуждает Вас немного меньше, как друга правительства и монархии, чем меня»; и незадолго до смерти в 1776 г. Юм писал, что «ее Муза сейчас, похоже, нема»⁴³. На самом деле, Муза Маколей не умолкла – она опубликовала в это время два политических

⁴¹ The European Magazine. 1783: 331; New Letters. 1954 : 82; Mossner. 1980: 310.

⁴² Letters of Eminent Persons. 1849: 29–30.

⁴³ Hume. 1777: 15. Letters. 1932. V. 2: 199, 242, 321.

трактата, а вскоре появились новые тома ее «Истории», в которых она вновь нападала на Юма⁴⁴.

Если оценивать публичные реакции Маколей по отношению к Юму и другим историкам, с которыми она была не согласна, то это определялось ее стремлением быть выше личного соперничества и говорить только о высоких целях истории. Она страдала от того, что ее частная жизнь влияла на оценку ее «Истории». Она знала, как никто другой, что случается, когда «личные оскорбления заменяют место аргументов, или репутация автора подвергаются нападкам с целью дискредитации его произведений»⁴⁵. В предисловии, опубликованном в 1781 г., в то время как Юм уже несколько лет был в могиле, она дала ему свою окончательную оценку. Юм был человеком «гениальной и глубокой прозорливости», который может быть стоял «на голову выше всех наших историков». Но, либо потому, что он боялся врагов, которых он мог нажить, если бы написал непредвзятую историю, либо потому, что (и это ей казалось более всего вероятным) из «предупреждений, которыми он потчевал» публику, его история «служит изысканному времяпрепровождению в часы досуга и праздности и оставляет читателя совершенно неосведомленным в отношении характеров, мотивов и часто фактов». Его работы пользуются «непревзойденной популярностью», со зловещими последствиями, как полагала Маколей, для понимания принципов Славной революции и общего дела⁴⁶. Неужели это ее действительно окончательная оценка Юма как историка? Кто, если не она опубликовала в 1783 г. их переписку двадцатилетней давности, это ли не свидетельство ее стремления увековечить свою близость с Великим Юмом?

Что до собственной славы и известности, Юм и Маколей реагировали на эти обстоятельства по-разному. Юм был откровенен в своем желании известности и открыто стремился к

⁴⁴ См.: Macaulay. 1774; 1775; 1778; 1781. V. 6, 7; 1783. V. 8.

⁴⁵ Macaulay. 1781. V. 6: XIV.

⁴⁶ Macaulay. 1781. V.7: 494.

финансовому успеху, и одновременно относился к этому с большой самоиронией. Он мог шутить с Робертсоном о плотно заселенном Парнасе и настаивал на том, что борьба между их книгами по истории делает меньше шумихи, чем настоящий боксерский поединок. Когда его издатель умолял сделать финальный том его «Истории» («это только желание довершить Меру вашей Славы, как Великого историка и философа восемнадцатого века»), он мог расслабленно отвечать: «Я так стар, так грузен, так ленив и так богат»⁴⁷. Точно так же в течение некоторого времени он сопротивлялся желанию издателя поместить в книгу его портрет. «Излишняя трата средств», рассуждал он, деньги лучше потратить на печать и бумагу. Портрет появился только в издании 1770 г., восемнадцать лет после выхода первого тома⁴⁸.

Незадолго до смерти Юм записал свои мысли и чувства по поводу собственной репутации в кратком автобиографическом тексте – «Моя собственная жизнь», – который, по его желанию, следовало добавлять ко всем изданиям его произведений в будущем⁴⁹. Литературный автопортрет достоин создателя «Трактата о человеческой природе». Он показывает Юма уже в ранней молодости захваченным «страстью к литературе», что сделала «любовь к литературной славе моей главной страстью». Но повествование состоит в основном из разочарований и умирения плоти: книги выходили «мертворожденным из-под пресса», не имели успеха, игнорировались. Первый том «Истории» «погрузился в забвение» после первоначального всплеска негодования. Со вторым томом дела, казалось, пошли лучше, но третий встретили враждебными «окриками»: характеристика царствования королевы Елизаветы Тюдор была найдена «особенно оскорбительной». Юм отказывается сдаваться, его рассказ о самом себе завершается смирением в материальном успехе. Ведь его книги принесли ему целое состояние. В

⁴⁷ Letters. 1932. V. 1: 300–01; Mossner. 1980: 555–56.

⁴⁸ Letters. 1932. V. 2: 359; 169–70.

⁴⁹ Letters. 1932. V. 2: 318; 323.

конце концов, он просит читателя самому решать, было ли его тщеславие уместным⁵⁰. Автобиография Юма является одной из наиболее ярких его самопрезентаций и представляет собой ироничный рассказ о любви к Славе.

Жажда славы для Кэтрин Маколей была неразрывно связана как с ее надеждой на материальную выгоду, так и со стремлением всецело посвятить себя делу свободы. В ее первый том вошли стихи из наследия шотландского поэта Джеймса Томсона (*James Thomson*), где он говорит, что его Муза должна служить Богине Свободы. Когда первый том Маколей получил «благоприятный прием», она обратилась к читателям с благодарностью от имени «друзей свободы». Именно она вела трудные финансовые переговоры со своими издателями и жила с некоторой долей расточительности. Даже один из ее радикальных друзей Томас Холлис (*Thomas Hollis*), в частном порядке, заметил: «Было бы печально писать о Свободе ... по высокой цене»⁵¹. Но именно он помогал ей с фронтисписом для третьего тома в 1767 г., связывая ее известность с республиканизмом. На фронтисписе изображена монета – точная копия древних римских монет в честь революционного героя Луция Юния Брута. На ее аверсе изображен профиль самой Маколей в образе богини Свободы в обрамлении венка победителя из дубовых листьев. На реверсе изображены сыновья Брута во время казни, бывшие в сговоре со свергнутым царем Тарквинием.

Через десять лет появился другой портрет Кэтрин Маколей, который более откровенно демонстрирует ее собственное представление о своем месте в истории. На фронтисписе тома по восемнадцатому веку «Истории Англии от революции до настоящего времени в ряде писем к другу» она изображена стоящей на фоне классического пейзажа. Рядом с ней камень с высеченными на нем строками:

---

⁵⁰ Hume. 1792: V–XV; Mossner. 1980. Appendix A.

⁵¹ Donnelly. 1949: 182; Robbins. 1959: 7–8.

«Правление власти, делегированное для счастья человечества, руководствующееся мудростью, справедливостью и милосердием».

Ее рука держит перо, локоть упирается в пять вышедших томов «Истории Англии»⁵². Она – Клио, своя собственная муза, она – Свобода, она – Кэтрин Маколей. Вот символика, которая позволяет понять важные моменты самопрезентации этой образованной и литературно одаренной женщины.

Итак, подведем некоторые итоги. «История» Дэвида Юма уже была полностью опубликована к моменту выхода первого тома Кэтрин Маколей в 1864 г., и на фоне общественного возбуждения, в частности «дела Уилкса», казалась весьма консервативной, написанной в проторийском духе. В то же время манера письма Юма воспринималось как легкое чтение. Написанная в стиле коротких рассказов в подражание любимому им Тациту, с меткими наблюдениями и целостностью образов, она завоевала себе популярность ясностью и краткостью изложения. Целью Юма было заставить рядового читателя самостоятельно размышлять над историей своего отечества, патриотом которого он, несомненно, являлся. Как философ, объясняющий поступки людей их симпатиями и страстями, Юм стремился показать важность воспитания гражданской историей всякого человека и опасность забвения «смут» прошлого. «История» Кэтрин Маколей, охватывающая период правления Стюартов, имела ярко выраженный политизированный характер. Ее автор страстно и открыто выступала в защиту дела свободы. Цель работы Маколей – переписать юмовскую историю «великой смуты». В результате двадцати лет упорного труда Кэтрин Маколей значительно продвинулась в профессиональном мастерстве историка, но одновременно разочаровалась в публике, и осознала невыполнимость поставленной ранее амбициозной цели. Как она честолюбиво полагала, еще не скоро публика в Британии созреет до высоких республиканских идеалов. И здесь можно

---

⁵² Donnelly. 1949: 184–187.

сделать заключение, что она проиграла эту борьбу Юму за читательскую аудиторию как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Юм в силу возраста и мировоззренческой позиции, а также ясного осознания «поверхностности» сочинения Кэтрин Маколей не удостоил ее труд публичного внимания. Но ее «ответ» его «вызову» положил начало историографии Английской революции XVII в., а также вопросу о «норманнском иге», и многим другим сюжетам в национальной истории Великобритании. Сила Юма заключалась в том, что он подходил к истории как философ и мудрец. Он осознал, как пишет Майнике, что за «сущностью человека лежала «необъяснимая тайна» и что слово «случай» было лишь выражением для обозначения еще неизвестных причин. Вольтер, пришедший к подобному скепсису, предпочел вернуться сибаритом в известный ему мир. Мысливший глубже и строже Юм, движимый интеллектуальной честностью, применил в незнакомой сфере собственной оружие. К его историческому труду имело отношение высказывание Гегеля, что эмпиризм только расчленяет, не объединяя вновь. Но это расчленение, подобно тому, что сделал Монтескье, так взрыхлило землю, что она оказалась способной принять новое семя⁵³. Только рациональными и эмпирическими средствами, и утилитарными целями просветители еще не могли создать те «духовные единства», что вскоре стали возможны благодаря историзму в XIX в.

*Вероника Витальевна Высокова
к.и.н., доцент Кафедры новой и новейшей истории,
Департамент «Исторический факультет»,
УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
+7(343)3507532
vysokova@mail.ru*

---

⁵³ Майнеке. 2004: 154–178.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Юм. 2001, 2002 – Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. В 2-х т. СПб., 2001, 2002.
- Юм. 1996 – Юм Д. История Англии (Извлечения) / Юм Д. Сочинения в двух томах. Том 2. М., 1996.
- A Bridal Ode on the Marriage of Catherine and Petruchio. L., 1779.
- The European Magazine. 1783 – The European Magazine and London Review № 4. 1783.
- Hume. 1741 – *Hume D.* Essays Moral and Political. L., 1741.
- Hume. 1759–1763 – *Hume D.* Histoire d'Angleterre, depuis l'avènement de Jacques I jusqu'à la révolution. Paris, 1759–1763.
- Hume. 1770 – *Hume D.* The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. 8 vols. L., 1770.
- Hume. 1777 – *Hume D.* The Life of David Hume, Esq. Written by Himself. London: W. Strahan and T. Cadell, 1777.
- Hume. 1741 – *Hume D.* Of the Study of History / Essays Moral and Political. L., 1741.
- A Letter to Adam Smith, LL.D. on the Life, Death, and Philosophy of his Friend David Hume, Esq. By one of the People Called Christians. Oxford, 1777.
- Letters of Eminent Persons. 1849 – Letters of Eminent Persons addressed to David Hume. Ed. John Hill Burton. Edinburgh and London, 1849.
- Letters. 1932 – Letters of David Hume. Ed. J. Y. T. Greig. Volume 1. 1727–1765. Volume 2. 1766–1776. Oxford, 1932.
- Macaulay. 1763–1783 – *Macaulay C.* The History of England from the Accession of James I to that of the Brunswick Line, 8 vols. London: J. Nourse, et al., 1763–1783.
- Macaulay. 1774 – *Macaulay C.* A Modest Plea for the Property of Copyright. L., 1774.
- Macaulay. 1775 – *Macaulay C.* An Address to the People of England, Scotland and Ireland, on the Present Important Crisis of Affairs. L., 1775.
- Macaulay. 1791, 1792 – *Macaulay C.* Histoire d'Angleterre, depuis l'avènement de Jacques I jusqu'à la révolution, par Catherine Macaulay Graham, traduite en français et augmentée d'un discours préliminaire, contenant un précis de l'histoire d'Angleterre jusqu'à l'avènement de Jacques I, et enrichie de notes par Mirabeau. Paris, 1791, 1792.
- New Letters. 1954 – New Letters of David Hume. Ed. Raymond Klibansky and Ernest C. Mossner. Oxford, 1954.

A Remarkable Moving Letter. 1779 – A Remarkable Moving Letter. L., 1779.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова. 2003 – *Аксенова Е. Ю.* Общественно-политические и исторические взгляды Кэтрин Маколей (1731–1791 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2003.

Аксенова. 2003 – *Аксенова Е. Ю.* Ученая леди. Общественно-политические и исторические взгляды Кэтрин Маколей. Самара, 2011.

Барг. 1987 – *Барг М. А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.

Барг. 1993 – *Барг М. А.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 70–82.

Барг, Авдеева. 1998 – *Барг М. А., Авдеева К. Д.* От Макиавелли до Юма. Становление историзма. М., 1998.

Виноградов. 1905, 1911 – *Виноградов Н. Д.* Философия Д. Юма. Т. 1–2. М., 1905, 1911

Дмитриева. 1987 – *Дмитриева О. В.* Радикальное направление в английской историографии века Просвещения («История Англии» К. Маколей) // Проблемы британской истории. М., 1987.

Креленко. 1998 – *Креленко Н. С.* Кэтрин Маколей – «леди Фукидид» XVIII века / Историографический сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 17. Изд-во Саратовского университета, 1998. С. 80–89.

Майнеке. 2004 – *Майнеке Ф.* Возникновение историзма М., 2004.

Мильская. 1994 – *Мильская Л. Т.* Эрнст Трельч и проблемы философии истории. М. 1994.

Нарский. 1973 – *Нарский И. С.* Дэвид Юм. М., 1973.

Поппер. 1992 – *Поппер К.* Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79; № 9. С. 22–48; № 10. С. 29–58.

Трельч. 2007 – *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М., 2007.

Семенов. 1996 – *Семенов С. Б.* Радикальный взгляд в прошлое: К. Маколей и ее «История Англии» // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 1996.

Хабермас. 2003 – *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне М., 2003.

Brandy. 1970 – *Brandy L.* Narrative Form in History and Fiction: Hume, Fielding, and Gibbon. Princeton, N.J., 1970.

- Braudy. 1986 – *Braudy L.* The Frenzy of Renown: Fame and its History. Oxford, 1986.
- David Hume. 1965 – David Hume: Philosophical Historian. D.F. Norton and R. H. Popkin, eds. Indianapolis, 1965.
- Davis. 1988 – *Davis Z. N.* History's Two Bodies // The American Historical Review. Vol. 93. №. 1. 1988. P. 1–30.
- Donnelly. 1949 – *Donnelly L. M.* The Celebrated Mrs. Macaulay // William and Mary Quarterly. 3d ser. 6. Williamsburg, 1949.
- Habermas. 1981 – *Habermas J.* Kleine politische Schriften. Bd. I–IV. Frankfurt am Main, 1981.
- Habermas. 1985 – *Habermas J.* Der philosophische Diskurs der Moderne, Frankfurt am Main, 1985.
- Hill. 1992 – *Hill B.* The Republican Virago. The Life and Times of Catharine Macaulay, historian. Oxford, Clarendon Press, 1992.
- Krol. 2010 – *Krol R. A.* Friedrich Meinecke: Panentheism and the Crisis of Historicism // Journal of the Philosophy of History. 2010. № 4. P. 195 – 210.
- Meinecke. 1936 – *Meinecke F.* Die Entstehung des Historismus. Bd. 1,2. München, 1936.
- Meinecke. 1959 – *Meinecke F.* Die Entstehung des Historismus. München, 1959.
- Mossner. 1980 – *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980.
- Norton. 1965 – *Norton D. F.* History and Philosophy in Hume's Thought / David Hume: Philosophical Historian. D. F. Norton and R. H. Popkin, eds., Indianapolis, 1965.
- Popper. 1957 – *Popper K.* The Poverty of Historicism. L., 1957.
- Robbins. 1959 – *Robbins C.* The Eighteenth-Century Commonwealthman. Cambridge, Mass., 1959.
- Schnorrenberg. 1979 – *Schnorrenberg B.* The Brood Hen of Faction: Mrs. Macaulay and Radical Politics, 1765–1775 // Albion, 11. 1979.
- Schnorrenberg. 1990 – *Schnorrenberg B.* An Opportunity Missed: Catherine Macaulay on the Revolution of 1688 // Studies in Eighteenth-Century Culture, Vol. 20, 1990.
- Troeltsch. 1924 – *Troeltsch E.* Der Historismus und seine Überwindung. Fünf Vorträge. Berlin, 1924.
- Wootton. 2009 – *Wootton D.* David Hume: «historian» / The Cambridge Companion to Hume. Ed. By D. F. Norton and J. Taylor. Cambr., 2 ed. 2009.

А. М. Ермаков

ГОМОФОБИЯ В СОВЕТСКОЙ АНТИФАШИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1930-Х ГГ.

Ключевые слова: гомофобия, гомосексуальность, антифашистская пропаганда, Коричневая книга, Лейпцигский процесс, ночь длинных ножей.

Аннотация: С начала 1930-х гг. обвинения руководителей гитлеровского движения в гомосексуализме стали одним из пропагандистских приемов различных антифашистских сил. В советскую пропаганду гомофобия проникла во время подготовки судебного процесса о поджоге рейхстага. Традиция усиливать негативные характеристики нацистских лидеров, упрекая их в однополых связях, была продолжена в советской исторической литературе и в смягченном варианте до сих пор представлена в отечественной историографии национал-социализма.

С момента прихода национал-социалистов к власти в Германии 30 января 1933 г. до подписания между Берлином и Москвой пакте о ненападении 23 августа 1939 г. советское руководство считало Третий рейх главной угрозой безопасности страны и готовило население к бескомпромиссной борьбе с ним. Советская пропаганда сосредоточила свое внимание на агрессивных планах немецкого фашизма, террористических методах гитлеровского господства, подавлении коммунистического и рабочего движения, социально-экономических проблемах Германии. По сравнению с этими темами явно второстепенную роль играла критика вытеснения немецких женщин в частную сферу, преследования евреев, политики нацистов в области образования, науки и культуры. Для формирования у советских людей негативного образа гитлеровского Рейха использовалась и гомофобия - категорическое неприятие гомосексуальности и отвращение к практикующим ее

людям, основанные на убеждении в неестественности гомосексуальных отношений. Вопросы, связанные с применением различными антифашистскими силами гомофобной аргументации, очень слабо изучены в зарубежной историографии и совершенно не затрагивались отечественными исследователями. В настоящей статье предпринимается попытка частично восполнить этот пробел, обратившись к анализу предвоенной советской пропаганды, направленной против гитлеровской Германии.

Появление гомофобных аргументов в пропагандистском арсенале антифашистских произошло еще до прихода национал-социалистов к власти и было связано с именем Эрнста Рема, гомосексуальность которого не была секретом ни для верхушки гитлеровской партии (НСДАП), ни для некоторых борцов против фашизма. 5 января 1931 г. Рем занял должность начальника штаба нацистских штурмовых отрядов (СА). Незадолго до этого Гитлер, обсуждая предстоящее назначение с предшественником Рема Отто Вагнером, выразил свое принципиальное отрицательное отношение к мужской гомосексуальности. Одновременно он рассказал о заверениях Рема в том, что такие «проступки» остались в прошлом и больше не играют в жизни будущего главы СА никакой роли. Гитлер добавил:

«В истории есть много моментов, которые показывают, что как раз особо выдающиеся личности были подвержены таким склонностям». Вагнер возразил своему шефу, что после назначения Рема «злые языки начнут об этом говорить» и «враждебная нам пресса может нажать за этот счет капитал»¹.

Опасения Вагнера вскоре сбылись – в апреле 1931 г. социал-демократическая газета «Мюнхенер пост» начала широкомасштабную кампанию, в центре которой оказалась гомосексуальность известных функционеров СА и НСДАП, особенно Рема. Газетные заголовки гласили: «Педерасты в Ко-

---

¹ Wagener. 1987: 198, 200.

ричевом доме» (22 июня 1931), «Затруднения» (26 июня 1931)². Главный удар этих статей направлялся на очевидное несоответствие между ярко выраженным неприятием нацистами гомосексуализма и гомосексуальностью Рема.

«Внешне – нравственное негодование, а в собственных рядах – бесстыдная практика противоестественного разврата», – писали социал-демократы. Нацисты, заявляла «Мюнхенер пост», представляют опасность для «морального и физического здоровья немецкой молодежи»³.

На заседании рейхстага 11 мая 1932 г. депутат от СДПГ Вильгельм Золльман под аплодисменты и одобрительные выкрики социал-демократической фракции указал на «несчастливые наклонности» вожака нацистских штурмовых отрядов, посетовал на то, что гитлеровская партия «осмеливается передавать большую часть нашей немецкой молодежи капитану Рему» и призвал национал-социалистов прямо сказать народу:

«Мы пропагандируем гомосексуализм, мы пропагандируем содомию, мы пропагандируем кровосмешение»⁴.

На следующий день четыре нацистских депутата избили в ресторане бывшего национал-социалиста Клотца. Клотц вступил в СДПГ и опубликовал письма Рема, которые ясно показывали его гомосексуальность. При обсуждении этого инцидента в зале заседаний рейхстага дело дошло до потасовки. В итоге трое нападавших были приговорены к трехмесячному аресту, а четвертого – одного из руководителей НСДАП Грегора Штрассера – оправдали⁵.

Лишь немногие общественные деятели Германии осудили попытку социал-демократов отождествить нацизм с гомосексуализмом и таким путем дискредитировать всю гитлеров-

---

² На языке оригинала – «Schwulitäten», что позволяло использовать игру слов: schwul – гомосексуальный (груб.), Schwulität – затруднительное положение.

³ Bülow. 2000: 34-35.

⁴ Verhandlungen des Reichstags: 2660-2661.

⁵ Mergel. 2004: 464.

скую партию. Среди них был левый интеллектуал, известный журналист Курт Тухольский, который призвал СДПГ «не искать своего врага в постели» и не присоединять свой голос к хору тех, «кто презирает человека только за то, что он гомосексуален». Но социал-демократов не остановил ни протест Тухольского, ни то, что их обвинения в адрес Рема находились в резком противоречии с требованием СДПГ отменить §175 Уголовного кодекса, который трактовал гомосексуальную связь как «противоестественные развратные действия»⁶.

Идея использовать гомосексуальность некоторых высокопоставленных нацистов для дискредитации всей гитлеровской партии была заимствована немецкими коммунистами, а через них проникла в советскую антифашистскую пропаганду.

Двадцать седьмого февраля 1933 г. было подожжено здание рейхстага, и на следующий день президент Германии Пауль фон Гинденбург подписал предложенный Гитлером декрет «Об охране народа и государства», позволивший нацистам развязать террор против рабочих партий, прежде всего против КПП. В поджоге был обвинен голландский гражданин, коммунист Маринус ван дер Люббе, а его организаторами объявлены болгарские коммунисты Георгий Димитров, Благой Попов, Василь Танев и председатель коммунистической фракции рейхстага Эрнст Торглер. В ответ КПП возложила вину за организацию поджога на самих гитлеровцев и приступила к сбору компрометирующего материала, который планировалось обнародовать до начала судебного процесса. Подготовка специальной книги проводилась в Париже в издательстве «Каррефур», которым руководил известный деятель КПП и Коминтерна Вилли Мюнценбергер. Политическая редакция была возложена на журналиста Александра Абуша, редакторскую работу выполнял Отто Кац, известный под

---

⁶ §175 действовал с 1 января 1871 до 11 июня 1994 г. Национал-социалисты в 1935 г. увеличили срок тюремного заключения для мужчин-гомосексуалистов с 6 месяцев до 5 лет.

журналистским псевдонимом Андре Симон. Материалы для книги писали Рудольф Фейстман, Альберт Норден, Мартин Андерсен-Нексе, Ромен Роллан, Эгон Эрвин Киш, Линкольн Стеффенс, Эрнст Толлер, Майкл Голд, Андрэ Жид, Анри Барбюс. Немецкое издание «Коричневой книги о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре» было готово 1 августа 1933 г. Через несколько недель она была напечатана на французском и английском языках⁷, а вскоре «Коричневую книгу», ставшую бестселлером, можно было прочитать на 20 языках.

Доказывая, что рейхстаг был подожжен национал-социалистами, коммунисты выдвинули версию о том, что ван дер Люббе и Рем были хорошо знакомы до 27 февраля 1933 г. Чтобы подтвердить это, авторы «Коричневой книги» обвинили голландского коммуниста в гомосексуальной связи с шефом СА. Читателям рассказывалось, что уже в 12-летнем возрасте школьные товарищи подтрунивали над страхом ван дер Люббе перед девочками.

«Эта его особенность так бросалась в глаза, что его бывшие товарищи и теперь еще в один голос вспоминают о ней. Его нельзя было уговорить остаться в обществе девочек. Он искал предмета своей любви среди своих сверстников-школьников». В шестнадцать лет «при каждом удобном случае он любит показать силу своих мускулов. Тем непонятнее для его товарищей-каменищиков была его боязнь женщин»⁸.

Рассказывая об обитателях меблированных комнат в голландском городе Лейдене, где ван дер Люббе проживал в начале 1930х гг., авторы писали:

«Все... жильцы были связаны одной общей чертой: они были гомосексуалисты; тот или другой из них, быть может, способен был также к нормальному половому влечению. Сам по себе этот факт не имеет значения и, может быть, не заслуживал бы упоминания. Но мы должны подчеркнуть его, потому что на почве гомосексуальности ван дер Люббе возникла в дальней-

---

⁷ Безыменский. 1981: 82-83.

⁸ Коричневая книга. 1933: 43.

шем его связь с национал-социалистами во время его поездок в Германию»⁹.

По версии «Коричневой книги», ван дер Люббе познакомился с Ремом осенью 1931 г. через советника начальника штаба СА по вопросам внешней политики д-ра Георга Белла. Белл, заявляя авторы, одновременно «обдывал амурные дела» педераста Рема, поставляя ему юношей – «живой товар». Интересно, что коммунисты при этом воспользовались письмами Рема к молодым людям, опубликованными в социал-демократической «Мюнхенер пост». Не остались без внимания составителей книги и запротоколированные показания друга Белла:

«Д-р Белл вынул из своего секретного шкафа несколько документов. Он указал мне на один лист и заметил: “Это перечень любовных походов Рема. Если я когда-либо обнаружу этот перечень, Рем будет политически мертвым человеком”. Он показал мне этот список. В нем значилось около 30 фамилий. Я с точностью помню одно имя “Ринус”, за которым следовала голландская фамилия, начинающаяся словами “ван дер”»¹⁰.

Немецкие коммунисты утверждали, что «полуслепой мальчишка-педераст Маринус ван дер Люббе» был избран в качестве орудия организаторами поджога рейхстага Герингом и Геббельсом, потому что «гомосексуальные связи ван дер Люббе с национал-социалистическими вождями, его материальная зависимость от них делали его покорным рабом поджигателей»¹¹. В «Коричневой книге» были дискредитированы и нацистская верхушка, и ван дер Люббе, для чего использовались традиционные гомофобные клише о мужчинах-гомосексуалистах: их внешнее женоподобие, «робость и страх перед женщинами», «женская повадка», «странная мягкость, которую часто можно заметить у гомосексуалистов», «потребность в привязанности и нежности мужчин». Рассказ ван

⁹ Коричневая книга. 1933: 48.

¹⁰ Коричневая книга. 1933: 52.

¹¹ Коричневая книга. 1933: 59.

дер Люббе о спасении им девушки из дома терпимости в Будапеште интерпретировался по Фрейду как типичное для гомосексуалистов проявление «комплекса Парсифаля». Сексуальная развращенность ван дер Люббе, констатировали коммунисты, сочеталась с его политической развращенностью и непомерной жаждой славы¹².

Многие голландские анархисты – друзья ван дер Люббе – заявляли, что обвинения его в гомосексуализме были выдумкой от начала до конца. В 1933 г. в Амстердаме вышла в свет «Красная книга», снимавшая с голландца всякие подозрения в гомосексуальности. Авторы привели семь свидетельств, опровергающих версию коммунистов, и доказывали, что Отто Кац, специально командированный в Голландию, фальсифицировал цитаты из документов. Однако «Красная книга» была издана только в Нидерландах небольшим тиражом и не привлекла к себе внимания. Малоизвестным остался и нацеленный на защиту ван дер Люббе роман «Окрестный шаг молодежи», написанный в 1939 г. двумя гомосексуалистами – бывшим голландским коммунистом Джефом Ластом и немецким эмигрантом Гарри Вильде¹³.

***

В 1931-1932 гг., когда немецкая социал-демократия раздувала скандал вокруг гомосексуальных пристрастий Рема, советские СМИ ничего не сообщали о гомосексуализме в гитлеровском движении. Проникновение гомофобии в советскую антифашистскую пропаганду произошло только во второй половине 1933 г. в связи с подготовкой в Третьем рейхе процесса о поджоге рейхстага. При этом выход во Франции первого издания «Коричневой книги» в августе 1933 г. остался в СССР незамеченным. Однако месяц спустя, когда книга была еще раз выпущена на немецком языке базельским издательством «Универсум бюхерай», в СССР началась активная работа по ознакомлению общественности с ее содержанием. 4 сен-

¹² Коричневая книга. 1933: 48-50, 53.

¹³ Müller. 2012: 120.

тября «Правда» и «Известия» опубликовали довольно большие заметки о «Коричневой книге», не упомянув о том, что речь идет уже о ее втором издании¹⁴. Через несколько дней часть собранных авторами книги материалов была перепечатана в журнале «За рубежом»¹⁵.

Десятого сентября 1933 г. в «Известиях» была помещена биографическая статья о ван дер Люббе, построенная на материалах «Коричневой книги» и снабженная пространными цитатами из нее.

«Его патологические наклонности интимно связали его с некоторыми деятелями национал-социалистического движения. Он попал не только в моральную, но и в материальную зависимость от них», — говорилось в статье.

Автор публикации, подписавшийся псевдонимом «Юр», не ограничился показом «морального падения» ван дер Люббе, а, сославшись на «классиков» марксизма, преподнес гомосексуализм как порок эксплуататорских классов. Он писал:

«во второй половине прошлого столетия немецкая аристократия была уже весьма основательно разложена и деморализована. Все виды пороков, в том числе и гомосексуализм, широко практиковались среди них».

В подтверждение автор цитировал письмо Энгельса Марксу от 22 июня 1869 г., которое «по сегодняшний день не потеряло своей свежести». Письмо, в котором гомосексуализм был назван «свинством», позволяло представить гомофобную антифашистскую пропаганду как марксистскую критику нацизма и придать ей статус бесспорной истины: гомосексуалисты объединяются в некую организацию, имеют влияние на государство, гомосексуализм связан с порочностью капиталистической системы, он распространен именно в Германии, гомосексуалисты навязжут свои сексуальные предпочтения «здоровому» гетеросексуальному обществу. Все это позволяло советским пропагандистам представить поджог

¹⁴ Правда. 1933. 4 сентября: 4; Известия. 1933. 4 сентября: 2.

¹⁵ Известия. 1933. 8 сентября: 1.

рейхстага как акт группы извращенцев, организованных в гитлеровскую партию. Энгельс писал:

«Педерасты начинают спланировать и полагают, что они составляют силу в государстве. Им не хватало только организации, но... она, по-видимому, уже тайно существует. И так как они насчитывают у себя во всех старых и даже новых партиях... выдающихся людей, то победа неминуема... Счастье еще, что мы лично слишком стары, чтобы опасаться, что при победе этой партии нас заставят своим телом платить податки победителям. Но молодое поколение!»¹⁶

«Известия», по-видимому, постеснялись опубликовать письмо полностью, пропустив имевшиеся в нем весьма сомнительные остроты Энгельса:

«Guerre aux cons, paix aux trous-de-cul!»

«Но погоди, когда новое северо-германское уложение признает droits du cul (права з...цы), тогда дело пойдет по-другому. Нам, бедным людям, привыкшим действовать спереди, с нашей ребяческой склонностью к женщине, придется тогда плоховато»¹⁷.

Версия о поджоге рейхстага нацистами, основанная на их гомосексуальности, стремительно тиражировалась в СССР. Уже 16 сентября была сдана в производство брошюра, представляющая собой перевод части «Коричневой книги» на русский язык. О спешке, с которой готовилось издание, говорит тот факт, что брошюра была подписана к печати через три дня, тогда как для книг, публиковавшихся обычным порядком, время от сдачи в набор до подписания к печати составляло более двух месяцев. В эту брошюру, отпечатанную тиражом 50 тысяч экземпляров, полностью вошла глава о давних связях ван дер Люббе с нацистами на почве гомосексуализма¹⁸. В конце 1933 г. в Советском Союзе тиражом 25 тысяч экземпляров был издан полный перевод «Коричневой книги».

¹⁶ Юр. 1933: 2.

¹⁷ Энгельс. 1931: 203-204.

¹⁸ О поджоге рейхстага (Из «Коричневой книги»). 1933: 11-25.

В советской прессе освещался ход контрпроцесса о поджоге рейхстага, проводившегося в середине сентября 1933 г. в Лондоне под председательством видного деятеля лейбористской партии Стаффорда Криппса. Согласно сообщению лондонского корреспондента «Известий», на процессе были заслушаны «показания ряда лиц, которые охарактеризовали ван дер Люббе как врага коммунистов, как физически и психически дефективного человека и гомосексуалиста». В ходе допроса голландских свидетелей выяснилось, что ван дер Люббе в своих гомосексуальных контактах «исполнял... пассивную роль». Один из присутствовавших на допросе немецких журналистов указал на интимную связь между ван дер Люббе и Ремом. Все это подтверждало версию о поджоге рейхстага как нацистской провокации и позволяло связать гомосексуальность с антикоммунизмом, физической и психической неполноценностью¹⁹. В заключение юридического комитета Международной следственной комиссии о результатах контрпроцесса, обнародованном 20 сентября 1933 г. в Лондоне, с одной стороны, подтверждалась гомосексуальность ван дер Люббе, но, с другой стороны, выражались серьезные сомнения в достоверности сведений Г. Белла и знакомстве ван дер Люббе с Ремом или каким-либо национал-социалистом до пожара²⁰. Такие выводы подрывали версию о нацистском заговоре, и заключение комиссии было фальсифицировано советскими СМИ:

«Отчет разоблачает тесную связь, существовавшую между ван дер Люббе и руководителями национал-социалистской партии, которые использовали его как орудие для борьбы с коммунистической партией»²¹.

21 сентября 1933 г. в Лейпциге начался судебный процесс по делу о поджоге, а через два дня появилась биографическая статья о ван дер Люббе в газете «Правда».

¹⁹ Дженкинс. 1933: 2.

²⁰ Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. 1981: 546, 556.

²¹ Конд. 1933: 1.

Д. И. Заславский, основываясь на материалах «Коричневой книги», представлял голландца как «образец той разлагающейся, гниющей прослойки мелкой буржуазии, в которой мещанский анархизм великолепно уживается с холопской преданностью господам». Среди аргументов, подтверждающих этот вывод, фигурировала и сексуальная связь между ван дер Люббе и Ремом²².

Ход Лейпцигского процесса ежедневно освещался в советской прессе. С первого дня процесса в центр судебного разбирательства попала «Коричневая книга». Государственный обвинитель Вернер попытался опровергнуть содержащиеся в ней обвинения в адрес гитлеровцев. С коммунистической версией поджога рейхстага полемизировали свидетели Геринг, Геббельс, Гелльдорф и Хейнес. Тот факт, что ход судебных заседаний определял обвиняемый Димитров, несостоятельность Вернера и нацистских свидетелей убеждали общественность в правоте коммунистов. 9 ноября болгарский коммунист в ответ на попытку представителей обвинения дискредитировать его в моральном плане прозрачно намекнул на гомосексуальность нацистов:

«Я хотел бы раз навсегда заявить здесь, что я не импотент и не гомосексуалист, а настоящий мужчина»²³

В приговоре, вынесенном 23 декабря, сохранился тезис обвинения о коммунистическом заговоре, но Димитров, Попов, Танев и Торглер были оправданы за недостаточностью доказательств. Ван дер Люббе, напротив, был признан виновным и приговорен к смерти. В глазах антифашистов такой исход процесса подтверждал теорию о поджоге рейхстага как нацистской провокации, а значит, и о гомосексуальной связи между ван дер Люббе и видными функционерами гитлеровской партии.

Как раз в это время условия для использования гомофобии в советской антифашистской пропаганде стали еще более

---

²² Заславский. 1933: 4.

²³ Правда. 1933. 11 ноября: 4.

благоприятными. 17 декабря 1933 г. ЦИК СССР принял постановление, согласно которому мужеложство квалифицировалось как уголовное преступление. Соответствующие изменения в уголовные кодексы всех советских республик были внесены 7 марта 1934 г. Например, по статье 121 УК РСФСР мужеложство каралось лишением свободы на срок до 5 лет, а при наличии отягчающих обстоятельств – до 8 лет.

В январе 1934 г. была сдана в производство книга Николая Корнева «От Носке до Гитлера», в которой была помещена биография Рема. Автор называл гомосексуальные отношения не иначе как «гомосексуальным развратом» или «грубым развратом» и сообщал, что в казармах нацистских штурмовых отрядов с гомосексуальностью соседствовали другие пороки: пьянки, скандалы, доноительство, растраты, солдафонство, «ландскнехтские манеры самого худшего пошиба»²⁴.

Международное распространение получила антифашистская статья Максима Горького «Пролетарский гуманизм», опубликованная одновременно в «Правде» и «Известиях» в мае 1934 г. В статье, которую «очень одобрил товарищ Сталин»²⁵, содержалось следующее положение:

«Не десятки, а сотни фактов говорят о разрушительном, разлагающем влиянии фашизма на молодежь Европы. Перечислять факты – противно, да и память отказывается загружаться грязью, которую все более усердно и обильно фабрикует буржуазия. Укажу, однако, что в стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным и наказуемым, а в “культурной” стране великих философов, ученых, музыкантов он действует свободно и безнаказанно. Уже сложилась саркастическая поговорка: “Уничтожьте гомосексуалистов – фашизм исчезнет”»²⁶.

---

²⁴ Корнев. 1934: 368-369.

²⁵ Горький. 1953: 558.

²⁶ Горький. 1934: 2.

Вскоре статья Горького была издана на немецком языке в эмигрантском журнале «Обзорение политики, экономики и рабочего движения»²⁷.

Именно эта публикация используется современными исследователями ФРГ, представляющими советского писателя едва ли не как главного творца пропагандистской формулы о тождестве национал-социализма и гомосексуальности. Немецкий историк Александр Цинн пишет, что еще с 1931 г. клише о «гомосексуальном наци» было постоянным спутником коммунистической политики, а высказывание Горького является апогеем «абсурдного бредового представления» о том, что «НСДАП стала движением гомосексуалистов»²⁸. Соотечественник Цинна Клаус Мюллер неверно датирует статью «Пролетарский гуманизм» 23 мая 1931 г. На этой ошибке он выстраивает свою концепцию о том, что связь между гомосексуализмом и нацизмом, сконструированная немецкими коммунистами-эмигрантами в «Коричневой книге», опиралась на «советскую пропаганду при Сталине»²⁹. Таким образом, СССР превращается в инициатора использования гомофобной аргументации для критики германского фашизма, в то время как в действительности советская пропаганда заимствовала эту идею у немецких коммунистов, а КПГ, в свою очередь, воспользовалась опытом социал-демократов.

Толчок новой пропагандистской активности в СССР по поводу распространения гомосексуализма в нацистском движении был дан событиями «ночи длинных ножей» – расправы, которую Гитлер учинил над руководителями штурмовиков. 30 июня 1934 г. нацистский вождь ликвидировал оппозицию внутри своей партии, физически уничтожив верхушку штурмовых отрядов. Среди погибших был и начальник штаба СА, «вконец развращенный субъект»³⁰ Эрнст Рем. 1 июля

---

²⁷ Gorki. 1934: 1297-1299.

²⁸ Zinn. 2012: 85.

²⁹ Müller. 2012: 120.

³⁰ Лебедев. 1934: 3.

«Правда» полностью воспроизвела официальное заявление отдела печати НСДАП, в котором говорилось: «Известная несчастная склонность Рема постепенно привела к такому невозможному положению, что у самого Гитлера создавались самые тяжелые внутренние конфликты с его совестью». Редакция «Правды» поясняла советским читателям: «Под словами “несчастливая склонность Рема” подразумевается его гомосексуализм». Далее в официальном немецком сообщении говорилось:

«проведенные аресты выявили настолько тяжелые с моральной точки зрения картины, что всякий намек на жалость должен был исчезнуть. Некоторые из этих руководителей штурмовых отрядов взяли с собой мальчиков, с которыми они сожительствова­ли. Одного за­стали в самой омерзительной ситуации и тут же арестовали его»³¹.

Советским читателям сообщалось, что Германское информационное бюро приводит рассказ очевидца ареста Рема, вожака силезских штурмовиков Хейнеса и некоторых других функционеров СА в Висзее:

«В этом “рассказе” сделана попытка выпятить на первое место общеизвестное омерзительное разложение среди национал-социалистских верхов и дается нецензурное описание разврата “вождей” штурмовиков на даче под Мюнхеном»³².

Объясняя советским людям «политический смысл событий в Германии», И. Ерухимович преподнес гомосексуальность как порок всей нацистской партии:

«Великим перстом вождь указывает на дверь... Враг национал-социализма застигнут врасплох: штаб “мятежников” полон... мальчишками, “с которыми... сожительствова­ли некоторые из... руководителей штурмовых отрядов”. “Гнездо мятежа” раздавлено».

В статье говорилось, что официальное сообщение отдела печати НСДАП:

---

³¹ Правда. 1934. 1 июля (2): 1.

³² Правда. 1934. 1 июля (1): 1.

«грязная панорама, сотканная из омерзительных подробностей личных свойств и образа жизни “чистокровных арийцев”. Перед нами потрясающий портрет наиболее видных лидеров фашистского режима, этих маленьких царьков, в течение 17 месяцев творящих суд и расправу над трудящимся народом Германии. Перед нами не один Рем... Рем – это собирательный тип... Грязное белье Рема... является доподлинным знаменем фашистского “возрождения”»³³.

На следующий день «Известия» процитировали приказ Гитлера новому начальнику штаба СА Виктору Лютце:

«Я ожидаю, что все руководители штурмовых отрядов смогут сохранить и укрепить штурмовые отряды в нравственной чистоте. Я особенно хочу, чтобы каждая мать могла отдать своего сына в штурмовой отряд, в партию или союз гитлеровской молодежи, не боясь того, что он может быть там испорчен в моральном или нравственном отношении»³⁴.

Третьего июля берлинский корреспондент «Известий» Д. П. Бухарцев писал:

«События 30 июня развернули перед народными массами Германии омерзительнейшую картину моральной гнили, разврата, карьеризма, коррупции и тому подобных нравов, господствовавших в руководстве штурмовых отрядов. Вообще-то это не было “открытием Америки”. О нравах, господствовавших в штурмовых отрядах, с оглядкой и опаской говорили во всех общественных кругах Германии уже давно... Гной, вытекающий сейчас из штаба штурмовиков, может разлиться и дальше, далеко за пределы,³⁵ намеченные ему национал-социалистским руководством»³⁵.

Корреспондент «Правды» Гофман приводил немецкое официальное сообщение, согласно которому заговор штурмовиков действительно существовал: Рем хотел устранить Гитлера и установить «диктатуру педерастов»³⁶.

³³ Ерухимович. 1934: 2.

³⁴ Бухарцев. 1934(1): 3.

³⁵ Бухарцев. 1934(2): 1.

³⁶ Гофман. 1934: 1.

Десятого июля в «Известиях» были помещены выдержки из сообщений нацистов-эмигрантов, опубликованные в австрийской и швейцарской прессе и содержащие «характерные подробности последних событий в Германии». В частности, советским читателям рассказывалось, что во время ареста Рем и Хейнес «с молодыми людьми» находились на Вилле Рема в Висее и что «наибольшее впечатление произвело в Германии разоблачение фактов гомосексуализма и коррупции»³⁷.

Новые аргументы для гомофобной критики нацизма дал в руки советской пропаганды сам Гитлер, собравший 14 июля – после шестимесячного перерыва – заседание рейхстага. Посвятив всю речь событиям «ночи длинных ножей», Гитлер заявил:

«Но самое худшее заключалось в том, что из-за общего известного болезненного предрасположения в иттурмовых отрядах начала образовываться секта, которая начала бунтовать не только против нормальных воззрений здорового народа, но и против государственной безопасности».

Если вождь Третьего рейха таким способом связывал гомосексуализм с антигосударственной деятельностью, то для антифашистской пропаганды в СССР его слова служили еще одним подтверждением «испорченности» нацистской верхушки. Сообщение ТАСС о выступлении рейхсканцлера было одновременно опубликовано в двух ведущих советских газетах³⁸.

Против травли гомосексуалистов под знаменем борьбы с нацизмом высказался немецкий писатель Клаус Манн:

*«Собираются сделать из “этих” гомосексуалистов козлов отпущения – “евреев” для антифашистов. Это отвратительно. Если человек имеет общее с несколькими бандитами эротическое предрасположение, то это еще не делает его бандитом»*³⁹.

³⁷ Известия. 1934. 10 июля: 2.

³⁸ Правда. 1934. 15 июля: 5; Известия. 1934. 15 июля: 1.

³⁹ Mann. 1934: 675-678.

Основатель Сексологического института в Гамбурге психиатр Магнус Гиршфельд доказывал, что гомосексуальность Рема не была причиной его устранения, а лишь использовалась Гитлером в политических целях, как «ядовитая стрела», которая почти никогда не пролетает мимо цели. Хейнес был убийцей не из-за своей гомосексуальности, большинство нацистских палачей гетеросексуальны, то есть, «сексуально нормальны». Разве многие герои, до сих пор почитаемые гитлеровцами, не были гомосексуалистами? Разве до сих пор не находятся на влиятельных постах в Третьей империи многие гомосексуалисты? – восклицал автор.

«Мы видим, что происходящее в Третьем рейхе внутри СА не является чем-то новым и оригинальным. Уничтожение ненавистных противников путем использования их сексуальных свойств тоже не ново. Новым является лишь их использование с таким неистовством»⁴⁰.

Однако статьи Манна «Левые и “этот порок”» и Гиршфельда «Мужские союзы» не совпадали с советской интерпретацией «ночи длинных ножей» и не были опубликованы в СССР. Более того, возможно, именно расправа Гитлера с Ремом натолкнула советские репрессивные органы на мысль инкриминировать гомосексуальные связи «врагам народа». В частности, бывший нарком внутренних дел Н. И. Ежов в апреле 1939 г. оговорил себя в ходе следствия, сообщив о своем «давнем пороке – педерастии» и раскаявшись в собственном «морально-бытовом разложении». В обвинительном заключении было сказано, что Ежов совершал акты мужеложства, «действуя в антисоветских и корыстных целях». Впрочем, эти обвинения не стали достоянием общественности – в Советском Союзе об аресте и расстреле Ежова ничего не сообщалось⁴¹.

К концу июля 1934 г. советская пропагандистская кампания вокруг «ночи длинных ножей» утихла. В это время и в

---

⁴⁰ Hirschfeld. 1934: 1-2.

⁴¹ Петров, Янсен. 2008: 365-366.

зарубежной прессе, и в СССР публикуются сведения о том, что германские власти преследуют гомосексуалистов. При этом некоторые зарубежные наблюдатели выступали в поддержку преследуемого меньшинства. Например, автор статьи в эмигрантской «Ежедневной парижской газете», подписавшийся псевдонимом «Эксперт», Рассказывал, что в начале XX века в Берлине существовали 125 ресторанов, кафе, закусочных, где свободно собирались гомосексуальные мужчины и женщины. Тогдашний начальник уголовной полиции поддерживал эту «разумную и гуманную систему», проводил «умную и хорошо зарекомендовавшую себя тактику»: лучше, если гомосексуалисты в этих заведениях общаются между собой, держатся «подальше от нормальных кругов». В этом случае их легче держать под контролем полиции, что лучше и для них самих – так они не попадают в руки вымогателей, спекулирующих на «их злополучных склонностях». Нацистский вождь и его консультанты наверняка не знают, писал «Эксперт», что в Германии, как и в других странах, 3% населения, то есть сотни тысяч человек, от природы гомосексуальны. Поэтому репрессии гитлеровцев против гомосексуалистов – ни что иное как «удар по воде» и «война с ветряными мельницами»⁴².

Однако в советской печати воспроизводились публикации тех зарубежных изданий, которые трактовали преследования гомосексуалистов в Третьем рейхе с позиции гомофобии. В декабре 1934 г. советским читателям со ссылкой на «Нойе цюрихер цайтунг» сообщалось, что вооруженные эсэсовские отряды в течение нескольких ночей

«проводили облавы в ночных ресторанах и барах западной части Берлина, которые посещаются гомосексуалистами ... Среди арестованных свыше 20 руководителей т.н. гитлеровской молодежи». По словам швейцарской газеты, «эти аресты приобретают особый политический привкус в связи с стремле-

---

⁴² Expertus. 1935: 1-2.

нием обезвредить остатки тех лиц, которые сгруппировались вокруг Рема, Хейнеса и других жертв 30 июня»⁴³.

Через несколько дней «Известия» перепечатали материал американского медицинского журнала «Medical record» о том, что за время пребывания национал-социалистов у власти в Германии

*«сильно выросла проституция как среди женщин, так и среди мужчин. Сильное распространение получил также гомосексуализм. Рекорд в этом отношении побил Берлин. В Берлине в настоящее время имеется 45 тыс. гомосексуалистов»*⁴⁴.

Подобные данные, достоверность которых сейчас вызывает сомнение, укладывались в теорию о прогрессирующем моральном разложении буржуазного общества при фашизме, о связи гомосексуальности и нацизма, расширяли за счет вожаков Гитлерюгенда круг лиц, которым инкриминировались гомосексуальные наклонности.

В середине 1930х гг. отождествление нацизма и гомосексуализма стало в советской пропаганде хотя и нечасто упоминаемым, но само собой разумеющимся. Оно уже не нуждалось в доказательствах, а само эпизодически использовалось как неопровержимый аргумент. Например, в 1936 г. немецкий профессор-эмигрант Юрген Шаксель, доказывая несостоятельность нацистской расовой теории, приводил такой довод:

*«Как раз среда высших национал-социалистских кругов породила много всяких болезненных типов (шизофреников, маньяков, алкоголиков) и лиц, подверженных различным половым извращениям, как гомосексуалисты, садисты и пр.»*⁴⁵

В антифашистской брошюре Л. Бернара говорилось о гитлеровской Германии:

«Чудовищное зрелище! Словно уголовные преступники, посаженные в клетку за разбой, воровство, поджоги, мошенниче-

⁴³ Известия. 1934. 18 декабря: 2.

⁴⁴ Известия. 1934. 28 декабря: 2.

⁴⁵ Шаксель. 1936: 2.

ство, гомосексуализм, вырвались на свободу и засадили весь народ в гигантскую тюрьму»⁴⁶.

Автор утверждал: «Гомосексуализм, разнузданный разврат широко распространены в правящих сферах фашизма. Этими похождениями прославился впавший в немилость и расстрелянный 30 июня 1934 г. начальник штурмовых отрядов Рем. Лавры гомосексуалиста украшают чело Гелльдорфа – теперешнего начальника берлинской полиции, одного из организаторов поджога рейхстага»⁴⁷.

В 1937 г. была опубликована книга Н. Корнева «Третья империя в лицах», в которой полностью воспроизводились высказывания автора о штурмовых отрядах трехлетней давности⁴⁸. Более того, Н. Корнев «разоблачил» еще одного гомосексуалиста в верхушке нацистской партии – графа Вольфа фон Гелльдорфа – и привел новые доказательства гомосексуальной связи между нацистскими вождями и ван дер Люббе. Граф Гелльдорф был представлен как близкий друг Гитлера и «типичный люмпен-аристократ», что позволяло интерпретировать гомосексуальность и как «порок» нацистских вождей, и как признак разложения капиталистического общества.

Читателям сообщалось, что в 1930 г. Гелльдорф «становится одним из интимнейших участников кружка Рема... ибо, как и Эрнст Рем, Вольф Гелльдорф является одним из известнейших в Берлине гомосексуалистов ... В салонах Рема Гелльдорф встречается с подонками берлинского дна, ибо рекрутирующиеся среди совершенно деклассированных долголетней безработицей рабочих и служащих юноши-проститутки являются самыми жалкими, вследствие полной своей физической и моральной развращенности, элементами большого города».

По версии Н. Корнева, Гелльдорфу, в то время возглавлявшему берлинских штурмовиков, была поручена организация поджога рейхстага, но ему «очень не хотелось самолично участвовать в опасном предприятии», и поэтому граф «нашел

⁴⁶ Бернар. 1936: 7.

⁴⁷ Бернар. 1936: 21.

⁴⁸ Корнев. 1937: 491-492.

гомосексуалиста ван дер Люббе во время своих странствований по берлинским притонам, или его нашли для Гелльдорфа его приятели и сводники. Во всяком случае, известно, что ван дер Люббе значился в гомосексуалистском “донжуанском” списке Рема, постоянно делившем свои любовные утехы и пьянки с Гелльдорфом». В книге доказывалось, что «роль Гелльдорфа в поджоге рейхстага в особенности ярко выступает в его взаимоотношениях с ван дер Люббе». Поведение этих участников Лейпцигского процесса во время очной ставки⁴⁹, как утверждал автор, свидетельствовало, «что инструмент фашистской провокации, попавший в лапы поджигателей рейхстага, был до своего появления в рейхстаге связан с графом Гелльдорфом какими-то старыми узами любви и дружбы, быть может, той “любви”, которая связывает фашистского развратника с его гомосексуалистическими любовниками, где похабные слова “ласки” очень быстро сменяются еще более похабными словами грубых приказаний казарменного остряка, купившего живой товар и измывающегося над ним». Затем Н. Корнев с максимальной эффективностью использовал гомофобную аргументацию:

«Кто видел еще до прихода национал-социалистов к власти бродящих по улицам Берлина жалких и отвратительных в своем разложении протитирующих мужчин-гомосексуалистов, кто мог наблюдать в кафе и ресторанах, где “большой свет” великосветских развратников соприкасается с “полусветом” мужской и женской протитиции, эти боязливые, затравленные собачьи взгляды мужчин-протитинок, тот поймет из послушной реакции ван дер Люббе на окрик графа Гелльдорфа, что люмпен-пролетарий, опустившийся на дно протитиции и провокации, и граф, считающий, что он поднялся на самые вершины буржуазного благополучия, не раз встречались до того, как их поставили лицом к лицу в зале лейпцигского суда»⁵⁰.

Отметим, что советская антифашистская пропаганда отнюдь не была оригинальной. В 1934-1937 гг. обвинения на-

⁴⁹ Известия. 1933. 21 октября: 2.

⁵⁰ Корнев. 1937: 211-217.

цистов в гомосексуализме время от времени появлялись на страницах периодических изданий немецких эмигрантов разных политических направлений. В защиту гомосексуалистов и против отождествления национал-социализма и гомосексуальности выступила только леволиберальная «Ежедневная парижская газета». Один из ее ведущих журналистов Курт Каро, писавший под псевдонимом «Мануэль Хумберт», писал, что однополая мужская любовь в штурмовых отрядах не является из ряда вон выходящим случаем. Мужские союзы нередко обретают дополнительную сплоченность и превращаются в секты заговорщиков именно при помощи «гомосексуальных наклонностей» своих участников. Штурмовые отряды были не первым в истории Германии подобным мужским союзом. Закономерно, что железная дисциплина в СА поддерживалась как жестоким террором, так и эротикой.

«Гомосексуальность здесь никогда не была частным делом, а являлась формой проявления политического движения», говорило в статье Каро «Гомоэротика под знаком свастики»⁵¹.

***

Вслед за подписанием пакта Риббентропа-Молотова всякая критика Германии была прекращена, с проката снимались антифашистские фильмы, из магазинов и библиотек изымались книги. Так, в феврале 1940 г. книга Н. Корнева «Третья империя в лицах» попала в список изданий, подлежащих изъятию из продажи и из библиотек, поскольку критика автором «изуверства германского фашизма» была признана Главлитом «очень острой» и не соответствующей «нашей внешней политике».

Сразу же после нападения Германии на Советский Союз антифашистская пропаганда в СССР возобновилась, была реанимирована риторика 1930-х гг. и вместе с ней – разоблачение гомосексуальности нацистов. Уже 16 июля 1941 г. издательством Академии наук СССР была подписана к печати брошюра с выдержками из антифашистских статей

---

⁵¹ Humbert. 1937: 1.

М. Горького, в которую был включен и процитированный выше отрывок из работы «Пролетарский гуманизм»⁵².

В начале 1942 г. военным факультетом западных языков был издан «Немецко-русский словарь жаргонных слов, кличек и крепких словечек». В предисловии генерал-майора Н. Н. Биязи слова «warmer Bruder», которыми в немецкой разговорной речи обозначался педераст, гомосексуалист, были помещены в раздел «Гитлеровские развратники и садисты». В качестве примера приводился «фашистский офицер, принуждающий своего денщика к сожительству». Негативная характеристика гомосексуальности усиливалась вследствие того, что в этом же разделе пояснялось значение слов «Schürzenjäger» – «бабник, охотник за юбками, фашистский насильник» (в действительности: бабник, юбочник, волокита) и «Schänder» - «насильник, растлитель, фашист гитлеровской армии» (в действительности: осквернитель, насильник, растлитель). Сюда же Н. Н. Биязи включил глагол «herauskitzeln» - «выщекотать, т.е. получить путем пыток сведения от безоружного пленного»⁵³.

В это же время видный советский юрист И. П. Трайнин напомнил читателям о «ночи длинных ножей» и о том, как нацистский вождь обосновывал расправу над лидерами штурмовых отрядов.

«Как будто Гитлер раньше не знал о “болезненном предрасположении” вождей штурмовиков, - иронизировал советский автор. – Бойня была устроена потому, что этого требовали империалистические клики».

Как и в 1930-х гг., гомосексуальная ориентация верхушки штурмовиков в трактовке Трайнина бросала тень на всю нацистскую партию и самого Гитлера, который долго покрывал «шайку педерастов»⁵⁴.

---

⁵² М. Горький о борьбе с фашистским варварством. 1941: 6-8.

⁵³ Ауэрбах. 1942: V.

⁵⁴ Трайнин. 1942: 21.

После войны упреки национал-социалистов в гомосексуальности, порой граничащие с отождествлением нацизма и гомосексуализма, заняли небольшое, но прочное место в произведениях советских ученых-обществоведов. Например, в 1970-е гг. два издания выдержал сборник статей известного философа Михаила Лифшица «Искусство и современный мир», в котором говорилось:

«Нет такого закона, что все отвергнутое Гитлером по тем или иным политическим соображениям (например, гомосексуализм) само по себе хорошо. Разумеется, мы сочувствуем людям, пострадавшим от фашистских преследований, независимо от их убеждений и философских или эстетических позиций»⁵⁵.

Очевидно, что М. Лифшиц не имел ничего против преследования гомосексуалистов и сопереживал только тем жертвам нацизма, которые пострадали за убеждения, но не за сексуальную ориентацию. В его словах содержится нелестный для Гитлера намек на то, что тот в действительности не был противником гомосексуальных связей.

Отношение к гомосексуальности как к постыдному пороку не раз использовалось советскими историками для усиления негативной характеристики нацистских вождей. Так, освещая события 30 июня 1934 г., Д. Е. Мельников и Л. Б. Черная рассказывали, что «гомосексуалист» Рем и его ближайшее окружение «всю ночь пьянствовали и развратничали и только под утро разошлись по своим комнатам». Советские авторы цитировали выдержку из дневника Альфреда Розенберга:

«В соседней комнате Хейнес лежал со своим мальчиком ... В коридоре фюреру попался вертлявый мужчина с нарумяненными щеками: “Кто вы такой?” “Я слуга господина начальника штаба”, — ответил этот приближенный Рема ... Фюрер приказал собрать⁵⁶ “мальчиков” в подвале и всех без исключения перестрелять».

⁵⁵ Лифшиц. 2009: 159.

⁵⁶ Мельников, Черная. 1991: 212; Мельников, Черная. 1987: 46.

В постсоветской исторической литературе о Третьем рейхе гомофобия выполняет ту же функцию – усиливает негативное впечатление о личностях нацистских руководителей и тем самым дискредитирует весь германский фашизм. В 1990-е гг. выдержала два издания и в 2010 г. была выпущена в виде аудиокниги работа Л. Б. Черной «Коричневые диктаторы». В ней говорится, что в биографии каждого крупного нацистского функционера «на заре его карьеры обязательно было какое-то темное пятно, чаще всего преступление, раскрытое или нераскрытое». Глава Германского трудового фронта Роберт Лей обвинялся в изнасиловании, шеф партийной канцелярии Мартин Борман организовал убийство, гауляйтер Франконии Юлиус Штрейхер соблазнил малолетнюю девочку, а «Эрнст Рем и его ближайшие сатрапы-штурмовики преследовались тогдашней юстицией за гомосексуализм»⁵⁷.

Таким образом, использование гомофобной аргументации в пропагандистской борьбе с германским нацизмом не было изобретением ни Советского Союза, ни международного коммунистического движения. Обвинения нацистских руководителей в гомосексуализме были заимствованы сначала немецкими коммунистами, а затем и советской пропагандой у германских социал-демократов, превративших гомофобию в оружие против гитлеровцев еще до их прихода к власти. Обвинения нацистов в гомосексуальных связях никогда не играли в советской антифашистской пропаганде главной роли, уступая по количеству, частоте появления и объему материалов другим сюжетам: нацистскому террору против коммунистов, безуспешной борьбе Гитлера с безработицей, обнищанию германского пролетариата. Даже антисемитизм, который также не относился к числу ведущих сюжетов советских СМИ, занимал большее место в критике немецкого нацизма, нежели упреки гитлеровцев в гомосексуализме. Апогей использования в советской пропаганде гомофобной аргументации пришелся на 1933-1934 гг. и был связан с Лейпцигским

---

⁵⁷ Черная. 1999: 99.

процессом о поджоге рейхстага и «ночью длинных ножей» - событиями, которые вызвали в Советском Союзе и во всем мире большой резонанс. В итоге тесная связь нацизма и гомосексуализма считалась в СССР неопровержимо доказанной и сама превратилась в аргумент, лишней раз подтверждающий антигуманистическую сущность германского фашизма. Роль СССР и, в частности, статьи Максима Горького «Пролетарский гуманизм» в распространении представления о тождественности национал-социализма и гомосексуализма сильно преувеличена немецкими историками. Периодические напоминания о гомосексуализме нацистов были типичны для подавляющего большинства антифашистов, за исключением леволиберальных немецких эмигрантов.

Резкое неприятие гомосексуализма в Советском Союзе базировалось на взглядах основоположников марксизма, трактовавших однополые связи как признак разложения буржуазного общества. Использование гомофобии в антифашистской пропаганде осуществлялось в условиях перехода советских властей от экспериментов в области брачно-семейных и сексуальных отношений к реставрации их традиционной модели. Сложившаяся в 1933-1939 гг. практика усиления отрицательных характеристик нацизма сведениями о гомосексуальности отдельных руководителей гитлеровской партии была продолжена во время Великой Отечественной войны, а после нее – унаследована советской историографией. Следы гомофобной аргументации в несколько смягченном варианте обнаруживаются в отечественной литературе о нацизме и в наши дни.

Александр Михайлович Ермаков

д.и.н., доцент кафедры всеобщей истории ЯГПУ

+7(4852)72-76-09

ermakov.a.m@mail.ru

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Ауэрбах. 1942. - *Ауэрбах Т.* Немецко-русский словарь жаргонных слов, кличек и крепких словечек. М., 1942.
- Бернар. 1936. - *Бернар Л.* Фашистская Германия – очаг варварства и мракобесия. М., Л., 1936.
- Бухарцев. 1934(1). - *Бухарцев Д.* Расправа с руководством штурмовых отрядов // Известия. 1934. 2 июля. С. 3.
- Бухарцев. 1934(2). - *Бухарцев Д.* Междуусобица в Германии // Известия. 1934. 3 июля. С. 1.
- Горький. 1934. - *Горький М.* Пролетарский гуманизм // Известия. 1934. 23 мая. С. 2.
- Горький. 1953. – *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. Статьи, речи, приветствия 1933-1936. М., 1953.
- Гофман. 1934. - *Гофман.* Как подготовлялся разгром «заговорщиков» // Правда. 1934. 3 июля. С. 1.
- Дженкинс. 1933. - *Дженкинс.* Лондонский контрпроцесс о поджоге рейхстага // Известия. 1933. 15 сентября. С. 2.
- Ерухимович. 1934. - *Ерухимович И.* Политический смысл событий в Германии // Правда. 1934. 1 июля. С. 2.
- Заславский. 1933. - *Заславский Д.* Орудие фашистской провокации // Правда. 1933. 23 сентября. С. 4.
- Известия. 1933. 4 сентября. - «Коричневая книга» // Известия. 1933. 4 сентября. С. 2.
- Известия. 1933. 8 сентября. - Скупка «Коричневой книги» // Известия. 1933. 8 сентября. С. 1.
- Известия. 1933. 21 октября. - Руководитель берлинских штурмовиков «дает показания» // Известия. 1933. 21 октября. С. 2.
- Известия. 1934. 10 июля. - Сообщения нац.-соц. эмигрантов // Известия. 1934. 10 июля. С. 2.
- Известия. 1934. 15 июля. - Гитлер о событиях 30 июня // Известия. 1934. 15 июля. С. 1.
- Известия. 1934. 18 декабря. - Брожение в лагере германского фашизма // Известия. 1934. 18 декабря. С. 2.
- Известия. 1934. 28 декабря. - Рост проституции // Известия. 1934. 28 декабря. С. 2.
- Конд. 1933. - *Конд.* Общественный приговор фашистским поджигателям // Правда. 1933. 21 сентября. С. 1.
- Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре. М., 1933.
- Корнев. 1934. - *Корнев Н.* От Носке до Гитлера. М., 1934.

- Корнев. 1937. - *Корнев Н.* Третья империя в лицах. М., 1937.
- Лебедев. 1934. - *Лебедев Д.* Сигналы истории // Комсомольская правда. 1934. 2 июля. С. 3.
- М. Горький о борьбе с фашистским варварством. Б/м, 1941.
- О поджоге рейхстага (Из «Коричневой книги»). М., 1933.
- Правда. 1933. 4 сентября. - «Коричневая книга» о поджоге рейхстага // Правда. 1933. 4 сентября. С. 4.
- Правда. 1933. 11 ноября. - Димитров допрашивает // Правда. 1933. 11 ноября. С. 4.
- Правда. 1934. 1 июля (1). - Подробности событий в Мюнхене // Правда. 1934. 1 июля. С. 1.
- Правда. 1934. 1 июля (2). - Спекуляция на собственной мерзости // Правда. 1934. 1 июля. С. 1.
- Правда. 1934. 15 июля. - Речь Гитлера в рейхстаге // Правда. 1934. 15 июля. С. 5.
- Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров: Документы: в 3 т. Т. 1. М., 1981.
- Трайнин. 1942. - *Трайнин И. П.* Гитлеровская партия, ее «идеология» и ее механизм. Ташкент, 1942.
- Шаксель. 1936. - *Шаксель Ю.* Расовое учение, наука и пролетарский интернационализм // Известия. 1936. 18 июня. С. 2.
- Энгельс Ф. 1931. - *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. XXIV. Переписка 1868-1885. М., 1931.
- Юр. 1933. - *Юр.* Маринус Ван-дер-Люббе // Известия. 1933. 10 сентября. С. 2.
- Expertus. 1935. - *Expertus.* Die «Ausrottung» der Homosexuellen im Dritten Reich // Pariser Tageblatt. 1935. 1. Januar. S. 1-2.
- Gorki. 1934. - *Gorki M.* Proletarischer Humanismus // Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung. 1934. Nr. 34. S. 1297-1299.
- Hirschfeld. 1934. - *Hirschfeld M.* Männerbünde. Sexualpsychologische Beitrag zur Roehm-Katastrophe // Pariser Tageblatt. 1934. 20. Juli. S. 1-2.
- Humbert. 1937. - *Humbert M.* Homoerotik unter dem Hakenkreuz // Pariser Tageszeitung. 1937. 22. Oktober. S. 1
- Mann. 1934. - *Mann K.* Die Linke und «das Laster» // Europäische Hefte. 1934. Nr. 36/37. S. 675-678.
- Verhandlungen des Reichstags. V. Wahlperiode 1930. Stenographische Berichte. Bd. 446. Berlin, 1932.

ЛИТЕРАТУРА

- Безыменский. 1981. - *Безыменский Л. А.* Разгаданные загадки третьего рейха. 1933-1941. М., 1981.

- Лифшиц. 2009. - *Лифшиц М.* Почему я не модернист? М., 2009.
- Мельников, Черная. 1987. - *Мельников Д. Е., Черная Л. Б.* Империя смерти: аппарат насилия в нацистской Германии. 1933-1945. М., 1987.
- Мельников, Черная. 1991. - *Мельников Д. Е., Черная Л. Б.* Преступник №1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.
- Петров, Янсен. 2008. - *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» - Николай Ежов. М., 2008.
- Черная. 1999. - *Черная Л. Б.* Коричневые диктаторы (Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, Риббентроп). Ростов-на-Дону, 1999.
- Bülow. 2000. - *Bülow C.* Der Umgang der nationalsozialistischen Justiz mit Homosexuellen. Diss. Oldenburg, 2000.
- Mergel. 2004. - *Mergel T.* Parlamentarische Kultur in der Weimarer Republik. Politische Kommunikation, symbolische Politik und Öffentlichkeit im Reichstag. Düsseldorf, 2004.
- Müller. 2012. - *Müller K. B.* Gedenken und Verachtung // Eschebach I. (Hrsg.). Homophobie und Devianz. Weibliche und männliche Homosexualität im Nationalsozialismus. Berlin, 2012. S. 115-138.
- Wagner. 1987. - *Wagner O.* Hitler aus nächster Nähe. Aufzeichnungen eines Vertrauten, 1929-1932. Kiel, 1987.
- Zinn. 2012. - *Zinn A.* Homophobie und männliche Homosexualität in Konzentrationslagern // Eschebach I. (Hrsg.). Homophobie und Devianz. Weibliche und männliche Homosexualität im Nationalsozialismus. Berlin, 2012. S. 79-96.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КПГ – Коммунистическая партия Германии
НСДАП – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия
СА – штурмовые отряды
СДПГ – Социал-демократическая партия Германии
ТАСС - Телеграфное агентство Советского Союза
ЦИК СССР – Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик

М.В. Михайлова

О ЖЕНСКОМ ВЗГЛЯДЕ НА ИСТОРИЮ

Рецензия на книгу: «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. О.Р. Демидовой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 262 с. (Эпоха войн и революций, вып. 2).

О незначительной представленности женских текстов в общем корпусе литературы, в разных жанровых формах освещающих те или иные исторические события, давно говорят и пишут специалисты по гендерным исследованиям (историки, филологи, философы). Однако, несмотря на то, что проблема введена в единый научный дискурс, положение дел за последние десятилетия если и изменилось, то не столь существенным образом, чтобы ее можно было считать разрешенной. Количественно корпус женских текстов подобного рода, введенных в научный и общекультурный оборот, до сих пор несопоставим с корпусом текстов мужских. Тем более значимым событием становится каждое издание, представляющее женский взгляд на историю. В книге, подготовленной к изданию известным исследователем О. Демидовой, собраны свидетельства российских женщин, несколько десятилетий хранившиеся в архивном собрании Колумбийского университета (Бахметевском архиве), об одном из самых драматических периодов отечественной истории.

Под одной обложкой объединены мемуарные и дневниковые свидетельства¹, оставленные для грядущих поколений авторами разного возраста, принадлежавшими к разным социальным и профессиональным слоям, получившими в силу этого различное воспитание и имевшими ко времени начала событий различный жизненный опыт. Объединяющими для авторов становятся гендерный и аксиологический факторы; для текстов – эстетический. Все авторы принадлежат ко «второму полу», и ни одна из них не сочла возможным принять предлагаемую новой властью систему ценностей или остаться пассивной свидетельницей событий, объектом воздействия внешних сил: все они, пройдя долгий и сложный путь борьбы, в конце концов, оказались в эмиграции, где, по прошествии более или менее длительного времени, и воссоздали события действительности (единственной исключением составляет дневник Е.Лакиер, который велся «по ходу» свершавшегося). Все тексты принадлежат к единой жанровой парадигме так называемой исповедальной прозы, позволяющей автору выразить свой взгляд на имевшие место явления и дать ему свою оценку, эксплицированную различными способами: от отбора и структурирования материала до портретных характеристик персонажей и оценок происходящего. И все они воссоздают обстоятельства женской жизни (женских жизней), обусловленные обстоятельствами актуальной истории и являющиеся ответом на ее вызовы. Взятые в целом, они, по справедливому мнению О.Демидовой, являют некую единую жизнь, прожитую и представленную как «историю изнутри».

Объединяющим фактором внешнего порядка являются сами события, о которых идет речь, хронологически охватывающие период от Февральской революции до окончательно-

---

¹ В книгу вошли пять текстов: «Воспоминания сестры милосердия (1917 – 1922)» В.П. Шелепиной; «Воспоминания» Н.А. Щербачевой; «Мои воспоминания» М.А. Сливинской; «Отрывки из дневника – 1917 – 1920» Е.И. Лакиер; «Воспоминания о давно прошедшем» А.В. Линден.

го расставания с Россией после поражения Белого движения. У каждой из мемуаристок была *своя* революция и *своя* Белая борьба (не только по типу их восприятия, но и по способу участия в происходящем), однако все они оказались вовлеченными в ход Большой Истории, так или иначе определившей малую жизненную историю каждой из них. Как отмечает О.Демидова, «каждая из мемуаристок пишет о том, что ей довелось пережить и прочувствовать, стремясь воспроизвести на бумаге то, что сохранила память, и тем самым воссоздавая (переживая заново и сохраняя для потомков) истории своих жизней, из которых, в свою очередь, складывается сложная мозаика Большой истории»².

Издание, предваренное подробной вступительной статьей, в которой не только представлены сведения биографического и текстологического характера, но и методология работы с подобного рода текстами, и снабженное развернутым комментарием, несомненно, будет представлять значительный интерес как для специалистов, так и для всех, интересующихся отечественной историей, в том числе и в ее гендерной ипостаси.

Мария Викторовна Михайлова
д.фил.н., профессор Кафедры русской литературы
XX века МГУ, академик РАН
mary1702@mail.ru

---

² «Претерпевший до конца спасен будет»: 14 (Демидова О.Р. Жизнь как «история изнутри»).

SUMMARIES

N.Yu. Bikeeva

The Letters of St. Radegund: social functions and rhetoric

This paper reveals the role and functions of letters of St. Radegund. The author specifies three groups of letters: intimate, "instrumental" and poetic messages to Constantinople. Letters have played an important role in the life of Radegund. Through her letters she influenced both Frankish and foreign policy, received relics, solved problems of her nunnery, communicated with a wide range of influential persons, and supported the "emotional" friendly relations.

A.B. Gerstein

The letters of the Imperial curia in the 13th c.: limitations and ways of persuasion

The article analyses the letters of the German emperor Frederick II of Hohenstaufen (the first half of the 13th c.) as a way of amplification of ideas about power, about intellectual face-off between the secular ruler and the Roman curia as well. The author looks into the work of those who prepared the drafts of the letters of the imperial court. Form, content and style of letters are also studied. The author tries to retrace how texts have been changed depending on its addressee. The author pays a good deal of attention to the dialogue of ideas, ways of persuasion, and competition of imperial and papal powers reflected in letters.

M.S. Neklyudova.

On the expediency of lacunae: *The Secret History* in the humanists' correspondence (late 16th – early 17th cc.).

Procopius of Caesarea's *Secret History* became known to the European learned community relatively late, only in the 15th and the 16th century. Its appraisal did not depend only on historiographical evaluation but rather on its relevancy for the current political situation. The article reconstructs some stages of this particular 'war over Procopius' which was waged between the Vati-

can and the antiquaries from France, England and Netherlands. It also traces the itinerary of the Secret History's circulation, both in full form and in separate pieces.

A.Yu. Seregina

Epistolary Practices and the representations of female piety in the 17th c. (Luisa de Carvajal and Mary Ward)

The article analyses women's representations of religious practices in letters, their functions and the impact of these representations on social practices, for instance, on the fate of the two 'radical' Catholic women of the 17th century – Luisa de Carvajal and Mary Ward.

A.V. Stogova

Epistolary communications of Englishmen in the second half of the 17th c.

Postal system was established in the 17th c. in a number of European countries, including Britain. The article analyses one of the aspects of the influence of the emerging state postal monopoly on the epistolary practices of private citizens. The rise of postal stamps and marks transformed the idea of address that had used to be intended for an addressee, not for a courier. An 'alienation' of the external side of the letter led to the changes in its appearance and in the understanding of the correlation between private and public aspects of this kind of communications, that had more influence over the practices of letter-writing among men.

O.V. Khavanova

Women petitioners in the context of patronage and corporate ethics in the Habsburg monarchy of the 18th century

The article is focused on the petitions of women – mothers, wives and widows – addressed to influential patrons, authorities and a monarch in the Habsburg monarchy of the early Enlightenment period. It has been shown that married women sent petitions only in cases where their social status was higher than that of their husbands, and they were better connected. Widows – with the help of their late husbands' colleagues – petitioned authorities for pen-

sions and one time grants, for stipends to study and official positions for their sons. The majority of the petitions were not composed by women themselves but rather by experienced lawyers who followed acceptable models. At the same time the high number of women's petitions testified to their sense of responsibility for families' fortunes and the promotion of inter-generation mobility.

O.R. Demidova

The epistolaria as the materialization of memory: the émigré version

The article deals with the phenomenon of émigré epistolaria based on an extensive number of Russian first-wave émigré letters, both published and unpublished, analyzed from historiographic, cultural, and aesthetic points of view. The author offers a possible systematized typology of émigré letters describing their formal and functional characteristics.

S.A. Ekshtut

Oh Anna L'vovna! Maid-of-honour Anna L'vovna Bode under the surveillance of the III Department

The article analyses three ways to control private lives of Russian female courtiers of the mid-19th c. exercised by the officials of the Imperial court and Emperor Nicholas I himself (a case study of the life of Anna L'vovna Bode, a maid-of-honour).

O.M. Morozova

Lily of the valley and the Terror: the Memoirs of the socialist revolutionary Vvedenskaya on the years 1918-1919 in Berdyansk

The manuscript of the socialist revolutionary Vvedenskaya, dated about 1922, became a source for the reconstruction of the left-radical consciousness in its female version. Protagonists of the article are the author of the manuscript and her friend Tamara Benoit, who acted as the leaders of The Berdyansk extraordinary commission in spring 1919. Reflections of Vvedenskaya of the content and purpose of the revolutionary terror helps understand how the contradiction between moral attitudes and the laws of the

revolutionary process were to coexist. The article reproduces the parts of the manuscript, where Vvedenskaya presents the portraits of Nestor Makhno and his prominent supporters, as well as pictures of the life of a provincial town in the years of revolution and civil war, the atmosphere of the underground organizations at the time of the White regime.

L.L. Selivanova

A “Bull,” an “Alexandrian Camel,” and the transformation of Greek athletics

The article examines the transformation of Greek amateur athletics into a professional sport at the end of the Classical period, and focuses on various negative aspects of that process, by establishing numerous parallels with current developments in professional combat sports. So far as it preserved its amateur character, Greek athletics remained an honest competition in strength and adroitness. The emergence of the class of professional athletes began the process of its degeneration, which continued until the Olympic Games were banned in A.D. 394.

V.A. Veremenko

“A fool in the house” - female domestic servants in the noble households of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries

The article describes the changes in domestic employment occurred as a result of the Great reforms. Such group of female domestic servants as housekeepers, nannies, nurses, cooks, and maids have been explored. Attention is drawn to the growth of the demand of the only servant instead of several persons. The author investigates the associated change of the position of a noblewoman in a household.

V.V. Vysokova

The Age of Enlightenment and the Rise of Historicism: Catherine Macaulay vs David Hume

The article is devoted to the establishment of the principle of historicism in the Enlightenment as an example of the ‘conflict of

interpretations' of the two versions of the British national stories in the middle – second half of the 18th c., represented in the works by David Hume and Catherine Macaulay. The author examined the relation of these to the studies of historical sources, to their opponents, as well as the practices of self-presentation. It is concluded that the significant contribution of David Hume to the formation of historicism. Catherine Macaulay's attempt to 'rewrite' the history of Hume from radical republican positions had not been successful in the long term. However, the opposition Hume-Macaulay in the British historiography has identified a new generation of historians who helped establish the principle of historicism in the historiographical practices of the 19th century.

A.M. Ermakov

Homophobia in the Soviet Anti-Fascist Propaganda in 1930s

Since 1930s various anti-fascist agencies used the accusations of homosexuality made against leaders of the Hitler movement as one of the propaganda techniques. Homophobia penetrated the Soviet propaganda during the preparations for the trial of the accused of Reichstag arson. In the USSR, these arguments were frequently used against Hitler Germany in 1933-1934; however, the reproaches addressed to Nazi leaders for their homosexuality or patronizing homosexuals had never been the main trend in the anti-fascist propaganda in the USSR. The nonaggression pact between the USSR and Germany helped to postpone the criticism of the Third Reich, but, after Germany attacked the USSR, the accusations of 'homosexual debauchery' laid against the Nazi resumed. The tendency to reinforce negative characteristics of the Nazi leaders by reproaching them for homosexual relations was developed in the Soviet historical writings and, in a softened version, is represented in up to date Russian historiography of national socialism.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ

В альманахе гендерной истории «Адам & Ева» публикуются различные материалы по гендерной исторической проблематике: исследовательские статьи и сообщения (включая публикацию источников), историографические и тематические обзоры, рецензии, научная хроника. К рассмотрению принимаются материалы по всем аспектам гендерной истории, без ограничений по хронологии и региону исследования.

Альманах выходит один раз в год (осенью). Объем каждого выпуска альманаха составляет около 20 а.л.

Все материалы, присланные в редколлегию, проходят внутреннюю рецензию. Материалы, оформленные не в соответствии с указанными ниже правилами, *не принимаются* к рассмотрению. При передаче рукописи статьи для опубликования в альманахе презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте альманаха в системе Интернет, а также данных об авторе (ФИО, место работы, должность, e-mail), аннотаций статьи на русском и английском языках и ее титула, списка использованных источников и литературы в отечественных и международных базах данных (РИНЦ, Web of Science, Web of Knowledge).

Прием статей и других материалов для публикации в альманахе осуществляется круглый год. Выпуски формируются из статей, присланных в редакцию до конца июня текущего года. Материалы можно высылать на электронный адрес редакции: genderhistory@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Объем статьи от 1 до 2 а.л. (40 000 — 80 000 знаков, включая пробелы между словами). Гарнитура текста — Times New Roman, кегль 11. Если Вам необходимо использовать особые символы, пожалуйста, пришлите дополнительные шрифты одновременно со статьей.

Вместе со статьей необходимо прислать:

- краткие (один абзац до 1 000 знаков) аннотации на русском и английском языках с заголовком, набранным строчными буквами;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- информацию об авторе (Ф.И.О., уч. степень и звание, место работы, должность, контактный телефон, e-mail).

В конце статьи необходимо привести список использованных источников и литературы в алфавитном порядке, а также список сокращений.

Иллюстративные материалы (карты, схемы, рисунки, фотографии) предоставляются в формате *.jpg (предпочтительно) или *.tif, *.bmp, *.gif.

Сноски даются в подстрочных постраничных примечаниях со сквозной нумерацией. Кегль 9,5. Источники и научная литература в библиографическом списке упорядочиваются по алфавиту отдельными списками. В библиографических описаниях просьба *не использовать* устоявшиеся аббревиатуры для обозначения изданий.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СНОСОК

Фамилия автора или краткое заглавие сборника. Год издания: страница

Иванов. 2008: 34.

Университет для России. 1997: 35.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750. Л. 5–9.

Ларошфуко. 1993: 39 (La Rochefoucauld. 1878: 104)

Patin. 2006. Lettre à C.Spon du 31.03.1649. V.1: 373–374.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИИ В СПИСКЕ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

✧ КНИГА — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название. Место издания. Год издания.

Вайнштейн. 2006 — *Вайнштейн О.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2006.

Монтень. 1960 — *Монтень М.* Опыты: в 3 кн. / Пер. и примеч. Ф.А. Коган-Берштейн, А.С. Бобовича. М., 1960. Т. II. (Литературные памятники)

Apps, Gow. 2003 — *Apps L., Gow A.* Male Witches in Early Modern Europe. Manchester, 2003.

✧ СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название статьи (без точки), две косые черты, название сборника, косая черта, редактор (инициалы, затем фамилия). Место издания. Год издания. Страницы.

Градскова. 2003 — *Градскова Ю.* «Освобождение женщины» – гендерный анализ репрезентаций женской телесности в годы культурной революции (по материалам журналов 1920-х годов) // Репрезентации телесности: сборник научных статей / Под ред. Г.И. Зверевой. М., 2003. С. 148–160.

Bruard-Arends. 2004 — *Bruard-Arends I.* De l’auteur à l’auteure, comment être femme de lettres au temps de Lumières // Intellectuelles : du genre en histoire des intellectuels / Sous dir. de N. Racine et M. Trebitch. P., 2004. P. 73–84.

✧ СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ — Фамилия автора и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название статьи (без точки), две косые черты, название журнала (полное или аббревиатура, вынесенная в общий список сокращений). Год издания. Том. Номер. Страницы.

Руднева. 2010 — *Руднева Я.Б.* Женские саморепрезентации в деловой документации начала XX века // Диалог со временем. 2010. Вып. 31. С. 98–131.

Schaps. 1982 — *Schaps D.* Women of Greece in Wartime // *Classical Philology*. 1982. Vol. 77. № 3. P. 193–213.

Редколлегия